

К 564

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н.А. Макаров
**НАСЕЛЕНИЕ
РУССКОГО
СЕВЕРА
В XI-XIII вв.**

По материалам могильников
восточного Прионежья

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. В. СЕДОВ

МОСКВА «НАУКА» 1990

ББК 63.4(2)
М 15

Рецензенты:

кандидаты исторических наук
Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ, М. В. СЕДОВА

Макаров Н. А.

М 15 Население русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья.— М.: «Наука», 1990.— 216 с. Илл.
ISBN 5-02-009506-0

Рассматривается история заселения северного Белозерья и Каргополья в XI—XIII вв. В основе исследования лежат материалы средневековых могильников, в особенности Кемского некрополя — дружинного могильника XI в. в северном Белозерье. Анализируются взаимоотношения славян и финнов, сложные этнические процессы, в результате которых сформировалось русское население региона. Археологические материалы позволяют восстановить своеобразную культуру Севера, сложившуюся в XI—XIII вв. в итоге взаимодействия славянских и финских элементов.

Для историков, археологов.

М 0504000000-128
042(02)-90 94-90-Кн. 1

ББК 63.4(2)

ISBN 5-02-009506-0

© Издательство «Наука», 1990

6638

Научное издание

Макаров Николай Андреевич
НАСЕЛЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА
В XI—XIII ВВ.

По материалам могильников восточного Прионежья

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художник Г. А. Камзолова
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор Ю. В. Серебрянова
Корректоры Л. А. Иванова, К. И. Келаскина

ИБ № 46035

Сдано в набор 14.12.89. Подписано к печати 18.04.90
Формат 70×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная импортная.
Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 15,79. Усл. кр. отт. 16,08. Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 800 экз. Тип. зак. 4131. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Введение

Освоение обширных северных территорий, лежащих между Онежским озером и Печорой, справедливо оценивается исследователями как одно из наиболее крупных явлений в истории средневековой Руси. Результатом этого процесса стали формирование на Севере постоянного русского населения и включение края в состав государственной территории Руси. Экономический подъем северных областей, основой которого явились становление земледельческого хозяйства и широкое развитие промыслов и торговли, сопровождался возникновением здесь самостоятельных культурных центров, имевших общерусское значение. Именно на Севере сложились наиболее благоприятные условия для сохранения многовекового культурного наследия Древней Руси.

Начальные этапы колонизации северного края, во многом определившие ее общую хозяйственную направленность, динамику и географию, относятся к древнерусскому времени. Какими же источниками располагает историк для их изучения? Источники эти немногочисленны. Среди них сведения по этногеографии Восточной Европы, содержащиеся в Начальной летописи, несколько летописных статей, рассказывающих о походах новгородцев в Заволочье и Приуралье, краткие упоминания об отдельных областях и городах Севера. Важнейшие данные о новгородских владениях на Севере заключаются в докончаниях Новгорода с князьями и Уставной грамоте Святослава Ольговича 1136 г. Все эти материалы были с исчерпывающей полнотой проанализированы А. Н. Насоновым, локализовавшим большинство пунктов, упомянутых в письменных документах, и реконструировавшим таким образом примерные контуры государственной территории Руси на Севере.

Письменные источники, позволяющие в общем виде судить о времени установления политической власти русских князей над северными областями и о соотношении новгородской и ростовской, а затем — новгородской и московской колонизации, содержат предельно скудную информацию об истории заселения Севера, экономической основе колонизации, этнических, демографических и социальных сдвигах, происходивших здесь в древнерусское время. Дефицит столь необходимой информации исследователи стремятся компенсировать путем ретроспективного использования письменных источников XIV—XVII вв. и возможно более полного привлечения данных топонимики, диалектологии, антропологии и этнографии. В общем комплексе источников слабее всего представлены пока археологические материалы, которые, казалось бы, должны играть ведущую роль при изучении раннесредневековой истории Севера.

Этот парадокс объясняется прежде всего тем, что археологические исследования средневековых памятников на территории современных

Архангельской и Вологодской областей начались сравнительно недавно. Вплоть до самого последнего времени единственным памятником, исследованным систематическими раскопками, оставалось летописное Белоозеро. Раскопки позволили восстановить историю этого города, являвшегося важнейшим центром славянского расселения на Севере, и дали богатейший материал для изучения славяно-финских взаимоотношений. Но чтобы представить общую картину колонизации Архангельского и Вологодского Севера, недостаточно материалов одного, пусть даже уникального, памятника. Раскопки Белоозера дали импульс для дальнейших полевых работ, которые значительно оживились в последние годы. Различными экспедициями открыты и исследованы средневековые памятники на Каргополье, на Сухоне, Ваге, Кокшенге, на Терском берегу Белого моря. Белые пятна, существовавшие на археологической карте Севера, постепенно исчезают.

В работе рассматриваются археологические материалы, происходящие из восточного Прионежья. На этой территории, прилегающей к Онежскому озеру и включающей бассейн трех крупных озер — Белого, Лача и Воже, поиски и раскопки средневековых памятников велись в 1970—1980-х годах наиболее активно, благодаря чему она оказалась самым изученным в археологическом отношении регионом Севера. Особый интерес к древностям восточного Прионежья обусловлен своеобразной культурно-исторической ситуацией, сложившейся здесь в X—XIII вв.

Вплотную примыкая к основному массиву древнерусских земель, восточное Прионежье раньше других областей Севера оказалось в зоне славянской колонизации. Белоозеро, являющееся историческим центром этого края, упомянуто летописцем в ряду древнейших русских городов. В Сказании о призвании варягов оно выступает как место княжения одного из братьев Рюрика. На территории восточного Прионежья, связанного удобными речными путями с Новгородом и Верхним Поволжьем, находились важнейшие волоки, которые открывали дорогу на север и восток — в бассейн Онеги и Северной Двины. Восточное Прионежье стало, таким образом, «воротами» Севера, через которые проходило значительное число переселенцев из Новгородской и Ростово-Суздальской земель, направлявшихся в Заволочье. Есть основания считать, что и сами белозерцы принимали деятельное участие в колонизационном движении.

С другой стороны, летописец помещает на Белоозере одно из финно-угорских племен — весь. Восточное Прионежье лежит за пределами ареалов сопок и длинных курганов — погребальных памятников, с которыми большинство исследователей связывает начальные этапы славянского расселения на территории Северо-Западной Руси. Несмотря на относительную близость восточного Прионежья к центрам формирования «классической» древнерусской культуры, уже первого знакомства с древностями этого региона достаточно, чтобы убедиться в их культурном своеобразии, сохранившемся не только в X—XI, но и в XII—XIII вв. В культуре восточного Прионежья отчетливо выражены финно-угорские черты.

Яркий и значительный по объему материал, полученный в 1978—1985 гг. в результате полевых исследований Онежско-Сухонской экспеди-

ции Института археологии АН СССР в восточном Прионежье, впервые открывает возможность восстановить реальную картину формирования населения одного из регионов русского Севера в XI—XIII вв. Эту задачу и ставит перед собой автор в предлагаемой работе.

Проведение масштабных раскопок на Севере было бы невозможно без помощи и содействия многих лиц. Считаю своим долгом выразить благодарность С. В. Ошибкиной, в экспедиции которой мне впервые была предоставлена возможность вести поиски средневековых могильников на Каргополье, и Л. А. Голубевой, советы которой помогли выработать общий план разведок на Белозерье. Я признателен также своим товарищам по экспедиции: Е. Е. Абехтикову, Л. В. Алексеевой, В. Н. Гусарову, А. И. Дивнову, В. М. Ивакину, А. Б. Иванову, Е. И. Осиповой, Л. Е. Перевезенцевой, Н. В. Проплетиной, Д. С. Прасолову, Е. А. Шамонтьеву, А. В. Чуеву, проявившим самоотверженность и энтузиазм в нелегких полевых условиях. Особая благодарность — С. А. Сидорову, на плечи которого ложилась практическая часть работ по организации раскопок. Большой вклад в работу экспедиции внес Н. А. Кренке, наблюдения которого помогли интерпретировать многие полевые материалы. Реставрация находок была проведена О. М. Даниловой и А. В. Григорьевым; определение пола и возраста погребенных по антропологическим остаткам — Г. П. Романовой; остеологические материалы определены В. П. Данильченко; западноевропейские монеты — А. С. Беляковым. Рисунки для настоящего издания выполнены Е. Е. Абехтиковым и Н. С. Сурвилло. Всем им я также выражаю свою признательность.

Археологические памятники XI—XIII вв. в восточном Прионежье и их изучение

Территория восточного Прионежья охватывает бассейны озер Белое, Воже и Лача. Это обширная равнина, в одних местах всхолмленная, в других — волнистая или плоская. С запада она ограничена полосой возвышенностей, тянущихся от верховьев Ояги до среднего течения Онеги, с востока — цепочкой гряд и возвышенностей на водоразделах Онеги и Ваги, Шексны и Сухоны. Восточное Прионежье называют иногда озерным краем. Действительно, эта территория представляет собой ряд низменностей, наиболее пониженные участки которых заняты крупными остаточными озерами. Здесь близко сходятся верховья рек Каспийского, Балтийского и Беломорского бассейнов.

Центральное место на карте восточного Прионежья занимает Белозерская низина с Белым озером. Озеро это принадлежит к числу крупнейших в Европе, площадь его водного зеркала более 1 тыс. кв. км. Из Белого озера вытекает р. Шексна, связывающая его с Волжской речной системой. Кирилловско-Белозерская гряда отделяет Белозерскую низину от Пришекснинской с юга и от Лача-Воже-Кубенской — с северо-востока. Озера Воже и Лача по площади водного зеркала уступают Белому более чем в два раза. Озера вытянуты в меридиональном направлении, соединяются р. Свидь и дают начало речной системе Онеги.

Восточное Прионежье входит в подзоны средней и южной тайги. В настоящее время 60—85% территории заняты лесами¹, в древности площадь лесов была еще больше. Равнинный рельеф, близость к поверхности грунтовых вод, климатические особенности и характер растительности обусловили широкое развитие процессов заболачивания. В районе Белого озера и р. Ковжа на долю болот приходится 27%, а в Вожеозерской низменности — 28% всей территории². Заболочены не только слабо дренированные участки водоразделов, но и озерные побережья.

Восточное Прионежье было заселено человеком еще в эпоху мезолита³, однако природная среда наложила существенный отпечаток на характер заселенности. С древнейших времен население концентрировалось вблизи крупнейших озер, обычно в приустьевых частях впадавших в них рек, тогда как остальная часть территории оставалась не освоенной. Характерно, что и в настоящее время заболоченные и залесенные водоразделы заселены слабо, а доля площади сельскохозяйственных угодий в различных районах восточного Прионежья колеблется от 5 до 15%⁴.

По административному делению XVI в. северная часть восточного

Прионежья, включая бассейн оз. Лача и низовья р. Свидь, относилась к Каргопольскому уезду, а южные районы — к Белозерскому⁵. В XVII в. район, прилегающий к оз. Воже, выделился в самостоятельную административную единицу — Чарондскую округу⁶. Весьма вероятно, что начало политико-административной обособленности лачаозерских территорий от Белозерья восходит еще к XIII—XIV вв.⁷ Однако, как мы увидим ниже, археологические памятники восточного Прионежья XI—XIII вв. в культурном отношении характеризуются значительным единством, что дает основание рассматривать регион как единое целое.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДО 1970-х ГОДОВ

Интерес к средневековым древностям Белозерской округи появился у исследователей еще в первой половине XIX в. З. Д. Ходаковскому было известно о существовании сопки под Белозерском (у д. Росляково)⁸. Эту сопку, получившую название «курган Синеуса», осмотрел в 1847 г. во время поездки в Белозерский край С. П. Шевырев. С. П. Шевырев посетил также урочище Старый город у истока Шексны, где легенды и местные летописцы помещали древнее Белоозеро, и подробно описал местность⁹. В 1853 г. появилась анонимная публикация, посвященная курганам близ г. Белозерск. Ее автор отметил, что у д. Росляково имеется две сопки, и сообщил о находках костей в одной из них. Сооружение курганов он связал с известным по летописи столкновением новгородцев с суздальцами в Заволочье в 1169 г.¹⁰

Вероятно, эти публикации и побудили Археологическую комиссию провести первые раскопки на Белом озере. В 1860 г. Я. М. Лазаревский и Ю. Б. Иверсен обследовали северный берег озера в районе Киснемы, рассчитывая найти здесь место древнейшего Белозерска, и произвели раскопки двух курганов в Старом городе и «Синеусова кургана» у д. Росляково. В насыпях Старого города были найдены лишь безымянные труположения с западной ориентировкой, а в кургане у д. Росляково погребения вообще не были обнаружены¹¹. После этих раскопок полевые исследования в Белозерской округе не проводились вплоть до 1920-х годов.

В 1892 г. в печати появилось сообщение Е. В. Барсова о раскопках курганов в среднем течении Шексны. Ни вещей, ни погребений при этих раскопках найдено не было, что вызывает сомнения в искусственном происхождении насыпей¹².

В обзоре археологических памятников Новгородской губернии А. А. Спицын отметил, что «в Белозерском и Кирилловском уездах курганов вовсе неизвестно. Раскопки большого Белозерского кургана, произведенные в 1860 г., показали, что это скорее насыпь естественного происхождения»¹³.

Сбор сведений о средневековых памятниках Лачаозерского района начинается в 1860—1870-х годах. Первое упоминание о существовании «чудских памятников» на территории Каргополя появилось в печати в 1867 г.¹⁴ Некоторые материалы, собранные в 1870-х годах волостными правлениями, публиковались в Олонецких губернских ведомостях¹⁵.

В 1898—1899 гг. Археологическая комиссия вела переписку с преподавателем каргопольского духовного училища Д. Березкиным о возможных раскопках «курганов или древних могил» в этом районе. Однако, по заключению Археологической комиссии, курганы, намеченные к раскопкам Д. Березкиным, были «недостаточно определенными» и могли оказаться естественными возвышенностями; раскопки так и не были проведены¹⁶. Лишь в 1924 г. директор Каргопольского музея Г. П. Сергиевский произвел любительские раскопки средневекового могильника Попово на Лача-озере, но вещи из этих раскопок не сохранились, а краткое сообщение о работах¹⁷ осталось не замеченным археологами-профессионалами.

Полевые исследования активизировались в конце 1920-х — 1930-х годах. В 1927 г. М. Е. Арсакова раскопала пять насыпей в курганной группе у д. Болтинская на р. Кема, известной еще по сводке И. С. Романцева¹⁸. В 1929 г. В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов обследовали территорию Старого города и зафиксировали здесь мощный культурный слой с керамикой и вещами X—XII вв., распространяющийся вдоль берега реки на 1 км. Маршрут разведки Г. П. Гроздилова прошел по южному берегу Белого озера и берегам Шексны в верхнем ее течении, но других средневековых памятников на этой территории ему обнаружить не удалось¹⁹. Более результативными были разведки, проведенные в Белозерье в 1939—1940 гг. П. А. Суховым. Сухов открыл поселение у д. Городище (Крутик)²⁰, которое в настоящее время, после широких раскопок 1970-х годов, может рассматриваться как эталонный памятник белозерской веси IX—X вв. Осмотрев курганообразные возвышения в верховьях Шексны и на Белом озере, П. А. Сухов сделал вывод, что это природные образования. Кроме того, П. А. Сухов собрал сведения о некоторых грунтовых могильниках Белозерья, но ошибочно датировал их поздним временем²¹.

Вторая половина XIX — первые десятилетия XX в. — эпоха массовых раскопок древнерусских курганов. Огромный материал, полученный в ходе этих раскопок, вплоть до настоящих дней является основным источником для изучения культуры древнерусской деревни, характеристики этнического состава населения различных областей Руси, выделения территорий летописных племен. Мы видим, что в этот период полевые работы в восточном Прионежье не пошли дальше самых первичных обследований средневековых памятников.

Интенсивные полевые исследования начались здесь лишь в послевоенное время и связаны в первую очередь с работами Белозерской экспедиции Государственного Исторического музея и Института археологии АН СССР, руководимой Л. А. Голубевой. Главным объектом раскопок стал Старый город — Белоозеро у истока Шексны. Итоги исследований, проводившихся с перерывами с 1949 по 1965 г., подведены в специальной монографии Л. А. Голубевой²². Пристальное внимание, уделенное этому памятнику, вполне оправданно, оно объясняется не только особой ролью Белоозера как исторического центра восточного Прионежья, но и исключительным богатством его культурного слоя, насыщенного древними вещами и обладающего прекрасной сохранностью. Именно материалы раскопок Белоозера послужили основой для характеристики культуры белозерской веси в X—XII вв. и общей оценки этнокультурной ситуации в

регионе в этот период. Продолжая полевые исследования памятников Белозерья, Л. А. Голубева провела в 1974—1981 гг. широкие раскопки поселения Крутик у д. Городище, где хорошо представлен культурный слой второй половины IX — первой половины X в., отсутствующий в Белоозере²³.

В 1940—1960-х годах наметился некоторый сдвиг в изучении погребальных памятников восточного Прионежья. В 1949 г. Л. А. Голубева обследовала место находки костей и средневековых вещей в Киснеме, на северном берегу Белого озера, и обнаружила здесь грунтовой могильник XI в.²⁴ В 1959 г. А. Я. Брюсов, исследовавший памятники эпохи первобытности в бассейне оз. Воже, обнаружил бескурганное средневековое погребение на территории д. Погостище²⁵. В 1969 г., также во время разведок памятников неолитического времени, С. В. Ошибкиной открыт еще один средневековый могильник — Крохинские Пески²⁶. В 1963 г. Л. А. Голубева изучила спивелированную курганную насыпь с двумя погребениями XI в. в Белоозере. Специальные разведки, целью которых было выявление средневековых могильников, были предприняты в 1959—1961, 1964 и 1966 гг. Н. В. Тухтиной²⁷. В пределах рассматриваемой территории Н. В. Тухтина обследовала более десятка грунтовых могильников, одни из которых относятся к XI—XIII вв., а другие — к позднему средневековью. Наиболее интересные результаты были получены при раскопках могильников Погостище, Киснема и Торова, в которых изучено 10 погребений. Разведки Н. В. Тухтиной подтвердили справедливость мнения А. А. Спицына и П. А. Сухова об отсутствии курганов в Белозерской округе: здесь была зафиксирована лишь одна курганная группа, известная еще по раскопкам М. Е. Арсаковой.

Поиски поселений с культурным слоем XI—XIII вв. в восточном Прионежье в 1940—1970-х годах вели Л. А. Голубева, М. В. Фехнер, А. В. Никитин, В. В. Гарновский, Н. В. Гуслистов²⁸. Разведки оказались малорезультативными — в большинстве обследованных пунктов найдена лишь позднесредневековая керамика.

К середине 1970-х годов на территории восточного Прионежья было известно около двух десятков памятников и местонахождений XI—XIII вв. Летописное Белоозеро, подвергнутое широким раскопкам, резко контрастировало по изученности с остальными памятниками региона, данные о которых были крайне фрагментарными.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1970—1980-х ГОДОВ

Систематические поиски средневековых поселений и могильников были начаты мною в 1978 г. Первоначально работы велись в составе Северной новостроечной экспедиции, а в 1981 г. для изучения средневековых памятников была организована Онежско-Сухонская экспедиция Института археологии АН СССР. В течение восьми полевых сезонов пешими маршрутами и на лодке были обследованы побережье Белого озера, верховья Шексны и отдельные участки ее среднего течения, ниже и среднее течение Кемы, а также большинство малых и средних рек,

впадающих в Белое озеро. Обследовались и берега других озер, которыми изобилует край, — Ворбозомского, Андозера, Сотозера, Ковжозера, Дружинского, Пушторского, Роксомского, Волоцкого, Перешного, Никольского, Ферапонтовского, Покровского, Сиверского, а также берега рек Модлона и Порозовица и их притоков. Разведки охватили и Лачаозерский бассейн, поиски средневековых памятников в котором ранее почти не предпринимались: обследованы восточный берег озера и берега впадающих в него рек в нижнем их течении, а также р. Свидь и верховья Онеги. Наиболее сложным для обследования оказался болотистый труднодоступный район оз. Воже, однако и здесь удалось осмотреть почти все удобные для обитания участки побережья и заложить шурфы в наиболее перспективных точках.

Проводя разведки в восточном Прионежье, трудно надеяться на выявление всех памятников, некогда существовавших в регионе. Дело не только в том, что поселения и могильники, за редкими исключениями, лишены ярко выраженных наземных признаков. В Лачаозерском и Вожеозерском бассейнах разведкам препятствуют сильная залесенность и заболоченность берегов озер и рек. Памятники южной части региона — бассейна Белого озера и Шексны — пострадали в 1843—1846 гг. при реконструкции Марининской системы и особенно сильно — в 1964 г., когда в связи с созданием Волго-Балтийского водного пути уровень воды был поднят на 2—2,5 м и низкие участки береговых террас оказались затоплены. Тем не менее, разведки 1978—1985 гг. были весьма результативными: обследовано более 80 памятников, 69 из которых обнаружены впервые.

Среди вновь обнаруженных памятников преобладают селища. Как правило, они располагаются на невысоких озерных и речных террасах и имеют тонкий (0,1—0,4 м) культурный слой. Почти все селища нарушены многолетней, а иногда и многовековой распашкой. В бассейне Белого озера большинство из них, кроме того, подтоплено и размыто. Следы построек на селищах не сохранились, керамика сильно измельчена. Фиксация селищ позволяет восстановить систему расселения, существовавшую в регионе, дает возможность выявить закономерности в топографии и ландшафтной приуроченности поселений и определить их размеры²⁹. Селища могут быть датированы по керамическому материалу с опорой на керамические комплексы Белоозера и поселения Крутик, хронология которых хорошо разработана. Однако сильная нарушенность культурного слоя делает эти памятники малоперспективными для стационарных раскопок. Поэтому наши работы на селищах ограничивались топографической съемкой и шурфовкой, и лишь в отдельных случаях производились рекогносцировочные раскопки.

В результате разведок 1978—1985 гг. было установлено, что основным типом погребальных памятников в восточном Прионежье являются грунтовые могильники. Из 16 могильников, известных здесь в настоящее время, девять было открыто в 1978—1985 гг. или впервые получило в это время правильную хронологическую атрибуцию. Именно могильники были избраны главными объектами стационарных исследований. Раскопки были проведены на девяти могильниках со 134 погребениями, четыре могильника вскрыты полностью.

Исследование могильника начиналось обычно с закладки разведочных траншей на месте случайной находки костей или средневековых украшений. Иногда, не располагая сведениями о подобных находках, мы закладывали траншеи вблизи селищ XI—XIII вв. на небольших возвышенностях, которые, как выяснилось в ходе разведок, чаще всего использовались для захоронений. После выявления первых погребений могильник вскрывался сплошной площадью. Как правило, погребения в могильниках восточного Прионежья залегают на очень небольшой глубине, нередко — на контакте пахотного слоя и материка. В этих случаях могильные ямы не прослеживались, и лишь обнаружив кости под снятым грунтом, можно было перейти к расчистке погребения. При небольшой глубине залегания часть захоронений неизбежно оказывалась нарушенной, и помимо костяков, лежавших в анатомическом порядке, на площадке могильника встречались разрозненные кости и вещи, смещенные со своих первоначальных мест распашкой или в силу других причин. В процессе раскопок мы стремились точно фиксировать местоположение всех разрозненных костей. Впоследствии этот материал просматривался антропологом, что позволяло установить число полностью нарушенных погребений на площадке могильника. Ясно, однако, что связь вещей, найденных в пахотном слое среди разрозненных костей, с тем или иным погребением восстанавливается лишь предположительно.

Хорошая сохранность антропологического материала выгодно отличает могильники восточного Прионежья от памятников большинства других областей европейского Севера, в том числе от вымских могильников, могильников Важского бассейна, Карелии и Финляндии. Она дала возможность точно фиксировать в ненарушенных погребениях положение костяков, размещение инвентаря и расположение украшений и, что особенно важно, определить пол и возраст погребенных.

Среди памятников, исследованных Онежско-Сухонской экспедицией, особое место занимает Кемский некрополь (Никольское III), известный в литературе как курганная группа у д. Болтинская (ныне не существующей). Неожиданные результаты первых пробных раскопок 1981 г., в ходе которых был зафиксирован своеобразный погребальный обряд и найдены редкие в древнерусских погребениях XI в. оружие и предметы импорта, побудили нас провести возможно более широкие раскопки памятника. Раскопки были начаты по традиционной методике, с полным вскрытием насыпей и ровиков, однако в процессе работ выяснилось, что рядом с курганами находятся бескурганные захоронения в грунтовых ямах, и мы были вынуждены перейти к раскопкам площадью. К сожалению, полностью реализовать этот принцип не удалось, так как памятник находился в густом лесу. Тем не менее, за четыре полевых сезона могильник был вскрыт почти целиком: исследовано 50 подкурганных погребений и 23 бескурганных. В погребениях найдено более 70 западноевропейских монет.

Одновременно с нами полевые работы в регионе вели О. В. Овсянников, обследовавший в 1981 г. три разрушенных погребения в Тихманге на западном берегу оз. Лача³⁰, и А. Н. Башенькин, производивший разведки в среднем течении Шексны, в районе Череповца³¹.

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАТЕРИАЛА И ПРОБЛЕМАТИКА РАБОТЫ

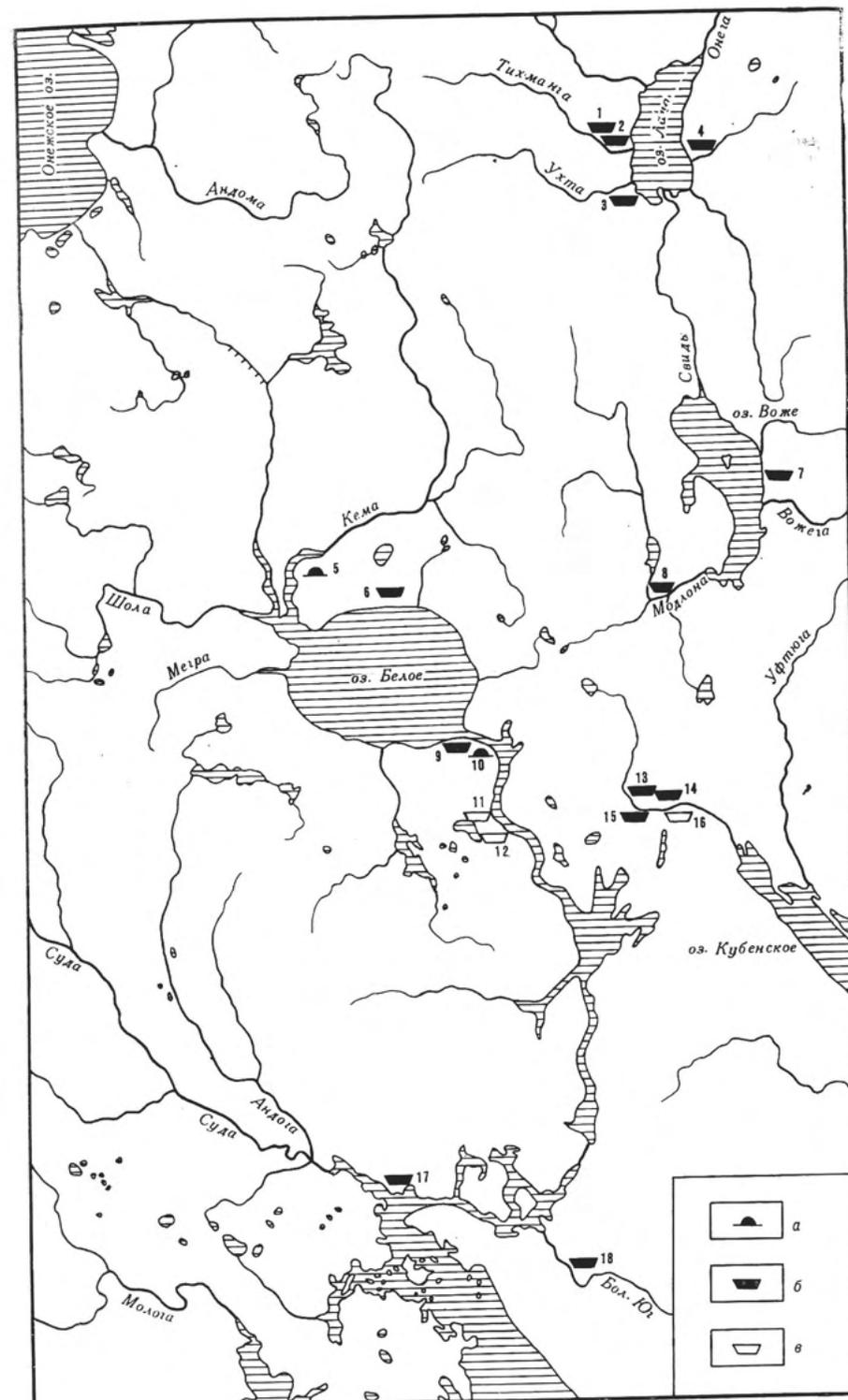
В восточном Прионежье известно сейчас 18 погребальных памятников древнерусского времени (рис. 1), четыре из них находятся в бассейне оз. Лача, два — в бассейне оз. Воже, восемь — в бассейне Белого озера и Шесть — в бассейне Порозовицы. Раскопки проводились на 15 памятниках, среди которых 13 грунтовых могильников, некрополь Никольское III на Кеме с подкурганными и бескурганскими погребениями и одиночный курган в Белоозере. Полностью раскопаны могильники Попово и Горка на Лача-озере; Нефедьево IA и Шуйгино в бассейне Порозовицы; почти полностью — Кемский некрополь, где вскрыта площадь около 3 тыс. кв. м и раскопано 37 курганов из 43, составляющих группу. Всего в регионе исследовано 242 погребения. Систематизация и анализ этого материала и являются первоочередными задачами настоящей работы*.

Структура работы в значительной степени продиктована самим материалом. Отдельные главы посвящены систематическому описанию погребального обряда, бытовых вещей и орудий труда, найденных в погребениях, украшений и деталей одежды. Рассмотрев эти материалы и сопоставив их с древностями других областей севера Восточной Европы, мы можем дать общую характеристику культуры восточного Прионежья, выявить ее специфические черты, установить роль различных компонентов, принимавших участие в ее формировании.

Хронологические рамки работы определяются хронологией исследованных памятников, древнейшие из которых относятся к началу XI в., а наиболее поздние — к первой половине — середине XIII в. Таким образом, временные рамки соответствуют начальному периоду освоения северных окраин славянами, исключая самый ранний его этап, относящийся, по-видимому, к IX—X вв. и слабо отразившийся в археологических материалах.

* При ссылках на материалы исследованных могильников в тексте работы приняты следующие сокращения: Тихманга — Тих.; Горка I — Гр.; Попадьино — Пид; Попово — Пп.; Погостище — Пг.; Никольское III (Болтинская) — Ник. III; Киснема — Кис.; Белоозеро — БО; Крохинские Пески — КИ; Нефедьево IA — Неф. IA; Нефедьево IB — Неф. IB; Шуйгино I — Шг.; Минино — Мин.; Торово — Тор.; курган — к.; погребение — п. Если раскопки памятника велись разными экспедициями в разные годы и погребения не имеют единой нумерации, при ссылках указывается год раскопок. В ссылках на материалы некрополя Никольское III курганы, исследованные в 1927 г. М. Е. Арсаковой, обозначены как к. А-1, к. А-2 и т. д.; для курганов, раскопанных в 1981—1985 гг., год раскопок не указан, они обозначены к. 1, к. 2 и т. д.; при ссылках на бескурганные погребения этого памятника принято сокращение г. м. — грунтовой могильник. Отсутствие номера погребения при ссылке на материалы могильника означает, что предмет найден вне комплекса.

Рис. 1. Погребальные памятники XI—XIII вв. в восточном Прионежье
а — курганы; б — грунтовые могильники, исследованные раскопками; в — грунтовые могильники, не исследованные раскопками; 1 — Тихманга; 2 — Горка I; 3 — Попадьино; 4 — Попово; 5 — Никольское III; 6 — Киснема; 7 — Баркановская; 8 — Погостище; 9 — Крохинские Пески; 10 — Белоозеро; 11 — Пупково; 12 — Волохово; 13 — Нефедьево IB; 14 — Нефедьево IA; 15 — Шуйгино; 16 — Благовещение; 17 — Торово; 18 — Минино

Круг проблем, связанных с погребальными памятниками Севера, включает прежде всего вопрос об этническом составе населения северных областей. Этническая принадлежность средневековых погребений восточного Прионежья была впервые рассмотрена Л. А. Голубевой, располагавшей данными о 26 бескурганых и шести подкурганых ингумациях XI—XIII вв. Исследовательница пришла к выводу, что бескурганые захоронения принадлежат белозерской вети, в большей или меньшей степени славянизированной³². Тем не менее, Л. А. Голубева не абсолютизировала тезис о финской принадлежности всех бескурганых погребений и, проанализировав материалы Киснемы, остававшейся до 1970-х годов самым изученным могильником, сделала заключение о связи памятника со славянской этнической средой³³. Более категорично высказалась в пользу весской принадлежности погребений в грунтовых могильниках Белозерья Н. В. Тухтина³⁴.

На современном этапе исследований было бы недостаточно ограничиться лаконичной характеристикой погребений как финских или славянских. Мы располагаем возможностями для более конкретных этнических определений. В последнее десятилетие в работах Е. А. Рябинина, В. А. Назаренко, О. В. Овсянникова наметился дифференцированный подход к финно-угорским древностям Севера³⁵. Действительно, финно-угорский элемент в культуре ряда областей Севера, в том числе восточного Прионежья, при детальном анализе оказывается неоднородным, он разделяется на несколько гетерогенных компонентов с различными этническими и ареальными атрибутами. Иными словами, финно-угорское население восточного Прионежья не было единым в этническом отношении. Неодинаковым оказывается на разных памятниках и сочетание славянского и финского элементов. Следовательно, смешение славян и финно-угров в разных микрорегионах протекало по-разному. На основании имеющихся материалов можно, с одной стороны, выделить основные тенденции этнокультурных процессов, с другой — представить этнические особенности отдельных древних коллективов, обитавших в восточном Прионежье.

Этнокультурные процессы с наибольшей полнотой поддаются реконструкции по материалам погребальных памятников. Но этим не исчерпываются проблемы, исследование которых эти материалы делают доступными. Широкие раскопки могильников открыли известную перспективу для изучения вопросов, связанных с историей заселения восточного Прионежья. С появлением конкретных данных о численности древних коллективов, о продолжительности существования могильников и соответствовавших им поселений, о географическом размещении памятников и концентрации их в различных ландшафтных зонах становится возможным в какой-то мере представить реальное содержание миграционных, демографических и социальных процессов, для обозначения которых используется понятие «освоение». Возникает возможность для оценки уровня экономического развития региона и характеристики социальной природы обитавших здесь коллективов. Наконец, результаты раскопок Кемского некрополя заставляют обратиться к вопросу о формах государственного контроля над освоенными северными территориями.

Рассмотренный материал может быть использован при разработке

ряда сюжетов, которые в настоящем исследовании оставлены не затронутыми. Среди них — история водно-волоковых путей Севера, вопрос об участии Новгорода и Ростова в колонизации, вопрос о соотношении различных колонизационных потоков и политических границ. Это — темы специальных исследований, для раскрытия которых целесообразно выйти за географические рамки одного региона.

Обращаясь к археологическим материалам как к основному источнику для исторических реконструкций, не следует ограничиваться ими и недооценивать значение письменных источников — летописей, агнографических сочинений, трактатов арабских географов. Хотя содержащиеся в них сведения сами по себе не могут явиться основой для развернутого исследования по этнокультурной истории, они дают общие ориентиры, позволяющие представить этнический облик населения восточного Прионежья в различные периоды и скорректировать выводы, полученные путем анализа археологических данных.

¹ *Абрамова Т. Г., Козлова Г. И.* Геоботаническое районирование Вологодской обл. // Природное районирование Вологодской обл. для целей сельского хозяйства. Вологда, 1970. С. 191—195.

² Там же. С. 192, 195.

³ *Отшибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья. М., 1983. С. 265—280.

⁴ *Абрамова Т. Г., Козлова Г. И.* Геоботаническое районирование... С. 191—195.

⁵ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 14, 15. Прилож. С. 10, 14; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 8.

⁶ *Богословский М. М.* Земское самоуправление... С. 27, 28. Прилож. С. 59, 60; *Копанев А. И.* История феодального землевладения... С. 83.

⁷ Из летописной статьи 1378 г., повествующей о заточении на оз. Лача некоего попа, являвшегося доверенным лицом московского тысяцкого И. В. Вельяминова (ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 43), можно сделать вывод о принадлежности Лача-озера в 1370-е годы московскому князю. В. А. Кучкин полагает, что эта территория отошла к Москве вместе с другими землями Белозерского княжества (см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 307), но прямых указаний на это в источниках нет. Против предположения В. А. Кучкина свидетельствует тот факт, что при дроблении Белозерского княжества Лача-озеро не выделилось в самостоятельный удел, а земельные владения белозерских удельных князей на этой территории в XIV—XVI вв. неизвестны (см.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 39—44, 157—169).

⁸ *Ходаковский З. Д.* Сопки // РИС. М., 1844. Т. 7. С. 369.

⁹ *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М., 1850. С. 60, 87.

¹⁰ О курганах Новгородской губернии: Курганы близ города Белозерска // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1853. № 415. С. 257—366.

¹¹ *Лазаревский Я. М., Иверсен Ю. Б.* Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска // Архив ЛОИА. Ф. 1. № 15/1860. Л. 19, 20.

¹² *Барсов Е. В.* Княжий городок на р. Шексне // Тр. VII АС. М., 1892. Т. 2. С. 213, 214.

¹³ *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. VI: Новгородская губерния // ЗРАО. СПб., 1897. Т. 9, вып. 1/2. С. 248.

¹⁴ Чудские памятники и предания о панах // Памятная книжка Олонекской губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 110—112.

¹⁵ Городки и городища, земляные насыпи и курганы или древние могилы в Олонекской губернии // ОГВ. 1873. № 72.

Погребальный обряд

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ

Топография могильников весьма выразительна. Как правило, для них выбирали дюны или озы, расположенные на небольшом удалении от реки, или возвышенные участки берега непосредственно у воды. Хотя высота могильников над уровнем воды составляла обычно всего 3–5 м, они тяготели к наиболее возвышенным точкам равнинных озерно-ледниковых ландшафтов, в зоне которых концентрируются средневековые памятники, и располагались на 0,5–1,5 м выше, чем поселения (табл. I, 2; II, 1). Подобное расположение было обусловлено, возможно, не только стремлением устроить могильник на сухом, незатапливаемом участке местности, но и какими-то религиозными представлениями.

Могильники находились в плотно заселенных микрорегионах. Около восьми из них выявлены соответствовавшие им поселения. Расстояние между поселением и могильником всегда было небольшим, нередко могильник примыкал к селищу почти вплотную (Гр.; Неф. IA; Шг.; табл. I, 2; II, 1). Могильник Крохинские Пески находится в 170 м от летнего Белоозера, Киснема — рядом с крупнейшим поселением на северном берегу Белого озера. Это некрополи двух наиболее значительных центров Белозерской округи. Остальные могильники располагались рядом с небольшими селищами. Вблизи могильников Попадьино и Погостище зафиксировано по одному селищу; вблизи могильников Горка и Шуйгино — по два; рядом с холмом, на котором располагались могильники Нефедьево IA и IB, локализуется три селища. Небольшие размеры и тесное соседство близких по времени могильников (например, Неф. IA и IB; Шг.) заставляют считать их некрополями одного-двух поселений, а не всех поселений того или иного микрорегиона.

Наиболее крупные и полно раскопанные могильники имели, по-видимому, рядную планировку. В Горке прослеживается пять сравнительно правильных рядов погребений, тянущихся с юго-запада на северо-восток. Этот порядок нарушало лишь одно погребение, ориентированное в направлении юг–север и находившееся вне рядной системы (табл. I, 4). В могильнике Нефедьево IA можно выделить четыре ряда погребений, вытянутых с севера на юг (табл. II, 2), в могильнике Шуйгино — два или три ряда (табл. I, 1). Некоторые погребения этих могильников оказываются вне рядной системы, хотя и устроены с учетом общего расположения захоронений. Возможно, это первые погребения тех рядов, которые не получили продолжения. Рядное расположение могил прослежено также в могильниках Крохинские Пески (на участке, вскрытом в 1969 г.,—

- ¹⁶ Заявление преподавателя Каргопольского духовного училища Д. Березкина о необходимости исследования Каргопольского детинца // Архив ЛОИА. Ф. 1. № 277/1898. Л. 1–5 об.
- ¹⁷ Сергиевский Г. П. Экскурсия на реку Кинему // Север. 1927. № 2 (6). С. 181–184.
- ¹⁸ Голубева Л. А. Кемские курганы // СА. 1969. № 3. С. 261, 262.
- ¹⁹ Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. S. 124–126; Гроздилов Г. П. Отчет по палеоэтническому обследованию в Череповецком округе // Архив ЛОИА. Ф. 2. № 126/1929. Л. 1, 2.
- ²⁰ Сухов П. А. Славянское городище IX–X вв. в южном Белозерье // МИА. М.; Л., 1941. № 6. С. 89–92.
- ²¹ Сухов П. А. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском р-не в 1939 г. // Архив ЛОИА. Ф. 35. № 41/1939. Л. 7, 8.
- ²² Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 57–198.
- ²³ Предварительные публикации материалов раскопок: Golubeva L. A. The White Lake Area and the Volga water-way // Fenno-ugri et Slavi, 1978. Helsinki, 1980. P. 42–48; Голубева Л. А. Новые скандинавские находки в Белозерье // СА. 1982. № 3. С. 227–229; Она же. Литейное дело на поселении Крутич // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1988. Ч. 1.
- ²⁴ Голубева Л. А. Могильник X – середины XI в. на Белом озере // СА. 1961. № 1. С. 201–215.
- ²⁵ Брюсов А. Я. Финские погребения X–XI вв. в д. Погостище Кирилловского р-на Вологодской обл. / КСИА. М., 1969. Вып. 120. С. 81–83.
- ²⁶ Ошибкина С. В. Могильник Пески в Вологодской обл. // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 65–69.
- ²⁷ Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 120–140; Она же. Отчет о работе Белозерской экспедиции ГИМ в Вологодской обл. в июле-августе 1959 г. // Архив ИА. Р-1. № 1933. Л. 3–5; Она же. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ 1960 г. // Архив ИА. Р-1. № 2180. Л. 2–8; Она же. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ за 1961 г. // Архив ИА. Р-1. № 2346. Л. 4–6; Она же. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ за 1964 г. // Архив ИА. Р-1. № 3857. Л. 2, 3.
- ²⁸ Голубева Л. А. Отчет о работе Белозерской археологической экспедиции 1961 г. // Архив ИА. Р-1. № 2334. Л. 28–31; Фехнер М. В. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского р-нов Вологодской обл. // Археологический сб. М., 1953 (Тр. ГИМ. Вып. 22). С. 127–140; Никитин А. В. Археологический отчет о раскопках в Вологодской обл. и о разведках в Архангельской обл. за 1968 г. // Архив ИА. Р-1. № 4061. Л. 16–22; Она же. Вологодская и Каргопольская экспедиция // АО 1974 г. М., 1975. С. 27, 28; Гарновский В. В. Отчет об обследовании памятников материальной культуры в Шольском р-не Вологодской обл. // Архив ИА. Р-1. № 783. Л. 17, 18; Гуслистов Н. В. Отчет о разведках в Череповецком р-не Вологодской обл. в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 4866. Л. 3–9.
- ²⁹ Более подробно о селищах Белозерской округи см.: Макаров Н. А. Средневековые памятники Белозерской округи: Археологическая карта и комментарий // Проблемы изучения древнерусской культуры: Расселение и этнокультурные процессы на северо-востоке Руси. М., 1988. Ч. 1. С. 51–93.
- ³⁰ Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные о культуре средневекового «чуждого» населения в бассейне оз. Лача // СА. 1986. № 2. С. 210–216.
- ³¹ Башенькин А. Н. Работы в бассейне Шексны // АО 1981 г. М., 1983. С. 5; Он же. Исследования в бассейне Шексны // АО 1982 г. М., 1984. С. 7.
- ³² Голубева Л. А. Весь и славяне... С. 18–20, 55, 56.
- ³³ Голубева Л. А. Могильник X – середины XI в. ... С. 213–215.
- ³⁴ Тухтина Н. В. Об этническом составе... С. 123, 124, 134.
- ³⁵ Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья: По находкам в бассейне Кокшенги // СА. 1981. № 3. С. 66–71; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 1984. № 4. С. 202–207, 213, 214.

ряд из четырех погребений; на участке, вскрытом в 1983 г., — ряд из девяти погребений; табл. I, 3) и Торово.

Рядная структура складывалась не стихийно, в ходе длительного функционирования могильников, она возникла уже на первом этапе их существования. Первоначальное ядро могильников Горка, Нефедьево IA и Шуйгино включало уже несколько рядов погребений. В этих могильниках в каждом ряду имеются обычно мужские, женские и детские погребения, что указывает, вероятно, на принадлежность каждого ряда отдельной семье. Подобный принцип группировки могил многократно описан этнографами, в том числе у великоруссов и финно-угорских народов, обитавших на Севере¹.

И все же принцип рядного расположения погребений нельзя считать единственным и универсальным: в могильниках Горка, Крохинские Пески и Шуйгино погребения в некоторых рядах разделены значительными участками, не использовавшимися для захоронений; в могильниках Тихманга, Погостище и Нефедьево IB расположение могил имеет как будто бы хаотичный характер.

На площадках могильников погребения располагаются свободно и почти никогда не нарушают друг друга. Лишь в Крохинских Песках зафиксировано два случая нарушения захоронений основного ряда более поздними погребениями (табл. I, 3). Это вполне закономерно, поскольку данный могильник функционировал дольше, чем все остальные, и погребения здесь располагались теснее.

Парные захоронения мужчин и женщин отмечены трижды. Погребения 6 и 7 в могильнике Нефедьево IB, каждое из которых находилось в отдельном гробу, были помещены в одну могильную яму. Погребения 16 и 17 в могильнике Нефедьево IA и 3 и 4 в могильнике Нефедьево IB находились в разных могильных ямах, вырытых вплотную друг к другу, строго симметрично (табл. III, I, II, VII). В двух случаях женское захоронение находилось слева от мужского, в одном — справа. Мужчины и женщины — примерно одного возраста, все — не моложе 25—30 лет. Женские погребения сопровождалось исключительно богатыми наборами украшений. В двух случаях захоронения явно не одновременны, хотя и близки по времени, в третьем одновременность не может быть полностью исключена. Вероятно, парные захоронения отражают обычай хоронить мужа и жену рядом друг с другом. Два женских захоронения, также не одновременных, но хронологически близких, располагавшихся одно над другим, в одной могильной яме, открыты в Крохинских Песках².

Большинство могильных ям имеет длину 180—230 см при ширине 60—90 см. Ямы, как правило, очень мелкие. Мы располагаем данными о глубине 126 могил в девяти некрополях (табл. 1).

Более $\frac{2}{3}$ могильных ям имеют глубину, не превышающую 50 см, у $\frac{1}{3}$ — глубина менее 30 см. Все остальные ямы имели глубину от 60 до 80 см. Для могильников Тихманга, Торово и некоторых погребений могильника Погостище мы не располагаем точными сведениями о глубине ям, однако в полевой документации содержатся указания, что погребения залегают неглубоко.

Самые мелкие ямы встречены в могильниках Лача- и Вожезерского бассейнов: лишь единичные из них глубже 50 см. Мелкие ямы преоблада-

Таблица 1

Глубина могильных ям в могильниках восточного Прионежья

Могильник	Дата (вв.)	Количество погребений						
		20 *	30 *	40 *	50 *	60 *	70 *	80 *
Горка	XII—XIII	2	8	12	8	2	1	—
Попадьино	XII—XIII	—	1	1	—	—	—	—
Попово	XI	2	3	3	5	—	—	—
Погостище	XI, XII—XIII	1	—	2	—	—	—	—
Киснема	XI	—	—	1	—	2	1	—
Крохинские Пески	XI—XIII	2	2	2	—	4	7	1
Нефедьево IA	XII	1	8	—	5	4	1	—
Нефедьево IB	XII	—	3	4	2	—	2	—
Шуйгино	XII—XIII	6	9	4	4	—	—	—
Итого		14	34	29	24	12	12	4

* Глубина могильных ям (см).

дают и в могильниках Шуйгино, Нефедьево IA и IB, однако в двух последних встречены также погребения в ямах глубиной 60—80 см. Некоторые погребения представляют собой скопления разрозненных костей, залегающих в почвенном слое и непосредственно под ним. Вероятно, в этих случаях захоронения были совершены на минимальной глубине или прямо на поверхности.

Могилы глубиной свыше 50 см встречены в основном в некрополях Белозерского бассейна — Крохинских Песках и Киснеме. Появление таких ям в восточном Прионежье, несомненно, отражает влияние древнерусской обрядности, а в Крохинских Песках — и непосредственно христианских погребений. Заметного увеличения глубины могильных ям на протяжении XI—XIII вв. не происходит. В лачаозерских могильниках Попово (XI в.), Горка и Попадьино (оба — XII—XIII вв.) погребения совершены на одинаковой глубине. В бассейне Порозовицы погребения середины XII в. (Неф. IA и IB) находятся в более глубоких могильных ямах, чем погребения рубежа XII—XIII вв. (Шг.). Примечательно, что в могильниках Горка, Попадьино и Шуйгино, где отчетливо прослеживается влияние христианской обрядности, глубина могильных ям остается небольшой. В целом традиция хоронить на небольшой глубине сохранялась в XII—XIII вв. в восточном Прионежье довольно стойко.

Эта традиция имела на Севере широкое распространение. Обычай устраивать захоронение на небольшой глубине или непосредственно на поверхности существовал еще в XIX — начале XX в., причем не только среди саамов и обских угров³, но и среди карел и русских Поморья⁴. Судя по данным агнографии, в XVI—XVII вв. у русского населения Беломорского побережья и Пинежья практиковался способ погребения, при

котором тело покойного не закапывали в землю, а оставляли на поверхности земли и помещали в специальный сруб или заваливали камнями. Так, тело пинежского святого Артемия Веркольского, умершего в 1544 г., было положено «на пусе месте, в лесе, еже нарицается Солония, верх земли, непогребенно, одаль церкви»⁵. В некоторых списках жития упоминается и «срубец», в который было заключено тело Артемия⁶. В «срубеце» находилось и тело Иоанна Яренгского, погребенного в середине XVI в. на берегу Белого моря. В одной из редакций жития этого святого, составленной в середине XVII в., описание похорон сопровождается следующим пояснением: «Аще ли случится жестока земля и каменна, то каменья на нь могилу насыпают и гроб, елико о нем довольно, сотворят»⁷. Если на Крайнем Севере эта черта обряда была отчасти обусловлена чисто практическими причинами — трудностью устройства глубокой ямы в промерзшем, часто каменистом или болотистом грунте, то в восточном Прионежье эти причины вряд ли играли существенную роль. Во всяком случае, на Ваге, находящейся примерно на той же широте, что и Лачаозерский бассейн, глубина могильных ям в конце XI—XII в. была значительно больше: в Усть-Пуйском могильнике — 1,2—1,7 м, в Корболе — 0,4—1,2 м⁸. Поэтому небольшую глубину могильных ям можно с полным основанием считать устойчивой и значимой чертой погребального обряда населения восточного Прионежья.

Остатки деревянных сооружений в виде тлена от гробов или гвоздей, скреплявших их доски, прослежены в 35 погребениях. В 13 случаях (Пнд.; КП; Неф. IA и IB) удалось установить форму и размеры гробов: они были прямоугольными, длина их составляла 170—235 см, ширина — 35—60 см (табл. III, I, IV, V, VII). Лучше других сохранились гробы в погребениях 6 и 7 могильника Нефедьево IB: оба они прямоугольные, изготовлены из тонких досок, размеры их 210×49 и 200×55 см, высота — 12—14 см, крышка одного из гробов была прикреплена к раме с помощью шести гвоздей. Однако в ряде погребений зафиксированы остатки дощатых гробов, изготовленных без использования гвоздей. В 20 погребениях в могильниках Погостище, Киснема, Крохинские Пески, Нефедьево IA и IB, Шуйгино, Торово обнаружено от двух до семи гвоздей, находившихся обычно в головах и ногах погребенных, а иногда, кроме того, и в области таза. Этого количества гвоздей недостаточно для скрепления всех досок гроба — вероятно, они служили для крепления крышки. Несколько иную конструкцию имели гробы в погребениях 1, 9 и 12 могильника Крохинские Пески — здесь найдено соответственно 13, 15 и 8 гвоздей, лежавших в два яруса в головах и ногах погребенного. Очевидно, с помощью гвоздей здесь крепились не только крышка гроба, но и боковые стенки.

Выясняется, что обычай использовать гвозди при изготовлении гроба получил некоторое распространение лишь в Белозерско-Шекснинском районе. В Лачаозерском бассейне и в бассейне Порозовицы на протяжении XI—XIII вв. соблюдалось правило скреплять доски гроба без помощи гвоздей, преобладавшее и в районе Белого озера. Таким образом, в восточном Прионежье существовали две традиции изготовления гробов и крепления крышки, одна из которых связана с древнерусской погребальной обрядностью, — не случайно наибольшее число погребений в гробах,

скрепленных гвоздями, дает некрополь Белоозера, а другая, вероятно, является местной.

В могильнике Нефедьево IA рядом с двумя погребениями прослежены круглые в плане ямки (диаметр 20—30 см), в заполнении которых находился древесный уголь. Вероятно, это ямки от столбов, обозначавших места захоронений.

Использование дощатых гробов не исключает существования деревянных конструкций типа срубов или домовин, сооружавшихся над погребениями, тем более если учесть, что захоронения совершались неглубоко. Иначе трудно объяснить тот факт, что погребения почти никогда не прорезают друг друга. Судя по этнографическим данным, подобные срубы еще в XIX — начале XX в. возводились на северорусских кладбищах⁹. Вероятно, в восточном Прионежье они ставились непосредственно на землю и потому не прослеживаются археологически.

Ориентировка погребений установлена в 116 случаях (табл. 2).

В могильниках зафиксированы все варианты ориентировки, кроме северной. Чаще всего костяки обращены черепами на запад, северо-запад и восток. Погребения с меридиональной (южной) ориентировкой немногочисленны. Пестрота ориентировки при некотором преобладании западной характерна для могильников как XI — начала XII, так и XII—XIII вв.

Распространение в восточном Прионежье обычая ориентировать погребения на запад соответствует общей тенденции развития погребального обряда в Восточной Европе в начале II тысячелетия н. э. Не случайно среди погребений с западной ориентировкой доля безынвентарных дости-

Таблица 2
Ориентировка погребений в могильниках восточного Прионежья

Могильник	Дата (вв.)	Количество погребений						
		северо-восток	восток	юго-восток	юг	юго-запад	запад	северо-запад
Тихманга	XII	—	1	1	1	—	—	—
Горна	XII—XIII	—	—	—	1	—	11	13
Попадьино	XII—XIII	—	—	—	—	—	2	—
Попово	XI	—	—	—	1	—	2	—
Погостище	XI, XII—XIII	1	1	1	—	1	—	—
Киснема	XI	—	—	—	—	2	3	1
Крохинские Пески	XI—XIII	—	—	—	—	—	11	6
Нефедьево IA	XII	—	17	3	—	—	—	—
Нефедьево IB	XII	—	7	2	—	—	2	—
Шуйгино	XII—XIII	—	10	2	—	—	8	—
Торово	XII	—	—	—	3	1	1	—
Итого		1	36	9	6	4	40	20

гает 57,5%, тогда как общая доля безынварных погребений в могильниках региона составляет 40,3%.

Что касается остальных вариантов ориентировки, то меридиональное направление связывают обычно с финно-угорской традицией¹⁰, а промежуточное рассматривают как продукт взаимодействия славянской (древнерусской) и финской обрядности¹¹. Однако ограничиться этими объяснениями в данном случае невозможно, так как они не дают ответа на вопрос, в чем причина необычайного разнообразия вариантов ориентировки.

Анализируя распределение ориентировок в различных некрополях (рис. 2, б, в; табл. I, 1, 4; II, 2, 3, 5), можно сделать вывод, что в каждом отдельном могильнике ориентировка костяков колеблется обычно в пределах 45–90°. Так, в могильнике Горка господствует западная и северо-западная ориентировка, и только одно погребение ориентировано на юг. В могильнике Нефедьево IА все погребения ориентированы на восток и юго-восток, и разница в ориентировке не превышает 49°. Аналогичные варианты ориентировки зафиксированы в могильнике Нефедьево IВ, разница ориентировок здесь 66°, лишь два детских погребения имеют противоположную — западную — ориентировку. В Попове ориентировка южная и западная, в Киснеме — юго-западная, западная и северо-западная, в Тихманге — восточная, юго-восточная и южная, в Торове — южная, юго-западная и западная. В Шуйгине представлены погребения с восточной, юго-восточной и западной ориентировкой, однако топографически обе группы погребений достаточно четко обособлены. Очень стабильна западная ориентировка в могильниках Крохинские Пески и Попадьино. Совершенно хаотичная ориентировка встречена лишь в Погостице. Для всех остальных могильников можно предположить единое направление, в котором следовало ориентировать погребения и от которого допускались определенные отклонения. В Киснеме, Крохинских Песках и Попадьино таким направлением был запад, в Торове и Попове — юго-запад, в Горке — запад-северо-запад, в Тихманге — юго-восток, в Нефедьево IА и IВ и Шуйгине — восток. Выясняется, что, хотя ориентировка погребений в разных могильниках могла быть различной, в каждом из них она характеризовалась определенным единством. После раскопок памятников широкой площадью стало очевидно, что сосуществование в одном могильнике погребений с различной ориентировкой, скажем, западной и северо-западной (могильник Горка), не отражает две различные нормы ориентировки, связанные с различными этническими традициями. Оба варианта представляют собой отклонения от единого нормативного для всех погребений направления, в данном случае — запад — северо-запад. Следует отметить, что в четырех могильниках это направление не соответствует сторонам света.

Разнообразие ориентировок — не исключительная особенность могильников восточного Прионежья. Аналогичное явление прослеживается в могильниках перми вычегодской¹². Близкая картина отмечалась этнографами, изучавшими погребальный обряд народов Севера, — саамов, обских угров и нешцев¹³. У саамов ориентировка могил на различных кладбищах могла быть различной, но на каждом кладбище большинство могил было ориентировано в одном направлении, повторяя направление первой могилы. Совершая захоронения, саамы в большей степени учитывали

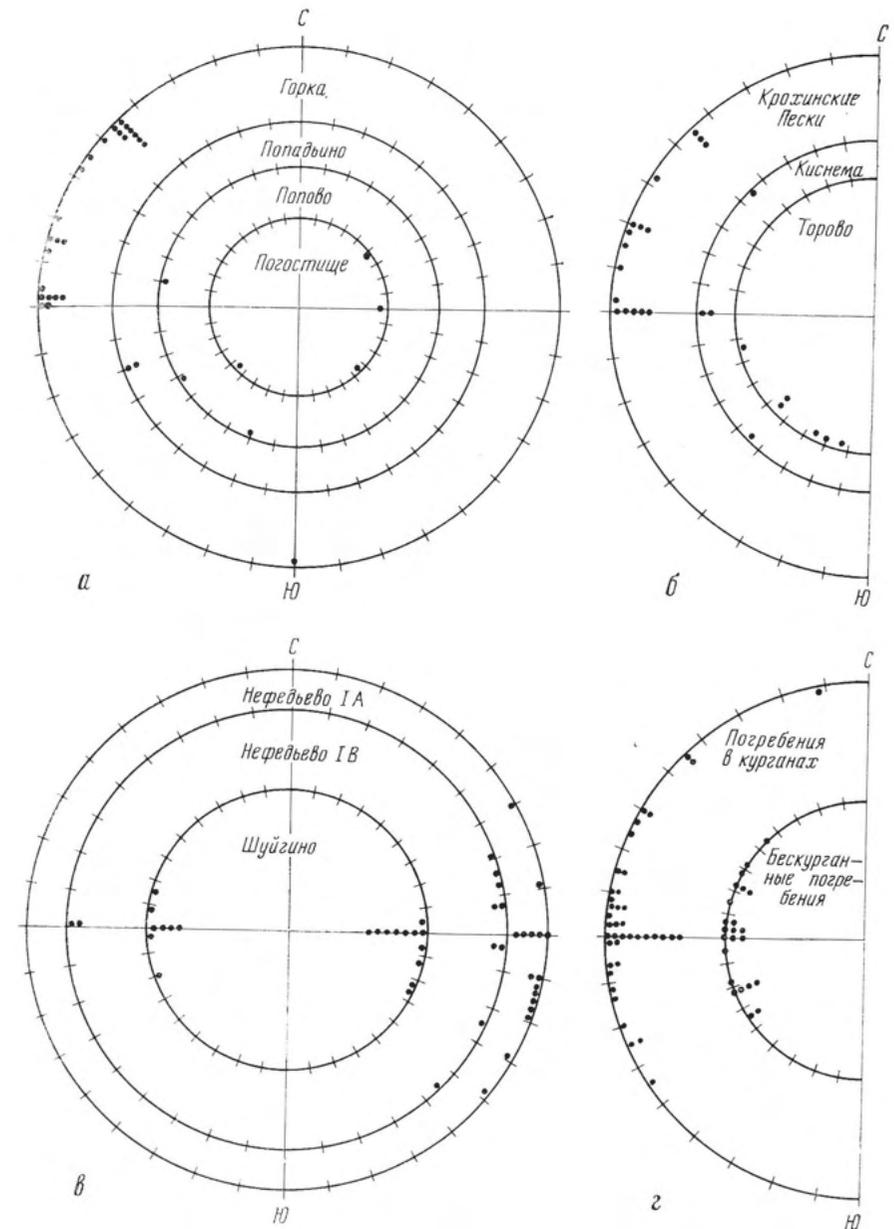

Рис. 2. Ориентировка погребений в могильниках восточного Прионежья
 а — бассейн оз. Лача; б — бассейн Белого озера; в — бассейн р. Порозовица; г — Никольское III

местные ориентиры, прежде всего направление течения реки, нежели направление сторон горизонта¹⁴. Сходные верования существовали и у некоторых самодийских народов, хоронивших покойников ногами вниз по течению реки¹⁵. Логичным представляется предположение, что и для населения восточного Прионежья при совершении захоронения местные ориентиры были более существенными, чем направление сторон света. В таком случае различие ориентировок в различных могильниках становится вполне объяснимым. Близкое заключение о важности местных ориентиров при совершении захоронений было сделано Т. В. Истоминой, проанализировавшей материал могильников перми вычегодской. По ее мнению, большинство могил в них ориентировано на водоем¹⁶.

Западная ориентировка, вытесняющая более раннюю, архаичную, систему ориентировки погребений, уже в XI в. становится нормативной для отдельных групп населения Белозерской округи, в первую очередь для жителей двух крупнейших центров региона — Белоозера и Киснемы. В целом же принятие западной ориентировки в качестве нормативной и единственно возможной завершилось в восточном Прионежье лишь в XIII в. Момент перехода ярко отражен в материалах могильника Шуйгино, относящегося к последней трети XII — рубежу XII—XIII вв. Наиболее ранние погребения этого могильника, сосредоточенные в южной и центральной частях площадки, имеют восточную ориентировку, более поздние, концентрирующиеся в западной части и несколько обособленные топографически, ориентированы на запад. Почти все они, в отличие от погребений с восточной ориентировкой, безы Inventарные.

Обычно костяки лежат на спине в вытянутом положении (табл. III). Лишь в трех случаях (Пп., п. 5; Неф. IA, п. 13; Гр., п. 22) костяки немного повернуты на бок, и ноги их слегка согнуты. Два из этих погребений женские, третье принадлежит девочке-подростку. Точное положение рук удалось установить лишь для 53 погребений. В 24 из них руки вытянуты или слегка согнуты, так что кисти их покоятся у бедер или в области таза. У 13 погребенных руки согнуты в локте примерно на 45°, и кисти их лежат на животе. Иногда в этих случаях локтевые кости скрещены. Наконец, в 16 случаях одна или обе руки согнуты под углом около 90°, и кисти их положены на грудь. Если первый вариант положения рук встречается как в XI, так и в XII—XIII вв., то два других появляются только в XII в., вероятно, лишь во второй половине этого столетия. В могильнике Шуйгино зафиксировано лишь одно погребение со слабо согнутыми руками, преобладают погребения с руками, согнутыми под углом около 90°. В могильнике Горка представлены все варианты положения рук, но костяки с сильно согнутыми руками наиболее многочисленны. Исследователи справедливо считают, что обычай класть руки погребенных на грудь или на живот распространился под влиянием христианства¹⁷. Появление этого обычая в восточном Прионежье в XII в. вполне согласуется с общими тенденциями развития погребальной обрядности в Северной Руси.

Среди сопутствующего инвентаря наиболее многочисленны ножи, происходящие не менее чем из 46 погребений, как мужских, так и женских. Обычно ножи лежат в области таза (14 случаев) или у бедра (восемь), преимущественно справа, трижды они найдены на груди и один раз —

у шеи. Очевидно, ножи, найденные у таза и бедер, были прикреплены к поясу. В одном из погребений (Пг. 1978, п. 1) нож, обнаруженный на груди умершей, был, вероятно, подвешен на шнурке к подковообразным фибулам, скреплявшим бретели несшитой юбки. В семи погребениях могильников Крохинские Пески, Нефедьево IA и IB и Шуйгино ножи найдены в ногах у костяков. Это положение ножа, в целом довольно редкое в древнерусской погребальной обрядности, получило распространение в бассейне Порозовицы. В пяти погребениях найдено по два ножа, причем в двух случаях удалось установить их положение: один нож лежал в области таза, а другой — у бедра или в ногах.

Топоры найдены в 17 погребениях, 13 из которых мужские, одно принадлежит мальчику и три — женщинам. Все топоры относятся к рабочим типам, кроме одного узколезвийного, боевого. В семи мужских погребениях топоры лежали в ногах костяков (табл. III, III, VI). Это положение топора в погребении было самым распространенным в северорусских областях. Боевой топорик лежал у плеча погребенного мужчины (Неф. IA, п. 16; табл. III, I). Подобное положение топоров зафиксировано еще дважды — в женском и детском погребениях. Наконец, один из топоров лежал на тазовых костях погребенной женщины. На северной периферии Руси — в Приладожье, юго-западном Белозерье и других районах — топоры встречаются в погребениях чаще, чем в других областях. Вероятно, здесь, на наиболее заселенных территориях, потребность в этом оружии ощущалась особенно остро, что нашло отражение и в погребальном обряде. Находки топоров в женских погребениях имеют соответствия в погребальной практике финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. Однако на северо-западе Новгородской земли погребения, в том числе женские, содержавшие топоры, не носят ярко выраженной финно-угорской окраски¹⁸.

Наконечники стрел найдены в семи мужских погребениях и, кроме того, трижды встречены вне погребений, на площадках могильников. В трех погребениях найдено по два наконечника стрел. В четырех случаях они лежали у колена погребенного, в одном — в головах и в ногах у костяка. В пяти погребениях найдены кресала. В 11 погребениях, женских и мужских, встречены гребни, лежавшие обычно в ногах или в области таза. В трех женских погребениях найдены пряслица, еще одно пряслице обнаружено в могильнике Нефедьево IA в межмогильном пространстве. Из трех погребений происходят копоушки, из двух — оселки, по одному разу встречены шило, ключ, железная игла, костяной футляр, костяное навершие плети. Этим ограничивается перечень бытовых вещей и орудий труда из грунтовых могильников.

Легко заметить, во-первых, что бытовые вещи чаще встречаются в погребениях XI — первой половины XII в., нежели в последующий период. Это вполне естественно: в XII—XIII вв. обычай класть бытовые вещи в погребения постепенно исчезает почти на всей территории Руси, включая окраины. Прослеживается также, что обычай сопровождать погребения бытовыми вещами имел в северной части восточного Прионежья меньшее распространение, чем в южной, в районе Белого озера. Если в Киснеме и Нефедьево почти все погребения сопровождалось ножами, а захоронения мужчин обычно содержали топоры, то в Попове на 13

погребенных приходится всего один топор и два ножа. К XII в. обычай класть бытовые вещи в погребения в Лачаозерском бассейне уже совершенно исчезает: в могильнике Горка на 33 погребения приходится лишь один нож. Между тем, трудно предположить, что совершение погребального обряда здесь подвергалось жесткому контролю со стороны церкви. В целом количество бытовых вещей в могильниках региона невелико, а ассортимент их небогат. Даже в тех погребениях, где металлические украшения исчисляются десятками, количество бытовых предметов ограничивается одним-двумя.

Керамические сосуды найдены лишь в 17 погребениях: в Нефедьеве IA (10 погребений) и IB (четыре), Киснеме (два) и Попове (одно). Каждое из этих захоронений содержало по одному сосуду, стоявшему, как правило, в ногах костяка (табл. III, I—IV, VII). Исключение составляет погребение 2 Киснемского могильника, где встречено два горшка, стоявших у бедра умершего.

Изредка в погребениях попадаются металлические детали сосудов: железная дужка от деревянного ведра (Неф. IA, п. 5), железное ушко от котла (Пп., п. 7, 8), бронзовые накладки на деревянные сосуды (Пп., п. 1, 10—12).

В одном из погребений Киснемского могильника и в двух погребениях в Нефедьеве встречены кости животных. В двух погребениях в могильниках Нефедьево IA и Попадьино обнаружены кости рыб, лежавшие в ногах у погребенных, в одном из погребений Нефедьева IB, также в ногах, — кости рыбы и птицы.

Малочисленность сосудов в погребениях, особенно в лачаозерских могильниках, представляется тем более неожиданной, что в курганах XI в. юго-западного Белозерья горшки сопровождают от 50 до 80% всех погребений. Большое количество горшков обнаружено и в приладожских курганах. Малое число горшков в погребениях восточного Прионежья может быть в какой-то мере связано с тем, что общее количество глиняной посуды в обиходе жителей региона, и особенно Лачаозерского бассейна, было в XII—XIII вв. незначительным. Возможно также, что в качестве напутственной пищи в восточном Прионежье выступала в основном рыба, кости которой часто не сохраняются в погребениях. Но в любом случае редкая встречаемость глиняной посуды в погребениях восточного Прионежья может рассматриваться как стойкая и характерная черта погребального обряда.

В мужских погребениях украшения и металлические детали одежды обычно отсутствуют, за исключением пряжек, поясных колец и бусин, использовавшихся, вероятно, в качестве пуговиц для застегивания ворота рубахи. Большинство женских погребений сопровождалось украшениями. Но, как показало антропологическое определение, часть безынвентарных погребений, которые обычно считают мужскими, на самом деле принадлежала женщинам. В могильнике Горка из 10 женских погребений четыре оказались безынвентарными. В могильнике Шуйгино из шести ненарушенных женских погребений одно было безынвентарным. Известны, однако, и более ранние погребения женщин без украшений — например, погребение 5 в могильнике Попово, принадлежавшее женщине 30—35 лет и относящееся к XI в.

Предметы христианского культа (кресты, подвески-иконки и энколпион) найдены в 12 ненарушенных погребениях (Пг. 1959, п. 1; КП 1969, п. 4; 1983, п. 3; Неф. IA, п. 6, 11, 20, 21; Неф. IB, п. 2, 6, 7, 9; Шг., п. 23), самые ранние из которых относятся к рубежу XI—XII вв., а самые поздние — к рубежу XII—XIII вв. Шесть погребений принадлежали детям, очевидно девочкам, четыре — женщинам и два — мужчинам. В мужских погребениях кресты лежали в ногах, в женских и детских они находились в области шеи или груди, причем иногда входили в состав ожерелий вместе с бусами и подвесками. Девять женских и детских погребений с предметами христианского культа сопровождалось украшениями. В трех из них наборы украшений были исключительно богатыми. В девяти погребениях, кроме украшений, находились ножи и другие бытовые предметы. Лишь в одном детском захоронении (Неф. IA, п. 11) крестик был единственной находкой.

Симптоматично, что предметы христианского культа происходят в основном из могильников, в погребальном обряде которых ярко выражены языческие черты (Неф. IA, IB), и почти отсутствуют в памятниках, обряд которых ближе к ортодоксальному христианскому. Создается впечатление, что появление в погребениях крестов и образов отражает самый начальный этап христианизации. С углублением этого процесса эти предметы исчезают из погребений. Именно поэтому они отсутствуют в захоронениях древнерусских городских некрополей XII—XIII вв., совершенных по христианскому обряду.

В качестве особого элемента обряда следует рассматривать компактные скопления украшений и бытовых вещей или отдельные предметы, лежащие обособленно в могильной яме или рядом с ней. В литературе они получили название жертвенных комплексов или даров погребенному. Подобные комплексы зафиксированы в восьми погребениях. В погребении 4 (1969 г.) могильника Крохинские Пески в ногах покойника стоял берестяной туес, содержащий бусы, крест-энколпион, две подвески, две пряжки, кресало с кремнем и два ножа. В погребении 6 (1983 г.) того же могильника у таза умершей найдены шесть зооморфных подвесок и многочисленные шумящие привески, связанные кожаными шнурками, орехи, миндаль, гребень, копоушка и нож. Хотя полной уверенности в том, что эти украшения не были прикреплены к поясу погребенной, в данном случае быть не может, компактное положение вещей позволяет с большим основанием трактовать их как «дар». В могильнике Нефедьево IA в погребении 17 в ногах костяка лежала фибула (табл. III, II). В могильнике Нефедьево IB жертвенные комплексы обнаружены в трех погребениях: в погребении 4 в ногах костяка лежали зооморфные подвески, шумящие привески, гребень и бусы; в погребении 6, также в ногах, — пряслице, цепочка, браслет и бусы; в погребении 7 у бедра — кресало, гребень, крестик и бусы (табл. III, VII). В могильнике Шуйгино выявлено два погребения с «дарами»: в погребении 1 на краю могильной ямы лежало височное кольцо (табл. III, VI), в погребении 8, также на краю ямы, — три кольца.

Судя по антропологическим определениям, пять жертвенных комплексов происходят из женских погребений и два — из мужских. Жертвенные комплексы из женских могил включают в основном украшения, часто дуб-

лирующие украшения, надеты на погребенную. Поэтому интерпретация этих комплексов как приношения жен умершим мужьям, распространенная в литературе, в данном случае неприемлема¹⁹. Обряд погребения с жертвенными комплексами связан с финской средой, преимущественно с кругом пермско-финских и поволжско-финских культур²⁰. Примечательно, что в восточном Прионежье он получил распространение лишь в юго-восточной части региона — в бассейне Порозовицы.

На площадке могильника Шуйгино расчищено пять неглубоких ям, округлых или овальных в плане (табл. I, I). В ямах разводили огонь: на это указывают угли и зола в заполнении, а в двух ямах, кроме того, пережженные очажные камни, а также следы прокаленности (впрочем, довольно слабые) на дне. В одной из ям найден гвоздь, в другой — бронзовая бляшка, керамики нет. Темный гумусированный грунт, составляющий заполнение ям, отложился, вероятно, в результате попадания в них каких-то органических остатков. Ямы располагаются в различных частях могильника, равномерно распределяясь по его площадке.

Очевидно, ямы связаны с поминальными обрядами, совершавшимися на территории могильника Шуйгино. Несоответствие числа ям общему количеству погребений свидетельствует, очевидно, о том, что эти обряды не всегда сопровождали церемонию похорон. Примечательно, что в других могильниках какие-либо следы поминальных обрядов не зафиксированы.

На площадке могильника Горка открыта жертвенная яма, в заполнении которой находились скелеты пяти собак, трех уток, птицы из семейства куриных, стрепета и рыб. Кроме того, в верхней части заполнения обнаружены четыре бронзовые оковки от деревянных сосудов, два замка, железная пластина, клин от топора и несколько кусков железа (табл. XII, 6—12). Яма была забросана камнями и залита каким-то расплавленным веществом, при остывании превратившимся в шлак. Возможно, особый ритуальный характер имел и один из комплексов могильника Погостице — яма, в заполнении которой обнаружены три топора и железная пластина. Интерпретация подобных комплексов сложна, поскольку прямые аналогии им неизвестны ни в древнерусских, ни в финно-угорских материалах. Кости и целые скелеты собак, сопровождающие погребения, встречаются в курганах юго-восточного Приладожья²¹, Ярославского Поволжья²², в новгородских сопках²³, а также в грунтовых могильниках Финляндии²⁴, однако они не входят в состав особых ритуальных комплексов. Судя по этнографическим данным, у русских, саамов и ненцев к жертвоприношению собак прибегали в случае тяжелой болезни, эпидемии, эпизоотии, когда другие обрядовые средства оказывались «не эффективными»²⁵. Вероятно, и в Горке обряд был совершен в момент какого-то общественного бедствия. Число собак и птиц, умерщвленных и брошенных в жертвенную яму, соответствует числу рядов погребений, которые прослеживаются на площадке могильника. Это наводит на мысль, что в совершении обряда участвовали представители пяти семей, хоронивших своих покойников в этом могильнике и обитавших на близлежащем селенце. Чаши, оковки от которых найдены в яме, предназначались, вероятно, для хмельного напитка, который пили участники обряда. Обряд завершался ритуальными действиями с замками и кусками железа. Судя по этно-

графическим материалам, железо и особенно такие железные предметы, как замки, ключи, топоры, считались наделенными магической способностью оградить от колдовства, болезни, смерти²⁶. Брошенные в яму, они могли символизировать замыкание в подземном мире враждебных человеку сил.

Уникальность комплекса затрудняет его конкретную этническую атрибуцию. Можно лишь отметить, что многие его особенности, прежде всего видовая принадлежность жертвенных животных и птиц и использование железных предметов в магических целях, характерны для обрядовой практики населения восточноевропейского Севера, как финно-угров, так и великоруссов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БЕСКУРГАННОГО ОБРЯДА ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

При сравнении погребального обряда восточного Прионежья и сопредельных территорий, прежде всего западных и юго-западных, легко заметить значительные различия между ними. К числу важнейших следует отнести существование на этих территориях курганного обряда, не получившего распространения в восточном Прионежье. Несходство касается и других черт обряда. Для курганов Колпи и средней Мологи характерны ингумации с западной ориентировкой, которые сопровождаются керамическими сосудами и топорами. В юго-восточном Приладожье характернейшими особенностями обряда выступают ритуальный очаг в центре насыпи и разделение погребальной площадки на мужскую и женскую половины²⁷. Курганы Олонецкого перешейка содержат остатки кремации или ингумации, помещенные в деревянные срубы²⁸. Погребальные памятники XI—XIII вв. на побережье Онежского озера и в Заонежье пока почти неизвестны, ясно лишь, что курганный обряд здесь, как и в восточном Прионежье, не получил распространения. Здесь исследовано лишь несколько насыпей в Челмужской курганной группе и два одиночных погребения на поселениях Муромское VI и Шеттима²⁹. Последние обнаруживают некоторое сходство с погребениями восточного Прионежья: оно выражается в отсутствии курганных насыпей, небольшой глубине могильных ям, отсутствии гвоздей от гробов. Но это отдельные погребения, не образующие грунтовых могильников.

На территории, прилегающей к восточному Прионежью с востока, погребальные памятники XI—XIII вв. также мало изучены. Несколько могильников исследовано в бассейне Ваги, Кокшенги и Сухоны преимущественно в последнее десятилетие³⁰. Материал раскопок пока не систематизирован, но уже сейчас можно утверждать, что он не вполне однороден: погребения в разных могильниках различаются по наличию и отсутствию каменных вымоств, глубине ям, наличию и составу сопровождающего инвентаря и некоторым другим признакам. Такие черты обряда, как отсутствие курганных насыпей, отсутствие в погребениях гвоздей от гробов, разнообразие в ориентировке могильных ям, сближают эти памятники с могильниками восточного Прионежья. Сходство касается далеко не всех признаков: в наиболее полно исследованных могильниках Важского бассейна — Корбольском и Усть-Пуйском — могильные ямы имели значи-

тельную глубину, на дно их были опущены бревенчатые срубы, некоторые погребения Корбольского могильника содержали остатки кремации, произведенной на стороне³¹. Ясно, что, несмотря на общие черты, говорить о тождественности погребального обряда на обеих территориях нет оснований.

Погребальный обряд восточного Прионежья отличается, таким образом, значительным своеобразием, и хотя отдельные его черты имеют аналогии на соседних территориях, весь набор характеризующих его признаков нигде не повторяется.

Открытие первых бескурганых погребений XI—XII вв. в районе Белого озера в 1940—1950-х годах породило у исследователей предположение, что в I тысячелетии н. э. местное население совершало захоронения в грунтовых могильниках по обряду ингумации, подобно тому как это делали финно-угры Поволжья и Прикамья. Бескурганый обряд XI—XII вв. воспринимался как продолжение древней местной традиции, распространенной у неславянского населения края³². Однако ожидаемого открытия могильников с ингумациями середины—второй половины I тысячелетия н. э. по мере накопления материала не последовало. Все известные в настоящее время погребения в грунтовых могильниках не древнее XI в., и конкретных археологических свидетельств о существовании подобного обряда в более раннюю эпоху в распоряжении исследователей нет.

Для решения вопроса о происхождении погребального обряда XI—XIII вв. большое значение имеет неожиданная находка, сделанная при раскопках Кемских курганов в 1981 г., позволяющая судить о погребальном обряде обитателей восточного Прионежья в I тысячелетии н. э. Под насыпью кургана XI в. было обнаружено два скопления кальцинированных костей человека. Одно из них находилось на уровне древнего горизонта, другое — в круглой ямке диаметром около 1,5 м и глубиной 0,3 м. Среди костей найдено два железных ножа, один из которых имеет горбатую спинку с уступом, другой — чуть выпуклую спинку. Совместная встречаемость пожей этих двух типов наиболее вероятна в середине I тысячелетия н. э. По-видимому, к этому же могильнику относилось и трупосожжение, открытое в 1927 г. М. Е. Арсаковой при первых раскопках Кемских курганов³³. Таким образом, в середине I тысячелетия н. э. в восточном Прионежье практиковался погребальный обряд, при котором остатки кремации помещались в неглубокую ямку или непосредственно на поверхность земли.

Сходный погребальный обряд получил в I тысячелетии н. э. широкое распространение в северных областях Восточной Европы. В Эстонии, северо-западном Приладожье и Финляндии в эту эпоху остатки трупосожжения, совершенного на стороне, помещались под каменные вымостки³⁴. «Домики мертвых», открытые в Березняках и на Саввино-Сторожевском городище, дают основание полагать, что наземный обряд был известен и обитателям Волго-Окского района³⁵. Сравнительно недавно грунтовой могильник с погребениями по обряду трупосожжения, помещенными в неглубокие ямки, был исследован Е. Н. Носовым рядом с длинными курганами в Хвойнинском р-не Новгородской обл. Отмечая, что такие же захоронения были открыты ранее рядом с насыпями культуры длин-

ных курганов на Псковщине и Смоленщине, Е. Н. Носов сделал заключение, что грунтовые захоронения с трупосожжениями предшествовали погребениям в длинных курганах на обширной территории лесной полосы Восточной Европы³⁶. Стоит упомянуть также о необычном погребальном сооружении, исследованном в 1982 г. на Суде, в юго-западном Белозерье. Оно представляло собой засыпанный песком деревянный сруб, у края которого находились керамические сосуды, содержавшие остатки трупосожжений с инвентарем X в.³⁷ Погребальный обряд, при котором остатки кремации помещались вблизи поверхности земли, в I тысячелетии н. э. мог принимать различные формы, но в целом он не был чем-то необычным для восточноевропейского Севера, в том числе и для территорий, прилегающих к восточному Прионежью.

Значительное внешнее несходство между погребениями I и начала II тысячелетия н. э. в восточном Прионежье не исключает поисков местных традиций в погребальном обряде XI—XIII вв. Кажется весьма вероятным, что именно с местной обрядностью связан обычай помещать погребения с ингумациями на небольшой глубине, столь устойчивый в восточном Прионежье, — так же неглубоко помещались в I тысячелетии н. э. остатки кремации. Возможно, длительное господство обряда кремации, при котором ориентировка погребения безразлична, обусловило нестабильную ориентировку погребений XI—XIII вв. Наконец, отметим, что трупосожжения I тысячелетия н. э. были, очевидно, в массе своей безынвентарными, иначе трудно объяснить отсутствие случайных находок металлических вещей этого периода в восточном Прионежье. Эту же особенность имеют и погребения XI—XIII вв., содержащие, как правило, минимальное количество бытовых вещей.

Появление могильников с ингумациями приходится в восточном Прионежье на XI век, когда обряд кремации сменяется обрядом ингумации во многих областях Руси, в том числе и на окраинах. Эти изменения в погребальном обряде отразили самый начальный этап христианизации древнерусской деревни. Курганый обряд в XI—XII вв. продолжает существовать в большинстве районов, где он был известен раньше, а в некоторых окраинных районах он впервые появляется в эту эпоху. Но в восточном Прионежье, где обычай насыпать курганы над погребениями не был распространен в X в., он не вошел в употребление и позже, хотя определенные импульсы для его появления здесь были даны, и отдельные коллективы в XI в. в течение сравнительно короткого периода хоронили покойников под курганами. Устойчивость бескурганного обряда в восточном Прионежье в XI—XIII вв. была обусловлена, по-видимому, двумя причинами. Одна из них — инерция древних местных форм погребальной обрядности. Бескурганый обряд XI—XIII вв. отражает ее не в первоначальном, а в трансформированном виде, сохраняя традицию помещать остатки умершего вблизи поверхности земли. Другую причину можно видеть в том, что курганый обряд не был единственной формой обрядности, существовавшей на основной территории Руси в XI—XII вв. Известен ряд грунтовых могильников этого времени, принадлежащих, безусловно, славянскому населению. Часть из них представляет собой городские некрополи³⁸, другие — например, Купанский могильник на Плещеевом озере³⁹ или могильник у д. Крестцы в среднем течении Моло-

ги⁴⁰ — не связаны с городскими центрами. Более того, есть основания предполагать, что в центральных районах Новгородчины — в Пришьменье и Помостье, где курганы древнерусского времени немногочисленны, грунтовые могильники с ингумациями были в XI—XII вв. основным типом погребальных памятников. В пользу этого свидетельствует открытие в Пришьменье в последнее десятилетие ряда новых грунтовых могильников с погребениями XI—XIII вв.⁴¹ Между тем, Новгород активно участвовал в освоении северных областей, и нельзя отрицать возможность воздействия его культуры на культуру восточного Прионежья. В настоящее время трудно установить, имело ли место непосредственное влияние погребального обряда Пришьменья на обряд более северных территорий, однако очевидно, что новгородцы не могли воспринимать бескурганый обряд восточного Прионежья как совершенно чуждую традицию.

В целом же бескурганый обряд восточного Прионежья представляет собой новообразование, возникшее в результате синтеза местной финно-угорской и древнерусской обрядности. Несмотря на это, он оказывается устойчивым культурным явлением, характеризуется стабильным набором признаков и отличается от обряда сопредельных областей Севера. Свообразие этого обряда отражает особый этнографический и этнический облик населения восточного Прионежья в XI—XIII вв.

КУРГАННЫЙ ОБРЯД

Курганы известны в восточном Прионежье лишь в двух пунктах — в Белоозере и в низовьях Кемы. Свообразный обряд этих памятников требует специального рассмотрения.

Два погребения, обнаруженных под насыпью в Белоозере, покоились на древнем горизонте, одно из них находилось в дощатом гробу. Костяки лежали черепами на запад, руки сложены на груди. В обоих погребениях возле таза найдены расчески. Все детали обряда обычны для подкурганых захоронений Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XI в. Ответить на вопрос, являлся ли этот курган одиночной насыпью или частью курганной группы, трудно. Отсутствие подкурганых погребений в других раскопках в южной части Старого города и наличие поблизости обширного грунтового могильника с погребениями рубежа XI—XII вв. склоняют к выводу, что курганная группа, если она и существовала, была небольшой. Ясно, что курганый обряд не имел массового распространения у населения Белоозера.

Более обстоятельно охарактеризовать курганый обряд восточного Прионежья позволяют материалы Кемского некрополя. Из 77 исследованных здесь погребений 54 находились в курганах и 23 — в обычных грунтовых ямах, над которыми насыпей не было.

По форме насыпи и ее размерам среди курганов можно выделить две группы. Группа I объединяет крупные насыпи полусферической формы, диаметр которых 6,5—14 м, а высота — 0,35—1,65 м. К этой группе можно отнести 21 курган (А-2, А-3, 1, 2, 3, 7—11, 13, 16, 18, 25—29, 32, 33; табл. V, 1, 3, 4). Вокруг семи из них прослежены концентрические ровики с перемычками, у основания 11 при отсутствии кольцевых ровиков зафиксированы овальные или полулунные в плане ямы

глубиной 0,5—1,7 м. Очевидно, из этих ям брали грунт для сооружения насыпей. В девяти курганах группы I обнаружено по одному захоронению в материковой яме, в двух — по два. Восемь курганов содержали по два захоронения, одно из которых находилось в материковой яме, а другое было вгущено в насыпь. В кургане 9 было два основных захоронения и одно впускное; в кургане 25 — два основных и два впускных.

Группа II включает 16 насыпей, диаметр которых 4—8,5 м, а высота — 0,15—0,50 м (А-1, А-5, 6, 14, 15, 22, 23, 35—38, 41—43; табл. V, 2, 5). Многие курганы этой группы имеют распылчатую форму. С уверенностью отнести эти объекты к искусственным насыпям позволяет их стратиграфия: под слоем желтого песка небольшой мощности в них прослеживается прослойка погребенного дерна, прорезанная могильной ямой. Концентрические ровики вокруг этих курганов отсутствуют, но у основания 12 насыпей находятся овальные или полулунные в плане ямы, аналогичные ямам у основания насыпей группы I. В 13 курганах группы II было по одному основному погребению в материковой яме. В кургане 6 в яме находилось два погребения; в кургане 37 было два основных погребения в материковых ямах и одно впускное; могильная яма в кургане А-5 оказалась пустой.

Наиболее крупные насыпи группы I (курганы 26, 27, 32) находились в северной части некрополя. Почти все курганы группы II были сосредоточены в южной его части.

Бескурганые погребения локализуются на южной и юго-западной периферии могильника. Вывод о том, что над большинством этих погребений насыпи отсутствовали изначально, сделан на основании наблюдений над составом заполнения могильных ям. В верхней части заполнения прослеживаются линзы темной-серой гумусированной супеси толщиной 20—60 см, нижние части ям заполнены чистым материковым песком. Гумусированная супесь откладывалась в результате гниения органических остатков, попадавших в западины просевших могильных ям, что могло происходить лишь при отсутствии земляных насыпей. В погребениях 1, 2, 4, 9, 10 и 15 линзы темной супеси в заполнении ям отсутствовали или были слабо выражены, и вероятность первоначального существования невысоких курганов над этими погребениями не может быть полностью исключена. Однако погребенный дерн, на котором возводились насыпи, здесь не зафиксирован, поэтому данные погребения отнесены к бескурганым.

На южной и западной периферии могильника зафиксировано 12 ям круглой или овальной в плане формы с коническим дном глубиной до 1,5 м. Эти ямы не связаны топографически с определенными курганами, тем не менее очевидно, что они были вырыты для добычи песка, необходимого для сооружения насыпей.

Из 37 курганов 22 содержали по одному погребению, 11 — по два, два — по три и один — четыре. Из 52 антропологически определяемых погребений в курганах 33 (63,5%) принадлежали мужчинам, 12 (23%) — женщинам и 7 (13,5%) — детям. 20 курганов было первоначально возведено над одиночными мужскими погребениями, один — над двумя мужскими погребениями, три — над погребениями мужчины (или подростка-юноши) и ребенка. Женские погребения были основными в семи курга-

нах, одна насыпь возведена над погребением женщины и ребенка. В двух курганах основными были детские погребения. Из девяти антропологически определимых впускных погребений шесть — мужские и три — женские. Сочетания впускных и основных погребений следующие: в четырех случаях оба погребения мужские, в трех — основное погребение мужское, а впускное — женское, в двух — основное погребение женское, а впускное — мужское. Из 22 курганов, содержавших по одному погребению, лишь в четырех эти погребения были женскими. Из 21 антропологически определимого бескурганного погребения пять (23,8%) — мужские, восемь (38,1%) — женские и восемь — детские.

Таким образом, большинство курганов возведено над погребениями мужчин. По-видимому, над некоторыми женскими погребениями курганы изначально сооружались с тем расчетом, что впоследствии они вместят погребения мужей или ближайших родственников этих женщин. Мужские погребения отсутствовали лишь в семи курганах. Среди бескурганых погребений, напротив, преобладают женские и детские.

В ровиках курганов, насыпях и на площадке могильника встречаются развалы сосудов и отдельные фрагменты керамики. В семи курганах (7, 14, 16, 17, 28, 32, 33) керамика найдена в ровиках. Из ровика кургана 14 происходят развалы четырех сосудов, из ровика кургана 28 — развалы трех сосудов, из ровика кургана 33 — развал одного сосуда, в ровиках остальных курганов собраны единичные черепки. Развалы трех сосудов происходят из ямы на западной периферии могильника. В семи курганах (4, 13, 25—28, 30) отдельные черепки встречены в насыпях и на погребенном дерне.

В ряде случаев керамика найдена на материке или в неглубоких ямках рядом с бескурганскими погребениями. Крупные фрагменты одного сосуда собраны по разные стороны могильной ямы погребения 6. Та же деталь обряда — крупные обломки одного горшка, лежащие на противоположных краях могильной ямы, — зафиксирована в погребениях 18 и 20, еще один развал расчищен у края могильной ямы погребения 23. Сосуды эти, судя по собранным фрагментам, представляли собой кухонные горшки больших размеров и значительно превосходили по своей емкости сосуды, помещавшиеся в могильные ямы. Примечательно, что из 17 развалов, происходящих из ровиков курганов и с площадки могильника, лишь два можно считать полными, у остальных недостает значительных частей.

Находки разбитых сосудов в ровиках курганов и у края могильных ям, несомненно, представляют собой следы особых обрядов, исполнявшихся на похоронах. Возможно, это остатки «стравы». Отдельные фрагменты средневековой керамики, найденные в курганах, происходят, вероятно, из аналогичных комплексов, разрушенных при сооружении насыпей.

Могильные ямы, как правило, имели в плане форму овала или прямоугольника со скругленными углами (табл. VI). Длина их в подкурганых погребениях, принадлежавших взрослым и подросткам, 2—3,8 м, обычно она равнялась 2,4—3,2 м. В бескурганых погребениях длина составляла 1,9—2,8 м, чаще всего 1,9—2,6 м. Глубина могильных ям известна у 39 подкурганых и 23 бескурганых погребений (табл. 3).

Более половины всех подкурганых погребений было помещено в ямы

Таблица 3

Глубина могильных ям в Кемском некрополе

Глубина могильных ям (см)	Подкурганые погребения	Бескурганые погребения	Глубина могильных ям (см)	Подкурганые погребения	Бескурганые погребения
10	1	—	60	4	5
20	1	1	70	4	2
30	1	2	80	13	1
40	2	8	90	1	—
50	6	4	100	6	—

глубиной 70—100 см, лишь пять — в ямы глубиной менее 40 см. Среди бескурганых погребений 11 находилось в ямах глубиной менее 40 см, девять — в ямах глубиной 50—60 см и три — в ямах глубиной 70—80 см. Можно сделать вывод, что в Кемском некрополе могильные ямы имели значительно большие размеры, чем в остальных могильниках восточного Прионежья. Мелкие ямы, характерные для грунтовых могильников этого региона, встречаются лишь как исключение. При сравнении размеров ям подкурганых и бескурганых погребений выясняется, что первые имели большую длину и глубину.

Остатки деревянного гроба зафиксированы лишь в одной могильной яме, и о деревянных сооружениях, находившихся в могилах, мы можем судить в основном по находкам железных гвоздей, происходящих из 56 (81,1%) ненарушенных погребений. Среди подкурганых погребений доля могил, содержащих гвозди, 93,4%, среди бескурганых — 56,5%. Количество гвоздей варьирует от двух—четырех до 20, чаще всего бывает 8—13. Обычно гвозди лежат на двух уровнях в головах и ногах погребенного справа и слева (табл. VI, I, II, IV, V, VIII, X), нередко, кроме того, и в области таза. Судя по расположению гвоздей, можно сделать заключение, что в 20 погребениях гробы были прямоугольными, в семи предположительно восстанавливается трапециевидная в плане форма гроба. В подкурганых погребениях, принадлежащих взрослым, длина гроба 2—3 м, в бескурганых она не превышала 2,2 м.

Сделать определенные выводы относительно конструкции гробов трудно. Ясно, что часть гвоздей, найденных в головах и ногах, служила для крепления крышки к торцовым стенкам. Длинные массивные гвозди, лежащие горизонтально на уровне дна могильной ямы в строго симметричном положении, скрепляли боковые стенки с торцовыми или с дном гроба. Несмотря на важные конструктивные функции гвоздей, ясно, что при изготовлении гробов часть досок скреплялась без их помощи. Так, невозможно предположить, что для скрепления днища гроба и его боковых стенок было достаточно четырех — шести гвоздей. В то же время для прикрепления крышки гроба к раме было необходимо два-три гвоздя, однако в ряде погребений для этой цели было использовано не менее 10 гвоздей. Поэтому можно предположить, что употребление гвоздей диктовалось не только практическими соображениями, но и требованиями обряда. Любопытно, что гробы, при изготовлении которых было использо-

вано значительное количество гвоздей, находились в самых больших могильных ямах.

Таким образом, использование гвоздей при изготовлении гробов можно считать характерной чертой погребального обряда Кемского некрополя. Эта деталь обряда резко выделяет Кемский некрополь среди остальных могильников восточного Прионежья.

В четырех погребениях рядом с металлическими вещами сохранились небольшие фрагменты бересты. Очевидно, бересту клали на дно гроба или покрывали ею тело погребенного сверху.

Мы располагаем данными об ориентировке 61 погребения (рис. 2, з). Подавляющее большинство из них (50) ориентировано на запад, нередко с отклонением на север или на юг, не превышающим 20–25°. У трех погребений ориентировка юго-западная, у восьми — северо-западная. Различия в ориентировке подкурганых и бескурганых погребений не прослеживаются — для тех и других западное направление было нормативным. Отклонения от точного положения головой на запад закономерны, если учесть, что направление сторон горизонта определялось по солнцу. Поскольку угол максимального удаления точки восхода от истинной точки востока в дни зимнего и летнего солнцестояний равен 23,5°, ошибка на 25° вполне допустима.

Умерших, за редким исключением, хоронили на спине в вытянутом положении (табл. VI). Необычное положение отмечено лишь в бескурганном погребении 14: женщина была помещена в узкой и короткой яме на спине, позвоночник согнут, череп повернут на левый бок, ноги подогнуты. Положение рук установлено лишь в 29 погребениях. Как и в групповых могильниках восточного Прионежья, в Кемском некрополе преобладают погребения с вытянутыми или слегка согнутыми руками (21 погребение). Зафиксированы и другие варианты — одна рука вытянута, другая согнута под углом 90° (четыре случая), обе руки согнуты на 45° (один случай), обе руки согнуты на 90° (три случая). Последний вариант, распространившийся в Восточной Европе под влиянием христианства, появился в Кемском некрополе значительно раньше, чем в других могильниках восточного Прионежья, хотя и не стал доминирующим.

Из 57 ненарушенных захоронений 45 (78,9%) содержали сопровождающий инвентарь — бытовые вещи, орудия труда, посуду. Среди погребений в курганах захоронения с инвентарем составляют 94,3%, среди бескурганых — 60,9%. Обычный набор инвентаря в женском погребении включал нож, гребень и одну или несколько монет, иногда он дополнялся керамическим сосудом. В мужских погребениях этот набор включал, помимо перечисленных предметов, топор.

Ножи найдены в 44 погребениях. И в мужских, и в женских погребениях ножи лежали чаще всего у таза или бедра погребенных (табл. VI, I, II, IV, VI, VII, IX, X). Очевидно, кожаные ножны, в которых находились ножи и остатки которых довольно часто сохраняются в погребениях, подвешивались к поясу. В пяти случаях зафиксировано положение ножа в области живота или груди, в одном случае — в ногах костяка. В трех погребениях найдено по два ножа.

Топоры найдены в 18 мужских погребениях и одном детском. Из 20 ненарушенных мужских погребений в курганах их не было лишь в пяти,

причем в одном случае на месте железного топора лежал бронзовый топорик-амулет, в другом отсутствие топора компенсировалось наличием в погребении меча. Ясно, таким образом, что топор был одним из наиболее важных предметов в наборе сопровождающих вещей. Среди топоров — 11 боевых и восемь рабочих. Чаще всего топор лежал справа у колена или у стопы погребенного лезвием к стенке ямы, в четырех случаях — у бедра (табл. VI, II, IV, V, IX). Почти все боевые топоры найдены в погребениях молодых мужчин, а рабочие — в погребениях мужчин зрелого возраста.

Гребни сопровождали 15 погребений. Обычное их положение — у таза или в области живота. В одном случае прослежены остатки кожаного кошелька или футляра, в котором находился гребень. В четырех погребениях встречены бронзовые топорик-амулеты. Два из этих захоронений принадлежали юношам-подросткам, два — детям, во всех четырех топорик лежали в области ног, на месте настоящих топоров. В ногах двух детских костяков обнаружены керамические писанки. По одному разу в мужских погребениях найдены кресало с кремнями, шило, бронзовое навершие рукояти плетчи, бронзовое острие с кольцом, наконечник копья, наконечник стрелы и меч. В женских погребениях по одному разу встречены кресало и игла. Одно из детских погребений сопровождалось тремя наконечниками стрел, в другом найден набор амулетов, включавший астрагалы и когти животных, орехи, косточки плодов, раковину каури, костяной цилиндр, костяной диск с отверстием и деревянную палочку с нарезками.

В целом ассортимент бытовых вещей и орудий труда, сопровождавших погребения, был довольно стабильным. В женских погребениях он беднее, чем в мужских. Орудия труда и оружие найдены почти исключительно в погребениях мужчин и детей (мальчиков). Предметы вооружения и воинского снаряжения найдены в 14 погребениях, 12 из которых подкурганые и лишь два — бескурганые.

Из 14 погребений (семь мужских, два женских и пять детских) происходят керамические сосуды — горшки и чашки. Все они стояли в ногах костяков (табл. VI, I, III, V, VI, VIII). В одном из погребений (к. 8, п. 2) было два сосуда — круговая чашка с поливой и небольшой лепной горшок. В кургане 10 рядом с аналогичной чашкой обнаружен костяк птицы, а в кургане 11 рядом с горшком — кости животного.

В Кемском некрополе найдено 77 целых и фрагментированных монет без ушек и отверстий для подвешивания. Они происходят из 26 погребений (табл. 4).

Доля погребений с монетами — «оболами мертвых» среди всех ненарушенных погребений могильника 42%. Среди мужских погребений доля захоронений с монетами 52%, среди женских — 50%, среди детских — 33,3%. Почти все монеты без ушек происходят из курганов, в бескурганых погребениях они найдены лишь трижды.

Число монет в погребении могло быть различным. В 11 захоронениях найдено по одной монете, в шести — по две, в четырех — по три, в трех — по четыре, в одном — пять и в одном — 24. Чаще всего монеты находились у таза погребенного или в области шеи и нижней челюсти. Очевидно, монеты, найденные у нижней челюсти, были положены в рот погреб-

Таблица 4
Погребения с «оболоми мертвых» в Кемском некрополе

№ погребения	Пол умершего	Возраст умершего	Число монет	Положение монет
К. А-2, п. 1	Муж.	?	3	На груди
К. А-3, п. 1	Муж.	?	1	На челюсти
К. А-4, п. 1	Муж.	?	5	1 – в ногах, 4 – на груди
К. 2, п. 2	Муж.	25–30	2	1 – между челюстями, 1 – под пяточной костью
К. 4, п. 1	Муж.	45–55	4	2 – у таза, 1 – у колена, 1 – под пяточной костью
К. 4, п. 2	Жен.	4–6	2	1 – у челюсти, 1 – у таза
К. 8, п. 2	Жен.	4–8	2 (целая и половинка)	Между бедер
К. 9, п. 1	Жен.	60–65	1	Между челюстями
К. 9, п. 3.	Муж.	17–19	2 (фрагменты)	У таза
К. 10, п. 1	Жен.	18–20	3	В сжатой кисти левой руки
К. 11, п. 1	Муж.	30–35	2 (1 – с вырезами)	1 – на животе, 1 – у таза
К. 13, п. 2	Жен.	30–40	1 (фрагмент)	На груди
К. 16, п. 1	Жен.	35–45	1	Между челюстями
К. 16, п. 2.	Муж.	25–35	24	6 – в области шеи, 4 – в области груди, 5 – в области живота и таза, 8 – у бедер, 1 – в ногах
К. 18, п. 1	Муж.(?)	45–55	3	В области живота
К. 22, п. 1	Жен.	20–30	1	Между челюстями
К. 28, п. 1	Муж.	20–35	1	?
К. 29, п. 1	Муж.	45–55	1	У бедра
К. 33, п. 2	Жен.	20–35	3 (фрагменты)	В области живота
К. 35, п. 1	Муж.	14–16	4	У таза
К. 37, п. 3	Муж.	3–5	1	В области живота
К. 38, п. 1	Муж.	25–35	1	У таза
К. 41, п. 1	Муж.	40–50	2	У бедра
Бескурганное погребения				
3	Муж.(?)	3–5	4	1 – у черепа; 3 – у таза
4	Муж.	20–25	2 (1 – фрагмент)	1 – на челюсти; 1 – у таза
9	Жен.(?)	1–2	1	У черепа

бенному. Монеты, лежавшие в области таза, находились, вероятно, в кошельках, куда были положены также костяные гребни, обнаруженные вместе с монетами в пяти погребениях. Остатки кожаного кошелька, содержащего монету и две стеклянные бусины, зафиксированы в погребении 3 кургана 9. В четырех случаях монеты находились на груди погребенного, в пяти – в области живота, в четырех – у бедра, в двух – у колена, в трех – в ногах. В тех случаях, когда погребение сопровождалось несколькими монетами, они могли находиться в различных местах – у челюсти и в ногах, у челюсти и у бедра, на груди и в ногах. В погребении 2 кургана 16, где найдено 24 денария (табл. VI, II), монеты лежали в самых разных местах: в области головы, на груди, животе и бедрах. Несколько монет расщиплено сбоку, на бедренных костях, в положении на ребре. Очевидно, они были положены на бедра погребенного и приняли вертикальное положение, после того как истлели мягкие ткани. Ясно, что большинство монет, обнаруженных в этом погребении, было положено на тело умершего или непосредственно в гроб.

В. Л. Янин высказал мнение, что в качестве мелкой платежной единицы в Древней Руси, помимо монет, могли использоваться стеклянные бусы, стандартные изделия, обладавшие устойчивой стоимостью⁴². Кроме уже отмеченной находки бус в кошельке вместе с монетой, в Кемском некрополе можно указать шесть случаев находок одной или двух бусин в мужских погребениях. Положение их за черепом, на груди, в области таза, у локтя погребенного или в заполнении могильной ямы исключает возможность использования их в качестве детали одежды (например, пуговицы). Не исключено, что в этих случаях бусы играли роль «оболов мертвых», заменяя отсутствовавшие монеты.

В Кемском некрополе обычай сопровождать погребения «оболом мертвого» можно считать одним из наиболее существенных и стабильных элементов погребального обряда. Монеты с одинаковой частотой клали как в мужские, так и в женские погребения. Положение и число монет при этом было не регламентировано. В бескурганное захоронения монеты клали значительно реже, чем в подкурганное.

Большинство женщин в Кемском некрополе погребено с украшениями. Из 15 ненарушенных женских погребений они отсутствовали лишь в трех – одном подкурганном и двух бескуранных. Все погребения принадлежали женщинам 20–30 лет. В мужских погребениях украшения и металлические детали одежды редки, за исключением поясных пряжек и бус, использовавшихся как пуговицы.

В двух детских и трех женских погребениях встречены крестики, находившиеся на груди (к. 8, п. 2; к. 9, п. 1; к. 10, п. 1; к. 13, п. 2; г. м., п. 7). Все эти погребения сопровождалась украшениями, причем в погребениях в курганах 8 и 10 представлены наиболее богатые в Кемском некрополе женские уборы. В обоих этих погребениях крестики входили в состав одного комплекса украшений с подвесками-амулетами.

Погребальный обряд Кемского некрополя резко контрастирует с обрядом грунтовых могильников восточного Прионежья. Хотя некоторые его черты (устойчивая западная ориентировка, значительная глубина могильных ям, изготовление гроба с использованием гвоздей) сближают Кемский некрополь с такими памятниками, как Крохинские Пески и Кис-

нема, в целом этот обряд представляет собой самостоятельное явление, противостоящее тем формам обрядности, которые в XI в. становятся господствующими в регионе.

Погребальный обряд Кемского некрополя в своей основе восходит к общедревнерусской традиции. С ней связаны такие его черты, как курганные насыпи над погребениями и западная ориентировка. Достаточно типичным для восточнославянских курганных могильников можно считать и набор бытовых вещей, включающий нож, гребень и горшок⁴³. Следы ритуального битья посуды на «страве» также отмечены во многих курганных могильниках Древней Руси⁴⁴. Эти особенности погребального обряда в равной мере характерны для различных регионов, заселенных восточными славянами (преимущественно для лесной полосы Восточной Европы), и не имеют ярко выраженной локальной или этнической окраски. Другие детали обряда имели более ограниченное распространение. Остановимся на них подробнее.

Для Кемского некрополя характерны погребения в глубоких могильных ямах. На большей части Древней Руси в XI в. ингумации на горизонте постепенно были вытеснены игумациями в грунтовых ямах, но в разных областях этот процесс происходил с разной интенсивностью. В юго-восточном Приладожье и юго-западном Белозерье, территориально наиболее близких к восточному Прионежью регионам, для которых характерен курганный обряд, древнейшие ингумации в грунтовых ямах относятся к XI в., однако лишь в XII в. эти погребения становятся преобладающими⁴⁵. В Костромском Поволжье ингумации на горизонте сохраняются вплоть до XII в.⁴⁶ С другой стороны, в центральных районах Новгородской земли, в том числе в Верхнем Полужье и в бассейне Мологи, ингумации в подкурганых ямах уже в XI в. получают значительное распространение⁴⁷. По-видимому, центрами распространения этого обряда в X—XI вв. были города и торгово-ремесленные поселения: ранние игумации в грунтовых ямах известны в Гнездове⁴⁸, Тимереве⁴⁹, Пскове⁵⁰; в XI в. этот обряд был преобладающим в некрополе Суздаля⁵¹ и в деревенских могильниках Новгородской округи⁵².

Вопрос о появлении гробов, скрепленных гвоздями, в Древней Руси до сих пор не был предметом специального рассмотрения. А.-С. Грелунд, суммировавшая данные о находках гвоздей в погребениях Скандинавии, пришла к заключению, что распространение гробов, скрепленных гвоздями, произошло здесь под влиянием западноевропейской обрядности, истоки которой восходят к позднеимскому времени, и сочла возможным атрибутировать погребения в гробах трапецевидной формы как христианские⁵³. Древнейшие погребения в гробах с гвоздями на территории Северо-Восточной Руси относятся ко времени не позднее X в. (Тимерево, Михайловское)⁵⁴, в XI в. они становятся обычными для городских некрополей⁵⁵. В сельских районах Северо-Западной Руси погребения в гробах, скрепленных гвоздями, появились в XI в., но в целом они не характерны для рядовых сельских могильников Новгородской земли⁵⁶ и получили распространение лишь в некрополях пригородных сел⁵⁷. По-видимому, распространение этого обычая было первоначально связано с городскими центрами Руси и происходило не без влияния христианства.

Обычай совершать захоронения в глубоких грунтовых ямах в гробах,

скрепленных гвоздями, не мог появиться на Кеме под влиянием сопредельных сельских районов, население которых хоронило покойников в курганах. Источником его заимствования в XI в. могла быть лишь обрядность населения городов и пригородных сел Северо-Западной и Северо-Восточной Руси.

К числу особенностей, не характерных для рядовых сельских некрополей, относится обычай сопровождать погребения предметами вооружения и воинского снаряжения. В курганах XI—XII вв. погребения с оружием встречаются лишь sporadически. В основном это погребения с боевыми топорами, находки мечей в курганах того времени исключительно редки. Исчезновение оружия из погребений XI в. объясняют обычно тем, что лица, являвшиеся его обладателями, строго придерживались норм христианской обрядности. Многие исследователи считают, что появление оружия в погребениях XI—XII вв. на северной периферии Руси отражает влияние финно-угорской обрядности⁵⁸. Однако для Кемского некрополя такое объяснение неприемлемо — в других погребальных памятниках восточного Прионежья финно-угорские черты выражены гораздо ярче, однако оружие в них представлено единичными находками. Пытаясь объяснить появление предметов вооружения в Кемском некрополе, следует иметь в виду, что здесь найдены и другие предметы, выпадающие из обычного набора вещей в курганных комплексах XI—XII вв. Это поливные чашечки иранского производства, поливные писанки, бронзовые амuleты-топоры. По-видимому, помещение этих вещей в погребения имело какое-то престижное значение. Оно может рассматриваться как отголосок пышной языческой обрядности «дружбинных» курганов X в., в которых оружие, дорогие бытовые вещи и украшения символизировали высокий социальный статус погребенных. Естественно, речь может идти не о прямой преемственности, а лишь о частичном возрождении архаичных языческих представлений в XI в. в одной из самых отдаленных точек славянского расселения.

Находки монет — «оболов мертвых» в древнерусских курганах рассмотрены в специальной статье В. М. Потина. Исследователь пришел к выводу, что они концентрируются в основном в двух регионах — на северо-западе Руси (преимущественно в Приладожье) и в Волго-Окском междуречье. Поскольку древнерусское население этих областей формировалось при значительном участии местных финно-угров, В. М. Потин сделал заключение, что обычай хоронить с «оболом мертвого» имеет финно-угорское происхождение и в меньшей степени связан со скандинавской обрядностью. Для погребального обряда славян он признан не характерным⁵⁹. Между тем, концентрацию погребений с «оболоми мертвых» в Приладожье и Волго-Окском междуречье можно объяснить другими факторами.

Во-первых, северо-запад Руси и Волго-Окское междуречье в конце X — начале XII в. входили в зону активного обращения западноевропейского денария, в отличие от южных областей, куда денарий практически не поступал. Во-вторых, здесь исследовано огромное количество погребений «монетного» периода, тогда как во многих смежных районах они немногочисленны или вовсе неизвестны. Добавлю, что в «чистых» финно-угорских памятниках — например, древнемордовских или древнемарий-

ских могильниках X—XI вв.— монеты встречаются почти исключительно как подвески к ожерельям.

Нельзя считать плодотворной и саму попытку связать распространение «обола мертвых» с определенной этнической средой. В сводке В. М. Потина учтено 73 погребения с «оболами мертвых», происходящих со всей территории Руси, где раскопано несколько десятков тысяч курганов «монетного» периода. И хотя эта сводка может быть существенно дополнена, ясно, что обычай «обола мертвых» в X — начале XII в. был сравнительно редким. Носителями его были не крупные этнические общины, а отдельные немногочисленные группы лиц.

В Кемском некрополе почти половина всех погребений сопровождалась «оболами мертвых». Чтобы оценить, насколько исключительным можно считать это явление, приведем некоторые данные о доле погребений с монетами — «оболами мертвых» в других могильниках Северной и Восточной Европы. В Бирке они составляют 10%⁶⁰, в могильнике Луистари на юго-западе Финляндии, исключительно богатом находками монет, — 17%⁶¹. В Приладжье, где найдено около 150 монет, доля погребений с «оболами мертвых» невелика: в 250 курганах, раскопанных на Ояти, зафиксировано лишь 23 погребения с монетами, присутствующими в захоронениях в качестве денег⁶². В юго-западном Белозерье, где находки монет также обильны (около 70 куфических, византийских и западноевропейских монет), «оболы мертвых» обнаружены лишь в девяти погребениях из 660 раскопанных⁶³. В курганных группах, насчитывающих несколько десятков исследованных курганов XI в. (Шестово, Кобожа, Новинки I, II), отмечено по одному-два погребения с «оболами мертвых».

Единичные погребения с «оболами мертвых» спорадически встречаются в различных пунктах Древней Руси, и появление их на Кеме можно было бы считать заурядным археологическим фактом. Однако то обстоятельство, что частота встречаемости «оболов мертвых» на Кеме в несколько раз выше, чем в других памятниках, где зафиксирован этот обряд, а количество погребений с «оболами мертвых» здесь превосходит количество их в любом другом древнерусском некрополе, не может быть оставлено без внимания.

При этом очевидно, что если обычай «обола мертвого» был принесен на Кему извне, то превращение этого редкого элемента погребального обряда в пору ритуала произошло не в результате внешнего влияния, а под воздействием внутренних факторов.

По-видимому, лица, погребенные в Кемском некрополе, обладали значительным количеством серебра и, что более важно, постоянно осуществляли какие-то денежные операции, связанные с контролем над вывозом пушнины из внутренних областей Севера. В этих условиях представления о платежах (не обязательно денежных), сопровождавших переход умершего в загробный мир, имевшие в средневековье универсальное распространение, но находившие различное выражение в погребальном обряде, реализовались в форме «обола мертвого».

Среди захоронений с монетами выделяется погребение 2 в кургане 16, содержавшее 24 денария. Найдены столь большого количества монет в погребениях исключительно редки⁶⁴.

Погребения, содержавшие значительное количество монет, В. М. Потин считает захоронениями купцов⁶⁵, однако эта атрибуция проблематична. Известно, что для древнерусского погребального обряда не характерно наличие в погребениях предметов, маркирующих профессиональную принадлежность погребенных: нам неизвестны погребения ремесленников с орудиями их ремесла или погребения земледельцев с сошниками. Более правдоподобным выглядит предположение, что находки в погребениях полутора-двух десятков монет отражают представление о значительных размерах платежа, необходимого в ряде случаев для перехода умершего в загробный мир. Если считать, что весовая норма монет из погребения 2 кургана 16 соответствовала двум вевершам (0,7 г)⁶⁶, общая денежная сумма в этом погребении должна быть оценена в 8 кун, что составляет около трети гривны. Необычно высокий размер платежа мог быть связан с особым социальным положением погребенного или особыми обстоятельствами смерти.

Погребальный обряд Кемского некрополя ориентирован, с одной стороны, на обрядность христианизированного населения феодальных центров Руси с характерным погребением в грунтовой яме в деревянном гробу, головой на запад, без сопровождающего инвентаря, с руками, сложенными на груди или животе. Однако на периферии Руси, в полужыческом славяно-финском окружении, эта обрядность плохо вписывалась в общий культурный контекст. Как я пытаюсь показать ниже, коллектив, оставивший Кемский некрополь, играл исключительно важную роль в регионе, осуществляя контроль над водным путем, связывавшим Новгород с внутренними областями Севера. В сознании обитателей северных окраин скромный христианский обряд не соответствовал особому положению этого коллектива. Для выражения в погребальном обряде высокого социального престижа входивших в него лиц необходимой оказалась реставрация некоторых элементов репрезентативной языческой обрядности X в., характерной для тех памятников, за которыми в литературе закрепилось название «дружинные некрополи».

Существование в Кемском некрополе подкурганных и бескурганных погребений не связано с какими-либо этническими различиями и не может быть объяснено причинами хронологического порядка. Очевидно, оно отражает различный социальный статус погребенных. Выше отмечалось, что для погребений в курганах характерны большие размеры могильных ям, большее количество сопровождающего инвентаря, в них чаще встречаются монеты и оружие. По-видимому, в обычных грунтовых могилах хоронили преимущественно детей и взрослых в тех случаях, если они были лично несвободными. К сожалению, это предположение трудно проверить, так как мы не знаем, насколько распространенным явлением можно считать сосуществование в одном могильнике подкурганных и бескурганных погребений. Для ответа на этот вопрос необходимы раскопки древнерусских курганных могильников сплошной площадью.

Итак, в восточном Прионежье существовало два типа погребального обряда. Один из них связан с древнерусской курганной традицией и получил в XI в. ограниченное распространение в тех пунктах, которые были центрами славянского расселения в регионе. Основным типом погребального обряда стал обряд грунтовых могильников, синтезировавший эле-

менты финно-угорской и славянской обрядности. В этом обряде отчетливо выразились черты своеобразия культуры восточного Прионежья в средневековье.

- ¹ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. Л., 1971 (Сб. МАЭ. Т. 27). С. 232, 233; Она же. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Севера и Сибири. М., 1980. С. 135.
- ² Подобное положение погребений неоднократно зафиксировано в Деревяницком могильнике. См.: Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовой могильник у пос. Деревяницы около Новгорода // НИС. Л., 1984. Т. 2 (12). С. 47.
- ³ Харузин Н. Н. Русские лопари // ИОЛЕАЭ. М., 1890. Т. 16. С. 324; Manker E. Lappmarksgravar: Dödsföreställning och gravskik i Lappmarkerna // Acta Lapponica. Stockholm, Göteborg; Uppsala, 1961. V. 17. S. 201–203; Storå N. Burial Customs of the Skolt Lapps // Folklore Fellow Communications. Helsinki, 1971. V. 210. P. 96, 176; Соколова З. П. Пережитки... С. 229–234; Она же. Ханты и манси. С. 136.
- ⁴ Storå N. Burial Customs... P. 97, 147, 148.
- ⁵ Житие Артемия Веркольского // ГИМ. Синодальное собр. № 868. Л. 42; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 254.
- ⁶ Житие и чудеса святого Артемия, Веркольского Чудотворца. СПб., 1880. С. 2.
- ⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести... С. 215, 218, 228.
- ⁸ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 1984. № 4. С. 198–202, 210–212.
- ⁹ Барсов Е. В. Причитания Северного края. М., 1872. С. 307.
- ¹⁰ Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 246; Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3. С. 68.
- ¹¹ Рябинин Е. А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 95, 96.
- ¹² Истомина Т. В. Погребальный обряд перми вычегодской (X–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 5.
- ¹³ Manker E. Lappmarksgravar... S. 184, 185; Соколова З. П. Пережитки... С. 230–235; Грачева Г. Н. Погребальные сооружения у ненцев устья Оби // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. Л., 1971 (Сб. МАЭ. Т. 27). С. 262.
- ¹⁴ Storå N. Burial Customs... P. 140, 141; Manker E. Lappmarksgravar... S. 185.
- ¹⁵ Лебедев В. В. Селькупы // Семейная обрядность народов Севера и Сибири. М., 1980. С. 155–158.
- ¹⁶ Истомина Т. В. Погребальный обряд... С. 5.
- ¹⁷ Недошивина Н. Г. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 194, 195.
- ¹⁸ Рябинин Е. А. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 23–26.
- ¹⁹ Воронина Р. Ф. Парные захоронения средневековой мордовы VIII–XI вв. // КСИА. М., 1983. Вып. 175. С. 39–43.
- ²⁰ Истомина Т. В. Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Пермь, 1982. С. 78–87.
- ²¹ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 18; Она же. Новые курганы в юго-восточном Приладожье // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 117; Назаренко В. А. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами // КСИА. М., 1974. Вып. 140. С. 40, 41, 45.
- ²² Андреева Е. Г. Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из курганных погребений X–XI вв. // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 93, 94.
- ²³ Седов В. В. Новгородские сопки // САИ. М., 1970. Вып. Е1–8. С. 21.
- ²⁴ Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. V. 1: The Graves // SMYA. Helsinki, 1982. V. 82 : 1 P. 38–41.
- ²⁵ Журавлев А. Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 80, 81; Mebius H. Samiska traditioner av offer // Skrifter utgivna av religionshistoriska institutionen Uppsala. Lund, 1972. V. 9. S. 68, 72, 73; Manker E. Lapparnas heliga Ställen // Acta Lapponica. Uppsala, 1957. V. 13. S. 40, 45, 52, 316; Козлов Н. Архангельская губерния: Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865. С. 269.
- ²⁶ Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4. С. 261–264.
- ²⁷ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье... С. 11–18; Назаренко В. А. О погребальном ритуале... С. 39–45; Тухтина Н. В. Ритуальные очаги в курганах южного Приладожья // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 242–244.
- ²⁸ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. Л., 1934. Вып. 94. С. 5–18; Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье... С. 63; Назаренко В. А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 155.
- ²⁹ Песonen П. Э. Памятники раннего средневековья на Муромском озере // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 95–102; Панкрушев Г. А. Отчет о работе Восточнокарельской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА. Р-1. № 3456. Л. 33, 34.
- ³⁰ Черницын Н. А. Угро-финские могильники на территории Вологодской обл. // СА. 1966. № 4. С. 196–201; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 197–215; Гуслястов Н. В. Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 109, 110; Он же. Раскопки и разведки в Вологодской обл. // АО 1979 г. М., 1980. С. 7; Макаров Н. А. Работы Онежско-Сухонского отряда // АО 1983 г. М., 1985. С. 20.
- ³¹ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 198–202, 210–212.
- ³² Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 134, 135.
- ³³ Макаров Н. А. О некоторых комплексах середины–третьей четверти I тысячелетия н. э. в юго-восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 29, 30.
- ³⁴ Шмидегельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллинн, 1955. С. 49–52, 111–114, 128–131; Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. С. 15–21; Salo U. Die Frühromische Zeit in Finnland // SMYA. Helsinki, 1968. V. 67. S. 183–187.
- ³⁵ Третьяков П. Н. К истории племени Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА. М.; Л., 1941. № 5. С. 58–60, 85; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94. С. 75–82; Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Погребальное сооружение на городище «дыякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 140–153.
- ³⁶ Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 11–17.
- ³⁷ Башенькин А. Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 77–80.
- ³⁸ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 61–63; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 67, 68.
- ³⁹ Куза А. В., Никитин А. Л. Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Перельсавля-Залесского // КСИА. М., 1965. Вып. 104. С. 117–120; Комаров К. И. Новые раскопки Купанского могильника // КСИА. М., 1975. Вып. 144. С. 91–94.
- ⁴⁰ Никитин А. В. Городище и могильник у д. Крестцы // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 104, 105.
- ⁴¹ Конецкий В. Я. Нередицкий могильник // КСИА. М., 1980. Вып. 164. С. 83–86; Он же. Древнерусский грунтовой могильник... С. 39–61; Конецкий В. Я., Носов Е. И. Юрьевский жалник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 40, 41.

Предметы вооружения и хозяйственно-бытовой инвентарь

*

Сопровождающий инвентарь из могильников восточного Прионежья включает некоторые бытовые предметы и орудия труда. Основную часть коллекции составляют обычные вещи, наиболее употребительные в домашнем обиходе и хозяйственной деятельности, — керамические сосуды, ножи, топоры, наконечники стрел и т. п. Предметы вооружения немногочисленны, почти все они найдены в погребениях Кемского некрополя. Естественно, что эта коллекция включает лишь немногие категории вещей, помещение которых в погребение было регламентировано погребальным обрядом. Тем не менее, она дает возможность составить общее представление о материальной культуре восточного Прионежья и в какой-то мере оценить уровень его хозяйственного развития.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ОРУДИЯ ТРУДА

Меч. Единственный меч найден в кургане 1 в Кемской группе. Он имеет небольшое полукруглое навершие и узкое и длинное (21 см) перекрестье (табл. VII, I). Рукоятка не ornamentирована. Общая длина меча составляла 95 см, острей клинка утрачено при реставрации. Ширина клинка около 5 см. Меч может быть отнесен к типу X по классификации Я. Петерсена — А. Н. Кирпичникова¹. Этот тип — один из самых простых и вместе с тем самых распространенных, особенно в Скандинавии, Финляндии и Польше. Петерсен выделил поздний вариант мечей типа X, для которого характерно маленькое навершие и удлиненное перекрестье, достигающее 17,7 см². Меч из Кемского некрополя обнаруживает наибольшую близость к мечам этого варианта, хотя его перекрестье на 3,3 см длиннее. Этот признак сближает его с мечами XII—XIII вв. (тип IV по А. Н. Кирпичникову, тип X по А. Рутткау). Сходство вполне объяснимо, если учесть, что большинство исследователей считает мечи типа X переходными между мечами эпохи викингов и оружием последующей эпохи. Подобные мечи, относящиеся ко второй половине XI—XII в., одни археологи рассматривают как позднюю разновидность мечей типа X, а другие выделяют в отдельный тип³.

На клинке удалось расчитать остатки клейма: три вертикальные черты (?), две буквы N и букву O: HINNO⁴. Остальную часть надписи невозможно прочесть, так как полоса клинка здесь полностью корродирована. Весьма вероятно, что две или три вертикальные черты в начале клейма представляют собой части плохо сохранившегося изображения

- ⁴² Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 188, 189.
- ⁴³ Недошивина Н. Г. Хронологические различия... С. 187; Белоцерковская И. В. Этнический состав населения Смоленской земли в XI—XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 9, 10.
- ⁴⁴ Недошивина Н. Г. Хронологические различия... С. 186; Леонтьев А. Е. Новые данные о костромских курганах // СА. 1984. № 4. С. 182, 183.
- ⁴⁵ Кочуркина С. И., Линецкий А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 165, 166; Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 12, 13.
- ⁴⁶ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 225; Леонтьев А. Е. Новые данные... С. 177, 192.
- ⁴⁷ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. Сер. Археология СССР. С. 172.
- ⁴⁸ Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А. Раскопки Гнездовских курганов // АО 1977 г. М., 1978. С. 46, 47; Каменецкая Е. В. Раскопки в Гнездове // АО 1980 г. М., 1981. С. 54, 55.
- ⁴⁹ Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 14.
- ⁵⁰ Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова: По раскопкам 1976 г. // КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 75, 76.
- ⁵¹ Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 94—105.
- ⁵² Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовой могильник... С. 46, 47.
- ⁵³ Gräslund A.-S. Birka. Stockholm, 1980. V. 4: The Burial Customs. P. 43, 44, 83, 84.
- ⁵⁴ Фехнер М. В. Тимеревский могильник. С. 15; Недошивина Н. Г. Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 29.
- ⁵⁵ Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь Суздаля. С. 94—105, 112—114.
- ⁵⁶ Седов В. В. Восточные славяне... С. 174.
- ⁵⁷ Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовой могильник... С. 47.
- ⁵⁸ Седов В. В. Восточные славяне... С. 256.
- ⁵⁹ Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // ТГЭ. Л., 1971. Т. 12. С. 49—75.
- ⁶⁰ Gräslund A.-S. Charonsmynt i vikingatida gravar // Tor. 1965—1966. V. 11. S. 178.
- ⁶¹ Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. V. 2: The Artefacts // SMYA. Helsinki, 1982. V. 82:2. P. 68.
- ⁶² Кочуркина С. И., Линецкий А. М. Курганы летописной веси. С. 171.
- ⁶³ Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье... С. 6. Погребения с «облами мертвых»: Новинки I, к. 90; Новинки II, к. 22; Кабожа, к. 27; Левоча, к. 3, 6; Митино-Зворыкино I, к. 4; Пестово, к. 2, 8.
- ⁶⁴ В древнерусских материалах мне известно лишь три погребения с подобным количеством монет: к. 4 в Дуденево (Верхнее Поволжье), где у кисти руки погребенного найдено 20 монет, сложенных в две стопки; к. 60 у д. Весь на р. Нерль, где 22 монеты лежали в ногах погребенного в холщовом мешке, накрытом перевернутым горшком (Потин В. М. Монеты в погребениях... С. 78, 79, 98, 99); к. 3 в Шангеничах (Приладжье), где найдено 16 западноевропейских монет (Кочуркина С. И., Линецкий А. М. Курганы летописной веси. С. 67). В п. 208 в могильнике Луистари найдено 25 целых и фрагментированных денариев, положенных в кошелек (Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari... P. 68). В отличие от погребений в Кемском некрополе, монеты во всех этих захоронениях лежали компактно.
- ⁶⁵ Потин В. М. Монеты в погребениях... С. 57, 64, 68.
- ⁶⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы... С. 160. Установить истинный вес большинства монет невозможно, так как они имеют очень плохую сохранность.

креста. В этом случае сохранившуюся часть клейма можно реконструировать как † INNO или † NNO. С большой долей вероятности клеймо можно отнести к группе IV по классификации Д. А. Дрбоглава — очевидно, это аббревиатура надписи *In nomine domini* — «во имя Господа» — одна из наиболее обычных формул клинковой эпиграфики⁵. Однако плохая сохранность надписи не позволяет настаивать на данной атрибуции, не исключено, что клеймо следует относить к группе III, также включающей надписи, в начале которых стоят две буквы N⁶.

Топоры. Коллекция топоров насчитывает 41 экз. В ней представлены как боевые, так и рабочие топоры. Большинство образцов хорошо укладывается в типологические разработки Б. А. Колчина⁷ и А. Н. Кирпичникова⁸. Рассмотрим сначала боевые топоры.

К типу IA по классификации А. Н. Кирпичникова относится небольшой (длина 13 см, ширина лезвия около 7 см) топорик с молоточком на тыльной части обуха и оттянутым книзу лезвием с полукруглой выемкой в основании (Ник. III, к. 43, п. 1; табл. VIII, 5). Этот тип топоров довольно редкий. В каталоге А. Н. Кирпичникова приведены сведения о семи экземплярах, найденных на территории Руси, и трех, происходящих из Польши и Пруссии. Исследователь считает этот тип русской переработкой традиционного восточного чекана⁹.

К типу III должен быть отнесен узколезвийный топорик из могильника Нефедьево IA (п. 16; табл. VII, 3). Длина его около 11 см, ширина лезвия 5 см, шейка узкая, на обухе слабо намечены две пары боковых щековиц, на тыльной стороне имеется два мысовидных отростка длиной по 1 см. На лезвии — круглое отверстие для крепления чехла. На боковых гранях сохранились остатки орнамента, инкрустированного серебром по стали. Центральная часть одной из боковых граней украшена чешуйками, каждая из которых образована двумя-тремя концентрическими полукругами. Вдоль нижнего края боковой грани сохранились остатки линии, огибающей поле, заполненное чешуйками. Ближе к краю лезвия заметны две прямые линии — очевидно, это остатки бахромы из язычков. На другой боковой грани прослеживаются лишь слабые следы чешуйчатого орнамента. Согласно А. Н. Кирпичникову, топоры типа III имеют русское происхождение, они встречаются в различных областях Руси, причем значительная серия происходит из Владимирских курганов¹⁰. Узколезвийные топоры с вырезным обухом многочисленны также в памятниках восточных финнов, прежде всего в мордовских могильниках¹¹. В Северо-Западной Руси, Прибалтике и Скандинавии они не получили распространения.

Пять топоров из Кемского некрополя относятся к типу IV (к. А-3 и А-4; к. 11, п. 1; к. 26, п. 2; к. 35, п. 1; к. 38, п. 1; табл. VIII, 1, 2, 8, 9). Они имеют оттянутое вниз лезвие с полукруглым вырезом в основании, две пары боковых щековиц и удлиненный вырезной обух. Длина топоров 12–17 см, ширина лезвия 6,5–12 см. На лезвиях четырех топориков есть круглые отверстия для крепления чехла, нижняя часть лезвия топорика из кургана 26 имеет изогнутый заостренный язычок. Наиболее интересен топорик из кургана 35, украшенный серебряной инкрустацией (табл. VII, 2). По боковым граням, вдоль верхнего края и выемки идут две параллельные линии, простран-

ство, заключенное между ними, заполнено чешуйчатым орнаментом. Примерно посередине лезвия, параллельно его краю, проходит бордюр из четырех сдвоенных линий и коротких косых насечек, располагающихся между ними. На край лезвия спускается бахрома из длинных треугольных язычков с кружками на концах. На шейке орнамент представляет собой короткие черточки между сдвоенными линиями, окаймляющими края боковых граней. Аналогичным образом орнаментирована торцовая часть лезвия. На торцовой части шейки прослеживается плохо сохранившееся изображение двузубца. Согласно А. Н. Кирпичникову, топоры типа IV — самые массовые по числу находок. На территории Руси найдено около 150 топоров этого типа. Широкое распространение такие топоры получили в Прибалтике; в Финляндии и Скандинавии они встречаются редко¹².

В бескурганном погребении 4 в Кемском некрополе найден широколезвийный топор с симметричным лезвием, косо срезанным у режущего края, и двумя парами боковых щековиц (табл. VIII, 3). А. Н. Кирпичников выделяет эти топоры в тип VII. Родиной их является Скандинавия, однако в XI в. они получили широчайшее распространение в северных областях Западной и Восточной Европы. В Финляндии боевые топоры этого типа в XI в. были преобладающими. Основная масса русских находок концентрируется в северо-западных областях¹³.

А. Н. Кирпичников выделил в тип Б секиры с симметричным широким полукруглым лезвием и вырезным обухом¹⁴. В русских древностях известно два подобных топора, один из которых происходит из Тверской губернии, а другой — из Кемского некрополя (к. А-2; табл. VIII, 7). Эти топоры, стоящие особняком среди русских материалов, имеют многочисленные аналогии в Скандинавии и Прибалтике. В числе образцов, наиболее близких по форме широколезвийной секире из Кемских курганов, — инкрустированные топоры из Треллеборга (Дания) и Лантау (Калининградская обл.)¹⁵.

В особый тип В я выделяю топорик, близкие аналогии которому мне неизвестны, из кургана 16 в Кемском некрополе. Топорик имеет симметрично расширяющееся лезвие с прямоугольной выемкой в основании и две пары щековиц (табл. VIII, 10). Длина лезвия около 10 см, ширина — 7,5 см. Топорик, несомненно, боевой.

Все топоры, описанные выше, кроме топорика из могильника Нефедьево IA, датируются серединой — третьей четвертью XI в. Топорик из Нефедьева относится к середине XII в.

Остальные типы объединяют в основном рабочие топоры, хотя некоторые из них и рассматриваются как универсальные, служившие одновременно оружием и орудием труда.

Наиболее многочисленны топоры с прямой верхней гранью, опущенным лезвием и полукруглой выемкой в основании (тип V по А. Н. Кирпичникову). Их найдено 23 (Пп., п. 3; Пг. 1960, п. 2; 1978, п. 1, 2; Ник. III, к. А-3 или А-4; к. 2, п. 2; к. 4, п. 1; к. 7, п. 2; к. 9, п. 2; к. 18, п. 1; к. 28, п. 2; г. м., п. 17; Кис., по. 2, 3, 6, 9; Неф. IA, п. 12, 18; Неф. IB, п. 1, 4, 13; табл. VIII, 11–17; IX, 1–4, 6, 7, 9, 12–14, 16). Самые ранние экземпляры происходят из могильника Погостище и датируются началом XI в.; самые поздние, относящиеся ко второй половине

XII в., — из Нефедьева. Размеры топоров варьируют: длина лезвия 13—19 см, ширина — 7—10 см, однако большинство топоров — массивные, тяжелые, несомненно, они использовались как орудия труда. Лишь один топор этого типа, отличающийся тонким лезвием и коротким острым язычком на краю выемки в основании (Ник. III, к. 2, п. 2; табл. VIII, 14), можно считать боевым.

В северорусских областях в X — первой половине XII в. тип V являлся ведущей формой рабочего топора¹⁶. Не менее характерны топоры этого типа и для Финляндии, где их найдено около 410¹⁷. В XI—XII вв. они получают широкое распространение и у восточно-финских племен. Судя по находкам на поселениях Крутик и Никольское V, в восточном Прионежье топоры типа V вошли в употребление не позднее X в.

Топоры типа VI отличаются от описанных выше двумя парами щековиц. В могильниках восточного Прионежья найдено четыре таких топора (Пг. 1978, п. 2; Ник. III, к. 6, п. 1, 2; Неф. IA, п. 5; табл. VIII, 4, 6; IX, 5, 8). У первых трех топоров верхняя пара щековиц намечена слабо, у топора из Нефедьева щековицы более длинные. Топоры из Кемского некрополя, легкие, с узкой шейкой и язычком на краю выемки, являются боевыми, два других — рабочими. Топоры типа VI широко представлены на Руси, в Финляндии и Скандинавии¹⁸. Экземпляры из восточного Прионежья датируются XI — второй половиной XII в.

Ко второй половине XII и, возможно, началу XIII в. относятся два топора переходного вида 2, по терминологии Б. А. Колчина (Неф. IA, п. 4; Шг., п. 1; табл. IX, 11, 15). Эти топоры имеют симметрично расходящееся лезвие и облегченный обух¹⁹. У топора из могильника Нефедьево — широкий круглый обух без щековиц; более узкий обух топора из могильника Шуйгино снабжен двумя парами щековиц. Топоры переходного вида 2 вошли в употребление в северных областях Восточной Европы во второй половине XII в., сменив топоры типа V. Сложнее этой формы связано, безусловно, с древнерусскими ремесленными центрами, однако в конце XII—XIII в. топоры переходного вида 2 получили распространение и за пределами Руси, в частности у восточнофинских племен²⁰.

Как особую индивидуальную форму можно рассматривать топор, найденный на территории могильника Нефедьево IA в квадрате И-5 (табл. IX, 10). Он имеет широкое симметричное лезвие без выема и обуха с одной парой щековиц, напоминающий обухи топоров типа V. По-видимому, это одна из переходных форм от топоров типа V к топорам с симметричным лезвием и облегченным обухом.

Таким образом, в XI—XIII вв. в восточном Прионежье употреблялись рабочие топоры общедревнерусских или общесевероевропейских типов. Смена типов топоров на этой территории была синхронна смене их в центральных областях Руси. Архаичные топоры финно-угорских типов, в частности втульчатые и узколезвийные проушные, оставшиеся в X—XI вв. в обиходе в поволжско-финских и пермско-финских областях, неизвестны в восточном Прионежье.

Характерные древнерусские типы преобладают и среди боевых топоров, хотя в коллекции присутствуют также топоры типов VII и Б, спе-

цифичные для Фенно-Скандии и Балтийского региона. Чтобы уточнить вопрос о соотношении вещей прибалтийского и древнерусского происхождения среди предметов вооружения, попытаемся установить, с какими ремесленными центрами связаны орнаментированные топоры, найденные в Кемских курганах и могильнике Нефедьево IA.

Оба топорика (табл. VII, 2, 3) могут быть включены в так называемую северобалтийскую группу, выделенную П. Паульсеном²¹. В этой группе насчитывается сейчас 11 топоров, пять из которых найдены в северорусских областях (в Новгороде, у д. Углы в Приладожье, на поселении Луковец на Шексне и в могильниках восточного Прионежья), три — в Прибалтике (Турайда, Кремона, Ирзекапинис) и по одному — в Болгарах, Швеции и Германии²². Вместе с топорами данной группы можно рассматривать также широколезвийную секиру из Лаптау (Калнинградская обл.), близкую им по орнаментации, но отличающуюся от них по форме²³. Определенное сходство с топорами северобалтийской группы обнаруживает и узколезвийный топорик из Биляра, изданный А. А. Спицыным и включенный П. Паульсеном в «варяжскую» группу²⁴.

Несмотря на значительное сходство между всеми топорами северобалтийской группы, они образуют несколько серий, различающихся по орнаменту. Топорик из Кемского некрополя обнаруживает наибольшую близость с топориком, найденным в 1917 г. у д. Углы в Приладожье. Детали орнаментации — двойной ободок по боковым краям, чешуйчатый орнамент, бахромы из язычков, отделенная бордюром от основного поля, — полностью совпадают на обоих топорах. Близки и их размеры. Весьма вероятно, что оба топорика изготовлены одним оружейником. К этой же серии (I) относится и топорик из Новгорода, несколько отличающийся от двух предыдущих по оформлению ободка на боковых краях лезвия, бордюру и по рисунку язычков, составляющих бахрому. По данным Г. Ф. Корзухиной, аналогичным образом орнаментирован топорик из Болгар. В составе этой серии можно, очевидно, рассматривать и топорик из могильника Нефедьево и из Онгерманланда (Швеция), хотя на первом из них отсутствует бордюр из параллельных прямых и заключенных между ними косых черточек, а на втором — бахромы из язычков.

Другую серию (II) составляют топоры из могильника Ирзекапинис и поселения Луковец. Основная часть лезвия у них украшена чешуйчатым орнаментом, а вдоль его края располагаются завитки растительного узора, образующие спирали. Аналогичным образом построен орнамент и на широколезвийной секире из Лаптау. Наконец, последняя серия (III) объединяет три топора, один из которых найден в Брауншвейге и два — в Прибалтике. У этих топоров срединки боковых граней заполнены косорешетчатым орнаментом, а вдоль края лезвия располагаются в одном случае бахромы из язычков, в другом — растительные завитки.

Указав аналогии узорам в виде косой сетки и спиральных завитков, украшающих топоры, в орнаментике некоторых прибалтийских вещей из цветного металла, в том числе на рукоятках мечей, П. Паульсен сделал заключение о прибалтийском происхождении топоров. Исследователь предполагал, что они изготовлены в районе Гауи.

Однако элементы орнамента, составляющие декор топориков, нельзя

считать характерными только для Прибалтики. В XI—XII вв. они находили применение во многих областях Европы, в том числе и на Руси. Среди наиболее известных предметов вооружения, украшенных чешуйчатым орнаментом, — меч начала XI в. из Киева, вышедший, по мнению А. Н. Кирпичникова, из мастерских южнорусских оружейников²⁵. В северных областях Восточной Европы чешуйчатый и косорешетчатый орнамент часто использовался для украшения костяных копоушек и гребней, о чем свидетельствуют находки из владимирских курганов²⁶, Ростова²⁷, Белозерья²⁸, памятников бассейна Чепцы²⁹. Таким образом, в орнаментации топорики трудно найти элементы, связанные с какой-либо устойчивой локальной или этнической традицией.

Отправной точкой для решения вопроса о месте производства топорики может послужить не столько декор, сколько сама форма этих предметов. Следует ли считать их вышедшими из одного ремесленного центра? Этому предположению противоречит разнообразие типов топорики. Если, следуя А. Н. Кирпичникову, считать, что топорики типа III имеют русское происхождение, то все экземпляры, относящиеся к серии I, в состав которой мы включаем топорики из могильника Нефедьево IA и Биляра, должны рассматриваться как продукция русских ремесленников. С другой стороны, поскольку широколезвийная секира из Лаптау связана по происхождению с западной частью Балтийского региона, очевидно, что топоры серии II (экземпляры из Луковца и Ирзекапиниса) произведены в Прибалтике. Можно предположить, что топорики серии III также изготовлены в Прибалтике, хотя бесспорных доказательств в пользу этой точки зрения привести пока невозможно.

Поскольку многие декоративные топорики не имеют твердых археологических дат, хронологическое соотношение различных серий восстанавливается лишь в самом общем виде. Среди топоров серии I имеются экземпляры, дата которых — первая половина (топорик из Новгорода — 1116—1134 гг.³⁰) или середина XII в. Самым ранним датированным экземпляром в этой серии является топорик из Кемских курганов, относящийся к 60—70-м годам XI в. В серии II сравнительно точно может быть датирован лишь топорик из Ирзекапиниса, относящийся к XI в.³¹ Дата секиры из Лаптау неясна, но по типологическим признакам ее следует относить скорее к первой половине XI в., чем во второй. Топорики из Прибалтики и Брауншвейга, выделенные в серию III, П. Паульсен датировал второй половиной XI в.³² Очевидно, что самые поздние датированные экземпляры относятся к серии I и имеют русское происхождение, а в качестве самых ранних с наибольшей вероятностью можно рассматривать топорики серии II, изготовленные в Прибалтике.

Иными словами, декоративные топорики из Кемского некрополя и могильника Нефедьево имеют русское происхождение. Однако первоначальным центром производства топорики северобалтийской группы следует считать Прибалтику.

Наконечники стрел. Их найдено 20. Большинство из них — железные черешковые плоские без упора: двушипные (тип 29 по А. Ф. Медведеву; 2 экз.: Неф. IA, п. 12; IB, п. 7; табл. XXVI, 25), ромбовидные с выпуклыми боковыми сторонами (тип 46; 3 экз.: Ник. III, п. 18; Кис., п. 2; Неф. IB, п. 13; табл. XXVI, 24), с пером в виде правильного ромба

(тип 47; 2 экз.: Ник. III, п. 18; Кис., п. 2), остролистные (тип 61; 7 экз.: Неф. IA, п. 12, 13, 18; Неф. IB, п. 3; Шг., п. 4; табл. XXVII, 22, 23). Стрелы этих типов были наиболее распространены в северных областях Восточной Европы, как на Руси, так и за ее пределами, в XI—XIII вв. и имели универсальное назначение. Один наконечник броневой черешковой граненый, с упором и пером ромбовидных очертаний (тип 83 по А. Ф. Медведеву; Ник. III, к. 6, п. 1; табл. XV, 9). Подобные наконечники являлись боевыми и вошли в употребление в Восточной Европе в XI в.³³

Типологическая принадлежность четырех железных наконечников не установлена (Пг. 1960; КП 1969; Ник. III, г. м., п. 18; Кис., п. 9). Единственный костяной наконечник — черешковый двушипный (Кис., п. 2).

В Кемском некрополе (к. 9, п. 3) найдено небольшое (длина 2,5 см, диаметр 1 см) бронзовое навершие, во втулке которого сохранились остатки дерева (табл. XVII, 8). Верхняя часть навершия оформлена в виде головы хищной птицы и имеет крюк в виде птичьего клюва. Очевидно, это навершие ременной плетки. Подобные предметы встречаются в Восточной Европе на широкой территории от Прибалтики до Прикамья³⁴. Аналогичное назначение имело, по-видимому, и массивное костяное навершие, выточенное на токарном станке и украшенное линейным орнаментом (Пг., п. 7—8). Такие предметы обычны для севернорусских древностей XI—XIII вв.

Из погребения 3 кургана 9 в Кемском некрополе происходит бронзовое острие, рукоять которого снабжена крюком, оформленным в виде стилизованного клюва птицы, и имеет отверстие с продетым в него бронзовым кольцом (табл. XVII, 10). Длина острия 12 см, диаметр кольца 3 см. Точно такие же острия найдены в Приладожье³⁵, Витебской обл.³⁶ и окрестностях Волоколамска³⁷. Распространение и назначение железных игл с кольцами, принципиально сходных с бронзовыми остриями, рассмотрено в специальной статье Л. А. Голубевой³⁸. По мнению исследовательницы, эти предметы входили в состав снаряжения мужчины в походах и на охоте, в Белозерье они проникали с запада, через Приладожье.

БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ

Ножи. Наиболее многочисленной категорией вещей являются ножи — их найдено 98. Из них 41 (Пг., п. 10—12, 13; Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 1, п. 1; к. 7, п. 1, 2; к. 9, п. 2, 3; к. 10, п. 1; к. 11, п. 1; к. 14, п. 1; к. 16, п. 1; к. 22, п. 1; к. 28, п. 1; к. 33, п. 2; к. 35, п. 1; к. 38, п. 1; к. 42, п. 1; к. 43; п. 1; г. м., п. 5, 6, 11, 13, 15, 17, 19; Кис., п. 2, 9; 1959, п. 1, 2; КП 1983, п. 1, 2, 3; Неф. IA, п. 16, 21; Неф. IB, п. 2, 4, 6; Шг., п. 20; Мин.; Тор.; табл. XIII, 26; XIV, 1; XV, 17; XVII, 12; XXI, 39; XXIII, 10; XXIV, 21; XXVIII, 31) относится к группе IV по классификации Р. С. Минасяна³⁹. Они имеют узкое клиновидное лезвие и прямую спинку, отделенную уступом от длинного узкого черенка. Длина клинка колеблется от 4 до 10 см, ширина — 1,5—2 см, клинки, как правило, сильно сточены. Несколько ножей, имеющих характерные для груп-

пы IV форму и пропорции, отличаются небольшими размерами — общая длина их 7,5–8 см. Они происходят из детских и женских погребений. На черенках девяти ножей сохранились остатки дерева от рукоятей, одна из которых была скреплена обмоткой из медной проволоки, а другая — железной обоймочкой. Рукояти трех ножей были костяными. У семи ножей сохранились остатки кожаных ножен, изготовленных из одного куска кожи, согнутого и сшитого вдоль края лезвия. В одном случае в пожнах зафиксирована твердая прокладка из бересты. Самые ранние ножи группы IV найдены в погребениях начала XI в., самые поздние датируются второй половиной XII в.

Близки по форме к группе II по Р. С. Минасяну⁴⁰ 18 ножей (Гр.; Пг. 1959, п. 1; 1960, п. 2; Неф. IA, п. 2, 5, 13, 17, 18; Неф. IB, п. 3, 7; Шг., п. 1, 3, 7, 12; Тор.; табл. XII, 3; XXII, 24; XXV, 25; XXVI, 27; XXVII, 14, 15, 26). Они имеют широкое плоское лезвие и прямую или немного выпуклую спинку, черенок отделен от клинка уступом. Длина лезвия 5,5–11,5 см, ширина — 2–3 см. У четырех ножей на черенках заметны остатки дерева от рукоятей. Одна из рукоятей была стянута бронзовой обоймочкой. Ножи этого типа найдены в погребениях середины XII–XIII в.

Особняком стоят два ножа с длинными (12 см) лезвиями, прямыми спинками и длинными (9–10 см) костяными рукоятями. Оба они происходят из мужских погребений (Ник. III, к. 4, п. 1; Неф. IA, п. 12). Вероятно, это охотничье или боевое оружие.

Типологическая принадлежность 37 ножей не установлена из-за их плохой сохранности (Тих., п. 1; Ник. III, к. А-1, А-2, А-4; к. 4, п. 2; к. 6, п. 1, 2; к. 8, п. 2; к. 9, п. 1; к. 10, п. 1; к. 13, п. 2; к. 16, п. 2; к. 18, п. 1; к. 26, п. 2; к. 29, п. 1; к. 37, п. 1, 2, 3; к. 44, п. 1; г. м., п. 3, 4, 9, 12, 16, 18; Кис., п. 2, 3, 5, 7, 8; Неф. IA, п. 1, 14, 16; Неф. IB, п. 1, 9). У двух из них сохранились остатки деревянных рукоятей, скрепленных обмоткой из медной проволоки, у одного — остатки кожаных ножен. Очевидно, для скрепления рукояти ножа предназначалась железная обоймочка, найденная в Кемском некрополе (к. 6, п. 1).

Оба типа ножей, представленных в восточном Прионежье, были впервые детально описаны Б. А. Колчиным при публикации новгородских материалов⁴¹. Впоследствии, при изучении массовых материалов из других памятников, было установлено, что в X — первой половине XII в. ножи с узким клиновидным лезвием преобладали на севере Восточной Европы. Появившись в IX–X вв. на северо-западе Руси, этот тип распространился далеко на восток, вплоть до Чепцы и Вычегды⁴². На Белом озере ножи этого типа вошли в употребление не позднее начала X в.⁴³, однако в этот период здесь, как и на других финно-угорских территориях, продолжали употребляться ножи с прямой спинкой без уступа при переходе от клинка к черенку, характерные для культуры прибалтийских и поволжских финнов второй половины I тысячелетия н. э.⁴⁴ и дожившие в некоторых районах до начала II тысячелетия. В погребальных памятниках восточного Прионежья XI–XII вв. ножи с прямой спинкой не представлены. Очевидно, здесь этот архаичный тип был полностью вытеснен ножами группы IV. Период применения ножей группы IV в восточном Прионежье соответствует времени их бытования

на основной территории Руси. В середине XII в. в восточном Прионежье, как и в других областях Восточной Европы, появляются изготовленные по более простой технологической схеме ножи с широким плоским лезвием. К концу XII в. они полностью вытесняют ножи группы IV.

Кресала. Из шести кресал два относятся к типу калачевидных, одно из них имеет язычок (Ник. III, г. м., п. 15), другое — нет (Кис., п. 8). Оба они датируются серединой — третьей четвертью XI в. Два кресала имеют форму прямоугольника со скругленными углами, одно из них небольшое (7,5×3 см; Пш., п. 3), другое — крупное (13,3×4,3 см) со сквозным отверстием на одном конце (Ник. III, г. м., п. 17; табл. XVIII, 19). Они также найдены в комплексах середины — третьей четверти XI в. Еще два кресала — овалы удлиненные с заостренными боками и круглыми отверстиями по краям внутреннего выема (КП 1969, п. 4; Неф. IB, п. 7; табл. XXVI, 26). Оба они происходят из погребений второй половины XII в. В трех погребениях вместе с овальными кресалами найдены кремни.

Калачевидные кресала получили повсеместное распространение на Руси в X–XI вв. На Белом озере древнейшие кресала этого типа относятся к X в.⁴⁵ В середине XII в. калачевидные кресала сменились овальными с заостренными концами. Прямоугольные кресала со скругленными углами не характерны для русских древностей XI в. Однако в Северной Европе, прежде всего в Финляндии, овальные кресала получили широкое распространение еще с начала меровингского периода и бытовали в течение всей эпохи викингов⁴⁶. В вымских и ветлужско-вятских могильниках овальные кресала встречены в комплексах X — первой половины XII в.⁴⁷

Пряслица и другие орудия труда. Три шиферных пряслица найдены в комплексах XII — начала XIII в. (Неф. IA; Неф. IB, п. 6; Шг., п. 8; табл. XXII, 12; XXVI, 15; XXVIII, 5). Эти вещи, входящие в число наиболее характерных бытовых предметов древнерусской культуры, начали поступать на Белое озеро в конце X в., несколько пряслиц найдено в низовьях Кемы, одно — в Киснеме и несколько сотен — в Белоозере⁴⁸. В Заонежье, в бассейне оз. Лача и на Ваге находок нет, в бассейне Сухоны найдено лишь одно (Вологда)⁴⁹. Таким образом, могильники между Шексной и Кубенским озером — одни из крайних пунктов распространения этих вещей на Северо-Востоке.

Среди других орудий труда — две железные иглы (Ник. III, к. 33, п. 2; Неф. IA, п. 18); два шила — с узкой плоской костяной рукоятью (Ник. III, к. 11, п. 1; табл. XV, 32) и с деревянной рукоятью, скрепленной бронзовой обоймой; два фрагментированных костяных стержня, представляющих собой, возможно, рукояти или футляры для шильев (Пш., п. 1, 10–12; табл. XIII, 23, 24); три оселка (Кис., п. 9; КП; Неф. IA).

Два железных замка найдены в жертвенном комплексе могильника Горка (табл. XII, 10, 11). Один из них, массивный кубический, принадлежит к типу А, другой, цилиндрический, — к типу В. На площадке того же могильника найден ключ от замка типа А с необычной формой бороздки — несколько сплюсненной с боков и лишенной глубокой прорези. Эти предметы датируются рубежом XII–XIII — серединой XIII в. Воз-

можно, рукоятку ключа от замка типа А является плоский железный предмет со сквозным отверстием, найденный в могильнике Нефедьево IА в комплексе середины XII в. (п. 17). Древнейшие находки замков в Белозерье происходят с поселения Крутик и датируются X в.⁵⁰ Находки из могильника Горка свидетельствуют, что в XII—XIII вв. эти вещи вошли в обиход рядового сельского населения на далеких окраинах региона.

Гребни. Их найдено 28. Почти все они имеют плохую сохранность, тем не менее типологическую принадлежность их установить в большинстве случаев удается.

В коллекции 10 узких односторонних расчесок, целых и фрагментированных (Пл., п. 1, 3; Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; к. 33, п. 2; к. 43, п. 1; Кис., п. 2, 9; БО, п. 1, 2; табл. XIII, 19, 27; XV, 18; XVI, 31). У семи расчесок сохранились остатки костяных футляров. Шесть экземпляров орнаментировано. Орнамент представляет собой косую сетку, заключенную между несколькими параллельными прямыми. Находки датируются первой половиной — серединой XI в. В X—XI вв. этот тип расчесок был наиболее обычным в Северной и Восточной Европе.

Цельных двусторонних гребней в коллекции 16 (табл. XV, 11; XXI, 22; XXV, 7, 20; XXVI, 23; XXVII, 9). Шесть гребней (Ник. III, к. 4, п. 1, 2; к. 13, п. 2; г. м., п. 4; КП 1983, п. 6; Неф. IB, п. 1) относятся к типу Д по классификации Б. А. Колчина⁵¹, один (Неф. IB, п. 4) — к типу М и два — (Неф. IB, п. 7, 8) — к типу Н. Семь гребней сильно фрагментировано, и точно определить их типологическую принадлежность невозможно. Пять цельных двусторонних гребней орнаментированы в центральной части прямыми параллельными линиями, в одном случае орнамент представляет собой зигзагообразную линию, заключенную между параллельными прямыми. Гребни типа Д бытовали в Новгороде с конца X до конца XII в., а гребни типа М — до начала XIII в. Гребни типа Н были в употреблении с начала XII по конец XIV в. Наиболее ранние образцы цельных двусторонних гребней найдены в восточном Прионежье в Кемских курганах и датируются серединой XI в., наиболее поздние происходят из могильника Нефедьево IB и датируются второй половиной XII в. По-видимому, основная масса цельных двусторонних гребней является продукцией русских ремесленников, хотя в XI—XII вв. они получили распространение и за пределами Руси — в частности, у финно-угорского населения Камско-Вычегодского края⁵².

Второй половиной XII — началом XIII в. датируются два двусторонних наборных гребня, один из которых относится к типу Ж, другой — к типу О (Неф. IA, п. 4; Шг., п. 7; табл. XXVII, 16). Гребень из могильника Нефедьево IA украшен циркульным орнаментом. Гребни этих типов бытовали на Руси в XII—XIII в.

Примечательно, что среди гребней XI — начала XIII в., происходящих из могильников восточного Прионежья, не встречено характерных образцов с высокой спинкой, производившихся в Белозерье в X в. и хорошо известных в древностях восточных финнов X—XII вв.

Из трех копоушек одна костяная (КП 1983, п. 6; табл. XXI, 23). Стержень ее орнаментирован винтовой нарезкой и завершается петуши-

ным гребешком с отверстием. Большая серия подобных копоушек происходит из Новгорода⁵³, известны они и в других древнерусских городах — Суздале⁵⁴, Новгороде-Северском⁵⁵, Василеве⁵⁶. Б. А. Колчин отметил удивительное единообразие новгородских изделий, почти не отличающихся друг от друга по форме и характеру орнамента. Копоушка из Крохинских Песков не выпадает из этой серии. Две другие копоушки бронзовые (Кис., п. 7; Неф. IB, п. 6). Первая из них не сохранилась. Судя по описанию Л. А. Голубевой, она имела гладкий плоский стержень.

Вторая копоушка снабжена двумя парами боковых петель, украшенных ложновитым орнаментом (табл. XXVI, 4). Копоушки с двумя парами боковых петель известны в материалах из костромских курганов⁵⁷ и Старой Рязани⁵⁸, причем последняя представляет собой близкую аналогию копоушке из Нефедьева.

В числе других бытовых вещей, изготовленных из кости, — плохо сохранившийся футляр в виде полого стержня, плотно закрывавшегося костяной пробкой (Неф. IB, п. 9; табл. XXVII, 1).

Две глиняные поливные писанки найдены в Кемском некрополе (к. 8, п. 2; к. 37, п. 3; табл. XVI, 29; XIX, 28). Обе они покрыты бурно-черной поливой, имеющей металлический блеск, и расписаны поливой желтого цвета, орнамент представляет собой аккуратные скобки. Писанки должны быть включены во вторую группу по классификации Т. И. Макаровой, местом производства их исследовательница считает Новгород, где найдено более 40 целых и фрагментированных экземпляров⁵⁹.

До раскопок Кемских курганов крайним пунктом находок писанок на Северо-Востоке было Белоозеро⁶⁰. Обе писанки происходят из детских погребений, что свидетельствует в пользу атрибуции этих вещей как детских игрушек.

КЕРАМИКА

Коллекция керамики насчитывает 40 целых и фрагментированных сосудов, 28 из них лепные, 12 изготовлены на гончарном круге. По сравнению с огромной керамической коллекцией, собранной при раскопках поселений, прежде всего на Белоозере и на поселении Крутик, серия сосудов из могильников оказывается весьма скромной. Описывая этот материал, целесообразно придерживаться общей типологии, разработанной для керамики восточного Прионежья⁶¹.

Среди лепных сосудов типологически определимы 26. Пять сосудов (Ник. III, к. 1, п. 1; г. м., п. 6, 18; Кис. 1959, п. 1; табл. 8, 1, 2, 9) относятся к типу III. Это горшки стройных пропорций с усеченноконическим туловом, значительно сужающимся книзу, и резким перегибом, приходящимся на верхнюю четверть высоты сосуда. Плечико у этих сосудов выпуклое, венчик несколько отогнут. Два сосуда небольших, три имеют крупные размеры: диаметр венчика у них достигает 27—30 см. Все сосуды относятся к XI в. Аналогии подобным сосудам известны на многих памятниках Северной Руси VIII—X вв., в том числе в Старой Ладоге⁶², Изборске⁶³, Новгороде⁶⁴, на Рюриковом городище⁶⁵. Рас-

пространение подобных сосудов на Северо-Западе большинство исследователей связывает с появлением здесь славян. В центральных районах Новгородчины и Псковщины эти сосуды выходят из употребления в конце X в., когда производство лепной керамики здесь прекращается. В Белозерье, где сосуды типа III появились не позднее X в., производство их продолжалось в XI в.

Четыре сосуда (Ник. III, к. 6, п. 2; к. 2, п. 2; к. 42; Неф. IV; табл. X, 3, 4, 7, 28) относятся к типу IV. Эти сосуды имеют баночную форму, тулово их цилиндрическое или усеченноконическое, стенки немного сужаются лишь у самого дна. Плечико выделено слабо, венчик прямой или немного отогнутый наружу. Отношение максимального диаметра к высоте равно 1,2—1,6. Сосуды имеют небольшие размеры, диаметр венчика не превышает 13 см. Многочисленные аналогии сосудам типа IV могут быть указаны в кругу прибалтийско-финских древностей, прежде всего в Эстонии⁶⁶ и Финляндии⁶⁷, где они бытуют со второй половины I тысячелетия н. э. В Белозерье сосуды баночной формы известны с X в., но наибольшее распространение здесь они получают в XI в., когда этот тип становится ведущим в керамическом наборе. В целом данный тип может быть атрибутирован как прибалтийско-финский.

Тринадцать сосудов (Пл., п. 13; Ник. III, к. 4, п. 2; к. 8, п. 2; к. 11, п. 1; к. 33, п. 2; г. м., п. 5, 9, 20; Кис., п. 1; Неф. IA, п. 5, 17; Неф. IV, п. 4, 6; табл. X, 5, 6, 8, 10—12, 21, 23, 25, 26, 29, 30) относятся к типу VI. Это приземистые горшки с отношением наибольшего диаметра к высоте, равным 1,3—1,6, максимальным расширением в верхней трети высоты, четко выраженным плечиком и сильно сужающимся к днищу туловом. Сосуды имеют небольшие размеры, диаметр венчика у них 13—19 см. Они происходят из комплексов XI—XII вв. В X—XII вв. сосуды типа VI имели широкое распространение в северных областях Восточной Европы. Многочисленные находки их происходят из Угличского, Ярославского, Костромского и Тверского Поволжья⁶⁸, Суздальского ополья⁶⁹, юго-западного Белозерья⁷⁰ и юго-восточного Приладожья⁷¹, известны они и на Ваге⁷². Большинство сосудов относится к XI в. Очевидно, что этот тип керамики не имеет определенной этнической или узколокальной атрибуции. Он получил распространение в тех областях, где лепная керамика продолжала бытовать в XI—XII вв. после прекращения ее производства на большей части территории Руси.

Близкую характеристику могут получить и сосуды типа VII (2 экз.: Неф. IA, п. 4, 18; табл. X, 19, 24). Это горшкообразные сосуды с раздутым туловом, выпуклым плечиком, отчетливо выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Максимальное расширение приходится на третью четверть высоты сосуда. Сосуды происходят из комплексов середины — третьей четверти XII в. Горшки типа VII можно рассматривать как модификацию славянской лепной керамики конца I тысячелетия н. э. Все аналогии им происходят из курганов XI—XII вв. юго-западного Белозерья⁷³ и юго-восточного Приладожья⁷⁴.

Два сосуда принадлежат к редким типам. Это приземистый горшок с широким устьем, раздутым туловом, округлым плечиком и коротким, отогнутым наружу венчиком (Неф. IA, п. 12; табл. X, 20) и небольшой

сосуд с непрофилированной верхней частью, выпуклыми стенками и немного оттянутым внутрь венчиком (Неф. IA, п. 21; табл. X, 27). Оба типа можно считать характерными для поволжско-финских древностей, многочисленные аналогии им могут быть указаны на памятниках Волго-Окского края⁷⁵.

Из лепных сосудов 15 орнаментировано. Восемь горшков (Ник. III, к. 1, п. 1; к. 4, п. 2; к. 6, п. 2; к. 42, п. 1; г. м., п. 6, 9, 18; Кис. 1959, п. 2; табл. X, 1—4, 9—11, 31) украшено отпечатками гребенчатого штампа; два (Ник. III, к. 2, п. 2; г. м., п. 6; табл. X, 1, 7) — отпечатками рамочного штампа; один (Ник. III, г. м., п. 20) — вдавлениями с плоским дном; один (Ник. III, к. 8, п. 2; табл. X, 11) — треугольными плоскими вдавлениями; один (Неф. IV, п. 6; табл. X, 26) — пальцевыми вдавлениями. На одном из сосудов (Ник. III, к. 33, п. 2; табл. X, 5) отпечатки гребенчатого штампа сочетаются с оттисками кольцевидного чекана, на другом (Ник. III, г. м., п. 5; табл. X, 8) — вытянутые вдавления с плоским дном сочетаются с треугольными плоскими вдавлениями.

Орнаментальные композиции на большинстве сосудов представляют собой одноярусные пояски, образованные чередованием простых элементов. На пяти сосудах (Ник. III, к. 8, п. 2; к. 18, п. 1; г. м., п. 9; Кис. 1959, п. 2; Неф. IV, п. 6) это поясик из повторяющихся элементов; на двух (Ник. III, к. 1, п. 1; г. м., п. 20) орнамент представляет собой поясик, в котором элементы сгруппированы по два и по три и повторяются с определенными интервалами; на семи (Ник. III, к. 2, п. 2; к. 4, п. 2; к. 6, п. 2; к. 42, п. 1; г. м., п. 6, 18) узор представляет собой одинарную зигзагообразную линию. Лишь один сосуд (Ник. III, г. м., п. 5) был украшен более сложным узором — трехъярусной композицией из двух простых поясков и пояска с интервалами.

Вывод о том, что лепная керамика в восточном Прионежье продолжала изготавливаться вплоть до конца XII в. не является неожиданным: в Белозерье, где появление гончарного круга относится ко времени не позднее последней четверти X в., лепная керамика сосуществовала с круговой в течение по меньшей мере двух столетий⁷⁶. Длительное сохранение ее в обиходе засвидетельствовано в юго-восточном Приладожье, юго-западном Белозерье, Костромском Поволжье и на Ваге. Почти все типы лепных сосудов, представленных в могильниках XI—XII вв., были известны в Белозерской округе с конца IX—X в. Показательно, однако, что в коллекции отсутствуют сосуды типа I — невысокие узкодонные горшки с максимальным расширением в верхней трети, являвшиеся ведущими в керамическом комплексе Белоозера в X в.⁷⁷ и преобладают формы, которые нельзя считать типично финно-угорскими (типы III и VI). Преемственность между керамикой из погребений XI—XII вв. и местной керамикой X в. наиболее отчетливо проявилась в орнаментации: хотя простые одноярусные пояски, оттиснутые различными штампами, и имели достаточно широкое распространение в северных областях Восточной Европы, наиболее характерны они для керамического комплекса белозерской веси. Необходимо отметить на керамике из погребений оттиски рамочного и кольцевидного штампа и треугольные плоские вдавления, а также узоры из сгруппированных элементов, повторяющихся с определенными интервалами. Подобная орнаментика в X в. была специфична для керамики

белозерской веси⁷⁸. В то же время приходится констатировать, что почти все орнаментированные лепные сосуды происходят из Кемского некрополя и найдены в погребениях, совершенных по славянскому обряду и сопровождавшихся славянскими украшениями. Более того, типичные для белозерской веси узоры в ряде случаев украшают горшки типа III, происхождение которого связано со славянской средой. И напротив, из 12 лепных сосудов, найденных в могильниках Нефедьево IA и IB, откуда происходит значительное количество шумящих подвесок, ни один не был украшен штампованным орнаментом. Можно заключить, что своеобразная орнаментика белозерской веси в XI в. активно заимствовалась славянским населением региона; с другой стороны, отдельные коллективы, сохранявшие финно-угорские традиции в costume, изготавливали в XII в. неорнаментированную керамику.

Из 10 круговых сосудов древнерусского облика типологически определяемы семь. Это невысокие горшки небольших размеров, диаметр венчика у них не превышает 15 см.

Один из них (Ник. III, к. А-4; табл. X, 14) имеет округлое тулово, низкое покато плечико и слабопрофилированную верхнюю часть. Венчик косо срезан наружу, верхний край его вытянут, почти все тулово покрыто линейно-волнистым орнаментом. Три сосуда (Ник. III, г.м., п. 3, 10; Неф. IA, п. 19; табл. X, 13, 18, 22) — приземистые с округлым плечиком и сильно отогнутым венчиком, край которого косо срезан наружу. Тулово одного из них украшает линейный орнамент, на днище у него — клеймо в виде креста с лопастями на концах. Горшки происходят из комплексов XI и XII вв. Оба типа обычны для древнерусских, в частности северорусских, памятников XI—XII вв., серии подобных сосудов найдены в погребениях на территориях, сопредельных с восточным Прионежьем, в юго-западном Белозерье и юго-восточном Приладожье⁷⁹. В большом количестве встречены они в Белоозере.

Три сосуда (Ник. III, к. 6, п. 1; к. 18, п. 1; к. 37, п. 3; табл. X, 15—17) имеют выпуклое плечико, цилиндрическое горло и прямой или немного отогнутый наружу венчик, край которого косо срезан внутрь. Тулово сосудов покрыто линейным и волнистым орнаментом, на днище у двух из них — клейма в виде креста с лопастями на концах и трех концентрических кругов с крестом в центре (табл. X, 32, 33). Все они найдены в погребениях XI в. Сосуды с цилиндрическим горлом и косо срезанным внутрь венчиком изготавливались в X—XI вв. преимущественно в северозападных областях Руси. По мнению ряда исследователей, этот тип генетически восходит к керамике славянского населения южного побережья Балтики⁸⁰. Подобные сосуды встречены в курганах X—XI вв. в Приладожье и бассейне Суды⁸¹, а также в Белоозере⁸², один экземпляр происходит из бассейна Ваги⁸³.

Три фрагментированных круговых сосуда, типологическая принадлежность которых остается не установленной, происходят из могильников бассейна Порозовицы (Неф. IA, п. 9, 16; Неф. IB). Все они датируются XII в. Один из них украшен по тулову линейным орнаментом, другой — отпечатками зубчатого колесика.

Существование в Белозерской округе в XI—XII вв. собственного керамического производства не вызывает сомнений, однако не исключено, что

часть круговой керамики, в том числе горшки с цилиндрическим горлом, привозились в восточное Прионежье извне. Клейма на днищах сосудов из Кемского некрополя близки некоторым клеймам из Приладожья и Белоозера, но точные аналогии им здесь неизвестны.

Помимо обычных круговых сосудов, в Кемском некрополе найдены две белоглиняные поливные чашечки (Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; табл. XVI, 30; XVIII, 14). Тулово у них округлое, стенки выпуклые, венчик прямой, высота их 4,5 см, диаметр по краю венчика 5,5 см. У обеих чашечек имелись ручки с круглым сквозным отверстием, но у одной она отколота. Чашечка из кургана 10 покрыта желтой поливой, на чашечке из кургана 8 полива зеленая с белесыми разводами.

На территории Руси известны три подобные чашечки, все они происходят из курганов XI в. Одна из них найдена у д. Весь в Суздальском ошолье⁸⁴, вторая — на р. Свислочь в окрестностях Заславля⁸⁵, третья — у д. Плешково в Тверском Поволжье⁸⁶. Аналогичная чашка найдена на о. Готланд⁸⁷. Еще Т. Арне обратил внимание на близкое сходство между глиняной чашечкой с Готланда и серебряными чашечками с арабскими надписями, представленными, в частности, вкладах Западной Сибири. Особенно существенно тождество формы ручек у тех и других сосудов. Серебряные чашечки, несомненно, изготовлены в странах Халифата, скорее всего в Иране. Тем не менее, глиняные поливные чашечки атрибутированы Т. Арне как китайский импорт⁸⁸. Другие исследователи не поддерживали этой атрибуции: Э. Оксеншерн считал их иранскими⁸⁹, того же мнения придерживается и Б. И. Маршак⁹⁰. Примечательно, что в Кемском некрополе чашечки найдены в погребениях, сопровождавшихся богатыми наборами украшений.

Наряду с керамическими сосудами в могильниках найдены бронзовые оковки от деревянных сосудов. Три пластинчатые накладки происходят из могильника Попово, четыре — из жертвенной ямы могильника Горка. Такие же накладки встречены на белозерских поселениях Никольское VII и Киснема, известны они и в Заонежье⁹¹. В могильнике Попово найдено железное ушко от котла, а в могильнике Нефедьево IA — железная дужка от деревянного сосуда (ведра?).

Почти все глиняные сосуды, как лепные, так и гончарные, происходят из трех пунктов в бассейне Белого озера и Порозовицы. В лачаозерских могильниках найден лишь один керамический сосуд, однако именно оттуда происходят бронзовые накладки на деревянные сосуды. Отмечу, что культурный слой лачаозерских селищ насыщен керамикой слабее, чем напластования белозерских поселений, причем гончарная керамика XI—XIII вв. здесь почти совсем не представлена. Создается впечатление, что употребление керамической посуды в Лачаозерском бассейне в XI—XIII вв. было ограниченным. По-видимому, в этом районе, где население было редким, а поселения небольшими и удаленными друг от друга на значительные расстояния, сбыт продукции гончарного производства был существенно затруднен. Сходная картина фиксируется в соседнем Обонежье и в Заонежье: здесь на поселениях конца X — начала XII в. также отсутствует гончарная керамика⁹². Частичный отказ от использования керамической посуды и длительное сохранение лепной керамики в обиходе населения восточного Прионежья были обусловлены прежде всего

особыми географическими и историческими условиями, в том числе разреженным расселением, не стимулировавшим развития гончарного ремесла.

* * *

Обзор бытовых вещей и орудий труда, найденных в могильниках, приводит к заключению, что в XI—XII вв. в материальной культуре восточного Прионежья происходят существенные изменения. Вещи традиционных финно-угорских типов вытесняются предметами общевосточноевропейских, а в отдельных случаях — характерных древнерусских форм. В разных сферах материальной культуры этот процесс происходил с разной интенсивностью. Если ножи и топоры архаичных типов к XI в. уже полностью вышли из обихода, уступив место более совершенным ножам, изготовленным в технике пакета, и проушным топорам с опущенным лезвием, то лепная керамика во второй половине XII в. еще не была полностью вытеснена круговой. Примечательно, что далеко не всегда смена была обусловлена реальными преимуществами вещей новых типов — их более высокими техническими характеристиками или более простой технологией изготовления. Появление в обиходе односторонних костяных расчесок или шиферных пряслиц объясняется прежде всего изменением вкусов населения региона, основным ориентиром для которого стала культура древнерусской метрополии. Финно-угорские традиции оказались наиболее стойкими в изготовлении керамики.

На фоне обычных бытовых вещей, характеризующих уклад и хозяйственную деятельность рядового населения периферийных областей Восточной Европы, выделяется группа вещей, имевших ограниченное распространение на деревенском рынке, отличавшихся высоким качеством и представлявших немалую ценность для обитателей северных окраин. Это предметы вооружения — прежде всего меч и топоры с серебряной инкрустацией, а также белоглиняные поливные чашечки, поливные писанки. Почти все эти вещи найдены в Кемском некрополе. Все они изготовлены за пределами восточного Прионежья и попали сюда в результате торговых операций или вместе с переселенцами из центральных областей Руси.

- ¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 33.
- ² Petersen J. De Norske Vikingesverd. Kristiania, 1919. S. 160.
- ³ Leppähö J. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland // SMYA. Helsinki, 1964. V. 61. S. 10, 11, 14—16; Ruttkay A. Waffen und Reilerausüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei // Slovenska archeologia. 1976. V. 24:2. S. 252—256; Nadolski A. Studia nad uzbromiem polskim w X, XI j XII wieku // Acta Archaeologica universitatis Lodziensis. Lodz, 1954. V. 3. S. 26, 27.
- ⁴ Расчистка клейма произведена в реставрационной лаборатории ИА А. В. Григорьевым.
- ⁵ Дрбоглав Д. А. Загадки латинских клейм на мечах IX—XIV вв. М., 1984. С. 14—16, 38—51, 116—119.
- ⁶ Там же. С. 51—55, 119, 120.
- ⁷ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65. С. 24—27.
- ⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Топоры, копья, сулицы // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 24—26.

- ⁹ Там же. С. 35.
- ¹⁰ Там же. С. 35, 36.
- ¹¹ Иванов П. П. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952. С. 224. Табл. XI, 1; Среднецинская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969. Табл. 12; 13; Петербургский П. М. Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск, 1979. С. 63. Рис. 15, 1.
- ¹² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 36, 37; Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. V. 2: The Artefacts // SMYA. Helsinki, 1982. V. 82:2. P. 53.
- ¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 39.
- ¹⁴ Там же. С. 40.
- ¹⁵ Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa. Bonn, 1956. S. 166—170.
- ¹⁶ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 25; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 37—38.
- ¹⁷ Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari... P. 51.
- ¹⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 37, 38.
- ¹⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 25, 26.
- ²⁰ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971. С. 197. Табл. 18, 157.
- ²¹ Paulsen P. Axt und Kreuz... S. 146—155.
- ²² Семь топоров «северобалтийской» группы учтено в сводке Г. Ф. Корзухиной. См.: Корзухина Г. Ф. Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 93. Новые находки происходят из могильника Ирзекапинне в Калининградской обл. (см.: Кулаков В. И. Отчет о работе Балтийской археологической экспедиции ИА в Калининградской обл. в 1978 г. // Архив ИА. Р-1. № 6937. Рис. 51) и с поселения Луковец в среднем течении Шексны. О последней находке, поступившей в ЧКМ, мне любезно сообщил А. Н. Башенкин.
- ²³ Paulsen P. Axt und Kreuz... S. 168—170.
- ²⁴ Спицын А. А. Декоративные топоры // ЗОРСА. СПб., 1915. Т. 11. С. 222—224; Paulsen P. Axt und Kreuz... S. 132.
- ²⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. С. 35—37.
- ²⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 155. Рис. 377.
- ²⁷ Леонтьев А. Е. Волго-Окская экспедиция // АО 1983 г. М., 1985. С. 65, 66.
- ²⁸ Голубева Л. А. Вещь, скандинавы и славяне в X—XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 136. Рис. 2.
- ²⁹ Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XIII в. н. э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979. С. 52, 53. Табл. VIII, 4, 5, 7, 8.
- ³⁰ Корзухина Г. Ф. Ладожский топорик. С. 93.
- ³¹ Кулаков В. И. Работы в земле пруссов // АО 1978 г. М., 1979. С. 19, 20.
- ³² Paulsen P. Axt und Kreuz... S. 146—155.
- ³³ Медведева А. Ф. Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. // САИ. М., 1966. Вып. Е1-36. С. 81. Табл. 19, 2—13.
- ³⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы. С. 126; Tallgren A. M. Collection Zaoussilov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. Helsinki, 1918. V. 2. Pl. 1; 2; Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море // КСНИМК. М., 1954. Вып. 54. С. 157—159. Рис. 71, 3; Кулаков В. И. Исследования в окрестностях Зеленоградска // АО 1977 г. М., 1978. С. 19, 20.
- ³⁵ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. Л., 1934. Вып. 94. С. 24. Табл. VII, 14.
- ³⁶ Сергеева З. М. Курганы у д. Новинки Витебской обл. // КСИА. М., 1975. Вып. 141. С. 86, 87. Рис. 1, 9.
- ³⁷ Спицын А. А. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях // ЗОРСА. СПб., 1905. Т. 7, вып. 1. С. 125. Рис. 75.
- ³⁸ Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами // СА. 1971. № 4. С. 114—126.
- ³⁹ Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья: К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне // АСГЭ. Л., 1980. № 21. С. 72, 73.
- ⁴⁰ Там же. С. 69, 70.
- ⁴¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 48—55.
- ⁴² Завьялов В. И. Ножи городища Идна-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 39. Табл. I, 2892, 2894.

- ⁴³ Хомутова Л. С. Кузнечная техника в земле древней веси в X в. // СА. 1984. № 1. С. 200, 208.
- ⁴⁴ Леонтьев А. Е. Классификация пожей Сарского городища // СА. 1976. № 2. С. 34–43; Минасян Р. С. Четыре группы ножей... С. 69.
- ⁴⁵ Хомутова Л. С. Кузнечная техника... С. 201, 205. Рис. 1, 1384.
- ⁴⁶ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 88, 128, 129. Taf. 71, 112, 143; Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari... P. 73.
- ⁴⁷ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. С. 42, 43; Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. С. 55.
- ⁴⁸ Голубева Л. А. Граффити и знаки пряслиц из Белоозера // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 18.
- ⁴⁹ Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сб. по археологии Вологодской обл. Вологда, 1961. С. 22.
- ⁵⁰ Голубева Л. А., Тухтина Н. В. Работы Белоозерской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976. С. 11.
- ⁵¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 100–102.
- ⁵² Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов... С. 54, 55. Табл. IX, 1.
- ⁵³ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (СА). С. 102, 108. Рис. 10, 1.
- ⁵⁴ Раскопки М. В. Седовой 1984 г. Сообщение М. В. Седовой.
- ⁵⁵ Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1979 г. М., 1980. С. 281.
- ⁵⁶ Тимошук Б. О. Давньобурська Буковина. Київ, 1982. С. 29. Рис. 14, 17.
- ⁵⁷ Неведов Ф. Д. Раскопки Костромских курганов // МАВГР. М., 1899. Т. 3. Табл. 6, 39.
- ⁵⁸ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 40, 41. Рис. 19, 1.
- ⁵⁹ Макарова Т. И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. М., 1967. Вып. Е1-38. С. 44; Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 172.
- ⁶⁰ Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 186.
- ⁶¹ Макаров Н. А. Лепная керамика восточного Прионежья IX–XIII вв. // КСИА. М., 1990. Вып. 196; Он же. Орнаментика белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. 1985. № 2. С. 79–98.
- ⁶² Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. М.; Л., 1951. Т. 15. С. 227–230. Рис. 44.
- ⁶³ Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 64, 65. Рис. 1, 6.
- ⁶⁴ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 4–6. Рис. 3, 1–3.
- ⁶⁵ Носов Е. Н. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 95–98. Рис. 4.
- ⁶⁶ Jaanits L., Laul S., Löugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. Lk. 296–298. Joop. 197, 198; Тамла Т. Селище в Пада // Изв. АН ЭССР. Сер. Обществ. наук. Таллинн, 1983. Вып. 32. С. 304, 305. Табл. XII, 1, 4–6.
- ⁶⁷ Kivikoski E. Die Eisenzeit... Taf. 114, 1025, 1027, 1028; Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari... Pl. 33; 46; 56; 64; 68; 78; Cleve N. Skeletgravfältet på Kjuloholm i Kjulö. V. 2 // SMYA. Helsinki, 1978. V. 44a:2. S. 190–192. Pl. 13, 203; 14, 217; 18, 289, 290.
- ⁶⁸ Леонтьев А. Е. Новые данные о костромских курганах // СА. 1984. № 4. С. 189, 190. Рис. 7, 12; 8, 8. Материалы раскопок М. В. Фехнер 1957–1959 гг. см.: ГИМ. Инв. № 95369, 96483. Оп. 1782, 1816; 1960–1961 гг.: ГИМ. Инв. № 98651. Оп. 1944, 1945. Материалы раскопок К. И. Комарова 1980 г. см. в хранилище ИА.
- ⁶⁹ Материалы раскопок М. В. Седовой 1980 г. см. в хранилище ИА.
- ⁷⁰ Материалы раскопок Н. В. Тухтиной 1960 и 1977–1980 гг. см.: ЧКМ. Кол. 3776, 3784. Материалы раскопок А. В. Никитина 1966 и 1970–1975 гг. см.: ВОКМ. Кол. 14221, 15628, 15629, 19773, 19799, 20124, 20347, 20920, 20921.
- ⁷¹ Материалы раскопок А. М. Линевского 1947 и 1949 гг. см.: фонды сектора археологии ИЯЛИ КФ АН СССР. Материалы раскопок Н. И. Репникова 1905 г. см.: МАЭ. Кол. 1365. Материалы раскопок В. И. Равдоникаса 1929 г. см.: ГЭ, ОИПК. Кол. 700.
- ⁷² Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 1984. № 4. С. 209. Рис. 9, 4, 5.
- ⁷² Материалы раскопок А. В. Никитина 1971 и 1973 гг. см.: ВОКМ. Кол. 19774, 20125, 20346. Материалы раскопок Н. В. Тухтиной 1960 г. см.: ЧКМ. Кол. 3874.
- ⁷⁴ Материалы раскопок В. И. Равдоникаса 1929 г. см.: ГЭ, ОИПК. Кол. 700. Материалы раскопок И. П. Крупейченко 1975–1976 гг. см.: Тихвинский краеведческий музей.
- ⁷⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94. С. 86. Рис. 32, 2. С. 113. Рис. 52, 3. С. 125. Рис. 58, 12. С. 180. Рис. 79, 21; Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. Рис. 75, 7; Краснов Ю. А. Безводнинский могильник: К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980. С. 218. Рис. 57, 5, 6; Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 114, 116. Рис. 6, 7.
- ⁷⁶ Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 145.
- ⁷⁷ Макаров Н. А. Лепная керамика восточного Прионежья...
- ⁷⁸ Макаров Н. А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 94–98.
- ⁷⁹ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 81. Табл. 5; Спиридонов А. М. Керамический материал из оятских курганов: По материалам раскопок А. М. Линевского // Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 200, 201. Рис. 3, 1.
- ⁸⁰ Смирнова Г. П. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 22; Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. М., 1979. Вып. 160. С. 7, 8. Рис. 4, 14–16, 19–27.
- ⁸¹ Спиридонов А. М. Керамический материал... С. 200–204. Рис. 3, IV; 4, 5; Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 122. Рис. 1, 8.
- ⁸² Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 161–163. Рис. 58, III.
- ⁸³ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 209. Рис. 9, 1.
- ⁸⁴ Арне Т. И. Китайская чашечка из Владимирской губернии // Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 27, 28.
- ⁸⁵ Заяц Ю. А. Раскопки и разведки в окрестностях Заславля // АО 1978 г. М., 1979. С. 435.
- ⁸⁶ Комаров К. И. Отчет о раскопках курганного могильника Плешково I в Кимрском р-не Калининской обл. в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8635. Л. 21.
- ⁸⁷ Ozenstierna E. G. Die Wikinger. Stuttgart, 1966. S. 89. Taf. 38.
- ⁸⁸ Арне Т. И. Китайская чашечка... С. 27, 28.
- ⁸⁹ Ozenstierna E. G. Die Wikinger. S. 89.
- ⁹⁰ Автор признателен Б. И. Маршаку за консультацию.
- ⁹¹ Саввагеев Ю. А. Залавруга: Археологические памятники низовья р. Выг. Л., 1977. Ч. 2. С. 244; Косменко М. Г. Многослойное поселение Кудума XI на Сямозере // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. С. 139, 142. Рис. 12–14.
- ⁹² Спиридонов А. М. Северное Приладожье и Прионежье в X–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Украшения
и металлические детали одежды.
Женский убор

*

В могильниках восточного Прионежья найдено около 1 тыс. металлических украшений и деталей одежды и более 1300 стеклянных и каменных бус. Типы вещей предельно разнообразны: среди них формы, имевшие универсальное распространение в Восточной и Северной Европе, характерные восточнославянские украшения, изделия, происхождение которых связано с различными финно-угорскими областями Европы, наконец, местные варианты украшений, сформировавшиеся в восточном Прионежье. Этот материал позволяет в полной мере представить своеобразие культуры региона и судить о соотношении в ней славянского и финно-угорского элементов в различные хронологические периоды. Он дает возможность для подробной характеристики финно-угорского компонента, имеющего, как будет показано ниже, сложный состав.

Погребальные комплексы, исследованные в последние годы, хорошо документированы, в процессе раскопок зафиксировано точное положение отдельных деталей костюма на костях. Поэтому, систематизируя данный материал, можно выйти за рамки традиционной характеристики общего набора украшений, открываются некоторые перспективы для уточнения функций отдельных украшений в костюме, для выделения устойчивых сочетаний украшений и частичной реконструкции женских уборов.

УКРАШЕНИЯ И МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ

Височные кольца. Найдено 190 височных колец. Наиболее многочисленны простые проволочные кольца: перстнеобразные несомкнутые (7 экз.: Ник. III, к. 6, п. 1; г.м., п. 1, 3, 13; Тор.; табл. XV, 8); перстнеобразные с сомкнутыми или заходящими концами (100 экз.: Тих., п. 2; Пп., п. 1; Пг. 1960, п. 1; 1978, п. 1; Ник. III, к. 9, п. 1; к. 16, п. 1; к. 22, п. 1; к. 43, п. 1; г.м., п. 11, 16; Кис. 1959, п. 2; КП 1983, п. 1, 2; Неф. IA, п. 2, 6, 14, 17, 20; Неф. IB, п. 4, 6, 8; Шг., п. 1, 8, 10, 17, 21, 24; Тор.; табл. XIII, 2; XIV, 6; XV, 14, 19, 21, 22; XVII, 6, 23; XIX, 1, 3; XXI, 36; XXII, 1-4; XXIII, 16-18; XXV, 10; XXVI, 1-3; XXVII, 2-7, 10-12; XXVIII, 3, 4, 6, 9, 11, 13, 17, 18, 20-23, 29); перстнеобразные со спиральным завитком (8 экз.: Ник. III, к. 4, п. 2; к. 13, п. 2; г.м., п. 2; Шг., п. 17; табл. XV, 2, 20; XVII, 13; XXVIII, 10, 16, 19); среднего диаметра несомкнутое (1 экз.: Тих., п. 1); среднего диаметра со спиральным завитком (3 экз.: Шг., п. 7; табл. XXVII, 16, 18, 19); браслетообразные сомкнутые (5 экз.: Пг. 1960,

п. 2; Мин., п. 1). Все эти украшения относятся к широко распространенным древнерусским типам, они происходят из комплексов как XI, так и XII-XIII вв. Среди проволочных колец представлены и более редкие типы: перстнеобразное эсоконечное (1 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; табл. XVI, 3), характерное для западнославянских территорий; перстнеобразное завязанное (1 экз.: Мин., п. 1); спиральное (1 экз.: Кис., п. 5), которое может быть сопоставлено с височными кольцами Подесенья и Посеймья¹. Эти височные кольца относятся к XI в. XII-XIII веками датируются перстнеобразные проволочные кольца с обратным перегибом (12 экз.: Пг. 1960, п. 1; Тор.). Особую группу составляют проволочные крученые и ложнокрученые височные кольца с сомкнутыми или слегка заходящими концами: перстнеобразные (3 экз.: Пп., п. 6; Шг., п. 8; табл. XIII, 1; XXVIII, 2); среднего диаметра (3 экз.: Гр.; Неф. IA, п. 21; Шг., п. 7; табл. XII, 4; XXIV, 19); браслетообразные (Тих., п. 2). В отличие от большинства проволочных колец, эти украшения имеют сравнительно узкий круг аналогий: они встречены в Белоозере², на Ваге на Васильевском городище³, в Пустошенском и Кудринском могильниках в бассейне Сухоны⁴, а также в Приладожье и в марийских могильниках⁵. Все находки из восточного Прионежья, кроме одной, происходящей из Попова, датируются XII-XIII вв. По-видимому, этот тип височных колец сложился на северных окраинах Руси.

Довольно многочисленны бусинные височные кольца (26 экз.): с гладкими металлическими бусами (6 экз.: Пг. 1960, п. 1; Ник. III, к. 33, п. 2; Тор.; табл. XIX, 27); с зернеными и сканными бусами (2 экз.: Ник. III, к. 9, п. 1; к. 10, п. 1; табл. XVII, 4; XVIII, 1); со стеклянными бусами (8 экз.: КП 1983, п. 3; Неф. IA, п. 6; Шг., п. 7; табл. XXI, 29, 32; XXII, 3-5; XXVII, 18); узелковые (11 экз.: КП 1983, п. 3; Неф. IA, п. 14, 17, 20; Тор., п. 4; табл. XXI, 30; XXII, 14, 16; XXIII, 13-15; XXIV, 2). Часть находок относится к XI в., другие — к XII-XIII вв. Среди колец этого типа особняком стоит золотое однобусинное кольцо из кургана XI в. в Белоозере. Бусина полая ребристая шестигранная, дужка имеет спиральный завиток. По мнению Л. А. Голубевой, наиболее близкой аналогией этому височному кольцу следует считать кольцо из погребения 42 в Максимовском могильнике⁶. Тем не менее, золотое височное кольцо из Белоозера, как и остальные бусинные кольца восточного Прионежья, имеет древнерусское происхождение — на это указывает оформление одного из концов дужки в виде спирального завитка.

Вместе с бусинными височными кольцами можно рассматривать проволочные «кудрявые», дужка которых оплетена в нижней части тонкой проволокой, образующей ажурную кружевную муфту (2 экз.: Ник. III, к. 13, п. 2; табл. XVII, 16, 18), и проволочные кольца со спиральной обвязкой (9 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 16, п. 1; табл. XVI, 1, 2, 4-6; XVII, 19-21), происходящие из комплексов XI в. Это редкие типы височных колец. «Кудрявые» кольца спорадически встречаются на различных территориях, заселенных восточными славянами: в юго-восточном Приладожье, на Болве, в верховьях Клязьмы⁷, в Новгороде⁸, на Райковецком городище⁹, в курганах на Свислочи и верхней Волге¹⁰. По мнению В. П. Левашевой, они имеют западное происхождение¹¹.

XII веком датируются два ромбоцитковых височных кольца (Тих.,

п. 2). Единичной находкой представлено проволочное кольцо, один из концов которого завершается лопастью с зубцами (Кис., п. 5). Аналогичные кольца найдены в Белоозере в горизонте XII—XIII вв., в Каргополе и вымских могильниках. Л. А. Голубева высказала мнение, что этот тип является местным, белоозерским¹².

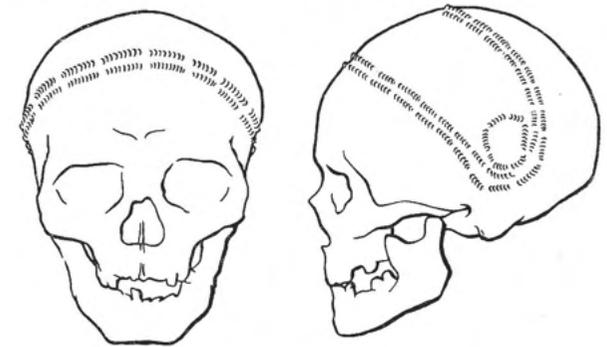
Особую группу составляют лунничные височные кольца (5 экз.: Тих., п. 2; Гр., п. 17, 31; Пп.; табл. XI, 1, 2, 10; XIII, 3). Лунничное кольцо из могильника Попово относится к XI в., от остальных колец этого типа оно отличается небольшими размерами, лопасть его украшена циркульным орнаментом. Кольца из могильников Тихманга и Горка, датирующиеся XII—XIII вв., имеют широкую закругленную лопасть, украшенную зубчатым орнаментом и круглыми вдавлениями, и небольшую петлю. В нижней части лопасти есть сквозные отверстия, служившие для крепления привесок, но сами привески отсутствуют. Аналогичное кольцо, к лопасти которого на эсвидных костыльках были прикреплены трапецевидные привески, происходит из Белоозера¹³. Происхождение этих украшений связано с Ветлужско-Вятским районом и Прикамьем, где встречены наиболее ранние экземпляры, относящиеся к X в.¹⁴ Здесь концентрируется и основная масса находок XI в., хотя отдельные украшения этого типа попадают в этот период далеко на запад: в Приладожье¹⁵, Карелию¹⁶ и даже в Скандинавию¹⁷. В конце XI — начале XII в. лунничные височные кольца появляются на Ваге¹⁸, а во второй половине XII—XIII в. бассейн Ваги и средней Сухоны становится основным районом концентрации этих украшений¹⁹. Образцы, наиболее близкие лачаозерским лунничным кольцам второй половины XII—XIII в., происходят из Усть-Пуйского могильника. В этот период в восточном Прионежье и в Важском бассейне сформировался особый вариант лунничных колец, специфичный для данных территорий и не получивший распространения в пермско-финских областях.

Несмотря на присутствие среди височных украшений восточнофинских и местных типов, в составе этой группы преобладают вещи обычных древнерусских типов — проволочные перстнеобразные и бусинные кольца. Примечательно, что ромбошпигельные и проволочные браслетообразные височные кольца, наиболее характерные для сельских районов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, получили здесь очень ограниченное распространение.

В трех погребениях могильника Горка (9, 13 и 17), относящихся к рубежу XII—XIII — первой половине XIII в., найдены остатки головного убора особого типа — очелья, украшенного бронзовыми спиралями. Очелье из погребения 9 имело овальную форму: два ряда спиралек размещались над лбом погребенной, спускались на виски и далее проходили по темени. На висках спирали образовывали фигуры в виде ромбов или треугольников. В погребении 13 очелье имело аналогичную форму, но на висках спирали образовывали круги (рис. 3). В погребении 17 большинство спиралек было смещено со своих первоначальных мест, однако и здесь прослежены двойные ряды пронизок на лбу и на темени умершей. Не исключено, что остатки такого же очелья были встречены в могильнике Погостице (1960, п. 1): около черепа здесь найдено 18 спиральных пронизок, в том числе довольно крупные, но точное положение их не зафиксировано.

Аналогии лачаозерским очельям немногочисленны. Можно указать лишь три совершенно идентичных венчика из Усть-Пуйского и Благовещенского могильников на Ваге²⁰ и остатки налобных украшений из кексгольмских могильников (точная форма их не установлена, но они также включали спирали, напизанные на шерстяную нить)²¹. Все находки датируются XII—XIII вв. Обычай украшать головной убор спиральными пронизками существовал у многих балтских и финно-угорских племен, однако по своему облику эти уборы существенно отличались от лачаозерских очелья, представляя собой в большинстве случаев венчики ленточного типа. По-видимому, лачаозерские очелья можно рассматривать

Рис. 3. Очелье со спиральными пронизками из погребения 13 в могильнике Горка I

как самобытный тип головного украшения, сложившийся на Севере в конце XII—XIII в. с использованием элементов древнерусского (форма очелья) и финно-угорского (украшения ткани бронзовыми спиральками) костюма.

Шейные гривны. В восточном Прионежье это довольно редкий тип украшения. Их найдено шесть. Две гривны железные дровотные тордированные (Пг. 1978, п. 1; Неф. IV, п. 4; табл. XIV, 8; XXV, 15). Одна из них датируется XI в., другая — XII в. Среди бронзовых гривен — две витые двойные, фрагментированная и целая (Кис., п. 7; Неф. IA, п. 19; табл. XXIII, 6), и бронзовая крученая, концы которой оформлены в виде завитков (Неф. IA, п. 20; табл. XXIV, 10). Все эти типы обычны для северорусских древностей²². В могильнике Тихманга (п. 1) найдена пластинчатая серповидная гривна. Большинство подобных украшений происходит из приладожских курганов, хотя отдельные экземпляры встречаются и в других районах: на Кокшенге, в курганах Подмосковья и мордовских могильниках²³.

Бусы, ожерелья. Важнейшим элементом женского убора было ожерелье из бус. Количество бус в ожерелье колебалось от шести — восьми до 60—70. В составе ожерелья носили стеклянные, каменные и металлические бусы. Коллекция стеклянных бус насчитывает 1289 экз. (Тих. — 10 экз.; Гр. — 1 экз.; Пг. — 80 экз.; Ник. III — 549 экз.; Кис. — 103 экз.; БО — 16 экз.; КП — 12 экз.; Неф. IA — 199 экз.; Неф. IV — 223 экз.; Шг. — 48 экз.; Мин. — 48 экз.). В рамках настоящей работы возможна лишь самая сжатая характеристика этого материала. Большинство бус относится к типам, получившим широчайшее распространение в Северной и Восточ-

ной Европе. Это цветные и прозрачные позолоченные «лимонки», в основном одночастные (106 экз.: Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 4, п. 2; к. 7, п. 1; к. 10, п. 1; к. 25, п. 4; к. 27, п. 2; г.м., п. 10; Кис. 1959, п. 2; БО, п. 1); рубленный бисер (117 экз.: Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 4, п. 2; к. 8, п. 1; к. 25, п. 4; к. 29, п. 1; г.м., п. 11; Кис. 1959, п. 2); бусы из тянутых стеклянных трубочек (11 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1); пастовые глазчатые бусы (29 экз.: Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 8, п. 2; к. 37, п. 1; г.м., п. 11, 13; Кис. 1959, п. 2; БО, п. 1); золотостеклянные бусы с каймой: цилиндрические (Пг. 1960, п. 2; 1978, п. 1; Ник. III, к. 7, п. 1, 2; к. 8, п. 1, 2; к. 9, п. 1; к. 10, п. 1; к. 13, п. 2; к. 6, п. 1; к. 22, п. 1; к. 25, п. 4; к. 27, п. 2; к. 29, п. 1; к. 33, п. 2; г.м., п. 1, 2, 7, 9, 13, 16; Кис., п. 5, 7; КП 1983, п. 2; Неф. IA, п. 17; Шг., п. 7) и ребристые (8 экз.: Ник. III, к. 27, п. 2; Кис., п. 7; КП 1983, п. 2); серебростеклянные цилиндрические (157 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 9, п. 1; к. 13, п. 2; к. 22, п. 1; г.м., п. 13; Кис., п. 7; Неф. IA, п. 17; Мин., п. 1) и ребристые (15 экз.: Ник. III, к. 22, п. 1; Кис., п. 7; Мин., п. 1); зонные пастовые (282 экз.: Тих., п. 1; Ник. III, к. 2, п. 2; к. 8, п. 1, 2; к. 9, п. 1; к. 13, п. 2; КП 1969, п. 4; БО, п. 1; Неф. IA, п. 2, 6, 9, 17, 20; Неф. IB, п. 1, 2, 4, 6, 7, 9, 10; Шг., п. 1, 4, 7, 23, 24, 25). В комплексах XI в. преобладают золото- и серебростеклянные бусы, встречаются также «лимонки», глазчатые бусы и бисер. В XII в. доминирующими становятся пастовые зонные бусы. Стеклянные и пастовые бусы носили почти исключительно в составе ожерелий. Лишь в нескольких мужских погребениях одиночные бусы обнаружены в области шеи и груди, что указывает на возможность использования их в качестве пуговиц.

Значительно более скромна по численности коллекция каменных бус (34 экз.). В ее составе бусы сердоликовые: призматические со срезанными углами (3 экз.: Пг. 1978, п. 1), призматическая восьмигранная (1 экз.: Пг. 1978, п. 1), шарообразные (6 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; Кис., п. 5; БО, п. 1); хрустальные: 12-гранные биграпцеоидные (12 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 9, п. 1; к. 16, п. 1; БО, п. 1), шарообразные (3 экз.: БО, п. 1), призматическая (1 экз.: БО, п. 1); аметистовые: 12-гранные битрапцеоидные (8 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 9, п. 3; к. 16, п. 1). В кургане в Белоозере найдена янтарная кольцевидная бусина. Все находки происходят из комплексов XI в. Каменные бусы, как и стеклянные, носили в составе ожерелий.

Назначение металлических бус и пронизок (всего около 460 экз.) в costume могло быть различным. Часть из них использовалась в ожерельях, другие служили для украшения головного убора и шнурков, на которых крепились к поясу шумящие подвески. Значительное распространение в восточном Прионежье получили спиральные пронизки (46 экз., не считая спиралек, использовавшихся для украшения очелий, из могильника Горка: Тих., п. 2; Гр., п. 15, 16, 17, 23; Пп., п. 1, 2; Пг., 1959, п. 1; 1978, п. 1; КП 1983, п. 6; Неф. IA, п. 17; Неф. IB, п. 4, 6; табл. XIII, 7; XIV, 9, 10; XXI, 11). В пяти случаях установлено положение этих пронизок на шнурках для крепления подвесок²⁴. Сходную функцию выполняли и мелкие цилиндрические пронизки (около 400 экз.: Пг. 1959, п. 1; Неф. IA, п. 13, 21; Неф. IB, п. 4, 5, 6; табл. XXII, 17; XXIV, 12). Если спиральные пронизки вошли в употребление в XI в. и продолжали использоваться в XII—XIII вв., то ци-

линдрические происходят только из комплексов XII в. В составе ожерелья найдены две пронизки из серебряной проволоки: простая (Ник. III, к. 10) и рифленая (БО, п. 1), имеющая аналогии в древностях Скандинавии²⁵, обе датируются XI в. К этому же времени относится и единственная найденная в могильниках флаконовидная бусина (Пп.; табл. XIII, 10). В Приладожье, где концентрируется основная масса подобных бус, их носили в ожерельях. Бусина из могильника Попово была, очевидно, надета на шнурок для крепления подвесок. В XII в. в употребление входят крупные металлические пронизки: трубчатая с шаровидными вздуттями (1 экз.: Тих., п. 2), аналогичные пронизки с ушками (8 экз.: Пг. 1959, п. 1), ф-образные пронизки (2 экз.: Тих., п. 2), а также мелкие двойные пронизки из свинцово-оловянистого сплава, нашивавшиеся на одежду (Гр., п. 17).

Поскольку большинство украшений найдено в погребениях в том положении и на тех местах, которые они занимали в костюмах погребенных, мы имеем возможность сравнительно точно отделать подвески к ожерельям от нагрудных и поясных подвесок и рассмотреть обе группы изолированно. Подвесок к ожерельям 33. В их числе — девять подвесок-денариев (Тих., п. 1; Ник. III, к. 7, п. 2; к. 13, п. 2; к. 16, п. 1; к. 22, п. 1; г.м., п. 23; Неф. IB, п. 4; табл. XX, 4, 5, 7, 8). Все они, кроме одной, происходят из погребений XI в. Часть монет несет на себе хорошо читаемое изображение креста, что, возможно, и обусловило использование их в качестве подвесок. Два круглых плоских медальона (Неф. IB, п. 1, 4; табл. XXV, 6, 12) найдены в погребениях середины—второй половины XII в. Оба они украшены выдавленным рельефным орнаментом и мелкозубчатым штампом; на одном из медальонов — фигура в виде квадрата с треугольными зубцами на сторонах, на другом — пять круглых жемчужин. Плоские медальоны получили в XI—XII вв. распространение преимущественно в прибалтийско-финской среде, значительные серии находок происходят из Финляндии²⁶, Карелии²⁷ и Прибалтики²⁸, отдельные экземпляры найдены в древнерусских курганах²⁹. Орнаментация медальона из погребения 1 в Нефедьеве сближает его с эстонскими подвесками. Круглая монетовидная подвеска с рельефным изображением головы быка (Ник. III, к. 8, п. 2; табл. XVI, 9) датируется XI в. Аналогичные подвески встречены в курганах Верхнего Поднепровья³⁰, в Полоцке³¹, Федовском могильнике³² и на Щербинском городище³³. Из того же погребения происходит небольшая круглая подвеска с рельефным изображением равноконечного креста (табл. XVI, 10). К XII в. относится монетовидная подвеска, орнаментированная круглыми выпуклостями, образующими крест (Пг. 1959, п. 1). Круглая подвеска с сердцевидным вырезом и рельефным орнаментом происходит из комплекса XI в. (Ник. III, к. 9, п. 1; табл. XVII, 5). По форме она напоминает кресаловидные подвески Скандинавии. Стилистические особенности, в первую очередь рельефное изображение личины, также позволяют сблизить ее с кругом прибалтийско-скандинавских древностей. Восемь круглых прорезных подвесок найдено в могильниках XII—XIII вв., одна из них — с изображением креста и лунницы (Неф. IA), остальные — косорешетчатые (Гр., п. 15, 16, 17, 31; Пг. 1959, п. 1; табл. XI, 4, 5, 7, 14). Подобные подвески в изобилии встречаются

в древнерусских курганах, преимущественно в северных областях Руси, а также на сопредельных финно-угорских территориях, в том числе в гымских могильниках³⁴. Из восьми лунниц две — ширококорые малые (Ник. III, к. 4, п. 2; к. 10, п. 1; табл. XV, 3; XVIII, 3) — датируются XI в., а остальные — узкорые большие (Шг., п. 4; табл. XXVIII, 7) и узкорые малые (Неф. IA, п. 2; Неф. IB, п. 2, 6; Шг., п. 24; табл. XXII, 22; XXV, 3; XXVI, 8, 11; XVIII, 24) — относятся к XII—XIII вв. Несмотря на то что подвески-лунницы — характерные славянские украшения, отдельные экземпляры узкорых лунниц, аналогичные предметам из восточного Прионежья, известны в погребениях XII в. на восточнофинских территориях, в том числе в Починковском могильнике³⁵. Две пластинчатые ромбические подвески, украшенные кружковым орнаментом и оттисками зубчатого колесика (Гр., п. 16; табл. XI, 8, 9), относятся к рубежу XII—XIII — первой половине XIII в. Они имеют прибалтийское происхождение. Большое количество совершенно идентичных украшений найдено на территории Латвии³⁶, отсюда, по мнению И. Сернинг, происходят и экземпляры, найденные в северной Швеции³⁷.

Судя по отсутствию в погребениях нагрудных цепочек, можно предположить, что цепедержатели, происходящие из могильников, носили в ожерельях. Один из них (Пг. 1959, п. 1) — массивный, трапециевидной формы, украшен ложноплетеным орнаментом. Аналогичный предмет происходит из Кокпомьягского могильника³⁸. Очевидно, эти вещи имеют восточнофинское происхождение. Другой цепедержатель (Гр., п. 22; табл. XI, 12) — миниатюрный пластинчатый с трапециевидным щитком, в котором имеется девять сквозных овальных отверстий.

В составе ожерелий носили кресты (18 экз.) и подвески-образки (10 экз.). Наиболее ранние крестики относятся к XI в. — это крестики «скандинавского» типа (4 экз.: Пп.; КП 1983, п. 3; табл. XIII, 10—12; XXI, 34), крестики с округлыми расширяющимися концами (2 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 13, п. 2; табл. XVI, 11; XVII, 14), крестик с изображением распятия (1 экз.: Ник. III, к. 10, п. 4; табл. XVIII, 4), крестики, вырезанные из западноевропейских денариев (2 экз.: Ник. III, к. 9, п. 1; г. м., п. 7). Среди крестиков XII в. — крест с желтой эмалью (1 экз.: Неф. IA, п. 20; табл. XXIV, 3), кресты с шариками на концах и круглым или прямоугольным средокрестием (5 экз.: Неф. IA, п. 11; Неф. IB, п. 2, 6, 7, 9; табл. XXIII, 8; XXV, 1; XXVI, 9, 22; XXVII, 8), миниатюрный крест с кривовидными концами (1 экз.: Неф. IA, п. 21; табл. XXIV, 16). Кресты всех этих типов имели широкое распространение в Древней Руси, они встречаются как в культурном слое городов, в том числе Белоозера³⁹, так и в курганных комплексах⁴⁰. Два крестика XII в. (Неф. IA, п. 21; Шг., п. 23; табл. XXIV, 15; XXVIII, 8) принадлежат к редкому типу: они имеют прямые или кривовидные концы и завершение в виде двух спиральных щитков на верхней лопасти. Сходные украшения, представляющие собой комбинацию двуспиральной подвески и креста, найдены на Суде⁴¹, в костромских⁴² и весьегонских⁴³ курганах и в каменных могильниках Белоруссии⁴⁴. Для отливки близких, но не тождественных украшений служила литейная формочка, найденная в Белоозере⁴⁵.

Все подвески-образки найдены в погребениях XII в. Одна из иконок

имеет квадратную форму и несет поясное изображение Богоматери с младенцем на руках (Неф. IB, п. 6; табл. XXVI, 10). Богоматерь относится по типу к Умилению Петровскому. На оборотной стороне помещено изображение процветшего креста. Аналогичные иконки найдены в Ярополче, подмосковных, владимирских, углицких и костромских курганах, в курганах на Суде и под Житомиром. М. В. Седова полагает, что они производились на территории Владимиро-Суздальского княжества⁴⁶. По мнению М. В. Седовой, иконки из могильника Нефедьево IB и из Ярополча, имеющие изображения процветшего креста на обороте, отлиты в одной литейной форме. Другие иконки круглые. На одной из них помещены поясные изображения двух парных святых, очевидно Петра и Павла (Неф. IA, п. 6; табл. XXII, 6). Аналогичные образки найдены в Новгороде⁴⁷, в костромских⁴⁸ и владимирских⁴⁹ курганах, а также в Вятской губернии⁵⁰. Семь одинаковых иконок (Пг. 1959, п. 1) несут поясное изображение святого воина. Из того же погребения в могильнике Погостище происходит змеевик с изображением на лицевой стороне Богоматери-Оранты.

Завершая обзор крестов-тельников и образков, следует упомянуть о находке в одном из погребений энколпиона с изображением распятия (КП 1969, п. 4). Комплекс датируется серединой—второй половиной XII в. Энколпионы XII—XIII вв. в значительном количестве встречаются в культурном слое древнерусских городов, но редки в погребениях.

Фибулы. Их найдено 22. Преобладают подковообразные спиралеконечные: с круглым сечением дуги (4 экз.: Ник. III, к. 28, п. 2; г. м., п. 1; Кис., п. 4; Неф. IA, п. 21; табл. XV, 25; XIX, 6; XXIV, 11); с треугольным сечением дуги (4 экз.: Пп., п. 10—12; Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 4, п. 2; табл. XIII, 8; XIV, XV, 1); с ромбическим сечением дуги (Пп., п. 1; табл. XIII, 4); с прямоугольным сечением (Тих., п. 1). Все эти фибулы не орнаментированы. Одна из спиралеконечных фибул с треугольным сечением дуги (Пп.; табл. XIII, 6) отличается от остальных тем, что дуга у нее расширяется в средней части, она орнаментирована косыми насечками. Наиболее ранние спиралеконечные фибулы происходят из погребений первой половины XI в.; наиболее поздние — из погребений второй половины XII в. Подковообразные фибулы со спиральными концами, родиной которых была Прибалтика, получили в XI—XII вв. широчайшее распространение на севере Европы.

Своеобразна группа фибул, занимающих как бы промежуточное положение между подковообразными и кольцевидными: они повторяют форму первых, но имеют слитые или сомкнутые и обмотанные проволокой концы. Фибула со слитыми спиральными концами (Пг. 1960, п. 2) имеет аналогии на Ваге — в материалах Васильевского городища⁵¹ и Корбольского могильника⁵², на Печоре⁵³ и в Повелужье — в материалах Выжумского I и Починковского II могильников⁵⁴. Из могильника Погостище происходит также фибула со слитыми концами в виде конических розеток. Сходные фибулы найдены в Белоозере⁵⁵, на Сухоне и Ваге⁵⁶ и в Повелужье⁵⁷. Две фибулы с сегментовидным сечением дуги и сомкнутыми концами происходят из лачаозерских могильников (Тих., п. 1; Гр., п. 16; табл. XI, 3). Такая же фибула найдена в Кремлевском могильнике на Кокшенге⁵⁸. Все фибулы этой группы датиру-

ются XII — первой половиной XIII в. Е. А. Рябинин отметил, что большинство фибул со слитыми или сомкнутыми концами концентрируется на территории Архангельского и Вологодского Севера, Поволжья и Костромского Поволжья⁵⁹. Новые находки из восточного Прионежья подтверждают это наблюдение.

Кольцевидных фибул семь. Одна из них изготовлена из тонкого круглого в сечении дрота (Пг. 1978, п. 1; табл. XIV, 2); четыре — простые с прямоугольным или сегментовидным сечением дуги (Тих., п. 2; Пп., п. 10—12; Ник. III, к. 7, п. 1; Неф. IA, п. 17; табл. XIII, 16; XV, 16); две — пластинчатые с отверстием для крепления иглы (Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; табл. XVI, 7; XVIII, 2). Одна из фибул с сегментовидным сечением (Ник. III, к. 7, п. 1) орнаментирована «волчьим зубом». Пластинчатые фибулы украшены рельефным орнаментом — растительными завитками и круглыми выпуклостями. Все эти предметы относятся к XI в., лишь фибулы из могильников Тихманга и Нефедьево IA происходят из комплексов XII в.

Кольцевидная ажурная ложноплетеная фибула с ушками для крепления шумящих привесок (Мин., п. 1) стоит особняком. Она имеет многочисленные параллели в кругу поволжско-финских древностей, преимущественно X в.⁶⁰ Застежка из могильника Минино принадлежит к числу немногих ложноплетеных украшений, найденных в восточном Прионежье в комплексах XI в.

Нагрудные и поясные подвески. Представительную группу украшений образуют нагрудные и поясные подвески (73 экз.). В состав ее входят прежде всего подвески в виде миниатюрных предметов быта. Это бронзовые ложечки (3 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 33, п. 2; г. м., п. 13; табл. XVI, 14; XIX, 19, 31), массивная подвеска-ключ (1 экз.: Ник. III, к. 10, п. 1; табл. XVIII, 6) и подвески в виде бронзовых стержней с кольцами, одна из которых находилась в бронзовом футляре (2 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; табл. XVI, 12, 13; XVIII, 5). Все эти украшения происходят из комплексов XI в. Бронзовые ложечки принадлежат к числу характерных древнерусских украшений, распространенных на различных территориях. Подвески-ключи типичны для курганов Приладожья. В древнерусских материалах представлены и булавки, напоминающие стержни с кольцами из Кемских курганов, но случаи использования их в качестве подвесок в комплексе с другими подвесками-амулетами мне неизвестны. Амулеты в виде миниатюрных предметов быта носили на груди или на животе. В двух погребениях найдены специальные бронзовые колечки, к которым они подгибались. В наборах подвесок, крепившихся к поясу, эти амулеты не встречаются ни разу.

Хотя миниатюрные бронзовые топорiki не использовались как нагрудные украшения, мы рассмотрим их вместе с подвесками в виде миниатюрных предметов быта. Четыре амулета-топорика найдены в Кемском некрополе (к. 6, п. 1; к. 9, п. 3; к. 37, п. 3; г. м., п. 3; табл. XV, 10; XVII, 7; XIX, 13, 29). Все они датируются XI в. Топорiki относятся к различным типам: два из них повторяют форму топоров с оттянутым вниз лезвием и полукруглым вырезом в основании (тип IV), они украшены кружками и зигзагообразной линией, идущей

вдоль лезвия; два других — широколезвийные со шпорами по сторонам лезвия. Обе формы хорошо известны в русских древностях XI—XII вв.⁶¹ В проушинах у трех топориков сохранились остатки деревянных рукоятей. Один из топориков происходит из погребения юноши 17—19 лет; три других — из погребений детей (судя по инвентарю, мальчиков) 11—12 и 3—5 лет, они лежали в ногах или в области колена, на месте настоящих топоров. По-видимому, топорiki можно считать амулетами, специально предназначенными для мальчиков и юношей-подростков, в этой связи стоит напомнить наблюдение В. П. Даркевича, что топорiki не входили в комплексы подвесок-амулетов, носимых женщинами⁶². Происхождение этих амулетов связано с восточнославянской средой, почти все пункты находок локализуются в границах Древнерусского государства.

Среди поясных подвесок преобладают зооморфные (48 экз.). В восточном Прионежье представлены почти все типы зооморфных подвесок, известные в северных областях Восточной Европы. Типология этих украшений разработана Л. А. Голубевой и Е. А. Рябининым⁶³. Наиболее многочисленны плоские прорезные подвески-уточка (12 экз.: Пп.; Гр.; Пг. 1960, п. 2; КП 1983, п. 6; Неф. IB, п. 2, 4, 6; табл. XII, 1; XIII, 5; XXI, 2, 5; XXV, 2, 11; XXVI, 12, 13), еще одна плоская уточка найдена в Белоозере. Наиболее ранние экземпляры относятся к XI в.; наиболее поздние — к рубежу XII—XIII вв. Этот тип украшения, сложившийся в X в. в Приладожье, в XI—XII вв. получил широкое распространение на северных окраинах Руси. Одним экземпляром представлен плоский петушок с привесками (Тих., п. 2) — подвеска, происхождение которой связывают с Владимиро-Суздальской землей⁶⁴. Северо-восточное происхождение имеют плоские подвески-уточка с рельефным орнаментом (3 экз.: КП 1969, п. 4; Неф. IB, п. 4; табл. XXV, 13, 19), найденные в комплексах XII в. (две аналогичные подвески встречены в Белоозере). По мнению Е. А. Рябининой, центры производства подобных подвесок существовали в Костромском Поволжье и в бассейне Камы⁶⁵. Многочисленны плоские прорезные двуголовые коныки (8 экз.: Пг. 1959, п. 1; 1960, п. 2; КП 1983, п. 6; Неф. IA, п. 17; Неф. IB, п. 6; Шг., п. 24; табл. XXI, 3, 6; XXIII, 21; XXVI, 5, 6; XXVIII, 26), еще пять подвесок найдены в Белоозере и на поселении Любец. Самые ранние комплексы, содержащие эти украшения, датируются рубежом XI—XII вв.; самые поздние — рубежом XII—XIII вв. С учетом последних находок Белоозере можно рассматривать как район наибольшей концентрации этих украшений — здесь найдено 13 подвесок из 40, известных на древнерусской территории. Вслед за Е. А. Рябининым можно предположить, что эти украшения производились в самом Белоозере, но это не исключает возможности существования другого центра их производства в Костромском Поволжье⁶⁶. В числе плоских прорезных подвесок — «всадница на змее» (1 экз.: Пп.) и «конь на змее» (2 экз.: Ник. III, г. м., п. 9; Неф. IA, п. 14; табл. XIX, 7; XXII, 15). Эти украшения встречены в комплексах XI и середины—третьей четверти XII в. Они генетически восходят к металлопластике Прикамья, однако основная масса находок XI—XII вв. концентрируется в северорусских областях, где они, по-видимому, и производились⁶⁷. К характерным

древнерусским украшениям относятся коньки «смоленского» типа (2 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2, 23; табл. XV, 13; XVI, 8), встреченные в комплексах XI в. С кругом поволжских древностей связана ложноплетеная подвеска-конек «мерянского» типа (КП 1983, п. 6; табл. XXI, 1), происходящая из комплекса рубежа XI—XII вв.

К довольно редкому типу принадлежат плоские подвески с треугольным щитком, отогнутые боковые рамки которого напоминают стилизованные конские головы (2 экз.: КП 1969, п. 4). Они датируются XII в. Л. А. Голубевой учтено девять подвесок подобного типа. Большинство находок локализуется на территории современных Вологодской и Костромской областей⁶⁸. Этот перечень можно дополнить двумя подвесками из бассейна Кубены и Моши⁶⁹.

Полюе зооморфные подвески встречаются в восточном Прионежье значительно реже, чем плоские. В коллекции шесть объемных уточек, две из которых относятся к варианту 2 типа XVIII по классификации Е. А. Рябиной (Тих., п. 2; КП 1983, п. 6; табл. XXI, 4), а четыре — к варианту 3 того же типа (Неф. IA, п. 7, 24; Неф. IB, п. 6; Шг., п. 24; табл. XXIII, 9; XXIV, 20; XXVI, 16; XXVIII, 25). Они происходят из комплексов рубежа XI—XII — рубежа XII—XIII вв. Первоначальное формирование этого типа подвесок произошло в Приладожье. В XII в. они получили самое широкое распространение на северо-востоке и северо-западе Руси. Столь же широкое распространение на северных окраинах Руси имели полюе подвески-баранчики (2 экз.: Гр., п. 23; Пг., 1959, п. 1; табл. XI, 11) и полюе одноглавые коньки (2 экз.: Гр., п. 17; Неф. IA; табл. XI, 13), найденные в комплексах конца XII — первой половины XIII в.

Особую группу украшений образуют объемные зооморфные подвески, вырезанные из кости. Две подвески-уточки и две подвески-конька происходят из одного погребения (Ник. III, к. 8, п. 2; табл. XVI, 19—22). Комплекс датируется XI в. К XII в. относятся миниатюрные двуголовые уточки (2 экз.: Пг. 1959, п. 1; Неф. IA, п. 24; табл. XXIV, 13). Одноглавые уточки и коньки, аналогичные украшениям из Кемского некрополя, известны в двух регионах: в восточной части Днепровского бассейна, в области расселения радимичей, и в Прикамье. Вопрос о соотношении обеих серий был недавно рассмотрен Е. А. Рябиным, отметившим однотипность «западных» и «восточных» подвесок⁷⁰. Одноглавые зооморфные подвески из Кемского некрополя вырезаны из эпифизов трубчатых костей, причем форма подвески и прежде всего изгиб туловища и шеи коня и утки следовали форме самой кости. Возможно, этим обстоятельством и обусловлено сходство подвесок, происходящих из различных областей Восточной Европы. Двуголовые костяные уточки, близкие подвескам из восточного Прионежья, найдены в костромских курганах и вымских могильниках⁷¹. Вероятно, эти вещи имеют северо-восточное происхождение.

Е. А. Рябину принадлежит справедливое заключение, что большинство типов зооморфных подвесок XII—XIII вв. не имеет замкнутых ареалов⁷². В коллекции зооморфных украшений из восточного Прионежья нельзя указать типы, характерные исключительно для этого региона. Основная масса этих украшений лишена четкой локальной или

этнической окраски, однако в целом набор их весьма своеобразен: в нем преобладают плоские подвески и сравнительно малочисленны полюе. На всей территории Руси зафиксировано обратное соотношение: объемные изображения типов XVIII, XIX и XX встречаются значительно чаще, чем плоские. Использование для украшения одежды преимущественно пластинчатых подвесок можно считать характерной особенностью женского костюма восточного Прионежья.

Помимо зооморфных, употреблялись и шумящие подвески других типов. Особенно часто встречаются различные варианты конических подвесок, различающиеся в основном деталями оформления и орнаментами нижнего края конуса (9 экз.: Пг. 1959, п. 1; Неф. IA, п. 13, 17; Неф. IB, п. 3; табл. XXII, 13, 18; XXIII, 23; XXV, 18). Три такие подвески найдены в Белоозере. Происхождение этого типа украшений связано, вероятно, с Вычегодско-Камским краем, в большом количестве встречены конические подвески в вымских могильниках, а также на других памятниках Северо-Востока⁷³. Однако в XII—XIII вв. они вошли в употребление и на северных окраинах Руси: в Костромском Поволжье⁷⁴, бассейне Ваги и средней Сухоны⁷⁵. Отдельные экземпляры их происходят из Новгорода⁷⁶, курганов Приладожья⁷⁷ и Ижорского плато⁷⁸. Оригинальный тип украшения представляет собой плоское кольцо с петлей для подвешивания, ушками для крепления привесок и сквозным отверстием, в которое вставлен бронзовый стержень (Неф. IA, п. 19; табл. XXIII, 3). Сходные украшения встречены в Белоозере, костромских и оятских курганах⁷⁹, на Ваге⁸⁰ и в Прикамье⁸¹. Вероятно, этот тип подвесок имеет северо-восточное происхождение. К восточно-финским типам относятся и некоторые другие подвески: умбоновидные с пятью или двумя петлями для привесок (3 экз.: КП 1983, п. 6; Неф. IA, п. 19; Неф. IB, п. 4; табл. XXI, 14; XXIII, 1; XXV, 14); двуспиральные (2 экз.: Неф. IA, п. 2; XXII, 19, 21); треугольные каркасные (2 экз.: Неф. IA, п. 17; Неф. IB, п. 8; табл. XXVII, 13). Стилистически и функционально к этим вещам близок горизонтальный игольник с арочным косорешетчатым щитком, имеющий аналогии в Приладожье, Костромском Поволжье, и Прикамье⁸².

Значительную роль в уборе играли шумящие привески и бубенчики, крепившиеся к подвескам или служившие самостоятельным украшением. Самыми употребительными среди них были грушевидные крестопрорезные бубенчики, встреченные в комплексах XI — середины XII в. (29 экз.: Пг., п. 1, 4, 10—12; Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 7, п. 2; г.м., п. 1, 13; КП 1983, п. 6; Неф. IA, п. 17; Неф. IB, п. 4; Мин., п. 1; табл. XIII, 17, 18, 20, 21; XIV, XV, 15, 23, 24; XIX, 14—18, 21—23; XXI, 19; XXIII, 24; XXV, 21). Этот тип украшения, возникший в древнерусской среде, получил в это время повсеместное распространение в лесной полосе Восточной Европы. К стандартным широко распространенным типам относятся также шаровидные бубенчики с линейной прорезью и тройным рельефным пояском (3 экз.: Неф. IA, п. 17, 20; Шг., п. 21; табл. XXIII, 22; XXIV, 7; XXVIII, 28) и шаровидные бубенчики с поперечным литейным швом (3 экз.: Гр., п. 17; табл. XI, 21—23), датирующиеся XII—XIII вв. Северо-восточное происхождение имеют грушевидные бубенчики с орнаментированным

рельефным пояском (2 экз.: КП 1983, п. 6; табл. XXI, 8, 9) и бубенчик с раздутым туловом и рельефным пояском под ушком (1 экз.: Неф. IA, п. 20; табл. XXIV, 5). Встречены бубенчики и других типов: грушевидные с прямой или тройной прорезью (2 экз.: Пп.; Ник. III, к. 8, п. 2; табл. XIII, 25; XVI, 15); шаровидный с прямой прорезью (1 экз.: Тор.); конической формы с двумя рельефными поясками (2 экз.: Тих., п. 2).

Среди привесок наиболее обычными были конические или колоколо-видные простые (23 экз.: Тих., п. 2; Пп., п. 1, 3; КП 1983, п. 6; Ник. III, к. 8, п. 2; г. м., п. 23; Неф. IA, п. 14, 17, 20; Неф. IB, п. 2, 4; Шг., п. 21; Мин., п. 1; Тор.; табл. XIII, 19; XV, 12; XXI, 24–28; XXII, 25; XXIII, 11; XXIV, 8; XXV, 4, 5, 23; XXVIII, 27). Они бытовали с XI до рубежа XII–XIII вв. Реже встречаются конические привески с петлей (2 экз.: Тих., п. 2; Гр., п. 22; табл. XI, 17); конические привески с рельефным пояском (1 экз.: КП 1983, п. 6; табл. XXI, 17); лапчатые (2 экз.: КП 1983, п. 6; Неф. IA, п. 20; табл. XXI, 10; XXIV, 9); треугольные плоские (Неф. IA, п. 14; табл. XXII, 11).

К числу поясных украшений принадлежат также цепочки. Короткие цепочки из небольших литых костыльков с рельефным орнаментом служили, очевидно, для крепления привесок (Ник. III, к. 30; Неф. IB, п. 6; табл. XIX, 12; XXVI, 18). Они найдены в комплексах XI–XII вв. и имеют северо-восточное происхождение. Не вполне понятно назначение цепочки из трех массивных бронзовых костыльков, соединенных кольцами, в одно из которых были продеты четыре ложновитых колечка, игравших, вероятно, роль шумящего украшения (Неф. IA, п. 6; табл. XXII, 7). Костыльки этой цепочки украшены ложновитым и ложноплетеным орнаментом, они сварены из нескольких частей, каждая из которых отливалась отдельно. Точно такие же цепочки найдены на Вычегде, в Костромском Поволжье и Вятской губернии. Е. И. Горюнова атрибутировала их как части мужских поясов⁸³. Однако цепочка из могильника Нефедьево найдена в женском погребении в области живота. По стилистическим особенностям она может быть отнесена к кругу восточнофинских древностей.

Следует коротко остановиться на способе крепления поясных украшений. В ряде погребений прослежено, что они были прикреплены к поясу справа или слева с помощью длинных кожаных или шерстяных шнурков (Пг. 1978, п. 1; КП 1983, п. 6; Неф. IA, п. 13, 17, 20, 21; Неф. IB, п. 4, 6). Конец шнура продевался в ушко или специальное отверстие, имевшееся в подвеске, узел, завязанный на нем, не давал ей упасть. Нередко на один шнурок нанизывалось несколько подвесок, а сверху — бронзовые бусы. В одном из погребений (Неф. IB, п. 4) удалось проследить, что верхние концы шнурков были привязаны к специальному бронзовому кольцу (табл. XXV, 17), надетому, очевидно, на пояс. Вероятно, этот способ крепления подвесок был не единственным, в частности, они могли крепиться к фибуле, находившейся на поясе (Пг. 1960, п. 2).

Браслеты. Их найдено 22. Большинство из них принадлежит к типам, получившим в XI–XIII вв. универсальное распространение в се-

верных областях Восточной Европы. Это дровые браслеты различных типов: завязанные (3 экз.: Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 33, п. 2; табл. XIV; XIX, 24), звериноголовый (1 экз.: Мин., п. 1), узкоконечные простые и крученые (3 экз.: Гр., п. 1; Ник. III, к. 8, п. 2; Неф. IB, п. 6; табл. XI, 20; XVI, 28; XXVI, 21); витые браслеты: завязанные (4 экз.: Пп.; Пг. 1978, п. 1; Ник. III, к. 9, п. 1; табл. XIII, 15, 22; XIV; XVII, 1) и петлеконечный (1 экз.: Неф. IB, п. 6; табл. XXVI, 14); пластинчатые: ленточные тупоконечные (2 экз.: Тих., п. 2; Неф. IA, п. 19), узкоконечный (1 экз.: Ник. III, п. 3; табл. XIX, 20), завязанный (1 экз.: Ник. III, к. 10, п. 1; табл. XVIII, 13), овальноконечные с рельефным растительным орнаментом (2 экз.: Неф. IA, п. 19; Неф. IB, п. 4; табл. XXIII, 5; XXV, 16); ложновитые: обрубленноконечный (1 экз.: Пг. 1959, п. 1) и овальноконечный (1 экз.: Гр., п. 31; табл. XI, 6). В комплексах XI в. встречены преимущественно завязанные браслеты, в комплексах XII в. — овальноконечные, тупоконечные, петлеконечные и др.

Перстни. Их найдено 39. Преобладают перстни простых типов: круглодротовые сомкнутые (4 экз.: Ник. III, к. 26, п. 2; Неф. IA, п. 1, 21; табл. XXIII, 20; XXIV, 17, 18), несомкнутые (3 экз.: Пп., п. 6; Пг. 1978, п. 1; КП 1983, п. 6; табл. XIII, 13; XIV, XXI, 15) и с заходящими концами (2 экз.: Ник. III, к. 9, п. 1; к. 22, п. 1; табл. XVII, 3), круглодротовые крученые (3 экз.: Ник. III, к. 1; к. 8, п. 2, к. 9, п. 1; табл. XVI, 27; XVII, 2). Почти все круглодротовые перстни относятся к XI в., лишь два происходят из комплексов XII в. Интересен массивный круглодротовый перстень, концы которого завязаны таким образом, что образуют круглый спиральный щиток (Ник. III, к. 10, п. 1; табл. XVIII, 11). Этот способ завязывания концов бытовал преимущественно на севере Европы: в Прибалтике и Фенно-Скандии. Точно такие же перстни происходят из Корбольского могильника на Ваге⁸⁴ и из курганов Ярославского Поволжья⁸⁵. Перстень датируется XI в. К XII в. относятся рубчатые перстни — одного из характернейших древнерусских типов (4 экз.: Неф. IA, п. 9, 17; Неф. IB, п. 6; табл. XXIII, 7; XXVI, 19, 20). К широко распространенным типам принадлежат узкопластинчатые перстни, происходящие из комплексов XI в.: завязанный (1 экз.: Пп.), замкнутые (3 экз.: Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; к. 16, п. 1; табл. XVI, 25; XVII, 24; XVIII, 10), а также широкосрединные: завязанный (1 экз.: Ник. III, к. 10, п. 1; табл. XVIII, 12) замкнутые (2 экз.: Тих., п. 2). XI веком датируется овальнощитковый усатый перстень с гравированным орнаментом на щитке (Пп., п. 1; табл. XIII, 14). Аналогии таким перстням известны в основном среди прибалтийско-финских древностей, хотя они получили некоторое распространение в древнерусской среде⁸⁶. Интересен пластинчатый овальнощитковый перстень с гравированным растительным орнаментом, относящийся к XIII в. (Гр., п. 17; табл. XI, 15). Точная аналогия ему может быть указана в материалах костромских курганов⁸⁷. Вероятно, оба предмета имеют северо-западное происхождение. Среди витых двойных перстней один найден в погребении XI в. (Ник. III, к. 4, п. 2; табл. XV, 4), два — в комплексах XII–XIII вв. (Неф. IB, п. 4; Шг., п. 25; табл. XXV, 24; XXVIII, 30). XII–XIII веками датируются литые перстни с овальным,

ромбическим или прямоугольным прорезным щитком (Гр., п. 18; Шг., п. 20; Тор., п. 4; табл. XI, 19; XXVIII, 32). Это обычные типы древнерусских украшений.

Заслуживают внимания стеклянные плосковыпуклые перстни, найденные в двух погребениях XI в. (6 экз.: Ник., к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; табл. XVI, 24; XVIII, 7—9). Четыре из них желтые, два зеленые. Местом производства подобных перстней считается Киев⁸⁸. Они найдены во многих древнерусских городах, в том числе в Белоозере⁸⁹, но почти не встречаются в курганах.

Пуговицы. Найденные в погребениях пуговицы (10 экз.) принадлежат к двум типам: шарообразные (8 экз.: Ник. III, г. м., п. 6; Неф. IB, п. 7; Шг., п. 7; Тор.; табл. XV, 26; XXVII, 21) и конические (2 экз.: Неф. IA, п. 2, 14). Почти все находки относятся к XII—XIII вв. Судя по положению пуговиц в погребениях, они использовались для застегивания ворота. Оба типа хорошо известны в древнерусских материалах⁹⁰.

Поясной набор. Важнейшим элементом мужского костюма был поясной набор, включавший пряжки, ременные разделители и поясные кольца. Среди семи железных пряжек есть круглые (6 экз.: Гр., п. 7; Ник. III, г. м., п. 6, 19; Кис., п. 3, 8; Шг., п. 25; табл. XII, 5) и прямоугольная (Пп.; табл. XIII, 28). Они происходят из погребений XI, XII и XIII вв. Среди бронзовых пряжек есть лировидные (3 экз.: Ник. III, к. 28, п. 2; к. 42, п. 1; Кис., п. 2; табл. XVIII, 17; XIX, 5), с овальной, заостренной на конце рамкой, орнаментированной насечками (4 экз.: Ник. III, к. 6, п. 1; к. 38, п. 1; к. 41, п. 1; КП 1969, п. 4; табл. XV, 6; XIX, 11), с трапециевидной рамкой (2 экз.: Ник. III, г. м., п. 5; Кис. 1959, п. 9; табл. XIX, 10). Эти пряжки представляют собой стандартизированные изделия, получившие в XI—XII вв. широчайшее распространение в Восточной Европе, как на Руси, так и за ее пределами⁹¹. Найдены из могильников восточного Прионежья относятся к XI в., кроме одной, происходящей из комплекса середины—второй половины XII в. (КП 1969, п. 4). Как индивидуальные, песерийные, изделия можно рассматривать бронзовые пряжки четырехугольной (2 экз.: Ник. III, к. 42, п. 1; Тих., п. 2; табл. XV, 31) и круглой (Тих., п. 2) формы.

Возможно, две последние входили в состав не мужского, а женского костюма.

Единственный разделитель ремня (Ник. III, к. 42, п. 1; табл. XVIII, 16), круглый литой тройной, найден в комплексе XI в. Подобные разделители встречаются на древнерусских памятниках — в частности, в Новгороде, в курганах Новгородской земли⁹², но основная масса их концентрируется в Финляндии⁹³ и Прибалтике⁹⁴. Центр их производства находился, очевидно, в Балтийском регионе.

Поясные кольца из могильников принадлежат к наиболее простым и широко распространенным типам. В их числе плоские или плосковыпуклые гладкие (4 экз.: Ник. III, г. м., п. 6; Кис., п. 4; Неф. IA, п. 19; табл. XV, 27, 28), плосковыпуклые рубчатые (2 экз.: Тих., п. 2; Пг. 1959, п. 1), круглодротовые гладкие (6 экз.: Ник. III, к. 16, п. 1; Кис., п. 2; Неф. IB, п. 4; Тор.; табл. XVII, 22).

Оценивая общий состав коллекции украшений из могильников восточного Прионежья, легко заметить, что она распадается на несколько групп, различающихся по происхождению.

Выделяется прежде всего группа украшений древнерусских типов и типов, не имеющих определенной этнической окраски, но связанных по происхождению с кругом русских древностей. Она включает перстнеобразные и бусинные височные кольца, разнообразные подвески к ожерельям, в том числе лунницы и круглые монетовидные, браслеты и перстни различных типов. Удельный вес этой группы украшений в коллекции наиболее велик. Доля их в общем наборе украшений была достаточно высокой уже в XI в. По-видимому, в XII—XIII вв. заметного увеличения ее не произошло. Основная масса находок XI в. происходит из памятников бассейна Белого озера, хотя уже в первой половине — середине XI в. украшения древнерусских типов входят в употребление в бассейне озер Лача и Воже. В XII—XIII вв. эти украшения имели примерно равное распространение в центре региона и на его периферии.

Выделяется также группа украшений, распространенных в северных областях Руси, главным образом в среде финно-угорского и смешанного славяно-финского населения. Бытование этих вещей не было ограничено отдельными замкнутыми ареалами, однако за пределами древнерусской территории они в целом не были употребительны. В состав этой группы входят некоторые поясные, преимущественно зооморфные, подвески, бронзовые пронизки, бубенчики. Сложение этих типов украшений приходится в основном на XI — рубеж XI—XII вв., в XII—XIII вв. они играли заметную роль в общем наборе украшений.

Весьма значительную группу образуют украшения прибалтийско-финского происхождения, среди которых подковообразные и кольцевидные фибулы, круглые подвески-медальоны со штампованным орнаментом, плоские ромбические подвески, перстни некоторых типов, в том числе усатый с гравированным орнаментом и круглодротовый со спиральным щитком. Западнофинские украшения получили большое распространение в восточном Прионежье в XI в., в последующий период доля их существенно снижается. По территории региона находки распределяются довольно равномерно, они известны как в северной, так и в южной ее части. Примечательно, что украшения, происхождение которых можно определенно связывать с юго-восточным Приладожьем — ближайшим регионом с яркими западными чертами в культуре, единичны: это лишь подвеска-ключ и бронзовая бусина-флакончик.

Группа вещей восточнофинского круга объединяет украшения поволжско-финского и пермско-финского происхождения. Предметы поволжско-финских типов в погребениях XI в. немногочисленны: перечень их ограничивается ажурной кольцевидной фибулой и ложноплетеным коньком мерянского типа. В середине XII—XIII в. количество их значительно увеличивается. В этот период в употребление входят треугольные каркасные подвески, двуспиральные подвески с городчатым узором, умбовидные подвески. Все поволжско-финские украшения найдены в могильниках бассейна Белого озера и Порозовицы. В бассейне оз. Лача они не встречены. Предметы пермско-финского происхождения — лунничные височные кольца, бубенчики с орнаментированным рельефным пояском,

конические подвески с привесками — не столь многочисленны. Они встречаются в комплексах как XI, так и XII—XIII вв. на всей территории региона. Некоторые украшения — например, цепочки с орнаментированными костыльками, лапчатые привески и т. п. — могут быть атрибутированы как восточнофинские лишь в самом общем плане, без дальнейшей детализации. Они были употребительны в среде как пермско-финского, так и поволжско-финского населения. В целом восточные связи региона в XII—XIII вв. выражены гораздо ярче, чем западные.

В XII—XIII вв. в восточном Прионежье появляются особые типы и варианты украшений, которые можно рассматривать как специфические именно для этого региона и в некоторых случаях для сопредельного Важского бассейна. К ним относятся проволочные витые и ложновитые височные кольца, лунничные височные кольца с широкой закругленной лопастью, проволочные кольца с лопастью в виде головы зверя, подковообразные фибулы со слитыми или сомкнутыми концами, обвязанными проволокой, возможно, плоские двуголовые подвески-коньки и плоские подвески с треугольным щитком и стилизованными конскими головками. К этой группе украшений примыкают и очелья, орнаментированные спиральными пронизками. Прототипами большинства «местных» форм XII—XIII вв. послужили характерные прибалтийско-финские и восточнофинские украшения. Хотя почти все перечисленные украшения встречаются и за пределами восточного Прионежья и Важского бассейна, наиболее плотно они концентрируются в этих областях.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении комплекса украшений XI—XIII вв. с местными древностями предшествующего периода. Эта оценка затруднена тем, что об украшениях конца IX—X в. мы можем судить лишь по достаточно скромной коллекции с поселения Крутик и из нижнего горизонта Белоозера. В состав убора белозерской веси X в. входили проволочные височные кольца большого диаметра, в том числе втульчатые, головные венчики из спиралек и пластинчатых обоймиц, ожерелья из стеклянных бус, ажурные кольцевидные и подковообразные фибулы, шумящие поясные подвески, изготовленные в наборной технике, многочисленные привески, браслеты и перстни⁹⁵. Легко заметить, что для этого убора, как и для убора XI—XIII вв., характерно сочетание вещей западных и восточных типов. Однако конкретная преемственность между вещами XI и X вв. выражена слабо. Лишь некоторые украшения, употреблявшиеся в Белозерской округе в X в., продолжали бытовать в XI в.: это ажурные кольцевидные фибулы, ложноплетеные подвески-коньки, подковообразные фибулы со спиральными концами, широкосрединные пластинчатые перстни, пронизки-спиральки. На поселении Крутик найдена литейная форма для изготовления лунничных височных колец, однако отливавшиеся в ней украшения по форме значительно отличаются от лунничных височных колец XI в. Симптоматично, что наиболее характерные украшения белозерской веси X в. — проволочные височные кольца большого диаметра и наборные украшения — выходят из употребления на рубеже X—XI вв., оказав весьма незначительное влияние на формирование комплекса украшений XI в. Отсутствие прямой связи между комплексами украшений X и XI вв. отчасти обусловлено тем, что в конце X — начале XI в. в лесной полосе

Восточной Европы почти повсеместно наблюдается распространение украшений новых типов, генетически не связанных с украшениями предыдущей эпохи. Ясно однако, что в восточном Прионежье эти изменения были более резкими и глубокими, чем во многих других областях, и в основе их, несомненно, лежало радикальное изменение этнокультурной ситуации в регионе.

ЖЕНСКИЙ УБОР ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

Остатки тканей, найденные в погребениях, еще ждут своего исследователя, однако они слишком фрагментарны, чтобы мы могли рассчитывать на полную реконструкцию костюмов. Поэтому, говоря о женском уборе восточного Прионежья, я имею в виду прежде всего сочетание украшений в конкретном уборе. Об этих сочетаниях можно судить по материалам 53 непогребенных женских и детских погребений, в которых ювелирные изделия представлены в первоначальных комплексах и лежат *in situ* (табл. 5). По сочетанию основных элементов можно выделить пять характерных типов женского убора.

Тип I. Убор, состоящий из височных колец, главным образом перстнеобразных и бусинных, и ожерелий с нагрудными подвесками (рис. 4, а). В ряде случаев этот убор дополняют браслеты и перстни, реже — гривны; в одном комплексе, кроме подвесок, носимых в ожерелье, находилась также подвеска-ложечка, закрепленная ниже, на груди. Всего к этому типу относится 17 комплексов украшений, значительная часть которых (девять) происходит из Кемского некрополя (Ник. III, к. 9, п. 1; к. 13, п. 2; к. 16, п. 1; к. 22; к. 33, п. 2; г. м., п. 2, 11, 13, 16; Кис., п. 11; БО, п. 1; КП 1983, п. 2, 3; Шг., п. 7, 21, 23, 24). Повидимому, в рамках этого типа можно рассматривать комплексы, включающие височные кольца при отсутствии ожерелий из бус, но при наличии в некоторых случаях перстней (восемь комплексов: Пп., п. 6; Пг. 1960, п. 1; Ник. III, г. м., п. 12; КП 1983, п. 1; Шг., п. 8, 10, 17; Тор., п. 4). Появление этого типа убора в восточном Прионежье относится ко времени не позднее середины XI в., он оставался употребительным вплоть до начала XIII в. Районом наибольшего распространения его был бассейн Белого озера, в Лачаозерском бассейне убора типа I встречаются редко.

Убор типа I можно считать чисто славянским. В XI в. он получил распространение преимущественно в центральных районах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, прежде всего в Приильменьи⁹⁶ и Суздальском ополье⁹⁷. Большая серия подобных комплексов происходит из курганов юго-западного Белозерья, в основном из бассейна Мологи и Колпи. Многие из них датируются XI в.⁹⁸ В приладожских курганах убора типа I известны с XI в.⁹⁹, но здесь они немногочисленны. К северо-востоку от Белого озера — на Ваге и Сухоне — этот убор не стал популярным.

Тип II. Убор, состоящий из височных колец, ожерелья из бус с подвесками и одной нагрудной фибулы — кольцевидной или подковообразной. В некоторых случаях этот убор дополняли подвески, носимые на груди (вне ожерелья), браслеты и перстни. К этому типу относится че-

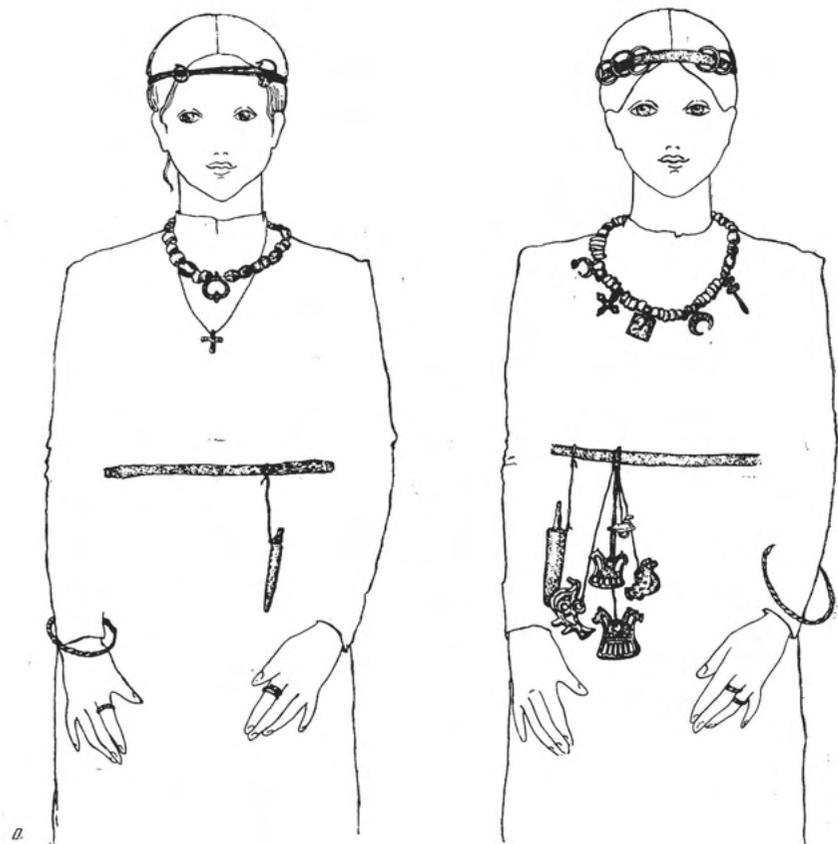

Рис. 4. Реконструкции женских уборов восточного Припечья по материалам могильников

а — убор типа I (комплект из погребения 1 в кургане 9 могильника Никольское III); б — убор типа IV (комплект украшений из погребения 6 могильника Нефедьево IB)

тыре комплекта украшений из Кемского некрополя (Ник. III, к. 4, п. 2; к. 8, п. 2; к. 10, п. 1; к. 7, п. 1 — в последнем случае при наличии ожерелья из бус и нагрудной фибулы отсутствовали височные кольца). Все погребения с подобными наборами датируются XI в. Судя по находкам одиночных подковообразных фибул в могильниках Попово и Киснема вне комплексов или в плохо документированных комплексах, можно предположить, что распространение этого типа убора в восточном Припечье не было ограничено низовьями Кемы.

Убор типа II близок убору типа I. Нагрудные фибулы, входившие в эти комплекты, имели небольшие размеры, положение их указывает на то, что они скрепляли одежду погребенных на груди. Уборы типа II sporadически встречаются в лесной полосе Восточной Европы на широкой территории, преимущественно в северо-западных областях¹⁰⁰, а так-

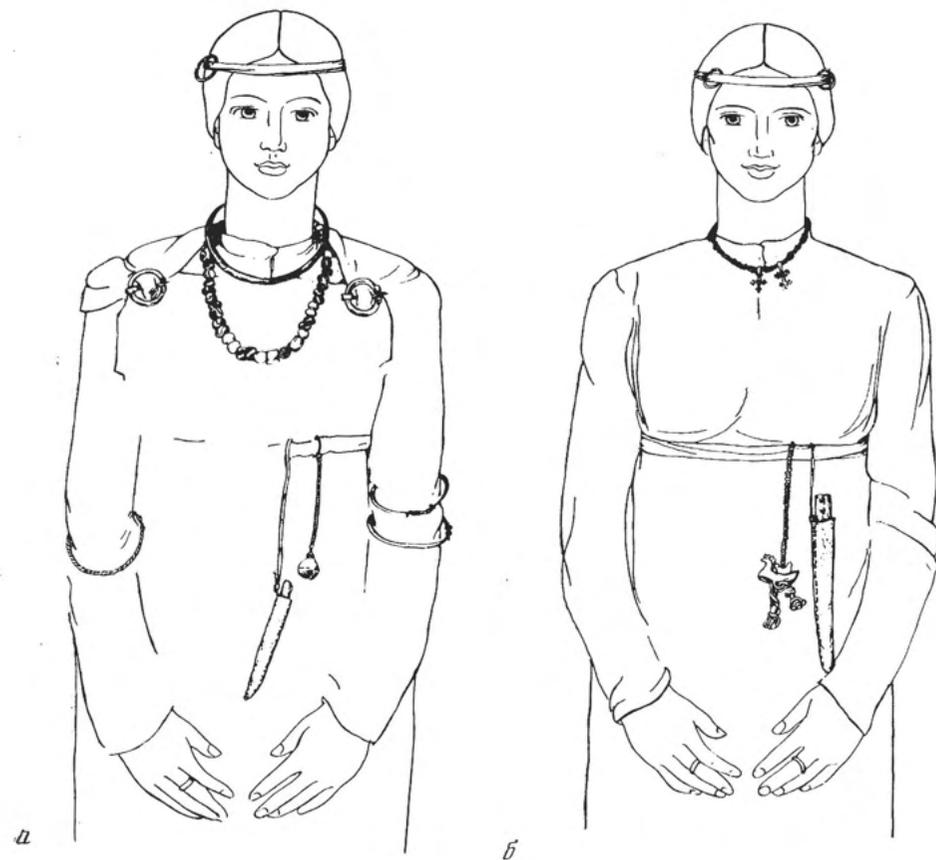

Рис. 5. Реконструкции женских уборов восточного Припечья по материалам могильников

а — убор типа III (комплект украшений из погребения 1 в могильнике Погостище, раскопки 1978 г.); б — убор типа IV (комплект украшений из погребения 21 в могильнике Нефедьево IA)

же в Верхнем Поднепровье¹⁰¹ и Волго-Клязьминском междуречье¹⁰². Несмотря на то что кольцевидные и подковообразные фибулы появились первоначально в финно-угорской среде, употребление одной фибулы для скрепления ворота рубашки или для каких-то иных целей не нарушало сложившегося облика восточнославянского женского костюма, а лишь придавало ему большую нарядность.

Тип III. Убор, основу которого составляют височные кольца, ожерелья из бус, парные нагрудные фибулы и поясные подвески. Хорошо документированный комплект украшений этого типа происходит лишь из одного погребения (Пг. 1978, п. 1), относящегося к первой половине XI в. (табл. XIV; рис. 5, а). Набор украшений включает перстнеобразное височное кольцо; железную гривну; 66 стеклянных и каменных бус;

две парные подковообразные фибулы, лежавшие симметрично на груди погребенной, и проволочную кольцевидную фибулу, лежавшую ниже, в области живота; бубенчик, находившийся в области пояса на шнурке, украшенном бронзовыми спиральными пронизками; три браслета и перстень. Парные подковообразные фибулы встречаются также в двух погребениях лачаозерских могильников (Шп., п. 1¹⁰³; Тих., п. 1). В состав инвентаря этих погребений входили, кроме того, височные кольца и нагрудные украшения, однако положение всех этих предметов не установлено, поскольку захоронения нарушены. Тем не менее, эти комплексы определенно свидетельствуют о том, что комбинацию украшений из погребения 1 в могильнике Погостице не следует считать уникальной для восточного Прионежья.

Положение парных подковообразных фибул на груди погребенной указывает на определенный покрой одежды — несшитую юбку, бретели которой скреплялись на груди. Такой покрой юбки, первоначально появившийся в Скандинавии, в начале II тысячелетия н. э. получил широкое распространение в Прибалтике и Финляндии. На территории Древней Руси основная масса находок парных подковообразных фибул концентрируется в юго-восточном Приладожье¹⁰⁴. За пределами этого региона они дважды найдены на Суде и по одному разу — в Верхнем Поволжье, Заонежье и на Ваге¹⁰⁵. По-видимому, одежда этого покроя бытовала на Руси лишь в среде западнофинского населения. Отмечу, однако, что проволочные височные кольца не свойственны убору западных финнов. Не связан, очевидно, с западнофинской традицией и такой элемент костюма, как подвеска-бубенчик, прикрепленная к поясу на шнурке. Эта деталь одежды имеет скорее восточнофинское происхождение. К сожалению, мы не можем судить о том, насколько часто повторялось подобное сочетание украшений.

Tun IV. Убор, основу которого составляют височные кольца, ожерелья из бус с нагрудными подвесками и поясные подвески (рис. 4, б; 5, б). Дополнительными элементами его могли выступать одиночные фибулы, браслеты, перстни и гривны. Такие комплекты украшений встречаются в 10 погребениях (Шг. 1959, п. 1; 1960, п. 2; Неф. IA, п. 2, 6, 17, 20, 24; Неф. IB, п. 4, 6; Шг., п. 24). Все комплексы относятся к середине XII — рубежу XII—XIII вв., однако о распространении убора типа IV в более ранний период косвенным образом свидетельствуют находки поясных подвесок и привесок в нарушенных погребениях и на площадках могильников Попово и Крохинские Пески, а также употребление поясных привесок в составе убора типа III в XI в. По-видимому, в Лачаозерском бассейне убор типа IV имел меньшее распространение, чем в Белозерской округе.

Различные элементы этого убора восходят к различным культурным традициям. Проволочные височные кольца малого или среднего диаметра характерны для восточнославянского женского костюма; шумящие привески, закрепленные на шнурках, — для восточнофинской одежды. Однако у поволжско-финских племен шумящие привески и подвески, закрепленные на шнурках, украшенных металлическими пронизками, использовались главным образом в качестве головных украшений, в частности в на-косниках¹⁰⁶. Превращение их в поясные украшения, являвшиеся одним

из наиболее значимых элементов убора (об этом можно судить уже по числу поясных подвесок в составе отдельных комплектов), произошло, по-видимому, на северных и северо-восточных окраинах Древней Руси.

Формирование убора типа IV происходило в XI—XII вв. в зоне, где имело место активное взаимодействие славянского и финно-угорского населения. Этот убор получил некоторое распространение в Приладожье¹⁰⁷, Костромском Поволжье¹⁰⁸ и Важском бассейне¹⁰⁹.

Tun V. Убор, основу которого составляли очелья, украшенные бронзовыми спиральными пронизками. В восточном Прионежье достоверные остатки таких очелий зафиксированы в трех погребениях; в состав одного из уборов входили, кроме того, лунничные височные кольца, нагрудные подвески, в том числе шумящие, и перстень (Гр., п. 17); в двух других бронзовые спиральки были единственными металлическими деталями костюма (Гр., п. 9, 13). Сочетание очелий, украшенных спиральями, и лунничных височных колец зафиксировано в двух погребениях Усть-Пуйского могильника на Ваге, одно из них сопровождалось шумящими нагрудными и поясными подвесками. Все комплексы датируются рубежом XII—XIII — первой половиной XIII в.

Представляется существенным тот факт, что очелья, украшенные бронзовыми спиральками, ни разу не встречены в комплексах вместе с проволочными височными кольцами и трижды найдены вместе с лунничными. По-видимому, убор, основу которого составляли очелья из спиралей, сформировался на рубеже XII—XIII вв. в той среде, где обычай носить проволочные височные кольца не имел широкого распространения. Этот убор отражает особый этнографический (а возможно, и этнический) облик населения, обитавшего в XII—XIII вв. в Лачаозерском бассейне и в среднем течении Ваги.

Вне выделенных типов остаются 10 комплектов украшений, в которых отсутствуют височные кольца или какие-либо другие украшения голловы (Гр., п. 23; Ник. III, г. м., п. 7, 9, 23; Неф. IA, п. 9; Неф. IB, п. 2, 9; Шг., п. 4, 20, 25). По этому принципу их можно выделить в отдельный тип, но такое объединение было бы чисто формальным. То общее, что объединяет эти комплекты, — их бедность, «неполнота». Как правило, они включают ожерелья из бус с подвесками, отдельные поясные и нагрудные подвески и привески, перстни. Общее число украшений, за единственным исключением (Неф. IB, п. 2), невелико. Из 10 «неполных» комплектов пять встречены в детских погребениях.

Последнее наблюдение побуждает специально рассмотреть особенности набора украшений в погребениях различных возрастных групп. Существовала ли строгая зависимость между возрастом погребенной и количеством металлических украшений в составе убора? Для ответа на этот вопрос обратимся к конкретному материалу (табл. 5).

В Кемском некрополе самые пышные наборы украшений происходят из двух погребений (Ник. III, к. 8, п. 2; к. 10, п. 1), одно из которых принадлежит девочке 4—8 лет, а другое — женщине 18—20 лет. Большинство относительно богатых комплектов украшений типов I и II встречено здесь в погребениях женщин зрелого возраста, однако некоторые погребения, принадлежавшие женщинам этой возрастной группы, сопровождалась бедными наборами украшений (Ник. III, г. м., п. 11, 12)

или вовсе не содержали металлических украшений (Ник. III, к. 15, п. 1; г. м., п. 14, 15). С другой стороны, достаточно пышный убор типа I, включавший, помимо основных компонентов, подвески к ожерелью, браслет и перстни, встречен в погребении женщины старческого возраста (Ник. III, к. 9, п. 1). В могильнике Шуйгино наибольшее количество височных колец происходит из погребений 7 и 17, принадлежавших женщинам 25–35 и 30–40 лет. В погребениях женщин старше 50 лет височные кольца немногочисленны (п. 8) или вовсе отсутствуют (п. 25). Однако отсутствие височных колец зафиксировано и в погребении 20, принадлежавшем женщине 20–35 лет. В могильниках Нефедьево IA и IB богатые наборы украшений зафиксированы в шести погребениях (Неф. IA, п. 6, 17, 20, 21; Неф. IB, п. 4, 6). Четыре из них принадлежали женщинам зрелого возраста, одно — женщине возмужалого возраста и одно — ребенку 7–11 лет. Самый бедный набор украшений сопровождал погребение женщины возмужалого возраста и детские погребения (Неф. IA, п. 9; Неф. IB, п. 9). В целом богатые наборы украшений чаще всего встречаются в погребениях женщин зрелого возраста — невест и «молодух», а бедные, «некомплектные», наборы — в погребениях девочек и пожилых женщин. Однако жесткой, однозначной зависимости между возрастом и количеством украшений в уборе не существовало. Принадлежность к той или иной возрастной группе была далеко не единственным фактором, определявшим состав убора. По-видимому, не меньшее значение имело семейное и социальное положение женщины.

Итак, уже в XI в. в восточном Прионежье, в первую очередь в Белозерской округе, получил распространение традиционный восточнославянский убор (типы I и II), резко контрастирующий с убором белозерской веси X в. Одновременно началось формирование новых типов убора, комбинирующих характерные элементы финно-угорского и славянского костюма: височные кольца, нагрудные фибулы и шумящие подвески. Поиск новых форм женского убора, отражающих вкусы неоднородного в этническом отношении населения окраинных областей Северной Руси, происходили в XI в. не только в восточном Прионежье. Эти процессы прослеживаются в обширной зоне, включавшей юго-восточное Приладожье, бассейн Суды, Верхнее Поволжье, Переяславское ополье, а возможно, и другие районы. Результатом их явилось сложение уборов типов III и IV. Сложение убора типа III произошло, по-видимому, в юго-восточном Приладожье. Труднее точно локализовать центр формирования убора типа IV, получившего более широкое распространение как в восточном Прионежье, так и за его пределами. Не исключено, что этим центром было Белозерье. Симптоматично, однако, что убор типа IV не стал региональным и был быстро воспринят населением различных областей от Приладожья до Костромского Поволжья и Переяславского ополья. Формирование новых типов уборов продолжалось в восточном Прионежье и в XII–XIII вв., приняв в этот период более локальный характер. Итогом стало появление убора типа V.

Оценивая эти процессы, можно сделать вывод, что в восточном Прионежье в XI–XII вв. ярко проявилась тенденция к скрещению славянской и финно-угорской культурной традиции. При этом финно-угорская культура демонстрирует не столько стойкость, сколько гибкость и спо-

собность к развитию. Финно-угорские элементы в уборе сохраняются не в качестве реликтов: они эволюционируют, приобретают новые функции в костюме, оказываются исходной основой для формирования новых типов украшений.

Констатируя взаимодействие финно-угорской и славянской традиций, отчетливо выразившееся в костюме обитателей восточного Прионежья, нельзя обойти вопрос о конкретной этнической среде, в которой бытовали уборы различных типов. Очевидно, что уборы типов I и II носили в основном женщины славянского происхождения. Однако в XI–XII вв., когда славянская культура становится «нормой» для разноэтничного населения обширных областей Восточной Европы, эти типы уборов могли заимствовать и представительницы финно-угорского этноса. Точно так же в различных этнических средах мог бытовать и убор типа IV. Он был приемлем как для смешанного славяно-финского населения, так и для тех групп финно-угров, в составе которых не было выходцев из славянской среды, на что указывает, например, распространение его в XI–XII вв. в Ветлужско-Вятском междуречье. Нельзя исключить и возможность бытования его среди славянского населения северных окраин Руси, особенно тех групп, которые находились в относительной изоляции от общерусских культурных центров и поддерживали оживленные контакты с финно-угорским окружением. Что касается убора типа III, то его бытование в XI в. ограничивалось лишь финно-угорской средой.

¹ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне: К вопросу о размещении летописных племен на среднем Днепре // СЭ. 1947. Т. 6/7. С. 92, 93. Сходные украшения известны и в северных областях Восточной Европы. См.: Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской обл. в 1976 г. // Архив ИА. Р-1. № 6153. Рис. 16, 14.

² Белозерский краеведческий музей. Случайная находка.

³ АОКМ. Кол. 4981.

⁴ Черницын Н. А. Угро-финские могильники на территории Вологодской обл. // СА. 1966. № 4. С. 197, 198. Рис. 1, 4; 2, 9.

⁵ Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. С. 19.

⁶ Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 75.

⁷ Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 20, 35. Рис. 4, 6.

⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 15, 16. Рис. 3, 3.

⁹ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950. Табл. XXIII, 5, 6.

¹⁰ Заяц Ю. А. Курганный могильник Изяслава // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 39, 40. Рис. 9; Комаров К. И. Отчет о раскопках курганного могильника Плешково I в Кимрском р-не Калининской обл. // Архив ИА. Р-1. № 8635. Л. 1. Рис. 106, 3.

¹¹ Левашева В. П. Височные кольца. С. 35.

¹² Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 136.

¹³ Там же. С. 138, 140. Рис. 51, 15.

¹⁴ Спицын А. А. Археологическая находка конца X в. в Глазовском уезде Вятской губернии // ЗРАО. СПб., 1894. Т. 7, вып. 3/4. С. 247, 248; Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. С. 20, 65–68.

¹⁵ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья // МАР. СПб., 1895. № 18. Табл. IV, 1.

¹⁶ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 135. Taf. 120, 1080.

¹⁷ Serning I. Lappska offerplatsfynd från garnalder och medeltide svenska Lappmarkerna // Acta Lapponica. 1956. V. 11. Pl. 18, 13; 50, 17, 18; Sjövold T. The Iron Age

- Settlement of Arctic Norway. V. 2: Late Iron Age // Trömsö museum skrifter. Trömsö; Oslo; Bergen, 1974. V. 10:2. Pl. 71, a.
- 32 Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуда заволочской // СА. 1984. № 4. С. 202, 203. Рис. 5, 7.
- 33 Черницын Н. А. Угро-финские могильники... С. 197, 198. Рис. 1, 11; 2, 4; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 212, 213. Рис. 11, 1, 3; Гуслистов Н. В. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 8263. Л. 11, 12.
- 34 Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 211, 213.
- 35 Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. С. 84.
- 36 Фехнер М. В. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 101–104; Она же. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 70–73.
- 37 Фехнер М. В. Шейные гривны. С. 79, 80; Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья: По находкам в бассейне Кокшенги // СА. 1981. № 3. С. 66–72.
- 38 В Финляндии, Карелии и Прибалтике спиральные пронизки нашивались на одежду, в частности на передники. Подобное использование их в восточном Прионежье маловероятно: количество спиралек, происходящих из одного погребения, здесь слишком незначительно, а согнутые спиральки, образующие фигуры в виде креста и т. п., неизвестны.
- 39 Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 77.
- 40 Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. V. 2: The Artefacts // SMYA. Helsinki, 1982. V. 82:2 P. 144, 145.
- 41 Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 86, 87.
- 42 Tönisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallinn, 1974. S. 87, S. 127, 128. Abb. 21, 3, 4; Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafecodaalsete suhëtätärkamise perioodil (11–13 sajand). Tallinn, 1974. Tab. XXIV, 3–5. S. 324–326.
- 43 Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. СПб., 1896. № 20. С. 18. Табл. XII, 26; Он же. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. СПб., 1903. № 29. С. 25. Табл. XXII, 11, 12; XXV, 3; Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. СПб., 1899. Т. 3. Табл. 6, 25; Тухтина Н. В. Новый памятник веси на р. Суде // Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг. М., 1970. С. 67, 68. Рис. 14, 5.
- 44 Рыбаков Б. А. Радзімічы // Працы сэкцыі археалёгіі Беларускай АН. Менск, 1932. Т. 3. С. 92. Табл. VI, 4; Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл. // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 50–53.
- 45 Шгыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 69, 70. Рис. 34, 21.
- 46 Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 4.
- 47 Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 233, 265. Табл. XI, 17.
- 48 Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971. С. 190, 209. Табл. 11, 13; 31, 21, 22.
- 49 Архипов Г. А. Починковский могильник // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 111–113. Рис. 1, 5.
- 50 Шноре Э. Д. Асотское городище // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига, 1961. Т. 2. Табл. 2; Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974. S. 314. Att. 204, 15, 16. Tab. 49, 5; 56, 1, 11; 73, 5.
- 51 Serning I. Lappska offerplatsfynd... S. 69. Pl. 21, 15; 50, 6; 56, 4.
- 52 Раскопки Э. А. Савельевой 1981 г. Сообщение Э. А. Савельевой.
- 53 Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 144.
- 54 Анучин Д. И. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. М., 1899. Т. 3. С. 255, 256; Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4. С. 88–98.
- 55 Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3. С. 70, 71. Рис. 12, 20.
- 56 Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов... Табл. 6, 39.
- 57 Репников Н. И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // ИАК. СПб., 1904. Вып. 6. С. 17. Табл. III, 7.
- 58 Сербай I. А. Археолёгичныя помнікі Вушацкага раёну Полацкае акрузі // Працы: Археолёгичныя камісіі Беларускай АН. Менск, 1930. Т. 2. С. 210. Табл. II, 5.
- 59 Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 67, 135. Рис. 12, 9.
- 60 Седова М. В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 191, 193. Рис. 1–5; Она же. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 119, 120.
- 61 Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 62, 63. Рис. 20, 3.
- 62 Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов... Табл. 6, 33.
- 63 Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 144. Рис. 223.
- 64 Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. М., 1896. Т. 2. Табл. XI, 19.
- 65 АОКМ. Кол. 4981.
- 66 Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 206, 207. Рис. 7, 2.
- 67 Tallgren A. M. Viarmia // ESA. Helsinki, 1931. V. 6. P. 116, 117. Fig. 7.
- 68 Сведения автора раскопок Г. А. Архипова.
- 69 Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 140, 142. Рис. 51, 22.
- 70 АОКМ. Кол. 329653; ВУКМ; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники... С. 212–214. Рис. 11, 11.
- 71 Материалы Выжумского III могильника. Сведения Г. А. Архипова. ГИМ. Инв. № 766956. Оп. 892. № 1.
- 72 Рябинин Е. А. О средневековых древностях... С. 67, 68.
- 73 Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. Вып. E1-59. С. 53.
- 74 Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4. С. 92–94. Рис. 2; Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 26, 27. Рис. 7, 8, 9.
- 75 Даркевич В. П. Топор как символ Перуна... С. 93, 94.
- 76 Голубева Л. А. Зооморфные украшения...; Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. E1-60.
- 77 Голубева Л. А. Зооморфные украшения... С. 23; Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 19.
- 78 Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 19.
- 79 Там же. С. 51, 52.
- 80 Голубева Л. А. Зооморфные украшения... С. 42; Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 27.
- 81 Голубева Л. А. Зооморфные украшения... С. 52, 53.
- 82 Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА. Р-1. № 10762. Л. 24, 25; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции ИА в 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 10604. Л. 63, 64.
- 83 Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 44.
- 84 Там же; Савельева Э. А. Отчет Вымского отряда Северодвинской археологической экспедиции за 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 8914. Альбом. Л. 25. Рис. 33. Л. 127. Рис. 185, 4.
- 85 Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 52.
- 86 Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования... Табл. XIV, 18; Савельева Э. А. Пермь вычегодская. С. 192, 193, 203. Табл. 13, 23; 14, 16; 24, 4.
- 87 Третьяков П. Н. Костромские курганы // ИГАИМК. Л., 1931. Т. 10, вып. 6/7. С. 23. Табл. III, 7.
- 88 Черницын Н. А. Угро-финские могильники... С. 197. Рис. 1, 7; Гуслистов Н. В. Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 109, 110.
- 89 Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 34.
- 90 Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. С. 86. Табл. III, 17.
- 91 Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 22. Табл. VII, 5.
- 92 Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов... Табл. 2, 5; Третьяков П. Н. Костромские курганы. С. 23. Табл. III, 7, 8; Tallgren A. M. Fornsaaker från Olonets på Historiske museet i Helsingfors // FM. 1916. S. 25. Fig. 20.
- 93 Tallgren A. M. Viarmia. P. 114. Fig. 7.
- 94 Спицын А. А. Древности камской чуди из коллекции Теплоуховых // МАР. СПб., 1902. № 26. С. 38. Табл. VII, 22.
- 95 Голубева Л. А. Игольницы восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы

Хронология могильников

Среди вещевого материала, собранного при раскопках могильников, преобладают предметы общедревнерусских или общесевероевропейских типов, хронология которых хорошо разработана. Наиболее точные и надежные даты содержит шкала новгородских древностей, ставшая в последние десятилетия эталоном для датирования археологических материалов X—XV вв., происходящих из северных областей Восточной Европы¹. Возможность использования ее для хронологических разработок, касающихся отдельных регионов Руси с яркими чертами своеобразия в культуре (северо-восточное Причудье), недавно была обоснована в специальной работе Ю. М. Лесмана². Серия дендрохронологических дат, полученных для построек Белоозера второй половины XII—XIII в.³, подтверждает корректность обращения к шкале для датирования памятников восточного Прионежья. Заметного запаздывания в попадании предметов тех или иных типов на Север или их пережиточного бытования здесь зафиксировать не удалось. Важнейшими для датирования оказываются такие категории вещей, как бусы, бубенчики, гребни, ножи, топоры, кресала. Типы этих предметов были стандартными, единичными для всего центра и севера Восточной Европы. Из числа локальных типов украшений, происхождение которых связано с финно-угорским миром, детальную датировку получили лишь зооморфные подвески, которым посвящены специальные работы Л. А. Голубевой⁴ и Е. А. Рябинина⁵. Большое значение для датировки могильников, в особенности Кемского некрополя, имеют также находки западноевропейских монет.

Вместе с тем при датировании отдельных погребений и могильников в целом следует учитывать и анализировать не только вещевой инвентарь, но и «контекст» самого памятника: общее количество погребений в могильнике, их расположение, планиграфическое и стратиграфическое соотношения комплексов. Естественно, что это возможно только для тех памятников, которые вскрыты полностью или широкой площадью. Раскопки широкой площадью, как правило, позволяют достаточно подробно восстановить хронологию могильника, даже если общее количество выразительных датированных вещей в нем невелико.

Большинство рядовых могильников восточного Прионежья функционировало в течение короткого времени. Об этом свидетельствует прежде всего небольшое число погребений в могильниках, исследованных полностью. Как правило, погребения в них не нарушают друг друга, имеют одну ориентировку и образуют более или менее правильные ряды на

- древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 203, 204; *Жеребцов Л. Н., Коцаков Н. Д., Королев К. С.* Из жизни древних коми. Сыктывкар, 1985. С. 119, 122. Рис. XI, II, 13.
- ⁸³ *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94. С. 114, 116; *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования... Табл. XV, 3.
- ⁸⁴ *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники... С. 203, 204. Рис. 5, 11.
- ⁸⁵ *Горюнова Е. И.* Этническая история... С. 108. Рис. 48, 6.
- ⁸⁶ *Недошивина Н. Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. С. 257, 258; *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 130.
- ⁸⁷ *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов... Табл. 6, 28.
- ⁸⁸ *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 101, 102.
- ⁸⁹ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне... С. 183.
- ⁹⁰ *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 154, 155. Рис. 61, 3—7.
- ⁹¹ Там же. С. 144, 145. Рис. 56. I, 3, 5.
- ⁹² Там же. С. 146, 150—152. Рис. 57, 3.
- ⁹³ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit... S. 119, 146. Taf. 103, 892, 893; 137, 1203; *Cleve N.* Skeletgravfalten på Kjuloholm i Kjulö. V. 2. Vikingatid och korstagsstid // SMYA. Helsinki, 1978. V. 44:2. Pl. 2, 18; 17, 283; 121, 317.
- ⁹⁴ *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete... Tab. XX, 1—4.
- ⁹⁵ *Golubeva L. A.* The White Lake Area and the Volga water-way // Fenno-ugri et slavi, 1978. Helsinki, 1980. P. 42—47. Fig. 2, 1, 9; *Голубева Л. А.* Литейное дело на поселении Крутик // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1988. Ч. 1.
- ⁹⁶ *Концевий В. Я.* Древнерусский грунтовой могильник у пос. Деревяницы около Новгорода // НИС. Л., 1984. Т. 2 (12). С. 48—55; *Концевий В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 161—167.
- ⁹⁷ *Сабурова М. А., Седова М. В.* Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 114—121.
- ⁹⁸ *Голубева Л. А.* Пестовские курганы // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 56—58; *Тузгина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 131, 133.
- ⁹⁹ *Кочуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 17, 198.
- ¹⁰⁰ *Концевий В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* О финно-угорском и славянском населении... С. 164—167; *Хвоцинская Н. В.* Население восточного побережья Чудского озера // КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 20—22. Рис. 2.
- ¹⁰¹ *Седов В. В.* Восточные славяне в XI—XIII вв. М., 1982. Сер. Археология СССР. С. 163, 164; *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // МИСО. Смоленск, 1957. Вып. 2. С. 214, 257. Рис. 34, 4; *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы у с. Ботвиновка Гомельской обл. // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 79.
- ¹⁰² *Сабурова М. А., Седова М. В.* Некрополь Суздаля. С. 105, 118, 120. Рис. 41.
- ¹⁰³ Две почти идентичные фибулы найдены в могильнике Поново в нарушенных погребениях 1 и 10—12. Значительное сходство обоеих экземпляров, топографическая близость находок и явная неполнота наборов украшений в нарушенных погребениях позволяют предположить, что первоначально эти фибулы входили в состав одного комплекта украшений.
- ¹⁰⁴ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне... С. 35, 38, 39.
- ¹⁰⁵ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне... С. 35, 38; *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники... С. 198.
- ¹⁰⁶ *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 132—140; *Воронина Р. Ф.* О некоторых деталях одежды среднеэццинской мордвы VIII—X вв. // КСИА. М., 1974. Вып. 140. С. 33—38.
- ¹⁰⁷ *Кочуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. С. 8, 9, 54, 108.
- ¹⁰⁸ *Леонтьев А. Е.* Новые данные о костромских курганах // СА. 1984. № 4. С. 186—188.
- ¹⁰⁹ *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники... С. 210.

площадке могильника. Мы вправе предположить, что в каждом из таких могильников погребения достаточно близки по времени. Между тем, почти в каждом могильнике представлены малоинвентарные и безынвентарные погребения, которые не могут получить четкой хронологической атрибуции по вещевому материалу. Не располагая данными о планиграфии и размерах могильника (скажем, обнаружив эти погребения в траншее), мы были бы вынуждены предложить для них самые широкие хронологические рамки. Будучи расчищенными на площадке могильника, кратковременное существование которого документировано широкими раскопками, эти погребения могут получить сравнительно точную датировку, основанную на хронологии узкодатированных комплексов данного могильника.

Общие хронологические границы существования могильников должны устанавливаться по наиболее ранним и наиболее поздним узкодатированным комплексам. На практике такая возможность имеется не всегда: нередко опорные комплексы могут получить лишь широкую датировку в пределах 50–100 лет. В этом случае, учитывая общее число погребений в могильнике, можно существенно уточнить его хронологические рамки. Приведу пример. Допустим, что в могильнике представлены погребения XI в., XI–XII вв. и середины XII – начала XIII в. Если погребения открыты в траншеях или небольших раскопах и мы не располагаем информацией о структуре могильника, его следует относить к XI – началу XIII в. Если же нам известно, что в могильнике насчитывалось не более 30 погребений и все они располагались на его площадке правильными рядами, не прорезая друг друга, мы можем сузить первоначальную дату до конца XI – середины XII в., поместив его в хронологический интервал между наиболее поздней возможной датой ранних погребений и наиболее ранней возможной датой поздних. Исходный момент для такого «сужения» – предположение, что могильник с 30 погребениями не мог функционировать более 50–60-лет. Таким образом, хронологические разработки, касающиеся памятников, исследованных широкой площадью, оказываются значительно более точными и аргументированными. С этих памятников мы и начнем обзор хронологии могильников.

Украшения из могильника Горка относятся к типам, характерным для второй половины XII–XIII в. Для определения нижней даты могильника важна находка плоской прорезной уточки, происходящая из разрушенного погребения (табл. XII, 1). Она принадлежит к числу наиболее поздних несерийных образцов подвесок этого типа, но исходя из общей хронологии подобных украшений, не может быть датирована временем позднее рубежа XII–XIII вв.⁶ Среди ранних комплексов могильника следует указать прежде всего жертвенную яму, в которой найдены кубический замок типа А и цилиндрический – типа В (табл. XII, 10, 11). Сочетание их в одном комплексе, судя по новгородской хронологии, возможно во второй половине XII – 30-х годах XIII в.⁷ К этому же хронологическому интервалу по совместной находке ребристой цилиндрической бусины⁸ и полый подвески-баранчика⁹ должно быть отнесено погребение 23. К ранним находкам (не позднее 30-х годов XIII в.) относится также ключ от замка типа А¹⁰, происходящий из разрушенного погребения. Два погребения – 15 и 31 – по находкам круглых ко-

сорешетчатых подвесок датируются временем не ранее последней четверти XII в.¹¹, погребение 17 по находке шаровидных бубенчиков с поперечным рельефным валиком (табл. XI, 21–23) датируется временем не ранее 1238 г.¹² Для определения верхней даты могильника существенной представляется находка литого перстня с прорезным прямоугольным щитком из погребения 18 (табл. XI, 19). Три подобных перстня происходят из Новгорода, древнейший из них датируется 60-ми годами XIII в.¹³ Хотя сходные перстни с овальными щитками вошли в употребление несколько раньше, в целом подобные украшения не характерны для первой половины XIII в. Общие хронологические рамки могильника – рубеж XII–XIII – середина XIII в. Наличие в составе инвентаря предметов, вышедших из употребления на рубеже XII–XIII вв. и появившихся в середине XIII в., свидетельствует, что могильник функционировал в течение довольно продолжительного периода – не менее 30–40 лет. Но сравнительно небольшое число захоронений (34) не позволяет считать, что длительность этого периода превышала 50–60 лет. Древнейшая часть могильника – северо-восточная, где найдена плоская подвеска-уточка и локализуется жертвенный комплекс и погребение 23. Поздние захоронения производились, по-видимому, в юго-западной части, где локализируются погребения 17 и 18.

Вещевой инвентарь могильника Попово включает в основном предметы конца X – первой половины XII в.: грушевидные крестопрорезные бубенчики, витые браслеты с завязанными концами, крестики «скандинавского» типа, подковообразные фибулы со спиральными концами и ромбическим сечением дуги и т. п. Уточнить нижнюю дату могильника можно по находке подвески-денария 991–995 гг. и плоской прорезной подвески-уточки (табл. XIII, 5). Последняя относится к варианту 1 по классификации Е. А. Рябина и должна быть датирована второй половиной X – началом XII в.¹⁴, однако она несколько отличается от наиболее ранних (X – начало XI в.) образцов приладожской серии. Оба предмета найдены на площадке могильника среди костей разрушенных погребений. Верхняя хронологическая граница устанавливается по находкам в погребениях 1 и 3 фрагментов костяных односторонних расчесок (табл. XIII, 27, 29), вышедших из употребления, судя по новгородской хронологии, в третьей четверти XI в.¹⁵ Заслуживает упоминания также находка в погребениях 10–12 бронзовой флаконовидной бусины (табл. XIII, 10), которые, судя по приладожским материалам, выходят из употребления в конце XI в.¹⁶ Таким образом, могильник должен быть датирован второй-третьей четвертью XI в. Поскольку в нем насчитывалось лишь 13 погребений, период его функционирования ограничивался, вероятно, двумя-тремя десятилетиями.

Наиболее детально может быть разработана хронология могильника Пикольское III. В инвентаре погребений этого могильника преобладают вещи конца X – первой половины XII в. Периодом наибольшего распространения большинства из них является XI век. В коллекции отсутствуют вещи, вышедшие из употребления в конце X в. или впервые появившиеся в начале XII в., что дает основание датировать памятник в целом XI в. Важным датирующим материалом служат бусы, найденные в 30 погребениях. Преобладающими среди них оказываются золото- и се-

ребростеклянные бусы с каймой, встреченные в 20 погребениях. «Лимонки» обнаружены лишь в шести комплексах, четыре из которых содержали также золотостеклянные бусы, причем лишь в одном погребении они преобладали в составе ожерелья. Поскольку первая половина XI в. — время сосуществования золотого и серебростеклянных бочонкообразных бус с «лимонками»¹⁷, значительное преобладание первых указывает, что нижняя хронологическая граница памятника приходится не на начало, а на середину этого столетия.

Этот вывод хорошо согласуется с обильным нумизматическим материалом, создающим уникальные возможности для датировки памятника. Из 80 монет, найденных в погребениях, определимы 54. Монеты характеризуются значительной хронологической компактностью (рис. 6). Основная масса их чеканена в промежутке между 1038 и 1086 гг., монет с более ранним началом чекана всего 11, причем четыре из них имеют верхнюю дату чекана 1051—1054 гг., т. е. могли быть выпущены и в 40—50-х годах XI в. С другой стороны, в коллекции нет монет, выпуск которых начался после 1086 г. Учитывая значительное число монет, начало чекана которых приходится на 50—60-е годы XI в., можно признать, что денарии, выпущенные в последней четверти XI в., отсутствуют в Кемском некрополе.

Остановимся подробнее на датировке погребений, содержащих определенные монеты. Таких погребений 21 (табл. 6). Из таблицы следует, что по находкам монет одно погребение должно быть датировано временем после 976 г., одно — после 983 г., одно — после 1002 г., два — после 1027 г., три — после 1038 г., одно — после 1051 г., пять — после 1059 г. и семь — после 1068 г. Однако погребение 1 в кургане 16, содержащее денарий 1051—1059 гг., было введено в насыпь с основным погребением, совершенным после 1068 г., а погребение 2 в кургане 4, в инвентаре которого находился денарий 1038—1057 гг., было совершено одновременно с погребением 1 в том же кургане, содержавшим денарий 1068—1090 гг. Учитывая, что курган 8, младшая монета которого относится к 1068—1090 гг., также содержал два основных захоронения, временем после 1068 г. следует датировать 10 погребений.

Относительная хронология погребений в курганах 4 и 16 свидетельствует, что далеко не во всех случаях датировка монет может идеально отражать хронологическое соотношение между погребениями, и заставляет еще раз обратиться к многократно дискутировавшемуся вопросу о том, каким мог быть промежуток между временем чеканки монеты и временем ее попадания в землю¹⁸, в данном случае — в погребение. Набор монет в некоторых комплексах дает вполне конкретный ответ применительно к Кемскому некрополю. Так, в погребении 2 кургана 16 найдена 21 определяемая монета. Наряду с монетой 1068—1090 гг., по которой погребение датировано, и денариями 1059—1071 гг., составляющими основную массу монет в комплексе, здесь присутствуют три более ранних денария — 1017—1023, 1020—1051 и 1038—1057 гг. В кургане 10 денарий Оттона III 996—1002 гг. найден вместе с двумя монетами 1038—1057 гг. В погребении 2 кургана 33 четверть денария Оттона II или Оттона III (973—983 или 996—1002 гг.) найдена вместе с денариями 1027—1054 гг. и 1039—1046 гг. В кургане 35 совместно встречены денарии 1020—1051,

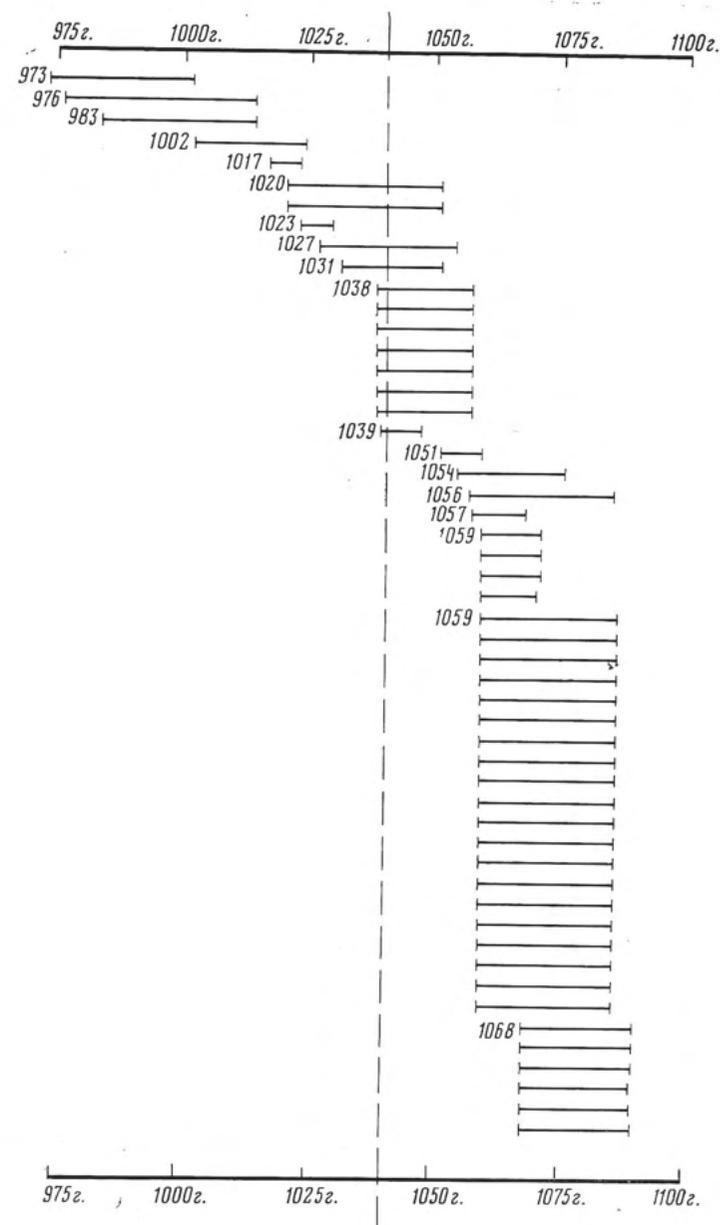

Рис. 6. Хронология монет из могильника Никольское III

Таблица 6
Комплексы Кемского некрополя, датированные по монетам

К. 2, п. 2 (основное)	Доккюм, граф Бруно III	1038–1057 гг.
К. 4, п. 1 (основное)	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман Цонинген, епископ Вильгельм де Понт	1059–1071; 1059–1086 гг. 1054–1076 гг.
К. 4, п. 2 (основное)	Доккюм, граф Эгберт II	1068–1090 гг.
К. 8, п. 2 (основное)	Фризия, граф Бруно III	1038–1057 гг.
	Фризия, граф Эгберт II	1068–1090 гг.
	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман (половина монеты)	1059–1071; 1059–1086 гг.
	Англия, король Кнут (с ушком)	1023–1029 гг.
К. 9, п. 1 (впускное)	Девентер, епископ Бернольд	1027–1054 гг.
К. 9, п. 3 (основное)	Вормс, император Генрих II (фрагмент)	Около 1002 – около 1024 гг.
К. 10, п. 1 (основное)	Германия, император Оттон III	996–1002 гг.
	Фризия, граф Бруно III (две монеты)	1038–1057 гг.
К. 11, п. 1 (основное)	Доккюм, граф Эгберт II	1068–1090 гг.
К. 13, п. 2 (основное)	Евер, герцог Ордульф (Отто) (с ушком)	1059–1071 гг.
К. 16, п. 1 (впускное)	Майнц, епископ Лупольд Регенсбург, герцог Генрих V (с ушком)	1051–1059 гг. 1017–1026 гг.
К. 16, п. 2 (основное)	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман (15 монет)	1059–1071; 1059–1086 гг.
	Доккюм, граф Эгберт II	1068–1090 гг.
	Фризия, граф Бруно III	1038–1057 гг.
	Эмден, граф Герман фон Кальвелаге	Около 1020–1051 гг.
	Англия, король Кнут	1017–1023 гг.
	Германия, король Генрих IV	1056–1085 гг.
К. 18, п. 1 (основное)	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман Эрфурт, Бардо фон Оперсхофен	1059–1071; 1059–1086 гг. 1031–1071 гг.
К. 22, п. 1 (основное)	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059–1071; 1059–1086 гг.
К. 28, п. 1 (впускное)	Девентер, император Конрад II	1027–1039 гг.
К. 29, п. 1 (основное)	Графство Хамеланд, граф Вигмант III	976–1014 гг.
К. 33, п. 2 (основное)	Девентер, епископ Бернольд	1027–1054 гг.
	Сель, король Генрих III	1039–1046 гг.
	Кёльн, император Оттон II или Оттон III	973–983; 996–1002 гг.

Таблица 6 (окончание)

К. 35, п. 1 (основное)	Эмден, граф Герман фон Кальвелаге	Около 1020–1051 гг.
	Ставерен, епископ Эгберт	1057–1068 гг.
	Леуварден, граф Бруно III	1038–1057 гг.
	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059–1071; 1059–1086 гг.
К. 37, п. 3 (основное)	Винсум, граф Эгберт II	1068–1090 гг.
К. 38, п. 1 (основное)	Вормс, император Оттон III или Генрих II	983–1002; 1002–1014 гг.
К. 41, п. 1 (основное)	Эмнигхейм, граф Эгберт II	1068–1090 гг.
	Леуварден, граф Бруно III	1038–1057 гг.
Г. м., п. 3	Леуварден, граф Бруно III (фрагмент монеты)	1038–1057 гг.
	Евер, герцог Ордульф (Отто) (две монеты)	1059–1071 гг.
	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059–1071; 1059–1086 гг.

1038–1057, 1057–1068 и 1059–1086 гг. В погребении 2 кургана 8 пре-
вращенный в подвеску денарий Кнута 1023–1029 гг. обнаружен вместе
с монетами 1059–1071 гг. и 1068–1090 гг. Мы видим, что монеты
20–50-х годов XI в. находились в обращении (и использовались как ук-
рашения) в 60–70-х годах этого столетия, более того, в отдельных комп-
лексах 40-х годов XI в. есть денарии Оттона II и Оттона III. Отсутст-
вие в коллекции монет, чекан которых начался после 1068 г., свидетель-
ствует, что монеты 1068–1090 гг., обильно представленные в материалах
некрополя, попали в землю достаточно быстро, не позднее 70-х го-
дов XI в.

Формально наиболее ранними в могильнике можно считать погребе-
ния в курганах 29 и 38, содержащие монеты 976–1014 и 983–1014 гг.
Однако достаточных оснований для того, чтобы датировать эти погребе-
ния рубежом X–XI вв. или первой четвертью XI в., нет. Во-первых, оба
кургана находятся на периферии некрополя, вне зоны плотной концент-
рации насыпей. Во-вторых, как мы видели, монеты последней четверти
X – начала XI в., в целом редкие в Кемском некрополе, встречаются в
погребениях второй-третьей четвертей XI в. По монетным находкам к
числу ранних можно было бы отнести курганы 9 и 28. Первый из них
содержал два основных погребения, в одном из которых найден денарий
1002–1024 гг., и впускное – с монетой 1027–1059 гг. и золото- и сереб-
ростеклянными бочонкообразными бусами. Выше отмечалось, что набор
бус, в котором отсутствуют «лимонки» и глазчатые бусы, не характерен
для первой половины XI в., во всяком случае для 20–30-х годов этого
столетия. Вместе с тем трудно предположить значительный временной
разрыв между основными и вводными погребениями в кургане 9, так как
все они имеют одинаковую ориентировку со стабильным отклонением к
северу, равным 25–30°. Поэтому следует признать, что курган 9 был
сооружен не ранее середины XI в. Курган 28 содержал монету 1027–
1054 гг. В этом случае у нас нет никаких данных, чтобы исключить воз-
можность датировки погребения второй четвертью XI в.

Мне представляется, однако, что древнейшие погребения Кемского некрополя датируются временем не ранее 40-х годов XI в., т. е. тем периодом, к которому относится первая значительная серия однотипных монет. Этим временем можно датировать сооружение курганов 2, 10 и 33, а также 9 и 28. В пользу относительно ранней даты погребения в кургане 10 свидетельствует присутствие бус-«лимонок» в составе ожерелья. Что касается наиболее поздних погребений, содержащих монеты, чеканенные после 1068 г., то имеются достаточные основания для датировки их 70-ми годами XI в. Уже само наличие в коллекции монет, чеканка которых началась в 1051, 1054, 1056, 1057, 1059 и 1068 гг., при отсутствии более поздних указывает на то, что вскоре после 1068 г. монеты перестали попадать в погребения. Кроме того, в кургане 8 вместе с монетой 1068—1090 гг. найдена костяная односторонняя расческа, что позволяет датировать его временем не позднее 70-х годов XI в.¹⁹, а в кургане 4 — золотостеклянные двойные и желтые одинарные «лимонки», вышедшие из употребления после середины XI в.²⁰

Поскольку топографически погребения с монетами никак не обособлены на территории могильника (рис. 7), их датировку правомерно перенести на весь некрополь. В корректности такого переноса убеждает общее единообразие вещевого инвентаря погребений, содержащих и не содержащих монеты, свидетельствующее об их хронологической близости. Хронологические рамки памятника, таким образом, — 40—70-е годы XI в. Верхняя хронологическая граница фиксируется с предельной четкостью, нижняя — менее определена, не исключено, что она может быть несколько поднята.

Хронологическая компактность погребений сильно затрудняет анализ территориального роста могильника. По-видимому, более ранними являются курганы в центральной и северной частях некрополя. Именно здесь сосредоточены насыпи (7, 10, 25, 27), содержащие комплексы с бусами-«лимонками». Здесь же локализуются насыпи (9, 10, 28, 29, 33), отнесенные к числу ранних по находкам монет. Значительная часть погребений в южной и восточной частях некрополя датируется 60—70-ми годами XI в., но погребения этого времени есть и в центральной части (к. 8, 11). Весьма вероятно, что первоначальным ядром могильника была цепочка крупных насыпей, вытянутых вдоль берега р. Выдроба (9, 10, 26, 27, 32), а в дальнейшем могильник рос на юг, юго-запад и юго-восток, но доказать это документально нельзя, так как крупные насыпи в северной части могильника (26, 27, 32) сильно пострадали от грабительских раскопок.

Последний вопрос касается хронологического соотношения подкурганых и бескурганых погребений. К сожалению, инвентарь, сопровождающий бескурганые погребения, немногочислен, и датировка их остается не слишком точной. Лишь одно бескурганное погребение (3) содержало определенную монету, она датируется 1059—1071 гг. Вещи в бескурганых погребениях тех же типов, что и в подкурганых (золотостеклянные бочонкообразные бусы, проволоочные перстнеобразные кольца, топоры типа V), хотя инвентарь последних богаче. Предположение о более поздней дате бескурганых погребений можно подкрепить лишь одним аргументом — тем, что основная их масса концентрируется в южной части

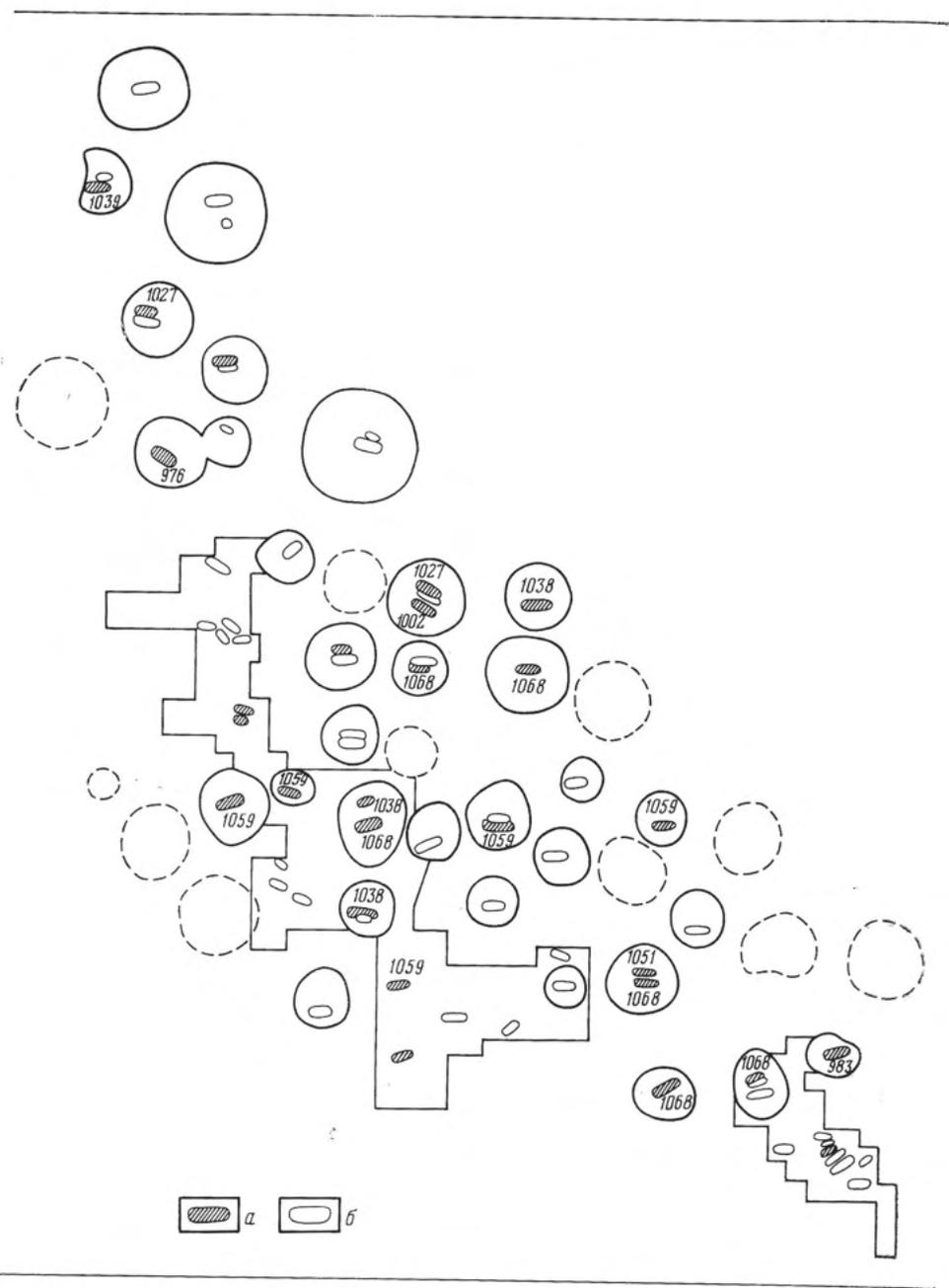

Рис. 7. Погребения с монетами в могильнике Никольское III. Планиграфия

а — погребения с монетами; б — погребения без монет
Цифрами обозначены даты начала чеканки монет, найденных в погребениях

могильника. Отсюда не следует, однако, что они были совершены позднее, чем подкурганые захоронения в той же части некрополя. Среди грунтовых погребений, локализуемых в западной части могильника (9—15), выделяются комплексы относительно раннего времени — середины XI в. Это погребения 10 и 11, инвентарь которых включал двойные позолоченные «лимонки», крупные глазчатые и цилиндрические ребристые бусы. По-видимому, бескурганые погребения 9—15 хронологически близки наиболее ранним курганам центральной части некрополя, а остальные бескурганые погребения синхронны более поздним курганам его южной части. В целом же бескурганые и подкурганые захоронения одновременны.

Среди вещевого материала могильника Нефедьево IA представлены в основном предметы XII — первой половины XIII в. В восьми погребениях найдены стеклянные бусы, причем в семи из них преобладали зонные, в то время как золотостеклянные бочонкообразные встречаются лишь в одном погребении. Преобладание зонных бус в ожерельях не характерно для первой половины XII в.²¹, поэтому правомерно предположить, что могильник начал функционировать не ранее середины этого столетия. Наиболее четко может быть датировано погребение 17, в котором наряду с многочисленными зонными бусами найдено 15 серебростеклянных и три золотостеклянные с каймой, а также шарообразная бусина с пластическим узором неясных очертаний (табл. XXIII, 25), из этого же погребения происходит грушевидный крестопрорезной бубенчик (табл. XXIII, 24). Поскольку золотостеклянные бочонкообразные бусы не встречаются после 1161 г.²², грушевидные крестопрорезные бубенчики выходят из употребления в середине XII в.²³, а бусы с пластическим узором неясных очертаний появляются в 30-х годах XII в.²⁴, комплекс можно датировать 30—60-ми годами этого столетия. Отсутствие в других женских погребениях грушевидных бубенчиков и золотостеклянных бус, массовых украшений начала XII в. можно объяснить лишь тем, что они являются более поздними. Таким образом, погребение 17 позволяет установить нижнюю дату могильника. Остальные комплексы имеют менее четкую хронологию. Погребение 19 датируется временем не ранее 30-х годов XII в. по находке овальноконечного пластинчатого браслета (табл. XXIII, 5)²⁵, погребение 4 — временем не ранее 60-х годов XII в. по находке топора переходной формы 2 (табл. IX, 11)²⁶. Погребения 7, 12, 14, 16, 18 и 21 не могут быть отнесены ко времени позднее рубежа XII—XIII вв. по находкам ножей с узким клиновидным лезвием²⁷, топоров с опущенным лезвием типа V²⁸, полых подвесок-уточек варианта 3 по классификации Е. А. Рябинина²⁹, подвески «конь на змее»³⁰. Нижняя дата этих погребений менее определена. Для погребений 14 и 21, содержащих большое количество женских украшений, она, очевидно, не может быть опущена далее 30-х годов XII в. Общие хронологические рамки могильника — 30-е годы — конец XII в. Не располагая данными для того, чтобы сузить предложенный хронологический интервал, отмечу, что наиболее приемлемая датировка — середина—третья четверть XII в. Очевидно, более ранней можно считать южную часть могильника, где локализуются погребения 14 и 17; более поздней — северную, где находится погребение 4.

Вещевой инвентарь могильника Нефедьево IB имеет сходный облик и близкую хронологию. Во всех восьми комплексах, содержащих стеклянные бусы, в изобилии представлены зонные, в то время как золото- и серебростеклянные бусы не встречены. С наибольшей определенностью может быть установлена датировка погребения 4, в котором, помимо прочих украшений, найдены пластинчатый овальноконечный браслет (табл. XXV, 16) и грушевидный крестопрорезной бубенчик (табл. XXV, 21). Существование этих предметов было возможно в 1130—1160-х годах. В погребении 6, помимо плоских прорезных уточек, плоских двуголовых коньков, полую уточку и плоскую уточку с рельефным орнаментом, верхняя дата которых не выходит за рамки рубежа XII—XIII вв.³¹, найден образок с изображением Богоматери (табл. XXVI, 10), точные аналогии которому отнесены М. В. Седовой к середине — второй половине XII в.³² Погребения 1, 2, 3, 7 и 13 должны быть датированы временем не позднее рубежа XII—XIII вв. по находкам ножей с узким клиновидным лезвием, топоров типа V и плоской прорезной подвески-уточка. Общей хронологический интервал, в который должны быть помещены погребения, такой же, как и у могильника Нефедьево IA, — 30-е годы — конец XII в. И в этом случае более вероятным представляется предположение, что погребения относятся к середине — третьей четверти XII в.

Вещевой инвентарь могильника Шуйгино скуден и наименее выразителен. Относительно точно можно датировать шесть погребений. Для определения нижней границы могильника важным оказывается комплекс погребения 7, включавший среди прочих предметов золотостеклянную бусину с каймой и гребень типа O (табл. XXVII, 16, 25)³³. Сочетание этих вещей в одном комплексе возможно в первой половине — середине XII в. Учитывая, что золотостеклянная бусина из погребения 7 — единственная в могильнике, датировку, вероятно, стоит расширить до 70-х годов XII в. Погребение 20 по совместной находке овальнооциткового перстня³⁴ и ножа с узким клиновидным лезвием (табл. XXVIII, 31, 32) должно быть датировано 80—90-ми годами XII в. В погребении 24 найдены подвески в виде плоского двуголового конька и полую уточку (табл. XXVIII, 25, 26), вышедшие из употребления на рубеже XII—XIII вв.³⁵ В погребении 1 найден топор переходной формы 2 (табл. IX, 15), появление которой относится к 60-м годам XII в.³⁶; в погребении 23 — крестообразная подвеска с волютами середины — второй половины XII в.³⁷ В погребении 25 обнаружен перстень, аналогии которому встречены в Новгороде в слоях 70-х годов XII — 30-х годов XIII в.³⁸ Остальные погребения содержали аморфные в хронологическом отношении вещи, большинство которых датируется в широких рамках XII—XIII вв. Учитывая, что могильник насчитывает около 30 погребений, трудно предположить, что он функционировал в течение длительного времени. Период его существования можно ограничить несколькими десятилетиями между 60—70-ми годами XII и рубежом XII—XIII вв.

Топографически могильник Шуйгино делится на две части: южную и центральную — с погребениями, ориентированными на восток, и северную — с погребениями, ориентированными на запад. Из шести датированных погребений пять локализуются в южной и центральной частях, в их числе погребение 7, совершенное не позднее 70-х годов XII в.

Единственное датированное погребение в северной части было совершено в интервале между 70-ми годами XII и 30-ми годами XIII в. Погребения с западной ориентировкой в северной части могильника могут быть или одновременными погребениям с восточной ориентировкой, или немного более поздними. Последнее предположение кажется более вероятным. Если хронологический разрыв между погребениями обеих групп и существовал, то он был минимальным. На это указывает то обстоятельство, что погребения с западной ориентировкой, вплотную примыкая к погребениям с восточной, ни разу не прорезают их. Показательна также повторяемость некоторых деталей обряда в северной и южной частях, в том числе поминальные очажки, в целом не характерные для погребальной обрядности восточного Прионежья. Существен и тот факт, что зонные бусы, найденные в погребениях южной и северной групп, однотипны. Поэтому, хотя большинство погребений в северной части могильника — безы Inventарные или малоинвентарные, имеется достаточно оснований для датировки их временем не позднее рубежа XII—XIII вв.

Перейдем теперь к памятникам, исследованным фрагментарно. Комплексы двух погребений в Тихманге реконструированы со слов находчиков. Несмотря на обилие инвентаря, предложить для них узкие даты трудно. Погребение 1 по находкам горизонтального игольника с косорешетчатым щитком и зонных бус должно быть отнесено к XII в.³⁹ Судя по находке серповидной гривны, оно было совершено не позднее середины этого столетия⁴⁰. Инвентарь погребения 2 — плоская подвеска-петушок, полая утка варианта 2 по Е. А. Рябинину, ф-образные пронизки — датируются XII в. Наиболее вероятная дата памятника — середина XII в.

Погребения могильника Попадьяно прорезают культурный слой X — начала XII в. Поскольку все три погребения безы Inventарные, твердо установить верхнюю хронологическую границу могильника невозможно. Однако особенности обряда — прежде всего небольшая глубина могильных ям — являются серьезным аргументом в пользу датировки его второй половиной XII—XIII в. Косвенное свидетельство в пользу этой даты — находка гончарной керамики XIII в. на разрушенном селище рядом с могильником.

Значительно различается датировка отдельных погребений в могильнике Погостище. Погребение 1 из раскопок 1978 г. содержало богатый набор украшений конца X — начала XII в. Оно может быть датировано по составу бус в ожерелье. Преобладание цветных «лимонок» и глазчатых бус и совместная находка продольно-полосатых «лимонок» и золотостеклянной цилиндрической бусины с каймой заставляют отнести комплекс к концу X — первой половине XI в.⁴¹ Погребение 1 из раскопок А. Я. Брюсова датируется значительно более поздним временем — последней четвертью XII — рубежом XII—XIII вв. Основание для датировки — совместная находка косорешетчатой подвески и плоского прорезного конька⁴². Датировка хорошо согласуется с хронологией других предметов из этого погребения — полого баранька, ф-образной пронизки, конических подвесок. Два погребения, исследованных Н. В. Тухтиной, датируются в широких рамках XII в., скорее всего серединой — второй половиной столетия. Таким образом, в могильнике исследованы погребения, отстоящие друг от друга на 100—150 лет, а возможно, и на боль-

ший промежуток времени. Допустимо ли предположение, что могильник функционировал непрерывно с первой половины XI до конца XII в.? Поскольку общие размеры могильника, оказавшегося на территории современной деревни, не определены, а планиграфическое соотношение погребений, исследованных в 1959—1960 и 1978 гг., не установлено, дать категоричный ответ на этот вопрос невозможно. Но учитывая, что площадка, на которой располагаются погребения, невелика, более правдоподобным кажется предположение, что перед нами остатки двух разновременных могильников, один из которых функционировал в первой половине XI в., а другой — во второй половине XII в.

Могильник Киснема был датирован Л. А. Голубевой концом X — серединой XI в. С учетом последних полевых работ в Киснеме эта датировка нуждается в некоторых оговорках. Комплексов, твердо датированных временем не позднее третьей четверти XI в., в могильнике лишь три: это погребение 2, содержащее лировидную пряжку и костяную одностороннюю расческу; погребение 9, откуда происходит аналогичная расческа; погребение 11, в котором найдены цилиндрические золотостеклянные бусы, «лимонки» и глазчатые бусы. Нижняя хронологическая граница погребений 2 и 11 — рубеж X—XI вв. В погребении 8 найдено калачевидное кресало без язычка, относящееся ко времени не ранее 70-х годов XI в.⁴³ Остальные погребения могут быть датированы в широких рамках конца X — первой половины XII в. Весьма вероятно, что они относятся к XI в., но учитывая, что поселение, находящееся в непосредственной близости от могильника, продолжало существовать в XII—XIII вв., а топографическое соотношение погребений XI в. и погребений с неопределенной датировкой неясно, настаивать на этом нельзя. В пользу существования могильника в XII—XIII вв. свидетельствует находка здесь височного кольца с лопастью в виде головы животного. Все датированные украшения этого типа относятся к XIII в.⁴⁴ В Киснеме височное кольцо найдено вместе с золотостеклянными бусами (возможно, комплекс плохо документирован).

Курган в Белоозере, обнаруженный Л. А. Голубевой в раскопе XXXVII, был возведен на культурном слое второй половины—конца X в. Детально проанализировав инвентарь погребения 1, Л. А. Голубева отнесла его ко времени не позднее начала XI в.⁴⁵ Основанием для датировки послужил набор бус, включавший стеклянные зонные бусы печеночного цвета, глазчатые, «лимонки», хрустальные битрапецидные и зонные, а также пронизку из серебряной рифленой проволоки. Сходные пронизки в изобилии представлены в скандинавских материалах IX—X вв.⁴⁶ Отметим, что белозерская пронизка несколько отличается от стандартных скандинавских образцов, на что обратил внимание И. В. Дубов⁴⁷. Поэтому, хотя датировка комплекса началом XI в. и представляется вероятной, верхнюю хронологическую границу кургана можно поднять до середины XI в.

Для датировки могильника Крохинские Пески существенны материалы погребения 6 из раскопок 1983 г. Помимо прочих вещей, в этом погребении найдены два плоских двуголовых конька (табл. XXI, 3, 6), которые, согласно Е. А. Рябинину, получили распространение в XII в., и ложноплетеный конек мерянского типа (табл. XXI, 1), который должен быть датирован временем не позднее конца XI — начала XII в.⁴⁸ Из того

же погребения происходят грушевидный крестопрорезной бубенчик, костяная копоушка, датирующаяся по новгородской хронологии второй половиной XI — третьей четвертью XII в.⁴⁹, и две подвески-уточки, близкие образцам XI в., — полая с рельефным орнаментом и плоская прорезная (табл. XXI, 2, 4, 5, 19, 23). Сочетание этих предметов возможно в конце XI — начале XII в. Погребения 2 и 3 по находкам золотостеклянных бус должны быть датированы временем не позднее середины XII в. В пользу датировки их XI — началом XII в. свидетельствует также находка в погребении 3 крестика «скандинавского» типа (табл. XXI, 34). Судя по тому, что погребения 1—7 сконцентрированы на небольшой площади, но не прорезают друг друга (погребение 1 намеренно впущено в яму погребения 2) и имеют близкую ориентировку с повторяющимся отклонением к северу (табл. I, 3), все они хронологически близки. Очевидно, их следует датировать серединой XI — началом XII в. Труднее установить хронологическую принадлежность погребений в южной части раскопа 1983 г. Поскольку на этом участке погребения 8, 9 и 10 прорезаны более поздними погребениями 11 и 12, следует признать, что захоронения здесь производились в течение длительного времени. Судя по планиграфии, более ранние погребения 8, 9 и 10 могут быть близки по времени погребениям 1—7 и датироваться XI—XII вв., но утверждать это определенно нельзя. Точно локализовать погребения, исследованные в 1969 г. С. В. Ошибкиной, сейчас невозможно. Ясно лишь, что они находились южнее раскопа 1982 г. Из четырех погребений только одно содержало инвентарь. По находкам овального кресала с заостренными концами и пряжки с овальной заостренной на конце рамой и оно может быть датировано серединой—второй половиной XII в. Могильник Крохинские Пески располагался вблизи Белоозера и являлся некрополем этого города. Судя по небольшой вещевой коллекции, он функционировал не менее 50 лет, но вероятнее, что хоронили здесь в течение большего периода. Судя по тому, что погребения середины XI — начала XII в. находятся ближе к городу, могильник рос с севера на юг, постепенно распространяясь на территорию, более удаленную от южной границы Белоозера.

Из шести погребений, исследованных в могильнике Торowo, лишь одно содержало инвентарь. По находке литого перстня с небольшим ромбическим щитком⁵⁰ оно может быть датировано временем не ранее конца XII в. Среди случайных находок, собранных на территории могильника, — нож с узким клиновидным лезвием и колоколовидная привеска. Они свидетельствуют, что захоронения здесь начали совершаться не позднее конца XII в. Общие размеры могильника и его верхняя хронологическая граница остаются не установленными. Очевидно, его можно датировать концом XII — первой половиной XIII в.

Из трех погребений могильника Минино датируется одно, содержащее среди прочих вещей 48 серебростеклянных цилиндрических и ребристых бусин, грушевидные крестопрорезные бубенчики и кольцевидную ложноплетеную фибулу. Серебростеклянные бусы получили распространение в XI в. Период бытования кольцевидных ажурных фибул ограничивается в основном X в., но отдельные экземпляры относятся к XI в.⁵¹ Очевидно, комплекс можно датировать XI в.

Итак, период существования могильников с ингумациями, рассматри-

ваемых в настоящей работе, охватывал около 250 лет. Древнейшие погребения в могильниках Погостище и Киснема были совершены в первой половине XI в., весьма вероятно, в самом начале этого столетия. Наиболее поздние погребения относятся к середине XIII в. Подкурганые ингумации, исследованные в Белоозере и на Кеме, относятся к XI в.: первые — к первой половине, вторые — к 40—70-м годам этого столетия.

Время функционирования большинства могильников составляло от одного-двух до пяти-шести десятилетий. Даже в тех случаях, когда в одном могильнике есть погребения, отстоящие друг от друга на значительную хронологическую дистанцию (Погостище), мы имеем дело, по видимому, не с фактом непрерывного существования могильника в течение нескольких столетий, а со случаем повторного использования его площадки для захоронений спустя определенный промежуток времени. Исключения составляют Крохинские Пески и, возможно, Киснема — некрополи двух крупнейших центров Белоозерской округи.

- ¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92—111; Он же. Дендрохронология Новгорода // МИА. М., 1963. № 117. С. 90; Он же. Хронология новгородских древностей // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156—177; Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XIV вв.). М., 1981.
- ² Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: Проблема синхронизации // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- ³ Черных Н. Б. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 86—90.
- ⁴ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. Вып. Е1-59.
- ⁵ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. М., 1981. Вып. Е1-60.
- ⁶ Там же. С. 15, 16.
- ⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.). С. 160, 162.
- ⁸ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. С. 84—87; Она же. О происхождении некоторых типов древнерусских бус // СА. 1962. № 2. С. 88, 89.
- ⁹ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 38, 39.
- ¹⁰ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.). С. 160, 162.
- ¹¹ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 42.
- ¹² Там же. С. 156; Лесман Ю. М. Погребальные памятники... С. 137.
- ¹³ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 128, 134, 136. Рис. 49, 7; 51, 6, 8.
- ¹⁴ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения... С. 12—15.
- ¹⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.). С. 164, 166; Лесман Ю. М. Погребальные памятники... С. 140.
- ¹⁶ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 26, 27.
- ¹⁷ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. С. 84—87; Она же. О происхождении некоторых типов древнерусских бус // СА. 1962. № 2. С. 88, 89.
- ¹⁸ Потин В. М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // ТГЭ. Л., 1971. Т. 12. С. 72; Он же. Нумизматическая хронология и дендрохронология // ТГЭ. Л., 1981. Т. 21. С. 88; Равдина Т. В. Археологические замечания к нумизматическим работам // СА. 1975. № 1. С. 316—329.
- ¹⁹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.). С. 164, 166; Лесман Ю. М. Погребальные памятники... С. 140.
- ²⁰ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. С. 174.
- ²¹ Там же. С. 167—169.
- ²² Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. С. 86, 87; Лесман Ю. М. Погребальные памятники... С. 139.
- ²³ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 156. Ю. М. Лесман полагает, что грушевидные крестопрорезные бубенчики «классического типа» не встречаются в Новгоро-

Колонизация восточного Прионежья
в XI—XIII вв.

*

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОЛОНИЗАЦИИ

Археологические материалы дают возможность судить о двух аспектах колонизации восточного Прионежья в XI—XIII вв. — о характере заселения и хозяйственного освоения региона и об этнокультурных процессах.

Широкие разведки, проведенные в последние годы, позволяют в общем виде оценить изменения в заселенности рассматриваемой территории, падающие на рубеж I—II тысячелетий. В восточном Прионежье известно лишь 15 пунктов, из которых происходят материалы середины — третьей четверти I тысячелетия н. э., и 14 памятников и местонахождений IX — третьей четверти X в. Число памятников конца X—XIII в. значительно выше — их около 100 (рис. 8). Даже если сделать скидку на то, что археологические памятники середины — второй половины I тысячелетия н. э. поддаются выявлению с большим трудом, чем поселения и могильники XI—XIII вв., представляется очевидным, что в заселенности восточного Прионежья в начале II тысячелетия н. э. произошли существенные сдвиги¹. Численность населения резко возросла. Несомненно, основным фактором этого роста был приток переселенцев извне.

Заслуживает внимания тот факт, что все средневековые могильники, исследованные в восточном Прионежье, возникли в XI—XIII вв. Ни один из них не был продолжением более раннего некрополя, появившегося во второй половине I тысячелетия н. э. Появление новых могильников в начале II тысячелетия н. э. сигнализирует о возникновении в регионе значительного числа новых поселений, не связанных с расселенческими структурами предыдущей эпохи.

И все же плотность населения в восточном Прионежье оставалась несравненно более низкой, чем в центральных районах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Памятники XI—XIII вв. размещаются на рассматриваемой территории крайне не равномерно. Наблюдается довольно резкий контраст между побережьями крупнейших озер и рек, где располагается основная часть памятников XI—XIII вв., и остальной частью региона, почти лишенной постоянного населения (рис. 8). При этом памятники начала II тысячелетия н. э. не выявлены не только на глухих заболоченных водоразделах, но и на сравнительно удобных для обитания участках, пронизанных многочисленными малыми и средними реками. Даже самые освоенные приозерные участки восточного Прионежья

де в слоях выше яруса 21 (1116 г.), грушевидные бубенчики из более поздних ярусов он выделяет в особый тип. См.: *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 129. На мой взгляд, это выделение не обосновано. Ссылка на иллюстрацию в книге М. В. Седовой (Ювелирные изделия...) у Ю. М. Лесмана не точна: очевидно, вместо «рис. 65, 2» на с. 129 следует читать «рис. 62, 5».

²⁴ *Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.* С. 88—91.

²⁵ *Седова М. В. Ювелирные изделия...* С. 112, 113.

²⁶ *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 163; *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 138.

²⁷ *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 163, 164; *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 138.

²⁸ *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 163; *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 138.

²⁹ *Рябинин Е. А. Зооморфные украшения...* С. 137.

³⁰ Там же. С. 26, 27.

³¹ Там же. С. 14—16, 19, 21—23, 37, 38.

³² *Седова М. В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси.* Л., 1974. С. 191, 193. Рис. 1—5.

³³ По новгородской шкале гребни типа О датируются началом XII — концом XIII в. См.: *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (СА).* С. 100—102; *Он же. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 166.

³⁴ По новгородской шкале овальнощитковые перстни получают распространение в последней четверти XII в. См.: *Седова М. В. Ювелирные изделия...* С. 135, 136.

³⁵ *Рябинин Е. А. Зооморфные украшения...* С. 21—23, 37, 38.

³⁶ *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 163, 164; *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 138.

³⁷ Серединой — второй половиной XII в. датируется погребение 1 в курганной группе II у д. Митино-Зворыкино на р. Суда. См.: *Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере // СА.* 1962. № 3. С. 70, 71. Рис. 12, 20. Подвески с волунами из костромских и вьсегонских курганов и каменных могильников Белоруссии можно датировать лишь в широком хронологическом интервале XII—XIII вв.

³⁸ *Седова М. В. Ювелирные изделия...* С. 125.

³⁹ *Голубева Л. А. Игольники восточноевропейского Севера X—XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.* М., 1978. С. 203.

⁴⁰ М. В. Фехнер датирует серповидные гривны XI в. Е. А. Рябинин, не оспаривая этой датировки, считает возможным отнести серповидную гривну, найденную у д. Шухлика на р. Кокшенга, к XII в. См.: *Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* М., 1967 (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 67, 68; *Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья // СА.* 1981. № 3. С. 68.

⁴¹ Продольно-полосатые «лимонки» в Новгороде не встречены в слоях моложе середины XI в., а золотостеклянные цилиндрические бусы с каймой — в слоях старше конца X в. См.: *Шапова Ю. Л. Стекланные бусы...* С. 171, 172, 175; *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 139, 140.

⁴² Наиболее ранние косорешетчатые подвески найдены в Новгороде в слое последней четверти XII в. Верхняя дата плоских прорезных двуголовых коньков — рубеж XII—XIII вв. См.: *Седова М. В. Ювелирные изделия...* С. 42; *Рябинин Е. А. Зооморфные украшения...* С. 21, 22.

⁴³ *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 161, 163; *Лесман Ю. М. Погребальные памятники...* С. 138.

⁴⁴ *Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере.* М., 1973. С. 138.

⁴⁵ Там же. С. 77.

⁴⁶ Там же.

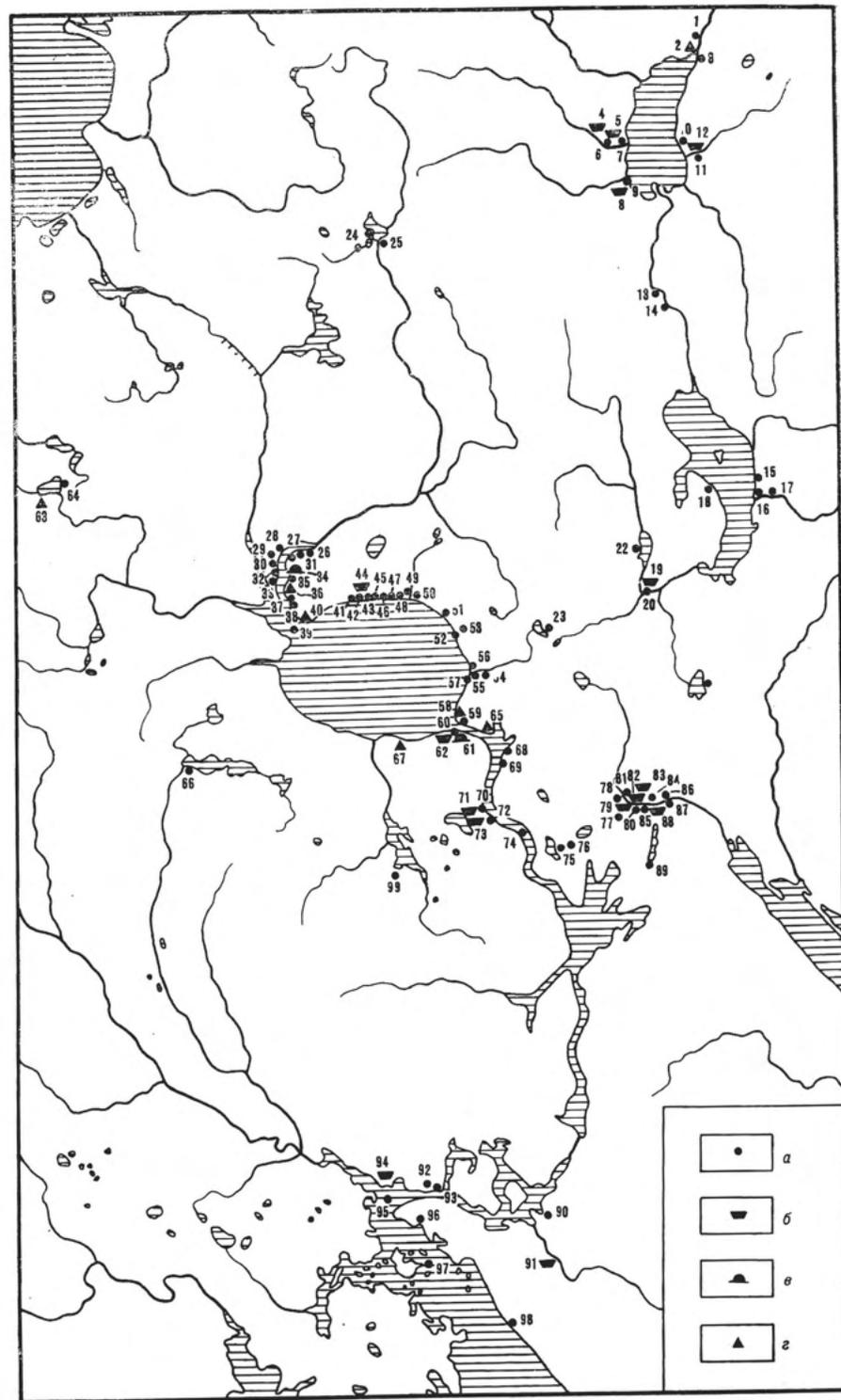
⁴⁷ *Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья.* Л., 1982. С. 126.

⁴⁸ *Голубева Л. А. Зооморфные украшения...* С. 37, 38.

⁴⁹ *Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей (Новгор. сб.).* С. 165.

⁵⁰ По-видимому, перстень из Торова можно рассматривать как вариант литых перстней с небольшим щитком овальной формы, получивших распространение в Новгороде в конце XII в. См.: *Седова М. В. Ювелирные изделия...* С. 135, 136. Рис. 51, 10, 12, 13, 15, 17.

⁵¹ *Голубева Л. А. Зооморфные украшения...* С. 53—56; *Исланова И. В. Селище Шурское II близ Ростова Великого // СА.* 1982. № 2. С. 191.

были заселены значительно слабее, чем большинство северорусских областей, в том числе территориально наиболее близкие: юго-восточное Приладожье, юго-западное Белозерье, Углицкое и Костромское Поволжье. В перечисленных областях, судя по расположению курганных групп, в XI–XIII вв. существовали сплошные массивы поселений, занимавшие иногда обширные участки. В восточном Прионежье поселения образуют отдельные редкие гнезда, удаленные друг от друга на большие расстояния.

Могильники восточного Прионежья представляли собой кладбища одного или двух поселений, на что указывает определенная топографическая связь между памятниками. Так, вблизи могильника Горка, самого крупного среди полностью раскопанных грунтовых некрополей, располагались два селища размерами 5 тыс. и 1 тыс. кв. м. Рядом с могильником Нефедьево IA находилось два селища площадью около 2 тыс. и 500 кв. м., рядом с могильником Нефедьево IB — одно поселение, точная площадь которого не установлена. К площадке могильника Шуйгино почти вплотную примыкали два селища площадью 1200 и 2500 кв. м. Как правило, селища сильно распаханы, поэтому истинные размеры их были несколько меньшими.

Количество погребений в могильниках, исследованных полностью, соответствует скромным размерам поселений. Зная общее число захоронений в могильнике, установив примерную продолжительность его функционирования и учитывая данные о средней продолжительности жизни в средневековье, мы можем рассчитать минимальную и максимальную возможную численность коллектива, оставившего памятник². Произведем расчеты, исходя из того, что в могильнике Попово было 15 погребений, в могильнике Горка — 34 погребения, в могильниках Нефедьево IA и Шуйгино, где часть захоронений уничтожена карьерами, могло быть соответственно не более 35 и 30 погребений (табл. 7).

Рис. 8. Археологические памятники XI–XIII вв. в восточном Прионежье

a — селища; б — могильники; в — курганы; г — клады и местонахождения вещей; 1 — Надпорожье; 2 — Каргополь; 3 — Кубенино; 4 — Тихманга; 5 — Горка I; 6 — Горка II; 7 — Горка III; 8 — Попадьино, могильник; 9 — Попадьино, селище; 10 — Малый Колокол; 11 — Веретье; 12 — Попово; 13 — Давыдово; 14 — Селище; 15 — Баркановская; 16 — Нижняя I; 17 — Нижняя II; 18 — Чаронда; 19 — Погостище, могильник; 20 — Погостище, селище; 21 — Сокольниково; 22 — Лохта; 23 — Волок; 24 — Кукозеро II; 25 — Кукозеро V; 26 — Покровское I; 27 — Покровское II; 28 — Никольское VI; 29 — Никольское VII; 30 — Никольское V; 31 — Никольское XII; 32 — Никольское XI; 33 — Никольское X; 34 — Никольское III; 35 — Никольское IX; 36 — Новокемский I; 37 — Новокемский II; 38 — Новокемский III; 39 — Новокемский V; 40 — Орлово; 41 — Монастырское; 42 — Троицкое VI; 43 — Троицкое II; 44 — Троицкое I; 45 — Троицкое III; 46 — Троицкое IV; 47 — Троицкое V; 48 — Коптево II; 49 — Коптево I; 50 — Киуй; 51 — Новые Вашки; 52 — Муньга II; 53 — Муньга I; 54 — Ухтома I; 55 — Ухтома II; 56 — Ухтома III; 57 — Ухтома IV; 58 — Крохино; 59 — Белоозеро, левобережный посад; 60 — Белоозеро; 61 — Белоозеро, курган; 62 — Крохинские Пески; 63 — Куштозеро; 64 — Куштозеро III; 65 — устье Пидьмы; 66 — Усть-Андога; 67 — Белоозерск; 68 — Бородава; 69 — Вогнема; 70 — Пупково, селище; 71 — Пупково, могильник; 72 — Волохово, селище; 73 — Волохово, могильник; 74 — Федосьин Городок; 75 — Карботка II; 76 — Карботка I; 77 — Шуйгино II; 78 — Васняково; 79 — Шуйгино I, могильник; 80 — Шуйгино I, селище; 81 — Нефедьево III; 82 — Нефедьево IB; 83 — Нефедьево IA; 84 — Нефедьево II; 85 — Лукинское; 86 — Сопигино; 87 — Кудрино; 88 — Благовещение; 89 — Славянна; 90 — устье Имаи; 91 — Минино; 92 — Октябрьский Мост; 93 — Соборная Горка; 94 — Торowo; 95 — Луковец; 96 — Городище; 97 — Любеч; 98 — Козьмодемьянское; 99 — Яковлево

Таблица 7

Возможная численность населения, оставившего могильники

Время существования могильника	Количество человек в коллективе при средней продолжительности жизни		
	30 лет	35 лет	40 лет
Попово			
40 лет	11	13	15
30 »	15	18	20
20 »	22	26	30
Горка			
60 лет	17	20	23
50 »	20	24	27
40 »	25	30	34
Нефедьево IA			
50 лет	21	25	28
40 »	26	31	35
30 »	35	41	47
Шуйгино I			
50 лет	18	21	24
40 »	22	26	30
30 »	30	35	40

Из расчетов следует, что коллектив, хоронивший в могильнике Попово, насчитывал 11—30 человек, в могильнике Горка—17—34, в могильнике Нефедьево IA—21—47, в могильнике Шуйгино I—18—40. При всей приблизительности расчетов они дают основание утверждать, что в составе обычного, рядового, коллектива было не менее 10—15, но не более 40—45 человек, включая детей. Несомненно, в восточном Прионежье существовали и более крупные коллективы, включавшие сотни человек, о чем совершенно определенно свидетельствуют крупные поселения — Киснема и Белоозеро. Но такие поселения были единичны. Наиболее типичной общественной и расселенческой единицей являлся коллектив, состоявший из двух — четырех десятков человек, т. е. из нескольких малых семей.

К сожалению, о численности коллективов, обитавших в сельских районах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, мы имеем лишь самое общее представление. Отмечу, что в двух полностью раскопанных могильниках Важского бассейна — Корбольском и Усть-Пуйском — насчитывалось соответственно 19 и шесть погребений³, и, таким образом, оставившие их группы по размерам были близки коллективам, заселявшим восточное Прионежье. Среди курганных могильников Костромского Поволжья преобладали группы из пяти—десяти насыпей, что позволило

П. Н. Третьякову сделать вывод о расселении здесь очень небольших коллективов⁴. Такие же небольшие курганные группы распространены в юго-восточном Приладожье⁵ и на р. Суда⁶. По-видимому, численный состав групп, являвшихся стабильными единицами расселения, здесь был таким же, как и на рассматриваемой нами территории. В целом же для Северной Руси характерны более крупные некрополи, насчитывающие более 50, часто более 100 курганов. Такие курганные группы локализируются не только в самых густонаселенных областях — например, в Переяславском и Суздальском ополье⁷, но и на окраинах — например, на р. Колпь в юго-западном Белозерье⁸ и в Углицком Поволжье⁹. Поэтому систему расселения, первичным самостоятельным элементом которой были группы численностью от полутора до четырех десятков человек, нельзя признать общераспространенной, она специфична лишь для некоторых периферийных территорий Северной Руси.

Столь же специфичной для региона оказывается и необычайная подвижность населения. Рядовые сельские некрополи, полностью исследованные раскопками, могли функционировать не более 40—60 лет, в действительности этот срок был, вероятно, меньше. Этими пределами было ограничено время существования рядового сельского поселения. По-видимому, хозяйственный уклад, существовавший в восточном Прионежье, вынуждал его обитателей периодически менять места поселений. Освоенные территории при этом полностью не забрасывались: вблизи запустевших поселений через короткое время возникали новые, которым соответствовали особые могильники. Судя по раскопкам курганов, таким же нестабильным было существование сельских поселений в Приладожье и Костромском Поволжье. В большинстве других областей Северо-Западной и Северо-Восточной Руси курганные группы, возникшие в X—XI вв., продолжали функционировать в течение одного-двух столетий, что, безусловно, отражает большую стабильность соответствовавших им поселений¹⁰. Существовало, что могильники, использовавшиеся для захоронений в течение нескольких столетий, известны и в восточнофинских областях, в частности в Вычегодском крае¹¹.

Какова же была экономическая основа колонизации? К сожалению, мы располагаем крайне скудным материалом для характеристики основных отраслей хозяйства восточного Прионежья и вынуждены ограничиться лишь самой общей оценкой уровня хозяйственного развития региона. Отмечу, во-первых, что в течение всего I тысячелетия н. э. по уровню экономического развития восточное Прионежье существенно уступало центральным областям Восточной Европы. Показателем этого разрыва служит очень небольшое количество металлических вещей, в том числе орудий труда, найденных на поселениях этого периода. Массовое распространение железных орудий в регионе приходится на конец I — начало II тысячелетия н. э., причем если древнейшие серии железных орудий, происходящие из бассейна Белого озера, датируются концом IX—X в., то аналогичные находки из Лачаозерского и Вожеозерского бассейнов относятся к XI в. В начале II тысячелетия н. э. население восточного Прионежья впервые переходит к использованию орудий труда, соответствовавших общим техническим стандартам своей эпохи, что безусловно отражает крупные сдвиги в экономике.

Возрастание плотности населения в начале II тысячелетия н. э. косвенно свидетельствует о переходе к более интенсивным формам хозяйства. Действительно, древнейшие в регионе земледельческие орудия относятся именно к этой эпохе. При раскопках Белоозера в горизонте XII—XIII вв. найдены наральник, плужный нож, мотыжка и восемь фрагментированных серпов¹². Этим же временем датируются, по-видимому, сошник, обнаруженный на поселении Луковец, и жернова, происходящие из Белоозера. Вполне вероятно, что земледелие появилось в регионе несколько раньше — в конце X—XI в., но в целом прямая связь его возникновения с колонизационным процессом начала II тысячелетия н. э. восстанавливается вполне определенно. Судя по раскопкам поселения Крутик, белозерская весь в конце IX—третьей четверти X в. не занималась земледелием: на поселении, исследованном почти полностью, не встречены не только земледельческие орудия, но даже жернова и зернотерки.

Тем не менее, не следует переоценивать прогрессивные перемены, происходившие в экономике восточного Прионежья в XI—XIII вв., и считать, что по хозяйственному укладу этот регион не отличался от остальных древнерусских областей. Уже само разреженное расселение и миниатюрные размеры поселений говорят о том, что формы земледелия, распространившиеся в регионе, были весьма примитивными, а удельный вес его в хозяйстве — меньшим, чем на остальной территории Руси. На это же указывает своеобразная топография поселений. Почти все селища XI—XIII вв. располагаются на невысоких береговых террасах, в тех же топографических условиях, что и поселения эпохи камня, бронзы и раннего железа, значительно ниже современных деревень. Более трети селищ находится на местах первобытных стоянок¹³. Топографическая связь между памятниками средневековья и эпохи первобытности фиксируется и при исследовании могильников: 12 из них находятся в непосредственной близости от первобытных стоянок, в семи могильниках погребения прорезают культурный слой этих стоянок. Поселения XI—XIII вв. концентрируются в зоне тех же ландшафтов, что и памятники неолита и раннего металла. Таким образом, при выборе места для поселения обитатели восточного Прионежья в XI—XIII вв. отдавали предпочтение тем же урочищам, что и в более ранние периоды. Господство в регионе заселения архаичного типа, корни которого уходят в глубокую древность, определенно свидетельствует о сохранении архаичных черт в хозяйстве.

По актам и писцовым материалам XIV—XVII вв. наиболее плотное земледельческое заселение фиксируется на Каргопольской Суше — территории, характеризующейся исключительным для Севера плодородием почв, на восточной оконечности Белоозерской гряды, в волостях Колкач и Талица, вблизи Волока Славенского. Однако в древнерусское время эти районы еще не были заселены. Что касается приозерных районов, освоенных в XI—XIII вв., то площади земельных участков, пригодных для земледелия, здесь были невелики. Даже в XIX в. земледелие не могло обеспечить пропитание населению некоторых приозерных районов восточного Прионежья: так, на западном берегу оз. Воже, в Чаронде, своего хлеба в лучшие годы не хватало даже до середины зимы¹⁴. По оценкам земской статистики, на восточном берегу оз. Лача (на территории, которая, судя по материалам могильника Попово, была освоена не позднее

середины XI в.) пахотные земли составляли в конце XIX в. всего 7% всех удобных пространств, причем возможности для их расширения были практически исчерпаны¹⁵.

Хотя археологические данные о скотоводстве и рыболовстве весьма фрагментарны, можно считать, что именно эти отрасли хозяйства давали существенную часть продуктов питания. Скотоводство появилось в восточном Прионежье значительно раньше, чем земледелие. О существовании скотоводства в I тысячелетии до н. э. свидетельствует костный материал, собранный на стоянках позднекаргопольской культуры¹⁶. Кости домашних животных, в основном крупного рогатого скота, хорошо представлены в остеологических коллекциях, происходящих с поселений XI—XIII вв. На этих же поселениях найдены металлическое ботало, целые и фрагментированные косы¹⁷. Развитие рыболовства документируется находками на селищах рыболовных снастей и их деталей. Отмечу, что и в позднейшее время рыбный промысел имел исключительное значение в хозяйстве восточного Прионежья. На рубеже XIX—XX вв. на Белом озере из 10—15 тыс. приозерного населения рыболовством занималось до 4 тыс. человек¹⁸. В 60-х годах XVII в. общий улов зимнего неводного промысла на Белом озере достигал громадных размеров — 48 тыс. пудов¹⁹.

Судя по материалам поселения Крутик, в хозяйстве белозерской веси в X в. огромную роль играла пушная охота, продукты которой предназначались для обмена. В остеологической коллекции, собранной на поселении, преобладают кости диких животных, преимущественно бобра, составляющие около 70%²⁰. Столь высокий процент костей диких животных не характерен не только для синхронных памятников Северной Руси, но и для северо-восточных областей Восточной Европы, где охота традиционно считалась одной из важнейших отраслей хозяйства. По-видимому, пушнина, добывавшаяся в X в. на Белом озере, поступала на торжища, находившиеся в системе Великого Волжского пути²¹. Именно пушнина была тем товаром, сбытом которого обеспечивался интенсивный приток на Белое озеро стеклянных бус, куфических монет и разнообразных ювелирных изделий.

В XI—XIII вв. спрос на пушнину на русском и международном рынках не уменьшился, а пушные ресурсы восточного Прионежья были, по-видимому, еще далеки от истощения. Несомненно, специализированный пушной промысел получил в этот период дальнейшее развитие. Об этом свидетельствуют кости бобров и куниц в остеологических коллекциях XI—XIII вв. и упоминание «вевериц» и «скоры» в летописной статье 1071 г., рассказывающей о выступлении волхвов на Белоозере²². На широкие масштабы пушного промысла косвенным образом указывают находки монет, стеклянных бус и других предметов импорта в погребениях XI—XII вв. — в глухие окраинные районы Восточной Европы эти вещи могли поступать главным образом в обмен на меха. Именно стремление использовать значительные по площади охотничьи угодья могло способствовать сохранению в восточном Прионежье особой разреженной системы расселения.

Однако население региона не только занималось промысловой деятельностью, но и участвовало в обслуживании и контроле водных путей, по которым поступали на Русь меховые ценности из Заволочья, Поморья

и Приуралья. Для нормального сообщения между древнерусской метрополией и отдаленными северными областями необходимы были постоянные поселения на ключевых участках водных коммуникаций, проходивших по территории восточного Прионежья, прежде всего на волоках. Эти поселения возникают в XI—XIII вв. Не позднее первой половины XI в. был освоен путь из Белого озера в оз. Воже и далее к верховьям р. Онега. С ним связаны поселения у д. Погостище на р. Модлона и соответствующий ему могильник. Могильники Нефедьево IA, IB и Шуйгино находились на водном пути, соединявшем речную систему Шексны с системой Кубенского озера и Сухоны. По имеющимся материалам начало его функционирования относится к рубежу X—XI вв. В XIII в. трасса этого пути переместилась несколько восточнее — был освоен более удобный Славенский Волок, соединивший Никольское озеро с Порозовицей. С этим волоком, по-видимому, был связан могильник у д. Благовещенское, полностью разрушенный в настоящее время.

В современной историографии прочно утвердилось мнение, что славянская колонизация на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в конце I — начале II тысячелетия н. э. имела ярко выраженный земледельческий характер и сочеталась с распространением новых, более прогрессивных форм хозяйства. На европейском Севере ситуация была несколько иной. Хотя земледелие появилось здесь вместе с колонизационной волной конца X—XIII в., резкие демографические изменения начала II тысячелетия н. э. не сопровождались столь же радикальной перестройкой хозяйственного уклада. Основные экономические интересы колонистов были связаны с традиционными отраслями хозяйства Севера, деятельность их на первых порах была направлена на возможно более широкую эксплуатацию его пушных ресурсов.

Феодализация восточного Прионежья протекала замедленно. Упоминание о «лучших женах» в летописной статье 1071 г. рассматривается исследователями как свидетельство существования в шекснинских погостах местной феодализирующейся знати²³. Действительно, трудно предположить, что население таких крупных центров, как Белоозеро и Киснема, не было в XI в. дифференцировано в социальном плане. Именно в Белоозере исследовано единственное в восточном Прионежье погребение с золотым украшением. Однако, судя по материалам небольших сельских некрополей, основная масса населения в XI—XIII вв. оставалась не затронутой социальным расслоением. Большинство погребенных имело примерно одинаковые социальный статус и имущественное положение. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в женских погребениях украшения почти не различаются по качеству исполнения, а в мужских — примерно одинаков набор орудий труда и бытовых вещей. Несомненно, это погребения рядового, лично свободного сельского населения, социальной силы, которая наиболее деятельно участвовала в освоении северных окраин.

Что же представляли собой в социальном плане небольшие коллективы, насчитывавшие, как мы выяснили, от двух до четырех десятков человек и являвшиеся не только реальными единицами расселения, но и весьма стабильными общественными образованиями? Каждый из таких коллективов был достаточно монолитной общностью со своими культур-

ными нормами, соблюдение которых было обязательным для всех его членов. Об этом можно судить по тому, что детали погребального обряда и состав женского убора, значительно варьирующие в различных могильниках, повторяются в каждом отдельном вплоть до мелочей. Исходя из того, что расположение погребений в могильниках отражает внутреннюю структуру оставивших их коллективов и что каждый ряд погребений на площадке могильника соответствует отдельной малой семье, следует признать, что каждый коллектив состоял из двух — пяти малых семей. Весьма вероятно, что некоторые из них были связаны общим происхождением и представляли собой одну большую семью, или патронимическую организацию²⁴. Однако, учитывая большую подвижность населения региона и специфику его промысловой деятельности, можно допустить, что малые семьи относительно легко выделялись из состава больших и на вновь осваиваемых территориях консолидация малых семей могла быть обусловлена не родственными отношениями, а совместным расселением и общими хозяйственными интересами.

КЕМСКИЙ НЕКРОПОЛЬ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ВОДНО-ВОЛОКОВЫМИ ПУТЯМИ СЕВЕРА

Иной социальный облик и иную организацию имел коллектив, оставивший Кемский некрополь и резко противопоставленный в социальном отношении остальным группам, заселявшим восточное Прионежье.

Во-первых, численность его заметно превышала численность рядовой группы. Если считать, что могильник функционировал в течение 30—40 лет и в нем насчитывалось первоначально около 90 погребений, ее можно определить в пределах 67—120 человек, наиболее вероятная численность — 77—102 человека.

Время существования могильника	Количество человек в коллективе при средней продолжительности жизни		
	30 лет	35 лет	40 лет
40 лет	67	79	90
35 »	77	90	102
30 »	90	105	120

Это вдвое больше численности обычной расселенческой единицы. Больше количество людей насчитывалось в XI в. лишь в Белоозере и Киснеме.

Во-вторых, этот коллектив имел необычный половозрастной состав. Среди погребенных 51,4% составляли мужчины, 25,7% — женщины и 22,9% — дети. Количество мужчин в данной группе превосходило количество женщин в два раза. В нормальной популяции доля мужских и женских погребений примерно равна, именно таким было соотношение мужских и женских погребений в остальных могильниках восточного Прионежья, исследованных полностью.

В-третьих, в руках этого коллектива было сконцентрировано значительное количество монетного серебра и привозных вещей, поступавших на Север в результате торгового обмена. В 77 погребениях на Кеме найдено 80 западноевропейских монет, в то время как в Приладожье, где исследовано около 1 тыс. погребений,— лишь 92, а в юго-западном Белозерье, где изучено около 660 захоронений,— лишь 45. Среди других предметов, попавших на Кему в результате торговли,— поливные керамические чашечки иракского (?) происхождения, глиняные поливные писанки, стеклянные перстни, височные кольца с зернеными или сканными бусинами, миндаль, фисташки, раковина каури. Возможно, материальная ценность этих вещей была невелика, однако они, в отличие от стеклянных и каменных бус или костяных односторонних расчесок, не принадлежат к числу товаров, в массовом количестве поступавших в сельские районы Северной Руси. Коллектив, оставивший Кемский некрополь, проявлял высокую торговую активность и имел возможность получать редкие товары, имевшие ограниченное распространение на деревенском рынке.

Наконец, примерно половина мужчин погребена с оружием — атрибутом профессиональных воинов. Предметы вооружения встречены в 12 из 25 ненарушенных мужских погребений, кроме того, они найдены в трех нарушенных захоронениях (рис. 9). Поскольку большинство погребений содержит боевые топоры, приведем данные об их находках в сопредельных районах. В курганах юго-западного Белозерья встречено три боевых топора²⁵. Из 643 курганов, раскопанных в Ярославском Поволжье, происходит 18 боевых топоров²⁶. В курганах XI—XII вв. Углицкого и Тверского Поволжья найдено 15 боевых топоров²⁷. Из Приладожья известно 33 топора, определенно относящихся к числу боевых (типы I—IV, VI—VIII по А. Н. Кирпичникову)²⁸. К северу и востоку от Шексны и Белого озера — в Заонежье, восточном Прионежье, бассейне Ваги и Сухоны — найдено лишь четыре боевых топора: три — в Чел-мужских курганах²⁹ и один — в могильнике Нефедьево IА. На этом фоне серия из 11 боевых топоров, происходящих из кемских погребений, оказывается весьма внушительной. Резкое преобладание мужских погребений и многочисленные находки оружия определенно указывают, что в составе коллектива, оставившего Кемский некрополь, присутствовали профессиональные воины-дружинники. Учитывая обилие монет, важнейшей сферой его деятельности следует считать военные и торговые операции.

Если значительный социальный контраст между коллективом, оставившим Кемский некрополь, и остальными группами хорошо прослеживается по археологическим материалам, то решение вопроса о конкретной социальной принадлежности тех или иных погребений наталкивается на серьезные сложности. Однозначно определить общественное положение каждого погребенного в Кемском некрополе едва ли возможно, как невозможно это сделать для основной массы древнерусских погребений XI—XIII вв. Ограничимся некоторыми общими наблюдениями относительно социального состава этой группы.

Отмечу прежде всего, что среди погребенных с боевыми топорами не было ни одного старше 35 лет. Возраст лиц, погребенных с боевыми топорами, установлен в восьми случаях: четырем из них было

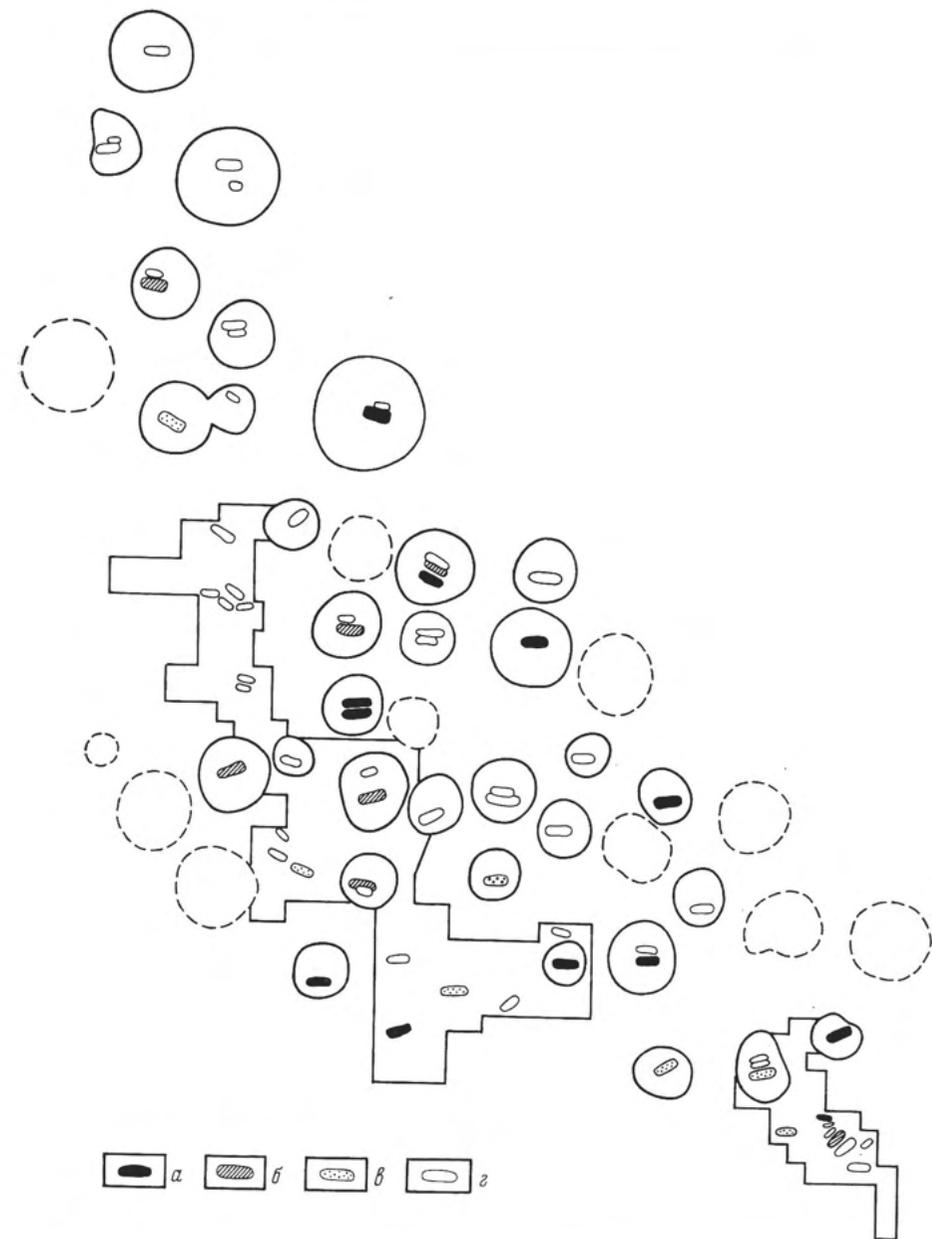

Рис. 9. Погребения с оружием в могильнике Никольское III. Планиграфия

а — погребения с предметами вооружения; б — погребения с рабочими топорами; в — мужские погребения без предметов вооружения и рабочих топоров; з — женские и детские погребения без предметов вооружения и рабочих топоров

12—19 лет, одному — 20—25, трем — 25—35. Наоборот, среди погребенных с рабочими топорами лишь двое были моложе 30 лет. Создается впечатление, что боевые топоры сопровождают погребения молодых мужчин и подростков, а рабочие — погребения мужчин возмужалого возраста. По-видимому, в погребенных с боевыми топорами можно видеть рядовых воинов, младших дружинников, именуемых в летописи «отроками». Именно «отроки» сопровождали Яна Вышатича во время сбора дани на Белом озере. Кем же были в таком случае мужчины, погребенные с рабочими топорами или без орудий труда? Очевидно, что их социальный статус в большинстве случаев был не ниже, чем статус лиц, похороненных с боевыми топорами: по обряду и составу инвентаря эти погребения не отличаются от погребений «отроков», а возведенные над ними насыпи имеют ту же высоту.

Существенно, что погребения, содержавшие предметы вооружения, как правило, были единственными в курганах. Из 15 погребений с оружием лишь пять находились в курганах, вмещавших, помимо них, и другие захоронения. В то же время из восьми погребений с рабочими топорами пять были совершены в насыпях, содержавших по два или три захоронения (рис. 9). Если считать, что лица, погребенные в одном кургане, являлись близкими родственниками, можно сделать вывод, что большинство «отроков» не было связано родственными отношениями с другими членами группы. Этот вывод может вызвать возражения: многие «отроки» умирали, не успев обзавестись семьями, и поэтому были похоронены под индивидуальными насыпями. Ответу на это, что далеко не все курганы с двумя погребениями содержат захоронения брачных пар — под одной насыпью часто встречаются погребения двух мужчин или мужчины и ребенка. Погребение «отроков» под индивидуальными насыпями свидетельствует, очевидно, об отсутствии кровного родства между ними и остальными членами коллектива — их родители, братья и сестры не были похоронены в Кемском некрополе.

Бескурганые погребения, принадлежащие взрослым, за единственным исключением (погребение 4), не содержат оружия и сопровождаются бедным инвентарем. Отсутствие курганных насыпей, скудость украшений и бытовых вещей склоняют к заключению, что эти лица занимали низшую ступень в социальной иерархии, очевидно, были лично несвободными. Доля их в коллективе, оставившем некрополь, была небольшой, причем преобладали среди них женщины: из 11 бескурганых погребений, принадлежащих взрослым, лишь пять мужских.

Ядро рассматриваемого коллектива составляли мужчины — выходцы из центральных областей Руси, прочно обосновавшиеся на Кеме вместе со своими семьями. Несмотря на отсутствие предметов вооружения в погребениях этих лиц, они занимали достаточно высокое социальное положение. Некоторые из них, возможно, были связаны с княжеской администрацией. Очевидно, именно они выступали организаторами торговых операций. Другая группа объединяла младших дружинников — «отроков», которые несли военную службу на Кеме и по истечении некоторого срока, возможно, возвращались на родину. В основном это были лица молодого возраста. Среди дружинников были и младшие военачальники, руководившие деятельностью «отроков». Одному из них принадлежит по-

гребение в кургане 1 с мечом и серебряным перстнем. Наконец, в составе коллектива было некоторое количество несвободных лиц (холопов?).

Чем же была вызвана необходимость постоянного присутствия военного отряда в низовьях Кемы? Для ответа на этот вопрос рассмотрим водные пути, соединявшие Новгород с Белозерьем и Заволочьем. Один из них проходил по Свири и Онежскому озеру и далее разветвлялся. По р. Водла, впадающей в Онежское озеро с востока, можно было попасть в Кенозеро и далее на Онегу. О существовании волока, соединявшего верховья Водлы с р. Поча, впадающей в Кенозеро, известно по Писцовой книге 1563 г.: «А через тот волочек торговые люди из Ноугороцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю»³⁰. Другая ветвь Сви́рско-Онежского пути шла вверх по Вытегре, Ковжскому озеру и далее по р. Ковжа, впадающей в Белое озеро. Волок между верховьями Вытегры и Ковжским озером упомянут в Писцовых книгах 1496 и 1563 гг.: «Да в Вытегорском же погосте великаго князя волок Гостин Немецкой, а возят хрестьяне вытегряне изо всех боярщин да и монастырские изо всего погоста на том волоце соль и шной товар»³¹. А. Н. Насонов полагал, что путь по Вытегре стал использоваться лишь в XVI в., после того как пришел в упадок «Кенский волок», активно функционировавший в начальный период проникновения новгородцев в Заволочье³². Однако находки в низовьях Кемы скандинавских амулетов и керамики «балтийских» типов убедительно свидетельствуют, что освоение его произошло не позднее конца X в.³³

Анализируя летописную статью 1071 г., можно предположить, что именно по Вытегре и Ковже попал на Белое озеро Ян Вышатич. Согласно летописи, волхвы, «избивавшие» «лучших жен», пришли в Белоозеро, поднявшись от Ярославля вверх по Шексне. Летописец не сообщает о маршруте Яна, но поскольку о расправе волхвов с «лучшими женами» на Волге и Шексне он узнал от белозерцев³⁴, возможность движения его по Волге и Шексне или Ояти, Суде и Шексне исключается. С большой долей вероятности можно признать, что Ян воспользовался Вытегорско-Ковжским путем.

Система водно-волоковых путей, начинавшихся на Белом озере, открывала дорогу на север и восток — в бассейн Онеги и Северной Двины. Приустьевая часть Ковжи была ключевым участком этой системы: перекрыв ее, можно было не только контролировать сообщение между Обо-нежьем и Белозерьем, но и блокировать важнейший узел речных коммуникаций, сходящихся на Белом озере. Берега Ковжи в нижнем течении были сильно заболочены и непригодны для устройства поселения. Оптимальным местом для создания контрольного пункта в этом районе оказались низовья Кемы, в долине которой существовала густая сеть средневековых поселений. Кемский некрополь и соответствовавшие ему поселения располагались примерно в 10 км выше слияния Кемы и Ковжи, по прямой расстояние между обеими реками, текущими здесь на юг, составляло не более 5 км. Выбор этой точки для размещения военного отряда выглядит наиболее оправданным.

По-видимому, в XI в., когда эксплуатация пушных богатств становится существенным источником поступлений в государственную казну, княжеская власть предпринимает попытки регламентировать вывоз мехов с

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Севера и установить контроль за торговыми контактами между жителями этих областей, с одной стороны, и купцами из северорусских городов и стран Балтийского региона — с другой³⁵. В роли исполнителей контролирующих функций и выступали мужичины, погребенные в Кемском некрополе. Концентрация в их руках серебряной монеты и бытование в их среде обычая «обола мертвых» как одного из основных элементов погребального обряда, вероятно, свидетельствуют о том, что эти лица взымали какие-то денежные сборы, уплата которых была обязательной при передвижении по Вытегорско-Ковжскому пути.

О достаточно жестком контроле за торговлей с северными областями говорит топография кладов западноевропейских монет. В Приладожье найдено восемь кладов денариев, в Обонежье — два, на водоразделе Онежского и Белого озер — один, в бассейне Ваги и Сухоны — три³⁶. Многие приладожские клады насчитывают сотни и даже тысячи монет, в то время как в кладах Обонежья, бассейна Сухоны и Ваги их лишь по несколько десятков. Аналогичным образом распределяются и находки отдельных монет. Области, лежащие к западу и востоку от Белого озера, в XI в. резко различались по насыщенности серебром.

Таким образом, Кемский некрополь оказывается памятником, отражающим установление государственного контроля над вновь освоенными северными территориями. Остается неизвестным, каковы были конкретные обязанности и полномочия представителей княжеской администрации на Кеме, но тот факт, что надзор за водными коммуникациями Севера был возложен на пришлое население, не имевшее родственных и этнических связей с местной средой, представляется весьма показательным. Очевидно, этот надзор не соответствовал интересам основной массы обитателей восточного Прионежья.

Контрольно-административный пункт на Кеме прекратил свое существование в 70-х годах XI в. — этим временем датируются наиболее поздние погребения в Кемском некрополе. В это же время происходит выступление волхвов в Поволжье и на Белоозере, известное нам по летописной статье 1071 г. В. А. Кучкин привел убедительные аргументы в пользу того, что столкновение Яна Вышатича, собиравшего на Белоозере дань для Святослава Ярославича, с волхвами следует относить к 1073—1074 гг.³⁷ Правомерно поставить вопрос о связи между этими событиями.

Мы не знаем, принимал ли участие расквартированный на Кеме военный отряд в борьбе Яна Вышатича с волхвами и их сторонниками. Но в любом случае из летописного сообщения можно сделать вывод, что местные представители княжеской власти оказались не в состоянии самостоятельно противодействовать выступлению волхвов. Для подавления его понадобилось решительное вмешательство княжеского даньщика, случайно оказавшегося на месте событий. Создается впечатление, что сложившаяся система государственного контроля над северными территориями показала себя во время событий 1073—1074 гг. недостаточно мощной и эффективной. Вполне вероятно, что эти события побудили княжескую власть искать новые пути управления окраинными областями Северной Руси и новые формы надзора за водно-волоковыми путями, что и повлекло за собой ликвидацию контрольно-административного пункта в низовьях Кемы.

Анализ материалов, происходящих из погребальных памятников восточного Прионежья, позволяет сделать вывод, что в XI—XIII вв. в регионе существовала своеобразная культура, сформировавшаяся в результате синтеза славянского и финно-угорского компонентов. Характерными чертами ее можно считать погребальный обряд грунтовых могильников, женские уборы, комбинирующие украшения славянских и финно-угорских типов, и керамический комплекс, включавший круговую и лепную керамику и сохранявший некоторые керамические формы и орнаменты, специфичные для белозерской веси.

Культура восточного Прионежья в этот период существенно отличалась от культуры сопредельных областей Севера. Наиболее четко устанавливается западная граница ее распространения, проходящая по водоразделу Шексны и Суды, далее — по водоразделу Белого и Ладожского озер и затем — по водоразделу Лачаозера и Онежского озера. Население, обитавшее в XI—XII вв. в Приладожье и юго-западном Белозерье, — на Суде и Колпи, в отличие от обитателей Белозерского бассейна, хоронило умерших в курганах. При этом фиксируется определенное сходство керамических комплексов и женских уборов бассейна Суды, с одной стороны, и Белого озера — с другой: в обоих регионах в XI в. были в употреблении лепная керамика со штампованным орнаментом и женский убор типа IV, в состав которого входили височные кольца и шумящие поясные украшения³⁸. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о памятниках восточного побережья Онежского озера и Водлозера довольно скудны. Тем не менее, можно утверждать, что происходящая отсюда лепная керамика сильно отличается от белозерской и лачаозерской по формам и отсутствию орнаментации, а грунтовые могильники, подобные могильникам восточного Прионежья, здесь неизвестны.

Между памятниками восточного Прионежья, с одной стороны, и памятниками побережья Онежского озера, юго-восточного Приладожья и юго-западного Белозерья — с другой, намечается широкая полоса территории, на которой археологические памятники в настоящее время неизвестны. Эта полоса проходит по водоразделам крупнейших озер и рек. Вполне вероятно, что в раннем средневековье она действительно оставалась почти не заселенной и служила естественным рубежом, отделявшим восточное Прионежье от других областей Северо-Западной Руси.

Точно установить южную границу распространения характерного для восточного Прионежья комплекса древностей трудно, поскольку средневековые памятники Пошехонья, затопленные ныне водами Рыбинского водохранилища, остались практически не обследованными. Ясно, что древности Ярославского Поволжья значительно отличаются от белозерских: в XI—XII вв. здесь хоронили в курганах; женский убор, включавший шумящие поясные украшения, не получил распространения на этой территории; лепная керамика со штампованным орнаментом встречается редко.

Еще сложнее очертить северную и восточную границы ареала. В бассейне Онеги археологические памятники X—XIII вв. почти неизвестны.

Памятники в бассейне Ваги и Сухоны немногочисленны, материалы раскопок пока не систематизированы. В орнаментации керамики, наборе женских украшений, а также в погребальном обряде восточного Прионежья и бассейна Ваги и средней Сухоны прослеживается как будто бы определенное сходство. С другой стороны, наши попытки найти селище с керамикой «белозерских типов» и грунтовые могильники с ингумациями на Кубенском озере и в верхнем течении Сухоны оказались пока безрезультатными. Если культурный комплекс, характерный для восточного Прионежья, и распространялся далее на восток, то лишь в отдельных компактных регионах, а не повсеместно.

Хотя финно-угорские элементы в культуре восточного Прионежья XI—XIII вв. выражены достаточно ярко, ее нельзя рассматривать как непосредственное продолжение культуры белозерской веси, новую фазу ее самостоятельного развития. Она наследует лишь некоторые традиции местной культуры IX—X вв. Преемственность прослеживается в погребальном обряде: некоторые черты обряда грунтовых могильников XI—XIII вв. можно объяснить инерцией архаичной местной обрядности предшествующего периода. Стойко сохраняются в XI—XII вв. отдельные формы лепной керамики, а также приемы орнаментации и набор орнаментальных композиций, характерный для белозерской веси. Однако анализ женских украшений XI—XIII вв. и их сочетаний в уборах приводит к довольно неожиданному выводу: большинство ювелирных изделий финно-угорского облика не имеет прототипов в местных древностях X в. Широкое распространение финно-угорских украшений в восточном Прионежье в древнерусское время связано скорее с воздействием сопредельных финно-угорских областей, чем с сохранением традиционного убора белозерской веси или стремлением белозерских ювелиров следовать древним местным образцам.

Ознакомившись с коллекцией украшений и керамики из могильников, легко заметить, что финно-угорский компонент в культуре восточного Прионежья не является монолитным образованием, целиком восходящим к местной культуре более ранней поры. Финно-угорские элементы оказываются весьма разнородными по происхождению. Одни из них связаны с прибалтийско-финским кругом древностей, другие — с восточнофинскими культурами. Воздействие западнофинской культуры выразилось в восточном Прионежье в сосудах баночной формы; женском уборе типа III с парными подковообразными фибулами; в таких украшениях, как кольцевидные фибулы, плоские бляхи-медальоны, прорезные подвески-уточки, перстни с гравированным орнаментом. К характерным восточнофинским типам можно относить отдельные типы керамики — например, горшки с раздутым туловом и округлым плечиком или сосуды с непрофилированной верхней частью и оттянутым внутрь венчиком; украшения, изготовленные в наборной технике или имитирующие ее; лунничные височные кольца; некоторые типы шумящих подвесок и бубенчиков. Большая часть этих предметов принадлежит к характерным поволжско-финским формам, отдельные вещи имеют пермско-финское происхождение. Соотношение западнофинских и восточнофинских элементов в культуре восточного Прионежья в XI—XIII вв. не было неизменным. В XI — начале XII в. доминировали древности прибалтийско-финских типов, с середины XII в.

значительно увеличилась доля предметов, связанных с восточнофинской средой, которые стали преобладающими.

Древнейшие следы проникновения славян в район Белого озера относятся к концу IX—X в. Это украшения славянских типов (широкоротая лунница, проволочное височное кольцо со стеклянной бусиной) и лепные сосуды стройных пропорций (тип III), найденные на поселениях Крутик, Никольское I и в древнейшем горизонте Белоозера³⁹. В низовьях Кемы, у д. Новое Село, находятся две одиночные сопки — единственные в Белозерской округе, недалеко от них — городище Никольское I, при раскопках которого собрана лепная керамика IX—X вв., отличающаяся от керамики белозерской веси и имеющая определенное сходство с лепной керамикой поселений Припильменя и Поволховья⁴⁰. Возможно, в X в. этот микрорегион был центром славянского расселения в восточном Прионежье.

Однако вплоть до конца X—XI в. славянский элемент в культуре восточного Прионежья малозаметен. Ситуация меняется на рубеже X—XI вв.: начиная с этого времени славянский элемент играет существенную роль в культурном комплексе. Это выражается не только в появлении в восточном Прионежье большого количества вещей и керамики древнерусских типов. Изменения носят более глубокий характер: под влиянием древнерусской культуры трансформируются керамический комплекс и погребальный обряд; распространяются новые типы женских уборов, важнейшими составными частями которых оказываются характерные восточнославянские украшения; бытовые предметы финно-угорских типов вытесняются древнерусскими. С XI в. славянский элемент определяет основную линию развития культуры региона. На протяжении XII в. доля славянских украшений в общем наборе постепенно возрастает; удельный вес круговой древнерусской посуды в керамическом комплексе увеличивается; в погребальном обряде нормативной становится западная ориентировка; обычай сопровождать погребения бытовыми вещами и орудиями труда исчезает. Культура восточного Прионежья постепенно сближается с древнерусской, превращаясь по существу в один из ее локальных вариантов.

Констатируя присутствие различных культурных элементов в восточном Прионежье, следует отметить, что они не были обособлены. Изолированное положение славянского элемента прослеживается лишь в Кемском некрополе, но и в этом случае изоляция была относительной: в погребениях найдены лепные сосуды прибалтийско-финских форм и единичные финно-угорские украшения, часть керамики украшена типичными весскими орнаментами. В большинстве других памятников выделить комплексы, в которых финно-угорский и славянский элементы представлены в «чистом» виде, не удается, точно так же не удается выделить в «чистом» виде прибалтийско-финский и поволжско-финский компоненты. Действительно, уже в XI в. височные кольца славянских типов и поясные шумящие подвески становятся составными частями одного убора. Самый богатый набор зооморфных украшений и шумящих подвесок найден в Крохинских Песках, в погребении с западной ориентировкой, находившемся в глубокой могильной яме в гробу, скрепленном железными гвоздями. Западнофинские подвески-медальоны встречены в одних комп-

лексах с умбововидными подвесками восточнофинского происхождения, перстнями и браслетами древнерусских типов. Славянская гончарная керамика присутствует в погребениях с большим количеством финно-угорских украшений. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что в восточном Прионежье происходит не механическое смешение различных культурных компонентов, а несравненно более глубокие и сложные процессы. Культура восточного Прионежья формируется в XI—XII вв. как единое целое, впитывая и перерабатывая разнородные элементы.

Этот синтез получает дальнейшее развитие во второй половине XII—XIII в., когда в регионе впервые появляются украшения, которые с полным основанием можно считать местными, специфичными для восточного Прионежья и некоторых сопредельных территорий. Регион, выступавший в X—XI вв. как периферийная зона распространения западнофинских, восточнофинских и славянских украшений, превращается в центр сложения новых оригинальных типов и вариантов, причем некоторые из этих типов комбинируют формы и орнаментальные мотивы, восходящие к различным ремесленным традициям. Именно так можно оценить, например, восточнофинский ложноплетеный рельефный орнамент на дужках подковообразных фибул со слитыми концами или штампованный орнамент, характерный для ювелирного ремесла Прибалтики и Северо-Западной Руси, на лопастях лунничных височных колец XII—XIII вв. Появление местных типов украшений можно считать индикатором сложения новых этнографических общностей, в которые влились разноплеменные коллективы, продвинувшиеся в XI—XII вв. на Север.

Судя по археологическим данным, для восточного Прионежья не характерно чересполосное расселение славян и финно-угров, зафиксированное в других окраинных областях Северной Руси. Славяне быстро смешивались здесь с финноязычным населением — местной белозерской велью, а также финнами — выходцами из поволжских и северо-западных областей, втянутыми в колонизационное движение на Север и осевшими в восточном Прионежье. В результате формируется археологическая культура, которая сначала перекрывает различные этносы, а затем начинает соответствовать новому этническому образованию, представляющему собой одну из этнографических групп древнерусской народности.

Заключение о единстве культуры региона в XI—XIII вв. и об интенсивном смешении на рассматриваемой территории разноэтнического населения отражает лишь общее содержание этнокультурных процессов. При этом очевидно, что культурная нивелировка была весьма относительной, а этнический состав населения восточного Прионежья не был абсолютно однородным.

Коллективы, заселявшие регион, имели неодинаковое происхождение, различались по активности и направлению культурных связей, по возможностям общения с древнерусской метрополией, по степени восприимчивости к инновациям. В конечном итоге каждый из них имел индивидуальную историю. Поэтому общая оценка этнокультурной ситуации не снимает вопроса об этническом облике отдельных человеческих групп, участвовавших в освоении восточного Прионежья.

Наименее типичным для региона памятником, находящимся как бы вне основного русла развития его культуры, оказывается Кемский некро-

поль. Славянская атрибуция этого памятника не вызывает сомнений. Некрополь оставлен переселенцами из центральных областей Руси, стремившимися сознательно перенести на северные окраины весь комплекс традиционной восточнославянской культуры. Черты финно-угорской культуры прослеживаются здесь лишь в керамическом наборе и в отдельных ювелирных изделиях финно-угорских типов. Если в составе коллектива, оставившего Кемский некрополь, и присутствовали выходцы из финно-угорской среды, то они были в предельно короткие сроки ассимилированы основным ядром этой группы. По-видимому, славянам-переселенцам, стойко сохранявшим свои культурные традиции, принадлежит и одиночный курган в Белоозере.

Могильники Крохинские Пески и Киснема оставлены сильно славянизированным населением двух крупнейших центров Белозерской округи. Очевидно, значительное число погребенных в них составляют лица славянского происхождения. Устойчивая западная ориентировка, большая глубина могильных ям, находки в погребениях гвоздей от гробов, комплекс женских украшений сближают эти некрополи с грунтовыми могильниками Новгородской округи. Однако жертвенные комплексы в погребениях, находки зооморфных украшений и шумящих привесок и некоторые другие особенности указывают, что коллективы, оставившие эти памятники, имели сложный этнический состав и не были ориентированы на полный разрыв с финно-угорскими традициями.

Могильники Шуйгино, Попадьино и Торово оставлены смешанным славяно-финским населением, оказавшимся под сильным влиянием древнерусской культуры. Однозначное заключение относительно первоначального происхождения этих коллективов сделать трудно, ясно, однако, что финно-угорские черты в их культуре выражены довольно слабо и не определяют их этнический облик.

Сходную характеристику может получить могильник Горка. Культура населения, оставившего этот памятник, близка общедревнерусской, своеобразие ее проявляется в серии украшений местных типов, характерных для восточного Прионежья и Важского бассейна. Реконструировать «родословную» этого коллектива невозможно. Несомненно лишь то, что в XIII в. он представлял собой группу древнерусского населения с яркими этнографическими особенностями, специфичными для северных областей.

Несколько слабее сказалось низелирующее влияние древнерусской культуры на коллективах, оставивших могильник Попово и ранние погребения могильника Погостище. Эти памятники принадлежат представителям белозерской велью или выходцам из прибалтийско-финской среды, подвергшимся сильному воздействию западнофинской культуры.

Финно-угорские черты ярче всего выражены в культуре населения, оставившего поздние погребения могильника Погостище, могильники Тихманга, Нефедьево IA и IB. Хотя и эти коллективы были достаточно восприимчивы к культурным импульсам, исходившим из древнерусских областей, о чем свидетельствуют многочисленные находки украшений славянских типов и славянской круговой керамики, а также некоторые детали обряда, основу этих групп составляли, по-видимому, лица финно-угорского происхождения. Два первых памятника можно предположи-

тельно атрибутировать как принадлежащие потомкам белозерской веси. С большей определенностью устанавливается этническая принадлежность могильников Нефедьево IA и IB: они оставлены частично славянизированным поволжско-финским населением, продвинувшимся в восточное Прионежье по Шексне. На это указывают жертвенные комплексы в погребениях, значительная доля вещей восточнофинского происхождения в составе украшений, сосуды характерных поволжско-финских форм в керамическом наборе. Особенно существенно, что из 12 лепных сосудов, обнаруженных в погребениях, ни один не был украшен штампованным орнаментом. Это заставляет отказаться от атрибуции могильников Нефедьево IA и IB как принадлежащих белозерской веси.

Этнические характеристики коллективов, заселявших регион, оказываются неодинаковыми. Процесс смешения славянского и финно-угорского населения и ассимиляции белозерской веси и других финно-угорских группировок, продвинувшихся в восточное Прионежье, в различных микрорегионах протекал с различной интенсивностью. Несомненно, однако, что в этот процесс в той или иной степени были вовлечены все коллективы, обитавшие в восточном Прионежье: островки финно-угорского населения, не затронутого в XI—XII вв. мощным влиянием восточнославянской культуры, здесь не выявлены. Центром славянизации была Белозерская округа: на Белом озере ассимиляция финно-угорского населения началась раньше и шла быстрее, чем на периферии региона.

А. Е. Леонтьев и Е. А. Рябинин, рассмотрев конкретные механизмы славяно-мерянского взаимодействия в Волго-Окском междуречье, пришли к выводу, что освоение славянами Ростово-Суздальской земли произошло прежде всего в форме переселения сюда отдельных больших семей, сохранявших в процессе передвижения целостность и избегавших в течение определенного периода брачных связей с иноэтничными коллективами⁴¹. Представляется, что проникновение славян в восточное Прионежье в XI—XII вв. имело иные формы. Исходными единицами, участвовавшими в заселении края, здесь могли быть не только крупные коллективы, связанные общим родством, но и отдельные малые семьи, самостоятельные в хозяйственном отношении и заинтересованные в контактах с представителями других этносов. Интенсивная диффузия славянского и финно-угорского населения способствовала, с одной стороны, скорейшей ассимиляции белозерской веси, с другой — сохранению некоторых черт финно-угорской культуры в среде формирующегося древнерусского населения.

Как согласуется эта картина с данными письменных источников? Напомним, что весь в последний раз упоминается в русских летописях под 882 г., в связи с походом Олега на Киев⁴². Л. А. Голубева обратила внимание на то, что уже при описании событий 1071 г. на Белоозере местные жители названы не весью, а белозерцами⁴³. Под 1096 г. белозерцы наряду с ростовцами и суздальцами упомянуты в летописи при описании военных действий между Изяславом Владимировичем и Олегом Святославичем⁴⁴. По-видимому, уже в XI в. процесс ассимиляции белозерской веси зашел достаточно далеко, и для обозначения жителей этого региона начинает употребляться не племенное название «весь», а территориальное — «белозерцы». Не упомянута весь и в подробном перечне народов

Севера, содержащемся в житии Стефана Пермского и в Никоновской летописи⁴⁵ и составленном, по мнению Б. А. Рыбакова, при жизни Стефана, т. е. не позднее 1396 г.⁴⁶

При реконструкции этнической карты севера Восточной Европы в раннем средневековье большое внимание уделяют сочинениям арабских географов, содержащим сведения о народах «вису» («ису»), «ару», «йура» и о «береговых людях». Среди арабских авторов особое место принадлежит Абу Хамиду ал-Гарнати, побывавшему в Волжской Болгарии и на Руси в 1151—1153 гг.⁴⁷ Согласно Абу Хамиду, «у него [Болгара] есть область, [жители которой] платят харадж, между ними и Болгаром месяц пути, называют ее Вису... А за Вису на Море Мраков есть область, известная под названием Йура... А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Болгар, приносят большую прибыль. Затем везут и в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и [ее жители] покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и за невольников»⁴⁸.

Вопрос о том, какая этническая общность скрывается под этнонимом «вису», решается исследователями по-разному. После работ А. П. Смирнова и Л. А. Голубевой в литературе довольно прочно утвердилось мнение о соответствии «вису» арабских источников «веси» русских летописей⁴⁹. Основным аргументом для этого отождествления является созвучие обоих этнонимов. Существует и другая точка зрения, сторонником которой выступал М. В. Талицкий, а в последнее время — А. Е. Леонтьев. Согласно ей этноним «вису» обозначал население, обитавшее в верховьях Камы и Северной Двины⁵⁰. Не рассматривая подробно аргументацию обеих сторон, отмечу лишь, что локализация «вису» в верховьях Камы представляется в целом более правдоподобной, чем на Белом озере, поскольку, по данным арабских путешественников, через страну Вису проходил путь из Волжской Болгарии в страну «Йура», т. е. в Югру. Трудно предположить, что болгарские купцы следовали в Северное Приуралье, где обитала югра, через Белозерье. Плохо согласуется с локализацией «вису» на Белом озере и сообщение Абу Хамида о дани, которую взымала с «вису» в середине XII в. Волжская Болгария. Действительно, из русских летописей и Уставной грамоты 1136 г. следует, что в это время новгородцы и ростовцы контролировали территории далеко на северо-востоке от Белоозера — в Подвинье и на Пинеге.

Но даже если признать тождество «вису» и белозерской веси, сведения, содержащиеся в книге Абу Хамида, нельзя расценивать как документальное свидетельство существования в Белозерье в XII в. самостоятельных групп веси. Как отметил Б. Н. Захoder, в географических сочинениях средневековых арабских авторов непосредственные наблюдения являлись отнюдь не первостепенным источником. Эти сочинения во многом компилятивны. По-видимому, книга Абу Хамида не составляет в этом отношении исключения. Абу Хамид следовал существовавшей литературной традиции, в частности, его рассказ о народах Севера в некоторых местах текстуально близок рассказу Бируни⁵¹. Поэтому при обращении к сведениям, сообщаемым Абу Хамидом, требуется известная осторожность, и нельзя настаивать на том, что его рассказ о «вису» отражает конкретную этногеографическую ситуацию второй половины XII в.

Как важные аргументы, свидетельствующие о существовании в XIV в. самостоятельных групп веси вблизи северного пограничья рассматриваемого нами региона, расценивает В. В. Пименов упоминания о чуди в житиях Лазаря Муромского и Кирилла Челмогорского — основателей монастырей на Муромском озере и Лекшмозере. Действительно, в этих памятниках содержатся сведения о некоторых группах местного населения, которые «имяху чудский язык и веру»⁵². Однако В. В. Пименов не затронул вопроса о времени составления этих житий и о достоверности содержащихся в них сведений, ограничившись замечанием, что несмотря на ряд несоответствий в текстах, известия о чуди, обитавшей вблизи Муромского и Челмогорского монастырей, заслуживают доверия⁵³.

Между тем, оба жития были составлены не ранее второй половины XVII в. Имя Лазаря Муромского не упоминается в источниках XVI — первой половины XVII в., содержащих сведения о Муромском монастыре. В частности, в них нет известий о том, что Лазаревская церковь была сооружена над могилой основателя монастыря. Более того, в грамоте 1650 г., подтверждающей земельные владения монастыря, местный святой назван не Лазарем, а Афанасием⁵⁴. Отсюда можно сделать вывод, что в середине XVII в. не существовало местного почитания Лазаря, а следовательно, не могло существовать и его жития. На основании подробных описей монастыря, составленных в 1583, 1628—1629 и 1645 гг.⁵⁵, можно заключить, что в монастыре отсутствовали какие-либо местные записи о его основании и раннем периоде истории, которыми мог бы воспользоваться составитель жития во второй половине XVII в. Напомним также, что подложность известного Завещания Лазаря Муромского доказана С. Н. Валком⁵⁶. Житие Кирилла Челмогорского было составлено между 1674 и 1687 гг., анализ текста этого памятника привел К. Докучаева-Баскова к выводу, что описанные в нем события происходили не в XIV, а в первой половине XVI в.⁵⁷ И в этом случае трудно предположить, что в распоряжении составителя имелись ранние записи, так как после смерти Кирилла скит на горе Челме надолго запустел⁵⁸.

В агиографических сочинениях, относящихся к более раннему времени — XV—XVI вв., известия о чересполосном расселении чудского (весского) и славянского населения отсутствуют. В житии Кирилла Белозерского не упоминается о существовании поселений веси вблизи Кириллова монастыря в конце XIV в. В. В. Пименов объясняет этот факт слабой осведомленностью составителя жития Пахомия Логофета о жизни Кирилла. С подобным объяснением трудно согласиться, поскольку житие было написано спустя лишь несколько десятилетий после смерти Кирилла и одним из источников для него послужили рассказы монахов, лично знавших основателя монастыря⁵⁹. Отсутствуют сведения о весском населении и в житии Александра Ошевенского, основавшего в 1430-х годах монастырь на р. Чурьеге, на одной из не освоенных до того времени окраин Каргополя⁶⁰. Между тем, житие Александра было составлено около 1567 г. — на 100 с лишним лет раньше, чем жития Кирилла Челмогорского и Лазаря Муромского⁶¹.

Известия о длительном сохранении в восточном Прионежье изолированных в культурном отношении групп финно-угорского населения встречаются, таким образом, лишь в самых поздних агиографических сочине-

ниях и отсутствуют в ранних, имеющих значение наиболее важных источников для изучения событий XIV—XV вв. Очевидно, эти известия восходят к устным преданиям о чуди, а не к каким-либо оригинальным ранним источникам, впоследствии утраченным.

Внимание исследователей многократно привлекало сообщение Герберштейна о том, что жители Белозерской области «имеют особый язык, хотя ныне почти все говорят по-русски»⁶². Отсюда обычно делается вывод о билингвизме населения Белозерья, сохранявшего весский язык в XVI в. Однако, судя по актам XV—XVI вв., обитатели Белозерской округи носили в это время русские имена, и большинство названий деревень, относящихся к посессивному типу, также образовано от русских имен. Ю. И. Чайкина, исследовавшая лексику Белозерья по материалам письменных документов XIV—XVI вв., исключает возможность существования финноязычного населения на Шексне и Белом озере в этот период. По ее мнению, в сообщении Герберштейна имеется в виду население западной части Белозерья — бассейна Суды, Колпи и Андоги, где весская лексика, судя по актовому материалу, действительно оставалась употребительной в этот период, а древнерусский лексический пласт был слабо выражен⁶³.

Таким образом, сообщения о существовании обособленных групп финно-угорского населения на Севере в XII—XVI вв. или не вполне достоверны, или не относятся непосредственно к восточному Прионежью, и сделанное на археологическом материале наблюдение об отсутствии параллельного развития в восточном Прионежье в XI—XIII вв. двух самостоятельных культур — финно-угорской (весской) и славянской — не вступает в противоречие с данными письменных источников. Естественно, это наблюдение не следует абсолютизировать. В других областях Северной Руси взаимоотношения славянского и финно-угорского населения складывались иначе, и обособленное, раздельное существование разнотипных групп было достаточно распространенным явлением⁶⁴.

Так, на западном пограничье рассматриваемого ареала — на Суде и Ояти — финно-угорское население в меньшей степени ощутило славянское влияние. Систематизировав значительный материал, полученный за последние годы в результате раскопок на Суде, А. Н. Башенькин сделал заключение о непрерывном развитии здесь финно-угорской культуры на протяжении ряда столетий — с V—VI до XIII в.⁶⁵ На этой территории происходило в дальнейшем формирование вепсской народности, тогда как весь, обитавшая в долине Шексны и на побережье Белого озера, приняла участие в сложении русского населения Севера.

Хорошую возможность для проверки вывода о совместном расселении и смешении славян и веси в восточном Прионежье предоставляет одна из сводных карт, составленных Ю. И. Чайкиной (рис. 10). Это карта распространения некоторых лексем (таких, как мох — «моховое болото», нива — «подсека», остожье — «сенокосное угодье мерою в один стог сена»), позволяющая наметить территорию, наиболее плотно заселенную в древнерусское время выходцами из Новгородской земли⁶⁶. Данная территория охватывает побережье Белого озера и верхнее и среднее течение Шексны. При сопоставлении диалектной зоны перечисленных лексем с картой археологических памятников конца X—XIII в. выясняется, что почти все

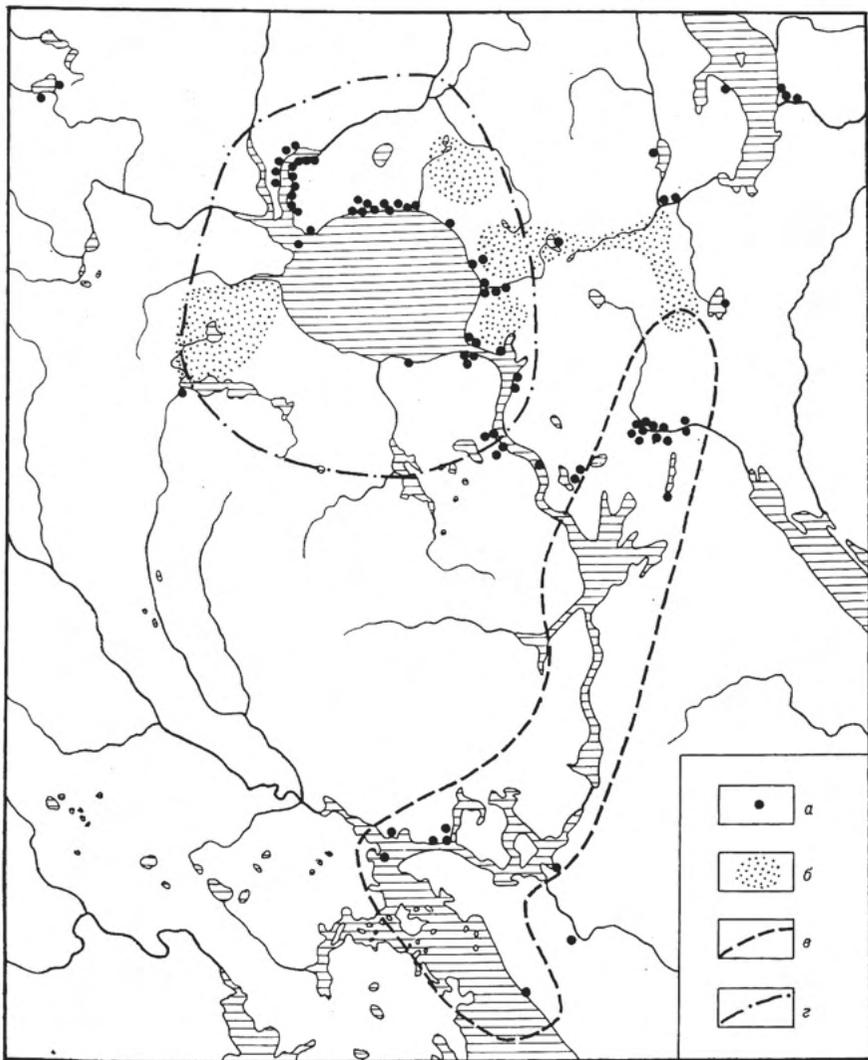

Рис. 10. Археологические памятники XI–XIII вв. и ареалы некоторых лексем (по Ю. И. Чайкиной)

а — археологические памятники XI–XIII вв.; б — ареал лексем мох — «моховое болото»; в — ареал лексем остьжье — «сенокосное угодье мерою в один стог сена»; г — ареал лексем нива — «подсека»

памятники центральной и южной части восточного Прионежья ложатся в пределы этой зоны (рис. 10). Отсюда следует, что население, оставившее эти памятники, несмотря на все отличия его культуры от общедревнерусской, говорило на древнерусском языке по крайней мере в заключительный период его существования.

- ¹ Системы расселения и изменения в заселенности восточного Прионежья во второй половине I — первой половине II тысячелетия подробно рассмотрены в специальных работах. См.: Макаров Н. А. Археологические данные о характере колонизации русского Севера в X–XIII вв. // СА. 1986. № 3. С. 60–71; Он же. Средневековые памятники Белозерской округи: Археологическая карта и комментарий // Проблемы изучения древнерусской культуры: Расселение и этнокультурные процессы на северо-востоке Руси. М., 1988. Ч. 1. С. 51–93; Он же. Восточное Прионежье в экономической системе Древнерусского государства // Социально-экономические проблемы эпохи средневековья по археологическим данным. М., 1987. С. 120–142; Он же. О некоторых комплексах середины–третьей четверти I тысячелетия н. э. в восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 23–31.
- ² Расчет производится путем умножения общего количества погребений в могильнике на среднюю продолжительность жизни и деления его на время функционирования могильника. При этом я исхожу из того, что средняя продолжительность жизни на севере Европы в средневековье составляла 30–40 лет. См.: Gräs-lund A.-S. Birka. Stockholm, 1980. V. 4: The Burial Customs. P. 82, 83; Donat P., Herbert U. Einwohnerzahlen und Siedlungsgrösse der Merovingierzeit // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1971. Bd 5:2. S. 234–261.
- ³ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 1984. № 4. С. 197–202, 210–212.
- ⁴ Третьяков П. Н. Костромские курганы // ИГАИМК. Л., 1931. Т. 10, вып. 6/7. С. 7–9, 36.
- ⁵ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 6; Кочуркина С. И., Ливневский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 5.
- ⁶ Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 125, 127; Она же. Новый памятник веси на р. Суде // Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг. М., 1970. С. 62; Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 6.
- ⁷ Рябинин Е. А. Владимирские курганы: Опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г. // СА. 1979. № 1. С. 230–243; Лапшин В. А. Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 103.
- ⁸ Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье... С. 6.
- ⁹ Мальм В. А. Курганный могильник близ Грехова ручья // Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37. С. 167; Дубов И. В. Сельское население Северо-Восточной Руси в IX–XII вв. // Материалы к этнической истории европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 39–42.
- ¹⁰ Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 13, 14; Рябинин Е. А. Владимирские курганы... С. 230–242; Он же. Славяно-финно-угрские взаимоотношения в Вотской земле: По материалам работ Ижорской экспедиции // КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 28–33.
- ¹¹ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. Л., 1971. С. 29, 30; Истомина Т. В. Кедвавомский могильник // Материалы к этнической истории европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 121.
- ¹² Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 123, 189, 190.
- ¹³ Макаров Н. А. Средневековые памятники Белозерской округи... С. 63; Он же. Восточное Прионежье... С. 122–124.
- ¹⁴ Кучин И. Исследование рыболовства на Белоозере, оз. Чарондском, или Воже, и других озерах Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии // Вестник рыбопромышленности. 1902. № 6–8. С. 402.
- ¹⁵ Калитинская волость Каргопольского уезда. СПб., 1901. С. 133–135.
- ¹⁶ Ошибкина С. В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. М., 1975. Вып. 142. С. 23.
- ¹⁷ Голубева Л. А. Веси и славяне... С. 189–191; Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской и Архангельской областях в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. № 9705. Л. 77, 81.
- ¹⁸ Кучин И. Исследование рыболовства... С. 453.

- ¹⁹ Яковлев В. В. Зимние рыбные промыслы на Белом озере в XVII столетии. СПб., 1901. С. 64, 65.
- ²⁰ Андреева Е. Г. Фауна поселения Крутик по костным остаткам из раскопок Белоозерской экспедиции // Бюл. МОИП. Отд. биологии. М., 1966. Т. 82, вып. 5. С. 81, 82.
- ²¹ Голубева Л. А. Везь, скандинавы и славяне в X–XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 137.
- ²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 192.
- ²³ Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА. М.; Л., 1941. № 6. С. 150; Голубева Л. А. Везь и славяне... С. 81.
- ²⁴ О существовании на Руси в X–XIII вв. большой семьи как родственного коллектива, составлявшего определенное юридическое и политическое единство, см.: Шапов Я. Н. Большая и малая семьи Руси в VIII–XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 186–189.
- ²⁵ Никитин А. В. Археологический отчет о раскопках 1967 г. в Вологодской обл. // Архив ИА. Р-1. № 3530. Л. 17, 18; Гухтина Н. В. Об этническом составе... С. 130, 131; Башенькин А. Н. Исследования в юго-западном Белозерье // АО 1983 г. М., 1985. С. 6.
- ²⁶ Недошивина Н. Г. Предметы вооружения из ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 59, 60.
- ²⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Топоры, копья, сулицы // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 112–115, 122–125. № 213, 223, 224, 264–269, 272, 402, 403, 451; Комаров К. И. Отчет о раскопках курганного могильника I у д. Плешково Кимрского р-на Калининской обл. в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. № 9578. Л. 42–46. Рис. 62, 1, 2.
- ²⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 102–107, 110–115, 120–123. № 1–3, 32, 33, 94, 168, 178–182, 192, 220, 246–248, 389–395, 410–418.
- ²⁹ Там же. С. 122, 123. № 407–409.
- ³⁰ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930. Вып. 1. С. 177.
- ³¹ Там же. С. 17, 211.
- ³² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 100.
- ³³ Макаров Н. А. Новые находки скандинавских вещей в Белоозерской округе // X Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 1986. Ч. 1. С. 180–182.
- ³⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 175.
- ³⁵ Как свидетельство этого следует, очевидно, рассматривать находки 18 свинцовых пломб в ближайших окрестностях Белоозера в 1983 г. Очевидно, пломбы использовались для опечатывания меловых ценностей, поступавших на Русь из окраинных северных областей через Белоозеро. Подробнее см.: Макаров Н. А., Чернецов А. В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988.
- ³⁶ Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I – начала II тысячелетия н. э. // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 138–146.
- ³⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 62–65.
- ³⁸ Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье... С. 11, 14, 15; Голубева Л. А. Археологические памятники вези на Белом озере // СА. 1962. № 3. С. 69–71.
- ³⁹ Голубева Л. А. Отчет о работе Белоозерской археологической экспедиции 1974 г. // Архив ИА. Р-1. № 5896а. Альбом. Л. 25. Рис. 29, 2; Голубева Л. А., Макаров Н. А. Отчет Белоозерской экспедиции ИА о раскопках поселения Крутик в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 9926а. Альбом. Л. 24. Рис. 45, 5; Макаров Н. А. Лепная керамика восточного Прионежья IX–XII вв. // КСИА. М., 1990. Вып. 196.
- ⁴⁰ Макаров Н. А. Средневековые памятники Белоозерской округи...
- ⁴¹ Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери: Постановка вопроса // СА. 1980. № 2. С. 67–71.
- ⁴² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 22.
- ⁴³ Голубева Л. А. Везь и славяне... С. 6.
- ⁴⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 236, 237.
- ⁴⁵ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 9; ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 165.
- ⁴⁶ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974. С. 12.
- ⁴⁷ Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 169–181.
- ⁴⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1151–1153). М., 1971. С. 31–34.
- ⁴⁹ Голубева Л. А. Везь и славяне... С. 7–9.
- ⁵⁰ Талицкий М. В. К этногенезу коми // КСИИМК. М., 1941. Вып. 9. С. 47–54; Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 5.
- ⁵¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 59–68.
- ⁵² Докучаев-Басков К. Подвижники и монастыри Крайнего Севера: Челменский пустынный преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь // Христианское чтение. СПб., 1889. № 3/4. С. 479.
- ⁵³ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезис культуры. М., 1965. С. 186–188.
- ⁵⁴ Докучаев-Басков К. Подвижники и монастыри Крайнего Севера: Муромский монастырь // Христианское чтение. СПб., 1886. № 9/10. С. 513–518; Дело о переводе из Палеостровского и других монастырей старцев в Муромский Успенский монастырь // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 3. С. 62.
- ⁵⁵ Докучаев-Басков К. Подвижники и монастыри...: Муромский монастырь. С. 531.
- ⁵⁶ Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // ВИД. М.; Л., 1937. С. 301–303.
- ⁵⁷ Докучаев-Басков К. Подвижники и монастыри... Челменский пустынный... С. 470–477.
- ⁵⁸ Там же. С. 489, 490; Историко-статистическое и археологическое описание Челмогорской мужской пустыни. М., 1896. С. 14.
- ⁵⁹ Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908. С. 92.
- ⁶⁰ Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 88–110.
- ⁶¹ Там же. С. 88, 89.
- ⁶² Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 123.
- ⁶³ Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 141–148.
- ⁶⁴ Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 79, 80; Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли: Некоторые итоги новых исследований // СА. 1982. № 3. С. 48–57.
- ⁶⁵ Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье... С. 14–17.
- ⁶⁶ Чайкина Ю. И. Вопросы истории... С. 137. Карта 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Могильник Тихманга

Находится на северной окраине д. Тихманга, на левом берегу одноименной реки, в 5 км от ее устья. Располагается на краю коренного берега, вплотную примыкающего к старице реки. В 1981 г. при разработке карьера обнаружено три погребения и собраны вещи. Место находки обследовано О. В. Овсянниковым¹.

Погребение 1. Находилось в неглубокой яме, ориентировано на юг. Судя по рассказу находчика, инвентарь включал два фрагментированных проволоочных височных кольца, серповидную гривну, две подковообразные фибулы с обвязанными концами, игольник с арочным щитком, монету с отверстием — денарий Этельреда II (Helmet type — 1003—1009 гг.) и 10 стеклянных зонных бус.

Погребение 2. Находилось в неглубокой яме, ориентировка южная. По данным находчика, погребение содержало височные кольца (одно лунничное, два ромбоцитковых, два браслетообразных, четыре проволоочных перстнеобразных и среднего диаметра), подвески — плоского петушка и полууточку, две ф-образные и одну трубчатую пронизки, пять привесок и бубенчиков, три перстня с расширенной средней частью, ленточный браслет, кольцевидную фибулу, поясное кольцо, рамку от пряжки, колечко, свернутое из серебряной пластинки, пронизки-спиральки и обломок ножа.

Погребение 3. Находилось в неглубокой яме, ориентировано на восток с небольшим отклонением к югу. Вещи не обнаружены.

Могильник Горка I (табл. I, 4)

Находится на левом берегу р. Тихманга, в 2,5 км от места впадения ее в оз. Лача и в 0,4 км к востоку от д. Горка. Располагается на дюнном всхолмлении высотой 3—3,5 м над уровнем воды, в 140 м от реки. В 25 м к югу от могильника находится селище Горка II площадью около 5 тыс. кв. м, а в 150 м к западу — селище Горка III площадью около 1 тыс. кв. м. На первом селище найдены лепная и гончарная керамика, перстень с растительным орнаментом и глазчатая бусина, позволяющие датировать его XI—XIII вв., на втором — лепная керамика X—XII вв. Могильник обнаружен и полностью исследован в 1982—1983 гг. Вскрыта площадь 596 кв. м².

Погребение 1. Повреждено распашкой, перемешанные кости верхней части скелета залегали в пахотном слое. На глубине 40 см от современной поверхности расчищены неповрежденные берцовые кости. Судя по их положению, костяк лежал на спине, черепом на запад. Рядом с костями найден обломок узкоконечного браслета (табл. XI, 20).

Погребение 2. Находилось на глубине 55 см от поверхности, в яме (195×80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением на север, составляющим 2°. Правая рука вытянута, левая — немного согнута, кисть ее лежала в области таза. Костяк принадлежал мужчине 20—30 лет. Вещей нет.

Погребение 3. Расчищено на глубине 30 см от поверхности. Плохо сохранившиеся кости принадлежали ребенку одного года — двух лет. Ориентировка, по-видимому, западная. Вещей нет.

Погребение 4. Находилось на глубине 40 см от поверхности, в могильной яме (200×65 см), частично задето распашкой. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на запад с небольшим отклонением к северу. Руки согнуты, кисть правой положена на грудь, кисть левой — на тазе. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. Вещей нет.

Погребение 5. Залегало на глубине 45 см от поверхности, в могильной яме (260×85 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 15° к северу. Руки согнуты, кисти — на тазовых костях. Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста. Вещей нет.

Погребение 6. Расчищено на глубине 40 см от поверхности, в яме (135×55 см), потревожено распашкой. Сильно истлевший костяк лежал в вытянутом положении, черепом на запад с небольшим отклонением к северу. Левая рука вытянута. Костяк принадлежал ребенку двух — четырех лет. Вещей нет.

Погребение 7. Находилось на глубине 40 см от поверхности, в яме (190×70 см), задето распашкой. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с небольшим (1—2°) отклонением к северу. Руки были немного согнуты, кисти их покоились на тазе. Костяк принадлежал подростку 15—18 лет. У тазовой кости слева найдена железная пряжка (табл. XII, 5).

Погребение 8. Повреждено распашкой, разрозненные кости верхней части скелета встречены в пахотном слое. На глубине 25—30 см от поверхности расчищены неповрежденные берцовые кости и кости стоп. Судя по их положению, костяк лежал на спине, черепом на запад с отклонением к северу. Вещей нет.

Погребение 9. Расчищено на глубине 40 см от поверхности, в яме (210×100 см), потревожено распашкой. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на запад с отклонением 15° к северу. Правая рука была согнута под прямым углом, кости левой сдвинуты. Скелет принадлежал женщине 30—35 лет. На черепе расчищены остатки очелья из шерстяной ткани, украшенного бронзовыми спиральными пронизками.

Погребение 10. Находилось на глубине 35 см от поверхности, в яме овальной формы (100×40 см), повреждено распашкой. Костяк ребенка одного года — двух лет лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 20° к северу. Правая рука была согнута под прямым углом, кости левой отсутствовали. Вещей нет.

Погребение 11. Расчищено на глубине 50 см от поверхности, в могильной яме (205×65 см). Задетый распашкой костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 15° к северу. Руки согнуты, кисть правой лежала у головки бедренной кости левой ноги, кисть левой — справа у таза. Костяк принадлежал мужчине старческого возраста. Вещей нет.

Погребение 12. Представляло собой скопление разрозненных костей, залежавших в пахотном слое на глубине 10–20 см от поверхности. Судя по обломкам черепа, костяк принадлежал человеку зрелого возраста. Среди костей найден клин от топора.

Погребение 13. Расчищено на глубине 65 см от поверхности, в яме (215×80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 32° к северу. Кисти согнутых рук покоились на крестце. Скелет принадлежал женщине 25–35 лет. На черепе сохранились остатки очелья из шерстяной ткани, украшенного спиральными пронизками (рис. 3).

Погребение 14. Расчищено на глубине 20–25 см, верхняя часть костяка почти полностью уничтожена распашкой. Рядом с бедренными костями прослежен тлен от гроба. Костяк мужчины зрелого возраста лежал на спине, черепом на северо-запад. Левая рука была согнута, кисть ее покоилась в области живота. Вещей нет.

Погребение 15. Представляло собой скопление костей, залежавших в пахотном слое на глубине 20–25 см от поверхности. Кости принадлежали женщине зрелого возраста (?). Рядом с ними найдены спиральная пронизка и фрагментированная косорешетчатая подвеска.

Погребение 16. Представляло собой скопление разрозненных костей, залежавших под дерном на глубине 25–30 см от поверхности. Кости принадлежали женщине (?). Среди костей обнаружены подковообразная фибула с обвязанными концами (табл. XI, 3), две ромбовидные подвески (табл. XI, 8, 9), дужка височного кольца, фрагмент косорешетчатой подвески (табл. XI, 4) и три пронизки-спиральки.

Погребение 17. Находилось на глубине 35 см от поверхности, в могильной яме (180×75 см). Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на северо-запад. Руки были согнуты, локтевые кости покоились на животе. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. На черепе и около него встречены многочисленные спиральные пронизки, украшавшие очелье, а также мелкие пронизки из свинцово-оловянистого сплава. Справа у виска найдено лунничное височное кольцо (табл. XI, 10), слева у виска — косорешетчатая подвеска и бубенчик (табл. XI, 21). Фрагмент еще одной подвески и бубенчик лежали за головой (табл. XI, 22). В области шеи и груди обнаружены полая подвеска-конек, бубенчик и пронизки из свинцово-оловянистого сплава (табл. XI, 13, 23), у кисти левой руки — пластинчатый перстень (табл. XI, 15).

Погребение 18. Расчищено на глубине 40 см от поверхности, в могильной яме (120×50 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 35° к северу. Руки были согнуты, кисть правой лежала на груди, кисть левой — на животе. Скелет принадлежал ребенку четырех–восьми лет. На среднем пальце левой руки расчищен перстень из свинцово-оловянистого сплава (табл. XI, 19).

Погребение 19. Находилось на глубине 40 см от поверхности, в могильной яме (160×70 см). Костяк, потревоженный распашкой, лежал на спине вытянуто, черепом на северо-запад. Руки были согнуты, кисти лежали на тазовых костях. Скелет принадлежал ребенку в возрасте 1,5–2,5 лет. Вещей нет.

Погребение 20. Расчищено на глубине 35 см от поверхности, в яме (175×80 см), повреждено распашкой. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на северо-запад. Руки были слегка согнуты, кисти покоились на тазе. Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста. Вещей нет.

Погребение 21. Нарушено распашкой, часть костей залежала в беспорядке в пахотном слое. На глубине 30 см от поверхности в яме (200×80 см) расчищен потревоженный костяк, лежавший на спине в вытянутом положении, черепом на северо-запад. Он принадлежал мужчине зрелого возраста. Вещей нет.

Погребение 22. Находилось на глубине 40 см от поверхности, в яме (130×65 см). Костяк лежал на спине, с наклоном на правый бок и слегка подогнутыми ногами, черепом на северо-запад. Правая рука была согнута немного, левая — сильнее, кисть ее лежала на животе. Костяк принадлежал ребенку четырех–семи лет. У черепа найдено девять стеклянных пронизок, у плеча слева — фрагмент бляшки из свинцово-оловянистого сплава, у локтя слева — коническая привеска и два костылька от цепочки (табл. XI, 17, 18), у бедра справа — пластинчатый цепедержатель (табл. XI, 12).

Погребение 23. Расчищено на глубине 35 см от поверхности, в яме (155×50 см), сильно повреждено распашкой. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка северо-западная. Руки вытянуты, кисти их покоились на бедренных костях. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. На груди справа найдена полая подвеска-баранчик (табл. XI, 11), в пахотном слое рядом с погребением — синяя стеклянная бусина (табл. XI, 16) и две пронизки-спиральки.

Погребение 24. Расчищено в той же могильной яме с краю, справа от погребения 23. Костяк ребенка одного года–двух лет лежал в вытянутом положении, черепом на северо-запад. Вещей нет.

Погребение 25. Представляло собой скопление костей, залежавших в беспорядке под дерном на глубине 20–25 см. Черепные кости принадлежали мужчине зрелого возраста. Вещей нет.

Погребение 26. Представляло собой скопление разрозненных костей, залежавших в пахотном слое на глубине 25–30 см. Кости принадлежали ребенку пяти–шести лет. Вещей нет.

Погребение 27. Находилось на глубине 35–40 см от поверхности, в яме овальной формы (240×80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 12° к северу. Руки были вытянуты. Скелет принадлежал мужчине 40–50 лет. Вещей нет.

Погребение 28. Расчищено на глубине 30–35 см, в яме овальной формы (190×85 см), сильно повреждено распашкой. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на юг. Он принадлежал женщине зрелого возраста (?). Вещей нет.

Погребение 29. Находилось на глубине 35 см от поверхности, в мо-

гильной яме (180×75 см). Костяк лежал в вытянутом положении на спине, черепом на северо-запад. Руки согнуты, кисть правой покоилась на груди, кисть левой — на животе. Скелет принадлежал женщине 30—40 лет. Вещей нет.

Погребение 30. Залегало на глубине 35 см от поверхности, в яме (190×80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка северо-западная. Правая рука была вытянута, левая — слегка согнута. Костяк принадлежал женщине 20—30 лет. Вещей нет.

Погребение 31. Представляло собой скопление разрозненных костей, залегавших под дерном на глубине 25—30 см. Кости принадлежали человеку возмужалого возраста (?). Среди костей обнаружены два лунничных височных кольца (табл. XI, 1, 2), фрагмент овальноконечного браслета (табл. XI, 6) и две косорешетчатые подвески (табл. XI, 5, 7).

Погребение 32. Представляло собой скопление костей, лежавших в беспорядке в пахотном слое на глубине 20 см от поверхности, здесь же найден фрагмент ножа (?). Кости принадлежали мужчине зрелого возраста (?).

Погребение 33. Представляло собой скопление костей, залегавших в пахотном слое на глубине 20—35 см. Кости принадлежали человеку зрелого возраста. Вещей нет.

Погребение 34. Представляло собой скопление костей ребенка в возрасте от 8 до 16 месяцев, залегавшее под дерном на глубине 20—25 см. Вещей нет.

Жертвенная яма. Выявлена на северо-восточной периферии могильника. В плане имеет овальную форму (210×155 см, глубина от края до дна 70 см), заполнение — жирная гумусированная супесь. В верхней части заполнения, на уровне края ямы, расчищен завал камней и шлаков, здесь же найдено два замка (табл. XII, 10, 11), железная пластина (табл. XII, 6), клин от топора, пять перержавевших кусков железа и четыре бронзовые оковки (табл. XII, 7—9, 12). Под камнями находились скелеты пяти собак, лежавших в три яруса, кости трех уток, стрепета и птицы из семейства куриных, чешуя и кости рыб. Среди собак одна взрослая, две в возрасте до двух лет и два щенка в возрасте до восьми месяцев.

Кроме того, на площадке могильника в пахотном слое встречены отдельные разрозненные кости, фрагмент косорешетчатой подвески, ключлопаточка (табл. XII, 2), нож (табл. XII, 3), плоская подвеска-уточка (табл. XII, 1), проволочное височное кольцо (табл. XII, 4). Находки концентрируются в основном между погребениями 2 и 4, где можно предполагать наличие двух полностью разрушенных захоронений.

Могильник Попадьино

Располагается на правом берегу р. Ухта, в 4 км от ее устья, между деревнями Попадьино и Низ, занимает участок береговой террасы высотой около 4 м, вплотную примыкающий к реке. Обнаружен автором в 1979 г. В 1983 г. вскрыта вся доступная для исследования площадь — около 80 кв. м (табл. II, 4). Установлено, что погребения прорезают культурный слой с лепной керамикой X—XI вв. Южнее раскопа, на огородах, собрано несколько фрагментов круговой керамики XIII в.³

Погребение 1. Представляло собой скопление разрозненных костей ребенка 11—12 лет, залегавших в пахотном слое и в заполнении поздней ямы. Вещи не обнаружены. У края ямы-перекопа лежало три крупных камня, возможно, отмечавших место погребения.

Погребение 2. Расчищено на глубине 30—40 см от современной поверхности в яме (260×65 см). По-видимому, место погребения было отмечено крупным камнем, встреченным под дерном. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 20° на юг. Он находился в дощатом гробу прямоугольной формы шириной 35 см и длиной не менее 200 см. Костяк принадлежал женщине (?) зрелого возраста. Вещей нет.

Погребение 3. Расчищено на глубине 25 см от поверхности в яме (215×50 см). Костяк находился в прямоугольном дощатом гробу (190×40 см). Он лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с отклонением 20° к югу. Руки были согнуты, кисти покоились на тазовых костях. Скелет принадлежал подростку 15—18 лет. Между берцовыми костями встречена бронзовая пластина, в ногах — кости рыбы.

Могильник Попово (табл. II, 3)

Находится на правом берегу р. Кинема, на небольшом дюнном всхолмлении, высота которого над уровнем воды составляет 4 м. В 1924 г. при любительских раскопках Г. П. Сергиевского на северном краю всхолмления на глубине 30 см обнаружено скопление разрозненных костей человека, а на южном — разрозненные кости одного (?) костяка, три витых браслета, обломок топора, медная пряжка, подвеска-садняца, спиральный браслет и железная дужка от котелка⁴. В 1978—1979 гг. автор вскрыл здесь площадь около 300 кв. м и полностью исследовал средневековый могильник. При этом было установлено, что средневековые погребения прорезают культурный слой стоянки позднекаргопольской культуры и могильник эпохи мезолита. Раскопки этих памятников были продолжены С. В. Ошибкиной⁵.

Погребение 1. Представляло собой скопление костей взрослого человека, залегавшее на глубине 30—70 см от современной поверхности. Анатомический порядок нарушен. Среди костей найдены подковообразная фибула (табл. XIII, 4), проволочное височное кольцо (табл. XIII, 2), подвеска-крестик (табл. XIII, 9), две конические привески, два грушевидных бубенчика (табл. XIII, 17, 18), усатый перстень (табл. XIII, 14), спиральная пронизка, фрагмент костяной расчески (табл. XIII, 24), костяная поделка (табл. XIII, 29) и бронзовая накладка.

Погребение 2. Представляло собой компактное скопление костей, залегавшее на глубине 45—60 см от современной поверхности. Сверху находился череп, стоявший на затылочной части и обращенный глазницами на север. Кости принадлежали взрослому человеку. Среди костей обнаружены две спиральные пронизки (табл. XIII, 7) и подвеска-крестик (табл. XIII, 12).

Погребение 3. Представляло собой скопление перемешанных костей на глубине 10—30 см от современной поверхности. Кости принадлежали

мужчине зрелого возраста. Здесь же найдены костяная рукоять, железное кресало, фрагмент костяной расчески и коническая привеска.

Погребение 4. Представляло собой череп взрослого человека, залегающий на глубине 40 см от современной поверхности. Рядом с черепом найдены подвеска-крестик (табл. XIII, 11), лунничное височное кольцо (табл. XIII, 3) и грушевидный бубенчик (табл. XIII, 20).

Погребение 5. Расчищено на глубине 40–47 см от современной поверхности, нижняя часть костяка нарушена. Костяк лежал на спине, ориентировка западная, отклонение на юг составляло 32°. Ноги подогнуты вправо, руки согнуты, кисть правой покоилась у таза, кисть левой — в области живота. Костяк принадлежал женщине 30–35 лет. Вещей нет.

Погребение 6. Расчищено на глубине 40–45 см от современной поверхности. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на запад с отклонением 10° к северу. Правая рука вытянута, левая согнута, кисть ее покоилась на тазовой кости. Кости ног немного нарушены. Погребение принадлежало ребенку семи–девяти лет. На черепе справа находилось височное кольцо (табл. XIII, 1), в области шеи прослежены остатки пуговицы из свинцово-оловянистого сплава, на груди справа лежал ржавевший железный предмет, на фалангу среднего пальца левой руки был надет серебряный перстень (табл. XIII, 13).

Погребения 7–8. Представляли собой одно скопление костей, залегавшее в гумусированном слое на глубине 10–20 см от современной поверхности. Анатомический порядок костей нарушен. Кости принадлежали двум погребенным — мужчине возмужалого возраста и подростку 14–18 лет. Рядом с костями обнаружены костяное навершие, железная коса (по-видимому, позднесредневековая) и железное ушко котла.

Погребение 9. Представляло собой скопление разрозненных костей, залегавшее в перекопе на глубине 30–70 см от современной поверхности. Кости принадлежали мужчине зрелого возраста. Вещей нет.

Погребения 10–12. Представляли собой одно скопление костей, занимавшее значительную площадь и залегавшее на глубине 10–40 см. Кости принадлежали трем погребенным: женщине в возрасте до 20 лет, человеку 35–50 лет и человеку старческого возраста (пол в обоих случаях неопределим). Среди костей найдены подковообразная фибула (табл. XIII, 8), кольцевидная фибула (табл. XIII, 14), четыре грушевидных бубенчика (табл. XIII, 20), бронзовая бусина (табл. XIII, 9), бронзовая накладка, нож (табл. XIII, 26) и костяной предмет (табл. XIII, 23).

Погребение 13. Расчищено на глубине 30–40 см от современной поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка южная с отклонением 20° к западу. Руки слегка согнуты, кисти их покоились в области таза. Погребение принадлежало ребенку четырех–пяти лет. У левого плеча обнаружен топор (табл. IX, 7), между бедренных костей — нож, в ногах справа — лепной сосуд (табл. X, 23).

Кроме того, на площадке могильника встречено значительное количество разрозненных костей от разрушенных погребений, среди которых найдены денарий-подвеска (Отгон и Адельгейда, 991–995 гг.), подковообразная фибула, плоская подвеска-уточка, два витых браслета, обломки

пластинчатого перстня, спиральная пронизка, четыре бубенчика и железная прямоугольная рамка от пряжки, а также около двух десятков мелких фрагментов лепной керамики.

Могильник Баркановская

Находится на левом берегу р. Тордокса, в 4 км от ее устья, на северной окраине д. Баркановская. Занимает небольшое всхолмление высотой около 3 м над уровнем воды, плотно застроенное домами. В 1950–1970-х годах при земляных работах здесь находили человеческие кости. В разведочной траншее, заложенной автором в 1985 г., на глубине 10–50 см от современной поверхности обнаружено скопление костей взрослого человека. Могильник перекрыт селищем XIV–XV вв.⁶

Могильник Погостище

Находится на северной окраине д. Погостище, на краю террасы коренного берега высотой 2–4 м, в 100–200 м от р. Модлона. Два погребения обнаружены в 1959 г. во время случайных земляных работ, в том же году одно погребение было исследовано А. Я. Брюсовым. В 1960 г. Н. В. Тухтина заложила здесь девять разведочных траншей и обнаружила еще два погребения⁷. На участке к северу от этих траншей автором вскрыта в 1978 г. площадь 32 кв. м и исследовано два погребения⁸.

Раскопки 1959 г. Погребение 1. Расчищено на глубине 45 см от современной поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на восток. Он находился в гробу, скрепленном шестью железными гвоздями. Над костяком обнаружен железный топор. В области черепа найдены змеевик и семь образков с изображением святого воина, в области груди и ниже — круглая бронзовая подвеска, косорешетчатая подвеска, полая подвеска-уточка, плоская подвеска-конек, миниатюрная костяная подвеска-конек, цепедержатель, четыре конические подвески, восемь ф-образных пронизок, семь металлических бусин, проволочное и поясное кольца, 18 спиральных пронизок и 243 бронзовые цилиндрические пронизки. На правой руке — бронзовый браслет, у пояса — нож.

Раскопки 1960 г. Погребение 1. Находилось на глубине 70 см от современной поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка юго-западная. У черепа найдены два трехбусинных и 10 проволочных перстнеобразных височных колец.

Погребение 2. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением на север, равным 38°. Руки вытянуты. Нижняя часть костяка разрушена перекопом. В погребении найдены два проволочных височных кольца и около 20 стеклянных бус. На тазовых костях лежал топор (табл. IX, 4), чуть ниже — подковообразная фибула со слитыми концами и фрагментированная цепочка, к которой были прикреплены две плоские подвески-уточка и плоская подвеска-конек. Рядом находился нож.

Кроме того, на площадке могильника найдены наконечник стрелы, подковообразная фибула со слитыми концами, коническая подвеска, бронзовые бусы и цилиндрическая пронизка.

Раскопки 1978 г. Погребение 1. Расчищено на глубине 15 см от уровня древнего горизонта в яме (170×80 см). Костяк лежал на спине в

вытянутом положении, ориентировка юго-восточная. Руки вытянуты вдоль тела (табл. XIV). На месте сгнившего черепа найдены железная гривна (табл. XIV, 8), 66 стеклянных и каменных бус и перстнеобразное проволочное кольцо (табл. XIV, 9). В области груди лежали две подковообразные и одна кольцевидная фибулы (табл. XIV, 1–3), в области живота слева — бронзовые спирали, надетые на шерстяной шнурок с бронзовым грушевидным бубенчиком на конце (табл. XIV, 10, 12). Рядом находился железный нож (табл. XIV, 7). На правой руке расчищены два браслета (табл. XIV, 5) и перстень (табл. XIV, 6), на левой — один браслет (табл. XIV, 4). У левого плеча обнаружен топор с тремя клиньями (табл. IX, 3).

Погребение 2. Представляло собой яму прямоугольной формы, ориентированную по оси северо-восток—юго-запад (185×100 см, глубина 25 см). На дне ямы прослежено пятно темно-серого гумусированного тлена. В яме найдены перержавевший железный предмет и три топора (табл. IX, 1, 2, 5), лежавшие в разных направлениях, а также камни. Весьма вероятно, что это остатки особого ритуального комплекса.

Курганная группа Никольское III (Болтинская, Кемский некрополь)

Находится на левом берегу р. Кема, на мысу при впадении в Кему р. Выдра, возвышающемся над водой на 2–2,5 м, в 5 км к юго-западу от д. Никольское. Впервые упомянута в сводке И. С. Романцева⁹. В 1920-х годах несколько погребений было разрушено карьером, после чего в 1927 г. М. Е. Арсакова исследовала здесь пять насыпей¹⁰. При обследовании в 1981 г. зафиксированы 43 целые и разрушенные насыпи. В 1981–1982 и 1984–1985 гг. 37 курганов исследовано автором, рядом с насыпями вскрыта площадь около 900 кв. м (табл. IV)¹¹. В 200 м к юго-западу от могильника на левом берегу Кемы находится селище Никольское IX площадью около 1500 кв. м, которое по находкам лепной и гончарной керамики может быть датировано XI в. Второе селище (Никольское XI) находится на противоположной, правой, стороне Кемы, а третье (Никольское XII) — на левом берегу, в 400 м выше по течению, на месте бывшей д. Болтинская. Оба памятника сильно разрушены и могут быть датированы в широких хронологических рамках X–XII вв.

Раскопки 1927 г. Курган 1. Высота 0,35 м, диаметр 8 м, вокруг основания — ровик с двумя перемычками. На уровне древнего горизонта под насыпью — скопление кальцинированных костей человека. Костяк находился в материковой яме (250×110 см и 55 см (?)). В заполнении ямы встречено четыре гвоздя от гроба. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка западная. У бедра справа найден железный нож.

Курган 2. Высота 0,45 м, диаметр 9,4 м, вокруг насыпи — ровик с перемычками. Погребение находилось в материковой яме (190×80 см, глубина 80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная. У правого бедра — широколезвийная железная секира (табл. VIII, 7), у правой локтевой кости — железный нож, на груди — три монеты.

Курган 3. Высота 1,7 м, диаметр 12 м, вокруг основания — ровик с перемычками. Погребение находилось в материковой яме (200×800 см,

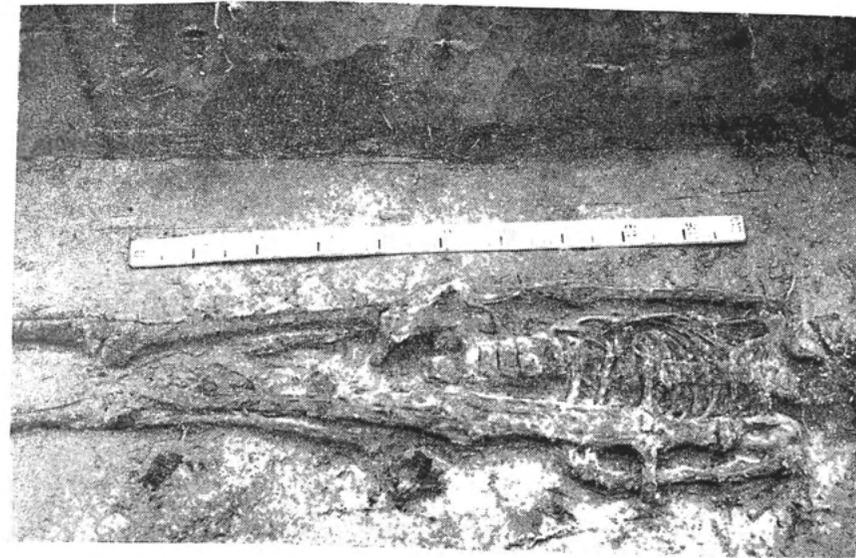

Рис. 11. Никольское III. Курган 1, погребение 1
На левой половине костяка расчищен меч

глубина 100 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная. Кисти рук покоились на тазе. На нижней челюсти лежала монета, у бедра справа — железное копьё, завернутое в бересту, в ногах справа — топор.

Курган 4. Высота 0,5 м, диаметр 6 м, вокруг кургана — ровик с двумя перемычками. Под насыпью — материковая яма (240×75 см, глубина 55 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Кисти рук — на тазе. Прослежен тлен от гроба, в головах и ногах найдено пять железных гвоздей. У левой локтевой кости найден железный нож, у правого бедра — железный топор, в ногах справа — круговой сосуд (табл. X, 14) и монета. Еще четыре монеты и мелкие бронзовые пуговицы найдены на груди.

Курган 5. Высота 0,3 м, диаметр 6 м, вокруг насыпи — ровик с перемычками. Под насыпью — могильная яма (250×130 см). Следы костяка не обнаружены.

Из числа монет, найденных в 1927 г., определены две: Утрехт, епископ Вильгельм, 1054–1076 гг.; Фризия, граф Бруно III, 1038–1057 гг. Установить, из какого кургана происходят эти монеты, нельзя.

Раскопки 1981–1984 гг. Курган 1. Высота 0,8 м, диаметр 6 м. К западу от кургана зафиксирована яма, откуда брали грунт для насыпи. Погребение 1 (табл. VI, VI; рис. 11) находилось в материковой яме (260×95 см, глубина 100 см). Костяк лежал на спине, черепом на запад. Правая рука вытянута, левая — согнута, кисть — на груди. Костяк принадлежал мужчине 35–45 лет. На левой половине костяка ле-

жал железный меч (табл. VII, 1), рукоять его находилась на груди, а конец клинка — около левого колена. На среднем пальце левой руки — серебряный перстень, у правого бедра — железный нож, в ногах — лепной горшок (табл. X, 9).

Курган 2. Высота до 0,5 м, диаметр 6,7 м, поврежден свежей ямой. К западу, северу и югу от насыпи прослежены ямы, откуда брали песок для сооружения кургана. Погребенный дерн в южной части основания насыпи прокален. Погребение 1 находилось в насыпи, оно полностью разрушено перекопом. Перемешанные кости принадлежали мужчине 17—20 лет. Погребение 2 (табл. VI, V) находилось в материковой яме (310×100 см, глубина до 80 см). В заполнении, в головах, в ногах и у таза найдено 11 железных гвоздей. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с отклонением 12° к югу. Руки согнуты, кисти — на тазе. Костяк принадлежал мужчине 25—30 лет. Между зубами расчищен фрагмент западноевропейской монеты, под челюстью — стеклянная бусина, у локтевой кости справа — фрагмент костяного гребня в кожаном футляре, у колена справа — железный топор (табл. VIII, 14), под пяточной костью левой ноги — монета (Фризия, Докком, граф Бруно III, 1038—1057 гг.), в ногах — круговой горшок (табл. X, 7).

Курган 3. Высота до 0,4 м, диаметр 6,5 м, сильно разрушен перекопом. Погребение 1 находилось в материковой яме (350×100 см, глубина 100 см). Яма ориентирована в направлении запад—юго-запад—восток—северо-восток. В заполнении — перемешанные кости мужчины 35—40 лет и 12 гвоздей. Рядом с могильной ямой расчищена яма глубиной 70 см, на дне которой находилось кострище (140×80 см) с крупными головнями.

Курган 4. Высота 0,7 м, диаметр 9 м, поврежден старой грабительской ямой. Рядом с курганом с запада, севера и северо-востока выявлены ямы, откуда брали грунт для насыпи. Погребение 1 находилось в материковой яме (250×90 см, глубина 80 см), вырытой в центральной части площадки. На дне ямы в западной части — два гвоздя от гроба. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с отклонением 9° к югу. Руки слегка согнуты, кисти — на тазовых костях. Погребение принадлежало мужчине 45—55 лет. У таза слева — фрагмент костяного гребня (табл. XV, 11) и две монеты (Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059—1071 гг. или граф Герман, 1059—1086 гг.; Цоннинген, епископ Вильгельм де Понт, 1054—1076 гг.). У бедра слева — железный нож с костяной рукоятью, у левого колена — монета (Фризия, Докком, граф Эгберт II, 1068—1090 гг.), под пяточной костью — еще одна монета (денарий X—XI вв.), в ногах — топор (табл. VIII, 15). Погребение 2 находилось в материковой яме (170×55 см, глубина 25 см) в северной части площадки. На дне ямы в головах, ногах и в области таза костяка найдено 16 гвоздей. Костяк лежал на спине, черепом на запад с отклонением 8° к югу. Левая рука чуть согнута, кисть — на тазе. Костяк принадлежал ребенку в возрасте 5 лет ± 16 месяцев. У виска справа — перстнеобразное височное кольцо (табл. XV, 2), у челюсти — денарий и 55 стеклянных бус, на груди — подковообразная фибула (табл. XV, 1), в области таза справа — железный нож, подвеска-лунница (табл. XV, 3), костяной гребень (табл. XV, 5) и монета (Фризия, граф

Бруно III, 1038—1057 гг.). На одной из фаланг левой руки — перстень (табл. XV, 4), в ногах слева — лепной горшок (табл. X, 10).

Курган 6. Высота 0,45 м, диаметр 6 м, вокруг кургана — следы ровика с перемычками. Под насыпью — яма (340×200 см, глубина 15 см). В заполнении ямы — 12 гвоздей, на дне — два костяка. Погребение 1 находилось в северной части ямы. Костяк лежал на спине, черепом на запад. Он принадлежал ребенку 11—12 лет. У черепа найдено проволочное височное кольцо (табл. XV, 8), у бедра справа — железные наконечник стрелы (табл. XV, 9), обоймочка (табл. XV, 7) и стержень, бронзовые пряжка (табл. XV, 6) и топорик-амулет (табл. XV, 10). У правой берцовой кости — железный топор (табл. VIII, 16). Погребение 2 находилось в южной части ямы. Детский костяк плохой сохранности лежал вытянуто, черепом на запад. В области таза — железный нож, в области ног — железный топор (табл. VIII, 6) и лепной сосуд (табл. X, 3).

Курган 7. Высота 0,8 м, диаметр 7,5 м, вокруг основания — ровик из круглых или овальных в плане ям с перемычками. Погребение 1 впускное, оно находилось в насыпи вблизи уровня древнего горизонта. В границах ямы найдено два гвоздя. Костяк почти полностью истлел, очевидно, он лежал в вытянутом положении, черепом на запад. В области головы и груди найдены 24 стеклянные бусины, бубенчик (табл. XV, 15), кольцевидная фибула (табл. XV, 16), монета с отверстием (Бельгия, XI в.) и железный нож (табл. XV, 17). Погребение 2 находилось в материковой яме (250×100 см, глубина 30 см). В заполнении ямы в головах, ногах и в области живота погребенного — 12 гвоздей. Костяк лежал на спине, черепом на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Он принадлежал мужчине 20—25 лет. В области таза справа и слева лежало по железному ножу, у правой бедренной кости — топор. В заполнении ямы найдены две стеклянные бусины.

Курган 8 (табл. V, 1). Высота 0,6 м, диаметр 6,6 м, вокруг насыпи — следы ровика с перемычками. Курган поврежден свежим грабительским перекопом. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×115 см, глубина 60 см), вырытой в центре площадки. Яма ориентирована по оси запад—восток. На дне ямы у западной и восточной стенок — 18 гвоздей от гроба. В заполнении в нижней части — перемешанные кости женщины 20—25 лет и 10 стеклянных бусин. Погребение 2 находилось в яме (210×80 см, глубина 80 см), которая примыкала к яме погребения 1 с юга. В придонной части ямы встречено восемь гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с отклонением 4° к северу. Руки слегка согнуты, кисти — в области таза (рис. 12). Костяк принадлежал ребенку в возрасте 6 лет ± 24 месяца. У черепа найдено семь височных колец (табл. XVI, 1—6, 26): четыре — справа и три — слева. В области шеи и груди — 47 стеклянных бусин (табл. XVI, 32). У челюсти — монета с ушком (Англия, король Кнут, 1023—1029 гг.; табл. XX, 4). На груди — бронзовая круглая подвеска с изображением креста (табл. XVI, 10) и кольцевидная фибула (табл. XVI, 7). В области таза — бронзовые бубенчик (табл. XVI, 15), острие с кольцом в ножнах (табл. XVI, 12, 13), крест (табл. XVI, 11), подвеска-конек (табл. XVI, 8); костяные цилиндр (табл. XVI, 16),

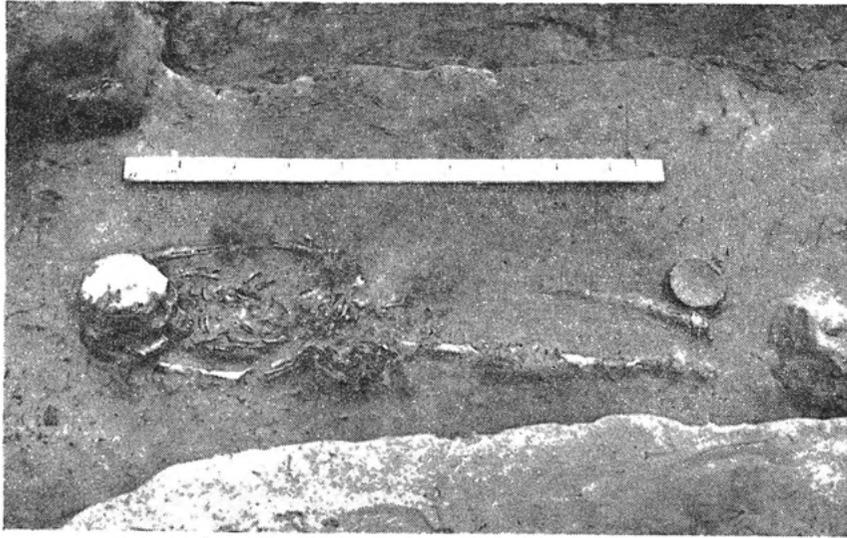

Рис. 12. Никольское III. Курган 8, погребение 2
Костяк в процессе расчистки

пряслице (табл. XVI, 17), четыре подвески-уточни (табл. XVI, 19–22); 16 подвесок из зубов животных (четыре — волка, три — куницы, девять — лисицы); подвеска-коготь; пять подвесок из астрагалов бобра; 10 подвесок из астрагалов зайца; 17 подвесок из косточек плодов и орехов (четыре вишни, пять — алычи, пять двойных сросшихся и одинарный лесной орех, один — миндальный орех, один — фисташковый орех); раковина каури; две пастовые бусины (табл. XVI, 32); деревянный стерженек (табл. XVI, 18); железный нож; костяная расческа в футляре (табл. XVI, 31); бронзовая коническая привеска, надетая на тканевую основу (табл. XVI, 23). На одной из фаланг правой руки — серебряный перстень (табл. XVI, 25), рядом — два стеклянных перстня (табл. XVI, 24). На фалангах левой руки — два бронзовых перстня (табл. XVI, 27). На локтевой кости левой руки — бронзовый браслет (табл. XVI, 28). Между бедренных костей — бронзовые подвеска-ложечка (табл. XVI, 14), монетовидная подвеска (табл. XVI, 9), фрагмент хрустальной бусины, две пастовые бусины, целая монета (Фризия, граф Эгберт II, 1068–1090 гг.; табл. XX, 13) и половинка монеты (Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059–1071 гг. или граф Герман, 1059–1086 гг.). В ногах слева — лепной горшок (табл. X, 11), справа — глиняная писанка (табл. XVI, 29) и поливная чашечка с отбитой ручкой (табл. XVI, 30).

Курган 9. Высота 1,65 м, диаметр 9,5 м. Насыпь окружена ровиком с перемычками. Погребение 1, впущенное в насыпь, расчищено на глубине 0,80 м от вершины. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 30° к северу. Правая рука вытянута, левая согнута под прямым углом. Костяк принадлежал жен-

щине старческого возраста. Вокруг костяка — девять гвоздей от гроба. У черепа справа и слева найдено два височных кольца (табл. XVII, 4, 6), в области шеи — бусы (табл. XVII, 11): 24 стеклянные, восемь хрустальных и три аметистовые, а также круглая бронзовая подвеска с прорезью (табл. XVII, 5). На фаланге левой руки — серебряный перстень (табл. XVII, 2), рядом — крестик, вырезанный из западноевропейского денария. На запястье правой руки — бронзовый браслет (табл. XVII, 1), на одной из фаланг — бронзовый перстень (табл. XVII, 3). У таза слева — железный нож. Во рту — монета (Девентер, епископ Бернольд, 1027–1054 гг.). Погребение 2 находилось в материковой яме (260×100 см, глубина около 100 см). В заполнении — 10 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 24° к северу. Руки чуть согнуты, кисти — в области таза. Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста. У бедра справа — нож (табл. XVII, 12), в ногах справа — топор (табл. VIII, 13). Погребение 3 находилось в материковой яме (275×80 см, глубина около 100 см), вырытой в южной части насыпи. В заполнении — 11 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная, отклонение на север составляет 27°. Руки слегка согнуты, кисть правой — на животе, кисть левой — на тазе. Скелет принадлежал мужчине 17–19 лет. Справа у локтя найдено бронзовое навершие (табл. XVII, 8); у таза слева — две стеклянные бусины (табл. XVII, 9) и фрагменты двух монет (одна неопределимая, вторая — Вормс, Генрих II, около 1002 — около 1024 гг.); ниже, у бедра, — бронзовое острие с кольцом (табл. XVII, 16), нож и остатки серебряного украшения; у бедра справа — бронзовый топорик-амулет (табл. XVII, 7).

Курган 10. Высота 1,08 м, диаметр 8 м, вокруг насыпи — ровик с двумя перемычками. Погребение 1 (табл. VI, 1; рис. 13; 14) находилось в материковой яме (380×100 см, глубина 100 см). В придонной части в ногах, в головах и в области таза погребенной — 20 гвоздей. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная. Руки согнуты, кисти — в области живота. Костяк принадлежал женщине 18–20 лет. У черепа справа — трехбусинное височное кольцо (табл. XVIII, 1), в области шеи и груди — 55 стеклянных бусин и пронизка из серебряной проволоки. На груди справа — бронзовые крестик (табл. XVIII, 4), подвеска в виде острия с кольцом (табл. XVIII, 5) и серебряная лупинца (табл. XVII, 3), чуть ниже — кольцевидная фибула (табл. XVIII, 2). В области живота справа — бронзовые перстень (табл. XVIII, 11) и ключ-подвеска (табл. XVIII, 6). На запястье правой руки — браслет (табл. XVIII, 13), на указательном и безымянном пальцах правой руки — стеклянные перстни (табл. XVIII, 7), на среднем — бронзовый (табл. XVIII, 10). На фалангах левой руки — два стеклянных и серебряный перстень (табл. XVIII, 8, 9, 12). В сжатой кисти левой руки — перержавевший нож (?) и три монеты (одна — Оттон III, 996–1002 гг.; две — Фризия, граф Бруно III, 1038–1057 гг.). У таза слева — костяная расческа с футляром. В ногах — поливная чашечка (табл. XVIII, 14) и скелет птицы из семейства куриных.

Курган 11. Высота 0,9 м, диаметр 9,4 м, насыпь повреждена старой грабительской ямой. Вокруг основания с запада, юга и востока — не-

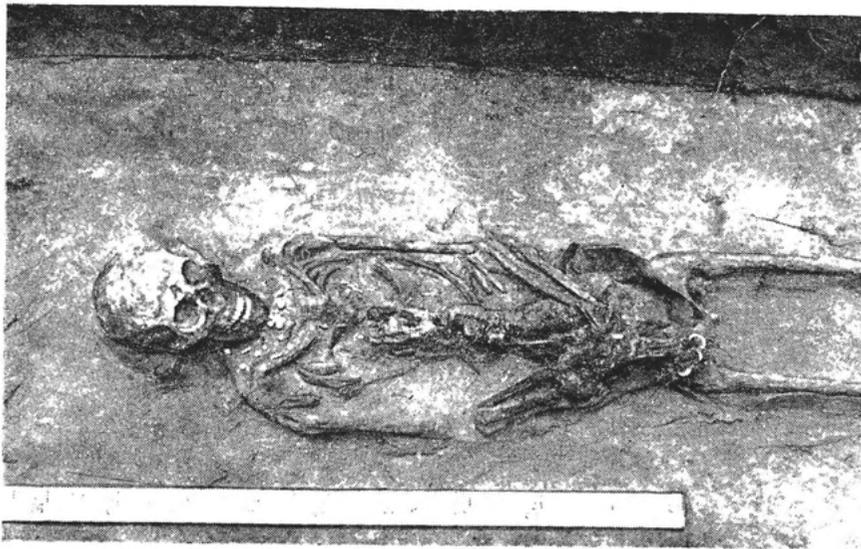

Рис. 13. Никольское III. Курган 10, погребение 1

Костяк в могильной яме, на фалангах пальцев погребенной — стеклянные перстни

Рис. 14. Никольское III. Курган 10, погребение 1

Бусы и височное кольцо у черепа

сколько ям, из которых брали грунт для насыпи. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×120 см, глубина 80 см). В придонной части ямы в головах, ногах и в области таза погребенного найдено 17 гвоздей. Костяк лежал на спине, ориентировка западная с отклонением 10° к северу. Руки вытянуты. Костяк принадлежал мужчине 30–35 лет. В области живота слева найдена монета с тремя вырезами (неопределима). У таза слева — железный нож, фрагмент костяного гребня, обломки монеты (Фризия, Доккюм, граф Эгберт II, 1068–1090 гг.) и остатки железного шила с костяной рукоятью (?) (табл. XV, 32). Под правой берцовой костью — топор (табл. VIII, 1), в ногах — лепной горшок (табл. X, 6) и кости животного.

Курган 13. Высота 0,75 м, диаметр 7,6 м, насыпь повреждена свежей грабительской ямой. У основания насыпи с юга и северо-запада прослежены ямы, откуда брали песок для сооружения кургана. Погребение 1 впускное, оно находилось на глубине 0,40 м от вершины кургана и полностью разрушено грабителями. В перемешанном грунте — кости мужчины 55–65 лет и два гвоздя от гроба. Погребение 2 находилось в материковой яме (310×120 см, глубина 80 см). В придонной части ямы в головах и ногах костяка — 18 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 10° к северу. Левая рука согнута, кисть — на тазе, правая рука вытянута. Костяк принадлежал женщине 30–40 лет. У черепа справа и слева найдено по два височных кольца (табл. XVII, 13, 16–18), в области шеи — 41 стеклянная бусина (табл. XVII, 15) и монета-подвеска (Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059–1071 гг.; табл. XX, 1). На груди — бронзовый крестик (табл. XVII, 14), фрагмент костяной расчески и фрагмент монеты (Германия, подражание кельтским денариям Оттонов и Генриха II, XI в.). У локтя справа — железный нож, у колена слева — еще один нож.

Курган 14 (табл. V, 2). Высота 0,5 м, диаметр около 6 м. К югу от основания зафиксирована яма, из которой брали грунт для насыпи. Погребение 1 находилось в материковой яме (270×120 см, глубина 80 см). Костяк лежал на спине, черепом на запад. Правая рука вытянута, левая — согнута, кисть ее — на тазовых костях. Костяк принадлежал мужчине 25–30 лет. Под нижней челюстью найдена стеклянная бусина, у бедра справа — железный нож в ножнах.

Курган 15. Высота 0,5 м, диаметр около 6 м, с севера и востока насыпь окружена ровиком. В юго-западной части насыпи на уровне древнего горизонта и в материковой яме обнаружено два скопления кальцинированных костей человека, здесь же найдено два ножа — с прямой и горбатой спинками. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×150 см, глубина до 80 см). В придонной части ямы — 17 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине, черепом на запад. Руки слегка согнуты, кисти — на тазовых костях; ноги немного подогнуты влево. Костяк принадлежал женщине в возрасте около 25 лет.

Курган 16 (табл. V, 3). Высота 0,75 м, диаметр 8 м, у основания с юга — линзообразный ровик. Насыпь повреждена старой картофельной ямой. Погребение 1 впускное, оно находилось в 0,50 м от вершины насыпи. В головах и ногах костяка найдено 10 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 8° к северу. Правая рука вытянута. Костяк принадлежал женщине 35–45 лет. У черепа слева и справа лежало по два височных кольца (табл. XVII, 19–21), между челюстями — монета (Майнц, архиепископ Лупольд, 1054–1059 гг.; табл. XX, 8), в области шеи — монета с ушком (Регенсбург, герцог Генрих V, 1017–1026 гг.; табл. XX, 7) и бусы: бронзовая, хрустальная, три аметистовые и 13 золотостеклянных (табл. XVII, 25). В области живота справа — бронзовое кольцо (табл. XVII, 22), фрагмент костяного гребня и железный нож. На фаланге правой руки — перстень (табл. XVII, 24). Погребение 2 (табл. VI, II) находилось в материковой яме (260×100 см, глубина 85 см). В придонной части

ямы — девять гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Он принадлежал мужчине 25—35 лет. При погребенном найдены 24 западноевропейские монеты (табл. XX, 2, 3, 5, 9, 10, 15, 18): шесть — в области шеи, четыре — в области груди, пять — в области живота и таза, восемь — рядом с бедренными костями и одна — в ногах слева. Среди них 15 одинаковых денариев, чеканенных в Эвере (Герцог Ордульф (Отто), 1059—1071 гг. или граф Герман, 1059—1086 гг.), остальные: Фризия, Доккюм, граф Эгберт II, 1068—1090 гг.; Фризия, граф Бруно III, 1038—1057 гг.; Эмден, граф Герман фон Кальвелаге, около 1020—1051 гг.; Саксония, денарий XI в.; Англия, король Кнут, 1017—1023 гг.; три монеты неопределимы из-за плохой сохранности. В области живота слева — фрагмент костяного гребня, у бедра справа — топор (табл. VIII, 10) и нож (?), у бедра слева — нож.

Курган 18. Высота 0,6 м, диаметр 8,5 м. У основания насыпи с востока — яма, из которой брали песок для сооружения кургана. Погребение 1 находилось в материковой яме (270×120 см, глубина 90 см). В придонной части ямы встречено 15 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 25° к югу. Кисть правой руки — в области таза. Костяк принадлежал мужчине (?) возмужалого возраста. В области шеи и груди — остатки шерстяной ткани и меха, четыре бронзовые бляшки и стеклянная бусина. В области живота слева — нож и три монеты (Эвер, граф Герман, 1059—1086 гг. или герцог Ордульф (Отто), 1059—1071 гг.; Эрфурт, Бардо фон Оперсхофен, 1031—1051 гг. или подражание; подражание денария Оттона и Адельгейды, XI в.). У правого колена — топор (табл. VIII, 17), в ногах справа — гончарный сосуд (табл. X, 15, 32).

Курган 22. Низкая (0,10—0,15 м) насыпь, сооруженная на круглом в плане естественном возвышении высотой 0,20 м и диаметром 6 м. С запада, севера и юга у основания насыпи — ямы, откуда брали песок. Погребение 1 (табл. VI, VII) находилось в материковой яме (260×90 см, глубина 45 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 7° к северу. Руки согнуты, кисти — на тазовых костях. Костяк принадлежал женщине 20—30 лет. У черепа слева — височное кольцо, между челюстями — монета (Эвер, герцог Ордульф (Отто), 1059—1071 гг. или граф Герман, 1059—1086 гг.), в области шеи — 36 стеклянных бусин и монета с ушком (Магдебург, анонимный чекан, первая половина XI в.; табл. XX, 16). На одной из фаланг правой руки — бронзовый перстень. У таза справа — нож.

Курган 23. Высота 0,5 м, диаметр 6,4 м. У юго-западного края насыпи зафиксирована яма, откуда брали грунт для сооружения кургана. Курган поврежден свежей грабительской ямой. В насыпи встречен наконечник стрелы. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×125 см, глубина 60 см), оно потревожено грабителями. В заполнении ямы — перемешанные кости женщины 40—50 лет, две стеклянные бусины и два железных гвоздя. Яма ориентирована по линии северо-запад—юго-восток.

Курган 25. Высота 0,7 м, диаметр 8 м. Вокруг основания с севера и с юга прослежены линзообразные ровники. Насыпь прорезана глубоким грабительским перекопом, полностью разрушившим погребения. В осно-

вании кургана — материковая яма (280×100 см, глубина 50 см). В перемешанном грунте насыпи, заполнения ямы и основания кургана встречены разрозненные кости четырех человек: мужчины 30—40 лет, мужчины возмужалого возраста, женщины возмужалого возраста и ребенка в возрасте 3 лет±12 месяцев (погребения 1—3 и 4). Здесь же найдены 17 железных гвоздей, 42 стеклянные бусины, фрагмент монеты, фрагменты бронзовых украшений, кремневый наконечник стрелы и беленит.

Курган 26. Высота 0,9 м, диаметр 14 м, вокруг насыпи — ровик с перемычками. Курган поврежден старой грабительской ямой. В перемешанном слое в насыпи встречены разрозненные кости (погребение 1). Погребение впускное. Кости принадлежали мужчине зрело-возмужалого возраста. Среди костей — железный нож, железная пластина и 10 гвоздей. Погребение 2 находилось в материковой яме (290×110 см, глубина около 100 см). В заполнении ямы — 18 гвоздей от гроба. Костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 15° к северу. Костяк принадлежал подростку 12—13 лет. В области таза найдены бронзовый перстень и стеклянная бусина, между бедренных костей — железный нож, у колена справа — топор (табл. VIII, 8).

Курган 27. Высота 0,8 м, диаметр 11,6 м, вокруг основания — ровик с перемычками. Насыпь повреждена старыми и свежими грабительскими ямами. В перемешанном грунте насыпи встречены разрозненные кости погребения 1, разрушенного старым перекопом. Погребение впускное. Кости принадлежали мужчине 45—55 лет. Рядом с костями найдены два гвоздя и два фрагмента железного топора (?). Погребение 2 находилось в материковой яме (320×120 см, глубина 50 см), ориентированной по оси запад—восток. Погребение разрушено грабителями. В заполнении ямы встречены 12 гвоздей от гроба, 51 стеклянная бусина, фрагмент лещного сосуда и перемешанные кости женщины 20—25 лет.

Курган 28. Высота 0,6 м, диаметр 8,5 м, вокруг основания — ровик с перемычками. В насыпи встречены разрозненные кости погребения 1. Погребение впускное. Кости принадлежали мужчине зрелого возраста. Среди костей найдены три железных гвоздя, железный нож и монета (Девентер, император Конрад II, 1027—1039 гг.). Погребение 2 находилось в материковой яме (250×80 см, глубина 75 см). Костяк лежал в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 15° к северу. Правая рука вытянута. Скелет принадлежал мужчине возмужалого возраста. У нижней челюсти найдена подковообразная фибула (табл. XIX, 6), в области живота — бронзовая пряжка (табл. XIX, 5), на берцовой кости справа — топор (табл. VIII, 12).

Курган 29. Высота 0,5 м, диаметр 7,5 м. У основания с севера зафиксирована яма, откуда брали грунт для насыпи. Насыпь повреждена свежей грабительской ямой. В насыпи встречена стеклянная бусина. Погребение 1 (табл. VI, X) находилось в материковой яме (250×95 см, глубина 45—50 см). В придонной части ямы в головах, ногах и в области таза погребенного найдено 20 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на северо-запад. Руки чуть согнуты, кисти — на тазовых костях. Скелет принадлежал мужчине 45—55 лет.

У бедра справа лежали железный нож и монета (графство Хамеланд, Эммерих (?), граф Вигмант III, 976—1014 гг.; табл. XX, 6), у локтя справа — стеклянная бусина, в ногах — железное кольцо.

Курган 30. Высота 0,40 м, диаметр 6 м. Насыпь повреждена свежей ямой. Погребение 1 расчищено на глубине 0,40 м от уровня древней поверхности в материковой яме. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 30° к северу. Костяк принадлежал ребенку в возрасте 4 года ± 12 месяцев. На уровне погребенного дерна найдена бронзовая цепочка (табл. XIX, 12).

Курган 32 (табл. V, 4). Высота 0,6 м, диаметр 9,3 м, вокруг основания — концентрический ровик с перемычкой. Насыпь повреждена свежей грабительской ямой. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×120 см, глубина до 80 см). Яма ориентирована по линии запад—восток. В придонной части ямы в головах и ногах погребенного встречено девять гвоздей от гроба. Костяк потревожен перекопом. В перемешанном грунте найдены кости мужчины 30—40 лет.

Курган 33. Высота 0,5 м, диаметр 7 м, вокруг основания прослежен ровик с перемычками. Насыпь повреждена карьером и старыми грабительскими раскопами. В перемешанном грунте насыпи встречены разрозненные кости погребения 1. Погребение впускное. Кости принадлежали взрослому человеку. Среди костей найден обломок железного предмета. Погребение 2 находилось в материковой яме (260×80 см, глубина около 75 см). В придонной части ямы найдено восемь гвоздей от гроба. Костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 7° к северу. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. В области черепа найдено три височных кольца (табл. XIX, 25—27), в области шеи — 37 стеклянных бусин (табл. XIX, 32), в области живота — подвеска-ложечка на бронзовом колечке (табл. XIX, 30, 31), фрагменты трех монет (Девентер, епископ Бернольд, 1027—1054 гг.; Сель, король Генрих II, 1039—1046 гг.; Кельн, император Оттон II, 973—983 гг. или император Оттон III, 996—1002 гг.), железная игла, нож, костяная расческа в футляре, бронзовые браслет (табл. XIX, 24) и перстень. В ногах обнаружен лепной сосуд (табл. X, 5).

Курган 35 (табл. V, 5). Высота 0,5 м, диаметр около 6 м. Рядом с курганом зафиксированы ямы, откуда брали грунт для насыпи. Погребение 1 находилось в материковой яме (250×80 см, глубина до 80 см). В придонной части ямы встречено два гвоздя от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная. Руки согнуты в локтях, кисти покоятся в области таза. Костяк принадлежал подростку 14—16 лет. У бедра слева найден нож, на правой берцовой кости — боевой топорик с инкрустацией (табл. VII, 2), у таза слева — четыре монеты (Эмден, граф Герман фон Кальвелаге, около 1020—1051 гг.; Ставерен, епископ Эгберт, 1057—1068 гг.; Леуварден, граф Бруно III, 1038—1057 гг.; Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059—1071 гг. или граф Герман, 1059—1086 гг.).

Курган 36. Высота 0,4 м, диаметр 6,5 м. Насыпь повреждена свежим перекопом. Погребение 1 находилось в материковой яме, нарушенной грабительскими раскопками (длина не более 270 см, ширина 110 см,

глубина 70 см). В перемешанном грунте найден череп ребенка в возрасте 9 лет ± 24 месяца.

Курган 37. Высота не менее 0,4 м, диаметр 6,5 м. Насыпь повреждена старыми картофельными ямами. Вокруг основания с северо-востока и востока зафиксированы ямы, из которых брали грунт для насыпи. Погребение 1 расчищено под дерном. Погребение впускное, сильно нарушено ямами. Костяк плохой сохранности лежал в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 14° к югу. Он принадлежал мужчине 35—45 лет. Среди костей найдены два гвоздя, железный нож с остатками кожаных ножен и пастовая бусина. Погребение 2 находилось в южной части площадки. В центральной части ямы прорезана перекопом. На дне ямы в головах и ногах погребенного встречено 11 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 7° к югу. Скелет принадлежал мужчине 45—55 лет. В области шеи найдены две бронзовые бусины, в перемешанном грунте — нож и железный предмет. Погребение 3 находилось в материковой яме (200×60 см, глубина 70 см), вырытой в северной части площадки. На дне ямы в головах и ногах погребенного обнаружено 11 железных гвоздей. Яма ориентирована в направлении запад—восток с небольшим отклонением к югу. В западной части ямы лежал череп ребенка 3—5 лет. Остальные кости истлели. В области живота найдена монета (Фризия, Винсум, граф Эгберт II, 1068—1090 гг.; табл. XX, 14), в области таза — нож, в ногах — бронзовый топорик-амулет (табл. XIX, 29), круговой сосуд (табл. X, 17, 33) и поливная писанка (табл. XIX, 28).

Курган 38. Высота 0,35 м, диаметр 5,6 м. Насыпь повреждена старыми картофельными ямами. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×90 см, глубина до 80 см). В придонной части ямы у северо-восточной стенки — шесть гвоздей от гроба. Погребение частично разрушено перекопом. В перемешанном грунте насыпи обнаружены череп и два гвоздя. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 36° к югу. Правая рука согнута под прямым углом. Костяк принадлежал мужчине 25—35 лет. В области живота слева найдена бронзовая бусина, на тазе — бронзовая пряжка, у таза справа — монета (Германия, Вормс, император Оттон III, 983—1002 гг. или Генрих II, 1000—1014 гг.) и костяной гребень, у бедра справа — железный нож, в ногах справа — топор (табл. VIII, 2).

Курган 41. Высота не менее 0,4 м, диаметр около 7 м. У основания с севера и юга — ямы, где брали песок для сооружения кургана. Насыпь повреждена двумя старыми картофельными ямами. Погребение 1 находилось в материковой яме (325×100 см, глубина до 80 см). В придонной части ямы в головах, ногах и в области таза погребенного найдено 12 гвоздей от гроба. Костяк частично разрушен перекопом. В перемешанном грунте насыпи встречены обломки ребер и плечевых костей и бронзовая бляшка (табл. XIX, 4). Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 25° к югу. Правая рука согнута. Костяк принадлежал мужчине 40—50 лет. У бедра слева найдены нож, костяной гребень, фрагменты кожаного кошелька и две монеты (Фризия, Эмнигхейм, граф Эгберт II, 1068—1090 гг.; Фризия,

Леуварден, граф Бруно III, 1038–1057 гг.; табл. XX, 11). На тазе справа — бронзовая пряжка (табл. XIX, 11).

Курган 42. Высота 0,4 м, диаметр 4,4 м. Погребение 1 находилось в материковой яме (250×105 см, глубина до 60 см). Яма ориентирована в направлении запад–восток с небольшим отклонением к северу. На дне ямы у западной и восточной стенок и в центре найдено 11 гвоздей от гроба. Большинство костей на дне ямы было перемешано перекопом, *in situ* находились лишь кости ног. Судя по их положению, скелет лежал вытянуто, ориентировка западная. Костяк принадлежал мужчине 50–60 лет. В перемешанном грунте найдены бронзовые пряжка и поясное кольцо, у таза справа — нож и костяной гребень, на тазе слева — бронзовая пряжка, в ногах — лепной сосуд (табл. X, 4).

Курган 43 (табл. VI, IV). Высота 0,3 м, диаметр около 4 м. К западу от основания насыпи зафиксирована большая яма, из которой брали грунт для кургана. Погребение 1 находилось в материковой яме (300×100 см, глубина до 60 см). В заполнении ямы в головах и ногах погребенного найдено 16 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 7° к северу. Правая рука вытянута, левая — слегка согнута. Костяк принадлежал подростку 15–19 лет. На черепе слева найдено проволочное височное кольцо (табл. XV, 19), у левого бедра — железный нож, в области таза слева — костяная расческа (табл. XV, 18), у правого колена — железный топор (табл. VIII, 5).

Бескурганный могильник Никольское III

Погребение 1. Могильная яма (200×65 см, глубина 60 см) ориентирована в направлении запад–северо-запад–восток–юго-восток. В придонной части у западной и восточной стенок встречено 13 гвоздей от гроба. В западной части ямы расчищен полуистлевший череп ребенка 13–15 лет. У черепа справа и слева найдено по одному проволочному височному кольцу (табл. XV, 21, 22), в области шеи — четыре стеклянные бусины, в центральной части ямы — фрагмент ткани, бронзовая фибула (табл. XV, 25) и два бронзовых бубенчика (табл. XV, 23, 24).

Погребение 2. Могильная яма (260×110 см, глубина до 40 см) ориентирована в направлении запад–юго-запад–восток–северо-восток. В заполнении ямы встречено три железных гвоздя. Костяк почти полностью истлел. В западной части ямы расчищены фрагменты черепа взрослого человека, в центральной — бедренная кость. У черепа найдены височное кольцо (табл. XV, 20) и пастовая бусина, у северной стенки ямы — еще одна бусина.

Погребение 3 (табл. VI, VIII). Яма (235×75 см, глубина 70 см) ориентирована по оси запад–восток с отклонением 4° к северу. На дне ямы в головах и ногах погребенного найдено шесть гвоздей от гроба. От костяка сохранились лишь череп, лежавший в западной части ямы, и фрагмент локтевой кости. Череп принадлежал ребенку в возрасте 4 года ± 8 месяцев. У черепа найден фрагмент монеты (Фризия, Леуварден, граф Бруно III, 1038–1057 гг.), на локтевой кости — бронзовый браслет (табл. XIX, 20), на месте таза (?) — железный нож и три монеты (две — Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059–1071 гг.; табл. XX, 12;

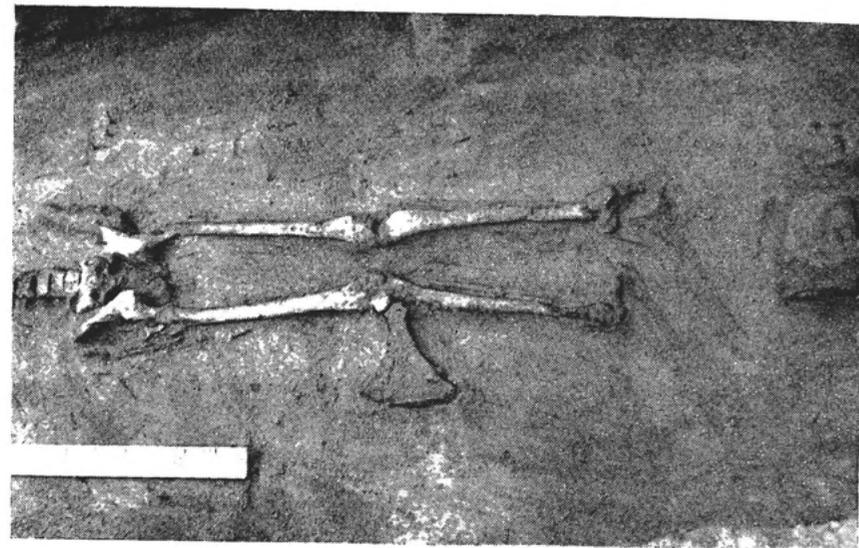

Рис. 15. Никольское III. Бескурганный могильник, погребение 4
Бронзовым топор у колена погребенного

одна — Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059–1071 гг. или граф Герман, 1059–1086 гг.). Справа в области ног — фрагмент бересты, под которым лежал бронзовый топорик-амулет (табл. XIX, 13), в ногах — круговой горшок (табл. X, 13).

Погребение 4 (табл. VI, IX). Находилось в материковой яме (265×100 см, глубина до 70 см). В восточной части вблизи дна встречено два гвоздя от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 20° к югу. Правая рука вытянута, левая — согнута под прямым углом. Скелет принадлежал мужчине 20–25 лет. На нижней челюсти лежала западноевропейская монета (неопределима), выше таза слева — железный нож, у таза — костяной гребень и западноевропейская монета (неопределима), у правого колена — топор (табл. VIII, 3; рис. 15).

Погребение 5 (табл. VI, III). Находилось в материковой яме (280×100 см, глубина 60 см). В придонной части в головах, ногах и в области таза погребенного найдено 12 гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением к югу, равным 5°. Правая рука немного согнута, левая — вытянута. Костяк принадлежал мужчине 20–30 лет. У черепа найдена стеклянная бусина, у левого плеча — бронзовая пряжка (табл. XIX, 10) и железный нож, в области живота слева — железный нож (?), в ногах — лепной горшок (табл. X, 8).

Погребение 6. В могильной яме (195×55 см, глубина 20 см) костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 15° к северу. Правая рука согнута, левая — вытянута. Костяк при-

надлежал мужчине 50–60 лет. В области шеи найдена бронзовая пуговица (табл. XV, 26), в области таза справа и слева — два бронзовых поясных кольца (табл. XV, 27, 28), у бедра справа — железная пряжка. Между бедренных костей — железный нож. Рядом с могильной ямой на материке зафиксированы три углистых пятна и пережженные очажные камни, здесь же встречены фрагменты двух крупных лепных сосудов (табл. X, 1), находившиеся по разные стороны могильной ямы.

Погребение 7. Могильная яма (140×50 см, глубина до 50 см) ориентирована по линии запад—северо-запад—восток—юго-восток. В придонной части ямы у западной и восточной стенок встречено пять гвоздей от гроба. Костяк, очевидно, полностью истлел. В западной части ямы найдены 21 стеклянная бусина и крестик, вырезанный из западноевропейской монеты.

Погребение 8. Могильная яма (190×60 см, глубина до 40 см) ориентирована в направлении запад—северо-запад—восток—юго-восток. На дне ямы — пятно тлена от сгнившего костяка.

Погребение 9. Материковая яма (185×65 см, глубина около 40 см) ориентирована по оси запад—восток с небольшим отклонением к северу. На дне ямы в западной части расчищен раздавленный череп ребенка одного года — двух лет. Рядом с черепом найдены две стеклянные бусины и западноевропейская монета (Германия, неизвестный монетный двор; табл. XX, 17), в центральной части ямы — зооморфная подвеска (табл. XIX, 7), фрагменты ткани и железный нож, у восточной стенки — лепной сосуд (табл. X, 12).

Погребение 10. Материковая яма (160×80 см, глубина 60 см) ориентирована по линии запад—восток с небольшим отклонением к северу. Вблизи дна у западной и восточной стенок встречено 11 гвоздей от гроба. На дне в западной половине ямы расчищен череп ребенка в возрасте 1 год±4 месяца. Рядом с черепом найдены стеклянная бусина и западноевропейская монета с отверстием (неопределима), у восточной стенки — круговой сосуд (табл. X, 18).

Погребение 11. Могильная яма (210×65 см, глубина 40 см) ориентирована в направлении северо-запад—юго-восток. На дне ямы в юго-западной части — фрагменты черепа человека 20–25 лет. У черепа найдены два височных кольца (табл. XIX, 13) и 19 стеклянных бусин (табл. XIX, 2), в центральной части ямы — железный нож.

Погребение 12. В придонной части могильной ямы (220×65 см, глубина до 50 см) у западной и восточной стенок найдено шесть гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Руки согнуты, кисть правой — на животе, кисть левой — на груди. Скелет принадлежал женщине 20–30 лет. У черепа найдено височное кольцо, у таза справа — нож (?).

Погребение 13. В могильной яме (215×55 см, глубина до 45 см) полустлепший костяк лежал в вытянутом положении на спине с наклоном на левый бок, черепом на запад с отклонением 32° к северу. Скелет принадлежал женщине 20–30 лет. Под позвонками спинного отдела сохранились остатки дерева от гроба. У черепа справа и слева найдено височное кольцо (табл. XIX, 8, 9), в области шеи — 61 стеклянная бусина, в области живота — 10 бронзовых бубенчиков (табл. XIX, 14–18,

21–23), фрагменты ткани и кожаный ремешок, немного ниже — железный нож с остатками кожаных ножен и подвеска-ложечка (табл. XIX, 19).

Погребение 14. В могильной яме (190×55 см, глубина до 45 см) костяк лежал в вытянутом положении на спине, черепом на запад с отклонением 5° к северу. Руки согнуты, кисть правой — на животе, кисть левой — на груди, ноги слегка согнуты в коленях. Скелет принадлежал женщине (?) 20–30 лет.

Погребение 15. В могильной яме (285×90 см, глубина до 55 см) костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 29° к северу. Левая рука вытянута. Скелет принадлежал женщине 20–30 лет. На черепе найден железный стержень, у таза слева — железное кресало, а справа — железный нож.

Погребение 16. Могильная яма (260×85 см, глубина до 60 см) ориентирована в направлении запад—юго-запад—восток—северо-восток. В придонной части ямы у западной и восточной стенок встречено четыре гвоздя от гроба. На дне в западной части ямы расчищен полустлепший череп взрослого человека (женщины?), а в центральной — бедренная кость. У черепа найдены височное кольцо (табл. XV, 14) и стеклянная бусина, у бедренной кости — железный нож.

Погребение 17. Могильная яма (260×80 см, глубина 50 см) ориентирована в направлении юго-запад—северо-восток. В придонной части ямы у юго-западной и северо-восточной стенок найдено восемь гвоздей от гроба. На дне ямы в юго-западной части расчищен череп мужчины (?) в возрасте старше 20 лет, а в центральной части — бедренные кости. Очевидно, погребенный лежал в вытянутом положении. У левой бедренной кости найдены железное кресало с кремнями и железный нож, в восточной части ямы — топор (табл. VIII, 16).

Погребение 18. Могильная яма (205×55 см, глубина 45 см) ориентирована в направлении запад—восток с небольшим отклонением к северу. В придонной части у западной и восточной стенок встречено семь гвоздей от гроба. На дне в западной части расчищены фрагменты черепа ребенка восьми-девяти лет. В центральной части ямы найден железный нож, в восточной — три наконечника стрелы. У южного и восточного краев ямы при зачистке материка зафиксированы углистые пятна и найдены фрагменты крупного лепного сосуда (табл. X, 2).

Погребение 19. В заполнении могильной ямы (250×105 см, глубина 60 см) у западной и восточной стенок найдено четыре гвоздя от гроба. Костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Правая рука вытянута. Кости принадлежали мужчине 40–50 лет. В области таза найдены железная пряжка и нож с остатками кожаных ножен.

Погребение 20. Могильная яма (190×100 см, глубина 80 см) ориентирована по направлению запад—восток. Костяк полностью истлел. У западного и северо-восточного краев ямы на материке зафиксированы пятна углистого грунта и найдены фрагменты лепного сосуда.

Погребение 21. Материковая яма (140×55 см, глубина 35 см) ориентирована в направлении юго-запад—северо-восток. На дне ямы прослежено пятно тлена от сгнившего костяка, в юго-западной части расчищены остатки черепных костей ребенка.

Погребение 22. Могильная яма (140×60 см, глубина около 30 см) ориентирована в направлении запад—юго-запад—восток—северо-восток. На дне ямы — тлен от разложившегося костяка.

Погребение 23. Могильная яма (200×80 см, глубина 40 см) ориентирована в направлении запад—юго-запад—восток—северо-восток. В заполнении ямы в западной части найдено два гвоздя от гроба. На дне ямы — тлен от костяка, в юго-западной части расчищены зубы ребенка в возрасте от шести до 13 лет. Рядом найдена монета с отверстием (неопределима), а немного восточнее — колоколовидная привеска и подвеска-конек (табл. XV, 12, 13).

Могильник Киснема (Троицкое I)

Находится в северной части д. Троицкое, на невысоком останце, вытянутом в направлении запад—восток, частично скрыт карьером в 1940—1950-х годах. Первое погребение зафиксировано в 1947 г. череповецким краеведом А. А. Алексеевой. Раскопки могильника велись в 1949 г. Л. А. Голубевой, в 1955 г. — И. К. Цветковой и в 1959 г. — Н. В. Тухтиной¹². В 1982—1983 гг. автором и С. З. Черновым в 300 м к северу от могильника на коренном берегу Белого озера выявлен комплекс из трех селищ общей площадью около 100 тыс. кв. м. Сильно разрушенный культурный слой селищ содержит керамику X, XI и XII—XIII вв.¹³

Раскопки 1947—1955 гг. Погребение 2. Обнаружено в 1947 г. А. А. Алексеевой. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Руки вытянуты. У черепа найдены бронзовая пряжка, два поясных кольца и наконечник стрелы, в области шеи — нож, у пояса — гребень, у ног — наконечник стрелы и топор, у бедра справа — два лепных горшка (табл. X, 30). Из того же погребения происходят нож, обломок кресала, бусина и стеклянное кольцо.

Погребение 3. Исследовано Л. А. Голубевой. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка юго-западная. Правая рука вытянута. Слева у бедра найдены нож и железная пряжка, на костях стопы левой ноги — топор.

Погребение 4. Обнаружено в 1950 г. при земляных работах. В погребении найдены подковообразная фибула и поясное кольцо.

Погребение 5. Обнаружено в 1951 г. при случайных обстоятельствах. Вместе с костями найдены нож, два гвоздя и обрывок ткани, девять стеклянных и каменных бус, два гвоздя и обрывок ткани.

Погребение 6. Обнаружено в 1951 г. А. А. Алексеевой. В погребении найдены топор и два гвоздя.

Погребение 7. Вскрыто в 1953 г. при случайных обстоятельствах. В погребении найдены обломок бронзовой гривны, копоушка, два ножа и 39 стеклянных бус.

Погребение 8. Расчищено в 1953 г. А. А. Алексеевой. Костяк лежал на спине, черепом на юго-запад. У кисти правой руки найдено кресало. Из этого же погребения происходят два ножа и железная пряжка.

Погребение 9. Исследовано И. К. Цветковой. Частично поврежденный карьером костяк находился на глубине 65 см от поверхности. Он лежал на спине вытянуто, черепом на северо-запад. Из погребения происходят

бронзовая пряжка и кольцо, нож, топор, фрагмент железной втулки, железный и костяной наконечники стрел, костяная расческа и оселок.

Раскопки 1959 г. Погребение 1. Вскрыто на глубине 35 см от современной поверхности. Костяк лежал на спине, ориентировка западная. Возле правой руки найден железный нож, в ногах слева — развал лепного сосуда (табл. X, 31).

Погребение 2. Находилось на глубине 50 см от современной поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная. Руки вытянуты. Под правым виском найдено перстнеобразное височное кольцо, в области шеи — 55 стеклянных бус, у правой руки — нож.

Курган в Белоозере

Находился на правом берегу Шексны, в южной части поселения. Был обнаружен и исследован Л. А. Голубевой в 1963—1965 гг.¹⁴ Насыпь возведена на культурном слое древнего поселения и перекрыта напластованиями XII в. Высота кургана около 0,5 м, размеры основания 14×10 м, насыпь сложена из песка. Погребение 1 расчищено в центре кургана на древнем горизонте. Костяк лежал на спине в вытянутом положении со сложенными на груди руками, ориентировка западная. У черепа справа найдено золотое однобусинное височное кольцо, в области шеи — 21 стеклянная и каменная бусины и серебряная пронизка, у правой руки — распавшийся перстень, у таза слева — костяной гребень. Погребение 2 расчищено на древнем горизонте под южной полкой кургана. Около костяка прослежен тлен от гроба. Костяк лежал на спине вытянуто со сложенными на груди руками, ориентировка западная. В области таза найден костяной гребень, под костяком — стеклянная бусина.

Могильник Крохинские Пески

Находится в 300 м к югу от Крохинской переправы, на донном всхолмлении, вытянутом вдоль края ручья, впадающего в Шексну. Высота местности над уровнем воды около 4 м. От Белоозера могильник удален на 170 м. Сильно поврежденный карьером памятник был обнаружен в 1969 г. С. В. Ошибкиной¹⁵. В 1983 г. разведочная траншея площадью 52 кв. м была заложена автором (табл. I, 3)¹⁶.

Раскопки 1969 г. Погребение 1. Разрушено карьером, в стенке карьера обнаружен череп взрослого человека.

Погребение 2. Вскрыто на глубине 70 см от древней поверхности. Костяк почти полностью истлел, положение вытянутое, ориентировка северо-западная. Вещей нет.

Погребение 3. Вскрыто на глубине около 70 см от древней поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка северо-западная. Вещей нет.

Погребение 4. Расчищено на глубине около 70 см от древней поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на северо-запад. В ногах погребенного обнаружены остатки короба из коры и бересты (диаметр около 20 см), в котором находились бронзовая и железная пряжки, две плоские бронзовые подвески, энколпион, четыре стеклянные бусины, кресало, два куса кремня и два ножа.

На площадке могильника вне комплексов найдены железный наконечник стрелы и бронзовая плоская подвеска-уточка.

Раскопки 1983 г. Погребение 1. Находилось на глубине 20 см от древней поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 10° на север. Он принадлежал женщине зрелого возраста. У черепа справа найден обломок проволочного височного кольца (табл. XXI, 35), в области груди — нож (табл. XXI, 39). В заполнении ямы встречено 13 гвоздей от гроба.

Погребение 2. Находилось на глубине около 30 см от древней поверхности, под погребением 1. Истлевший костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Он принадлежал женщине зрелого возраста. В заполнении ямы встречено четыре гвоздя. У черепа найдено три перстнеобразных височных кольца (табл. XXI, 36—38), в области живота — восемь стеклянных бусин и железная пряжка, у левого бедра — нож.

Погребение 3. Расчищено на глубине 35 см от древней поверхности. Костяк плохой сохранности лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с отклонением 20° к северу. Скелет принадлежал ребенку в возрасте до 10 лет. У черепа найдено пять перстнеобразных бусинных височных колец (табл. XXI, 29—33), в области шеи — бронзовый крестик (табл. XXI, 34).

Погребение 4. Расчищено на глубине 80 см от древней поверхности. В заполнении могильной ямы встречено шесть гвоздей от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентирован на запад с отклонением 15° к северу. Погребение принадлежало женщине возмужалого возраста. Вещей нет.

Погребение 5. Представляло собой яму (190×80 см), ориентированную в направлении запад—восток с небольшим отклонением к северу. На глубине 70 см от древней поверхности в яме зафиксировано пятно гумусированного грунта, соответствовавшее истлевшему костяку. Вещей нет.

Погребение 6. Выявлено на глубине около 60 см от древней поверхности. В заполнении ямы встречено четыре гвоздя и прослежен тлен от гроба. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на запад. Он принадлежал женщине зрелого возраста. В области живота расчищена фаланга пальца с бронзовым перстнем (табл. XXI, 15). У южного края ямы найдена умбоновидная подвеска с привеской и миндальным орехом, прикрепленными к внутреннему ушку (табл. XXI, 14, 20). В области таза справа найдены нож в кожаных ножнах с берестяной прокладкой; костяная копушка (табл. XXI, 23); бронзовые подвески: два плоских конька (табл. XXI, 3, 6), две плоские уточки (табл. XXI, 2, 5), полая уточка (табл. XXI, 4), ложноплетеный конек (табл. XXI, 1); привески: лапчатая и пять конических (табл. XXI, 10, 17, 24—28); четыре бубенчика (табл. XXI, 8, 9, 19); две стеклянные бусины, а также спиральная пронизка (табл. XXI, 11), трапецевидный гребень (табл. XXI, 22), два лесных ореха (табл. XXI, 12, 18), миндальный орех (табл. XXI, 21) и таранные кости небольшого животного.

Погребение 7. Находилось на глубине 20 см от древней поверхности. Полуистлевший костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориен-

тировка западная с отклонением 18° к северу. Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста. Вещей нет.

Погребение 8. Находилось на глубине 60 см от современной поверхности в могильной яме (190×70 см). Частично прорезано ямой погребения 12. Костяк плохой сохранности лежал, очевидно, в вытянутом положении, черепом на запад. Он принадлежал ребенку 10—11 лет. Вещей не обнаружено.

Погребение 9. Находилось на глубине 70 см от древней поверхности в яме (240×60 см). Частично прорезано могильной ямой погребения 11. Полуистлевший костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении, черепом на запад. В придонной части ямы встречено 15 гвоздей и прослежен тлен от гроба прямоугольной формы.

Погребение 10. Представляло собой яму, вытянутую в направлении запад—восток (195×60 см, глубина 60 см). На краю ямы найден гвоздь. Яма прорезана погребением 11. Заполнение в придонной части имеет темную окраску. Кости и вещи отсутствуют.

Погребение 11. Залегало на глубине 60 см от уровня древней поверхности. Частично прорезало погребения 9 и 10. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная, отклонение к северу составляет 32°. Руки были согнуты и положены на живот. Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. В придонной части ямы найдено два гвоздя от гроба.

Погребение 12. Залегало на глубине 70 см от древней поверхности. Частично прорезало погребение 8. Костяк находился в яме (230×80 см). В придонной части ямы прослежен тлен от гроба прямоугольной формы и найдено восемь гвоздей. Кости почти полностью истлели. Очевидно, погребенный лежал в вытянутом положении, головой на запад с отклонением 20° к северу. Вещей нет.

Погребение 13. В перемешанном слое на глубине 30 см от современной поверхности встречены зубы ребенка и тлен от черепных костей.

Погребение 14. У края карьера прослежена частично разрушенная яма, ориентированная в направлении запад—восток с отклонением 20° к северу. В заполнении найдено пять гвоздей от гроба.

Могильник Пупково

Находится на правом берегу р. Шексна, на месте ныне не существующей д. Пупково, на вершине вхоламлиения, возвышающегося на 4 м над уровнем воды в реке. При случайных земляных работах в 1940-х годах здесь было найдено погребение. В 30—40 м к востоку на краю берега находится полуразмытое селище Пупково, относящееся, судя по находкам лепной керамики, к XI—XII вв.¹⁷

Могильник Волохово

Находится на правом берегу р. Шексна, у пристани Волохово, на участке береговой террасы высотой до 1,5 м. В 1960-х годах на глубине около 50 см в обрыве берега местными жителями было обнаружено несколько погребений. При обследовании 1981 г. в размывах берега авто-

ром найден череп человека со следами окиси меди на височных костях. В 20 м к северу на берегу Шексны зафиксировано полуразмытое селище с лепной и гончарной керамикой XI—XII вв.¹⁸

Могильник Нефедьево IA

Находится на левом берегу р. Иткла, в 200 м к востоку от д. Нефедьево, на вершине всхолмления, возвышающегося над уровнем воды в реке на 3—4 м (табл. II, I). В 1930—1950-х годах при разработке карьера здесь неоднократно встречались погребения с ножами, топорами, зооморфными и монетовидными подвесками, найден медный котелок. В 1939 г. местность была обследована П. А. Суховым¹⁹. В 1982 г. в распушке на склоне холма автором были зафиксированы потревоженные погребения. В следующем году здесь был заложен раскоп площадью около 500 кв. м, и могильник был исследован полностью (табл. II, 2). Рядом с могильником находится три селища: Нефедьево II (площадь около 2 тыс. кв. м) — в 50 м к северу на левом берегу Итклы, Нефедьево III — в 200 м к западу на том же берегу, Нефедьево V (площадь 500 кв. м) — напротив могильника на правом берегу Итклы. Все селища сильно распаханы. По находкам лепной и гончарной керамики Нефедьево II и III могут быть датированы в широких хронологических рамках XI—XII вв., Нефедьево V — XII—XIII вв.²⁰

Погребение 1. Фрагментированный череп ребенка, залежавший в пахотном слое на глубине 17 см от современной поверхности. Вещей нет.

Погребение 2. Находилось на глубине 20 см от поверхности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на восток с отклонением 15° к югу. Правая рука слегка согнута. Скелет принадлежал ребенку пяти—девяти лет. У черепа слева и справа найдено по три проволочных височных кольца, в области шеи — пять стеклянных бусин (табл. XXII, 20), на груди — бронзовая лунница (табл. XXII, 22) и пуговица, в области живота — две шумящие подвески (табл. XXII, 19, 21), у таза слева — нож (табл. XXII, 23), в пахотном слое рядом с костяком — еще один нож (табл. XXII, 24).

Погребение 3. Фрагментированный череп ребенка, залежавший в пахотном слое на глубине 20 см от современной поверхности. Вещей нет.

Погребения 4 и 24. Скопление костей, перемешанных распушкой, залегаало на глубине 25 см от поверхности. Кости происходят от двух скелетов — женского (погребение 24) и мужского (погребение 4). От последнего в анатомическом порядке сохранились кости стоп и берцовая кость правой ноги. Судя по их положению, костяк лежал на спине, черепом на восток. У правой ноги найдены два гвоздя от гроба, лепной сосуд (табл. X, 24), костяной гребень и кости рыбы. В пахотном слое — топор (табл. IX, 11).

Погребение 5. Находилось на глубине 20 см от современной поверхности в могильной яме (220×70 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная. Руки были слегка согнуты, кисти покоились на тазовых костях. Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста. У правого колена найден топор (табл. IX, 8), в но-

гах — лепной сосуд (табл. X, 29) и железная дужка от ведра, под бедренной костью правой ноги — нож, на фаланге безымянного пальца левой руки — перстень. В заполнении ямы — четыре гвоздя от гроба.

Погребение 6 (табл. III, V). Находилось на глубине 40 см от современной поверхности в яме (250×80 см). На дне ямы прослежен тлен от гроба прямоугольной формы (235×50 см). Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на восток с отклонением 11° к северу. Правая рука была вытянута, левая — согнута, кисть ее покоилась на тазе. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. У черепа справа найдено шесть, а слева — девять височных колец (табл. XXII, 1—5), в области шеи — восемь пастовых бус (табл. XXII, 9), на груди слева — четыре бусины и подвеска-образок (табл. XXII, 6), в области живота справа — бронзовая цепочка (табл. XXII, 7) и 16 пастовых бус (табл. XXII, 10), на одной из фаланг правой кисти — перстень (табл. XXII, 8), на правой тазовой кости — нож.

Погребение 7. Представляло собой яму в форме прямоугольника со скругленными углами (240×80 см, глубина 60 см), ориентированную в направлении запад—восток с отклонением 30° к северу. Заполнение в придонной части — темная гумусированная супесь. В юго-восточном углу найдена полая подвеска-уточка (табл. XXIII, 9).

Погребение 8. Находилось на глубине 50 см от современной поверхности в яме (105×50 см). На дне ямы — полуистлевшие черепные кости ребенка в возрасте трех — десяти месяцев. Судя по их положению, костяк лежал вытянуто, черепом на восток. Вещей нет.

Погребение 9 (табл. III, IV). Расчищено на глубине 25 см от поверхности в яме (210×80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на восток с отклонением 18° к югу. Левая рука была вытянута, правая — немного согнута, кисть ее лежала в области таза. Костяк принадлежал женщине возмужалого возраста. Вокруг костяка прослежен тлен от прямоугольного гроба (170×35 см). В области шеи найдено девять стеклянных бусин, у бедра слева — перстень (табл. XXIII, 7), в ногах — раздавленный круговой сосуд. В 60 см от края ямы прослежена круглая столбовая ямка (диаметр 35 см).

Погребение 10. Представляло собой яму в форме неправильного овала (275×80 см, глубина 60 см), ориентированную в направлении запад—восток. Заполнение ямы в придонной части окрашено в темный цвет. Кости и вещи отсутствуют. В 40 см от края зафиксирована круглая столбовая ямка (диаметр 20 см).

Погребение 11. Находилось на глубине 65 см от современной поверхности в яме (220×95 см). На дне ямы зафиксированы тлен от костяка и фрагменты черепных костей ребенка одного года—двух лет. Очевидно, погребенный лежал вытянуто, головой на восток. Рядом с черепом найден крестик (табл. XXIII, 8).

Погребение 12. Расчищено на глубине 25 см от поверхности в яме (225×75 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 30° к югу. Череп был повернут направо, левая рука вытянута, правая — немного согнута, кисть ее лежала в области таза. Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста. На бедренной кости правой ноги лежал топор (табл. IX, 9), под бедренной костью

левой ноги — нож, рядом с кистью левой руки — еще один нож, у правого колена — два наконечника стрел, в области шеи — две пастовые бусины. В ногах лежал лепной сосуд (табл. X, 20). Около костяка найдено шесть гвоздей от гроба.

Погребение 13. Находилось на глубине 60 см от современной поверхности, повреждено карьером. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 10° к югу. Руки были немного согнуты, кисти их покоились на животе. Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. У локтя правой руки найдены две конические подвески, закрепленные на шнурке, на который были напизаны 22 бронзовые бусины (табл. XXII, 13, 17, 18), тут же лежал нож. В перемешанном грунте рядом найдены стеклянная бусина, костяная обоймица, наконечник стрелы, фрагменты лепного сосуда и четыре гвоздя.

Погребения 14, 25, 26. Скопление разрозненных костей, залежавших в пахотном слое на глубине 25 см. Анатомический порядок сохранили берцовые и бедренная кости погребения 14, принадлежавшего женщине зрелого возраста. Судя по их положению, костяк лежал черепом на восток. Перемешанные кости принадлежали ребенку четырех—шести лет (погребение 25) и мужчине (погребение 26). Среди костей найдены плоская зооморфная подвеска (табл. XXII, 15), браслет, пять височных колец (табл. XXII, 14, 16), колоколовидная подвеска (табл. XXII, 25), бронзовая пуговица, треугольная привеска (табл. XXII, 11), стеклянная бусина, нож и два фрагмента гончарного сосуда.

Погребение 15. Представляло собой яму в форме прямоугольника со скругленными углами (225×70 см, глубина 70 см), ориентированную в направлении запад—восток с небольшим отклонением к югу. В придонной части зафиксировано пятно темного тлена. Кости и вещи отсутствуют.

Погребение 16 (табл. III, 1). Расчищено на глубине 60 см от современной поверхности в яме (220×75 см). Вокруг костяка — тлен от гроба прямоугольной формы (ширина 45 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 15° к югу. Руки были вытянуты. Скелет принадлежал мужчине возмужалого возраста. У правого плеча лежал боевой топорик (табл. VII, 3), в области таза — нож (табл. XXIII, 10), в ногах — нож и развал кругового сосуда.

Погребение 17 (табл. III, 11). Расчищено на глубине 60 см от поверхности в яме (220×60 см), рядом с погребением 16. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 10° к югу, череп повернут влево. Руки слегка согнуты. Костяк принадлежал женщине возмужалого возраста. Под черепом слева найдено три бусинных кольца, а справа — три перстнеобразных (табл. XXIII, 13—18). В области шеи и груди — 70 стеклянных бус (табл. XXIII, 25, 26). У таза справа — бубенчик (табл. XXIII, 24), треугольная и коническая (табл. XXIII, 23) подвески, бубенчик с цепочкой из костыльков, обмотанных проволокой (табл. XXIII, 22), спиральная пронизка. Под лучевой костью правой руки — плоская подвеска-конек (табл. XXIII, 21), под кистью — нож, у бедра справа — фрагмент ключа (?), обмотанный тканью и вставленный в колоколовидную привеску (табл. XXIII, 11, 12). На фалангах правой и левой руки — по одному перстню

(табл. XXIII, 19, 20). В ногах слева — кольцевидная фибула и развал лепного сосуда (табл. X, 21).

Погребение 18 (табл. III, III). Находилось на глубине 60 см от современной поверхности в яме (210×70 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован на восток с отклонением 18° к югу. Руки были чуть согнуты. Костяк принадлежал мужчине зрело-возмужалого возраста. У колена справа найден топор с двумя клиньями (табл. IX, 6), у бедра — наконечник стрелы, в области живота — стеклянная бусина, у таза справа — нож и игла, в ногах — лепной сосуд (табл. X, 19).

Погребения 19 и 22. Представляли собой скопление разрозненных костей, залежавших в пахотном слое на глубине 25 см без анатомического порядка. Кости принадлежали взрослому человеку (погребение 19) и младенцу (погребение 22). Среди костей найдены браслет (табл. XXIII, 5), две шумящие подвески (табл. XXIII, 1, 3), бронзовая гривна (табл. XXIII, 6), поясное кольцо (табл. XXIII, 2), металлическая и стеклянная бусины (табл. XXIII, 4), нож и фрагменты кругового сосуда.

Погребение 20. Расчищено на глубине 45 см от современной поверхности в гробу прямоугольной формы (ширина 37 см). Костяк ребенка 7—11 лет лежал на спине вытянуто, черепом на восток с отклонением 14° к югу. Слева у черепа найдено три височных кольца, справа — одно (табл. XXIV, 1, 2), в области шеи — бронзовая гривна (табл. XXIV, 10), два крестика (табл. XXIV, 3) и 20 стеклянных бус (табл. XXIV, 4). В области живота справа — нож, колоколовидная подвеска (табл. XXIV, 6), два бубенчика (табл. XXIV, 5, 7), две шумящие привески (табл. XXIV, 8, 9), костылек от цепочки; слева — фрагмент плетеного браслета.

Погребение 21. Расчищено на глубине 70 см от современной поверхности в яме (250×80 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 38° к югу. Руки были вытянуты. Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. На дне ямы прослежен тлен от прямоугольного гроба (185×60 см) и найден гвоздь. У черепа справа и слева найдено по проволочному височному кольцу (табл. XXIV, 19), за черепом — подковообразная фибула (табл. XXIV, 11), в области шеи — 61 стеклянная бусина (табл. XXIV, 14) и два крестика (табл. XXIV, 15, 16), на фалангах пальцев правой и левой руки — по одному бронзовому перстню (табл. XXIV, 17, 18). У таза слева расчищены нож и остатки шнурка с 30 бронзовыми пронизками. На конце шнурка были закреплены подвески — полая бронзовая уточка и объемный костяной конек (табл. XXIV, 12, 13, 20). В ногах — развал лепного сосуда (табл. X, 27).

Погребение 23. Скопление костей, залежавших в пахотном слое на глубине 30—50 см без анатомического порядка. Кости принадлежали ребенку шести—восемью лет.

Кроме того, на площадке могильника встречены отдельные кости от нарушенных захоронений и найдены топор (табл. X, 10), оселок, шиферное пряслице (табл. XXII, 12), несколько фрагментов лепного сосуда и бронзовая монетовидная подвеска.

Могильник Нефедьево IB

Находится на юго-западном склоне того же холма, в 30 м к юго-западу от могильника IA (табл. II, 1). Располагается на высоте 4 м над уровнем воды. Обнаружен автором в 1984 г. В 1985 г. здесь вскрыта площадь около 200 кв. м (табл. II, 5)²¹.

Погребение 1 (табл. III, VI). Расчищено на глубине 25–30 см от современной поверхности, на контакте пахотного слоя и материка, сильно повреждено распашкой. В анатомическом порядке — берцовые кости и кости стоп. Судя по их положению, погребенный лежал на спине вытянуто, ориентировка восточная с отклонением 20° к северу. Кости верхней части перемешаны, залегают в беспорядке в пахотном слое. Кости принадлежали мужчине (?) 35–50 лет. В ногах погребенного лежали железный нож, гребень (табл. XXV, 7), фрагменты лепного сосуда, три железных гвоздя и кости птицы. Здесь же прослежены остатки дерева от гроба. В пахотном слое найдены два топора (табл. IX, 12, 16) и серебряная монетовидная подвеска (табл. XXV, 6).

Погребение 2. Зафиксировано на глубине 30 см от современной поверхности, на контакте пахотного слоя и материка. Костяк задет распашкой. Он лежал на спине вытянуто, ориентировка восточная с отклонением 13° к северу. Левая рука вытянута. Костяк принадлежал ребенку трех—пяти лет. У головы погребенного — два железных гвоздя, в ногах — три гвоздя, шестой гвоздь найден в пахотном слое. В области шеи — 54 стеклянные бусины, у черепа — лунница (табл. XXV, 3), в области груди — бронзовый крестик (табл. XXV, 1) у таза слева — плоская прорезная подвеска-уточка (табл. XXV, 2) и две колоколовидные привески (табл. XXV, 4, 5), в ногах — железный нож, у колена справа — развал лепного сосуда.

Погребение 3. Расчищено на глубине 40 см от поверхности в яме четырехугольной формы (240×75 см, глубина 12 см). В яме отмечены следы гроба прямоугольной формы (ширина 65 см, длина не менее 228 см) и найдено четыре гвоздя. Костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 4° к югу. Кости принадлежали взрослому человеку. У бедра слева — железный нож (табл. XXV, 25), в ногах слева — топор (табл. IX, 3), два наконечника стрел и шило с бронзовой обоймицей. Судя по инвентарю, погребение мужское.

Погребение 4. Расчищено на глубине 50 см от поверхности в яме прямоугольной формы (255×60 см, глубина до 16 см). С севера яма вплотную примыкала к яме погребения 3. В заполнении ямы прослежен тлен от прямоугольного гроба (212×55 см). Костяк плохой сохранности лежал на спине вытянуто, ориентировка восточная с отклонением 4° к югу. Кисть правой руки — в области таза. Костяк принадлежал женщине 25–35 лет. У черепа справа — проволочное височное кольцо, слева — два аналогичных кольца (табл. XXV, 9, 10). В области груди — фрагменты железной тордированной гривны (табл. XXV, 15) и 32 стеклянные бусины (табл. XXV, 8), на одной нитке с бусами — серебряная монетовидная подвеска (табл. XXV, 12), рядом — монета с ушком (Хальбертат, епископ Бурхард I, 1036–1059 гг.). В области живота — бронзовое коль-

цо с прикрепленными к нему двумя шерстяными шнурками, обнизанными бронзовыми бусами (табл. XXV, 17). На одном из шнурков была закреплена плоская уточка (табл. XXV, 19), на другом — коническая подвеска (табл. XXV, 18), под ними — железный нож. На левой руке — овалоконечный браслет (табл. XXV, 16), на одной из фаланг правой руки — бронзовый перстень (табл. XXV, 25). В области таза — пряслице (табл. XXV, 22). В ногах справа — костяной гребень (табл. XXV, 20), две плоские уточки, грушевидный бубенчик, колоколовидная привеска и шесть стеклянных бусин. В юго-западном углу ямы — лепной сосуд (табл. X, 25).

Погребение 5. Нарушено поздним перекопом. Кости ног, ниже колен сохранившиеся в анатомическом положении, зафиксированы на глубине 40 см от поверхности, на контакте пахотного слоя и материка. На краю ямы-перекопа частично сохранили анатомическое положение кости грудной клетки, рук и череп. Остальные кости лежали в беспорядке в перекопе. Очевидно, костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка юго-восточная. Кости принадлежали женщине 25–35 лет. У черепа справа — проволочное височное кольцо (табл. XXVI, 11), под черепом — пять височных колец (табл. XXVII, 2–6) и стеклянная бусина. В области груди — два проволочных кольца (табл. XXVII, 7, 10), бронзовые пронизки и треугольная подвеска (табл. XXVII, 13).

Погребения 6 и 7 (табл. III, VII). Расчищены на глубине 70 см от поверхности в одной могильной яме прямоугольной формы (длина 240 см, ширина 130 см, глубина 50 см). Погребение 6 (северное) находилось в деревянном прямоугольном гробе (210×45 см, высота не менее 12 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на восток с отклонением 8° к северу. Руки немного согнуты, кисти — в области таза. Костяк принадлежал женщине 25–35 лет. У левого виска — три проволочных височных кольца (табл. XXVI, 1–3), у правого — два. В области шеи и груди — ожерелье, в состав которого входили 65 стеклянных бус, образец с изображением Богоматери, крестик, две лунницы и бронзовая копоушка (табл. XXVI, 4, 7–10). На запястье левой руки — браслет (табл. XXVI, 14), на фалангах — два перстня (табл. XXVI, 19, 20). У таза справа — остатки шерстяного шнура с бронзовыми пронизками, на шнуре — плоская подвеска-уточка (табл. XXVI, 12), рядом — два плоских двугловых конька (табл. XXVI, 5, 6), полая уточка (табл. XXVI, 16) и еще одна плоская уточка (табл. XXVI, 13). У бедра справа — железный нож. В ногах слева компактным скоплением лежали шиферное пряслице (табл. XXVI, 15), бронзовая цепочка (табл. XXVI, 18), бронзовый браслет (табл. XXVI, 21), бронзовая пронизка и 58 стеклянных бусин (табл. XXVI, 17). Рядом — лепной сосуд (табл. X, 26), под ним кости птицы и рыбы. Погребение 7 (южное) находилось в деревянном гробе прямоугольной формы (202×40 см, высота не менее 14 см). В местах скрепления стенок гроба встречены железные гвозди — два в головах и два в ногах, еще два — у верхнего края гроба, в области таза погребенного. Очевидно, гвозди были использованы для прикрепления крышки гроба. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка восточная с отклонением 8° к северу. Руки вытянуты, кисти у бедер. Костяк принадлежал мужчине 30–40 лет. На груди — бронзовая пуговица, у колена

справа — два железных наконечника стрел (табл. XXVI, 24, 25), у бедра слева — железный нож (табл. XXVI, 27), у колена — костяной гребень (табл. XXVI, 23), кресало (табл. XXVI, 26), пять стеклянных бус и бронзовый крест (табл. XXVI, 22).

Погребение 8. Обнаружено в пахотном слое и в заполнении поздней ямы перекопа. Кости перемешаны и лежат в беспорядке. Они принадлежали женщине 25—40 лет. Рядом с костями в пахотном слое найдены три железных гвоздя, костяной гребень (табл. XXVII, 9) и проволочное височное кольцо (табл. XXVII, 12).

Погребение 9. Расчищено на глубине 40 см от поверхности в яме прямоугольной формы (150×75 см, глубина 8 см). Потревожено перекопом. На дне ямы — полуистлевшие кости ребенка в возрасте от двух до пяти лет. Очевидно, погребенный лежал вытянуто, головой на восток с отклонением 16° к северу. У черепа — три бронзовые бусины, фрагмент серебряной пластины и бронзовый крест (табл. XXVII, 8), в районе пояса — нож, стеклянная бусина и изделие из кости (табл. XXVII, 1).

Погребение 10. Зафиксировано на глубине 50 см от поверхности в яме овальной формы (160×55 см, глубина 6 см). На дне ямы в западной части — череп ребенка двух—четырёх лет, в центральной — фрагмент длинной кости. Очевидно, погребенный был обращен головой на запад. Под нижней челюстью — две стеклянные бусины.

Погребение 11. Расчищено на глубине 25—30 см от поверхности, на контакте пахотного слоя и материка. Кости потревожены распашкой. Они принадлежали новорожденному младенцу. Ориентировка, очевидно, западная, положение не установлено. Вещей нет.

Погребение 12. Расчищено на глубине 40 см от поверхности в яме четырехугольной формы (110×65 см, глубина 7 см). На дне ямы — полуистлевшие кости, в том числе череп, принадлежавший ребенку в возрасте 1 года ± 4 месяца. Ориентировка восточная с отклонением 25° к югу. Вещей нет.

Погребение 13. Скопление разрозненных костей взрослого человека, залегающее в пахотном слое. Среди костей — фрагменты черепа, длинных костей рук и ног, ребра и позвонки. Здесь же найдены железные топор (табл. IX, 13) и наконечник стрелы.

Погребение 14. Разрозненные кости ребенка шести—семи лет, залегающие в пахотном слое.

Кроме того, на площадке могильника в пахотном слое найдены железный клин от топора, несколько фрагментов лепной керамики (табл. X, 28) и четыре железных гвоздя.

Могильник Шуйгино

Находится на правом берегу р. Иткла, при впадении в нее р. Коза, на западной окраине д. Шуйгино (табл. I, 2; рис. 16). Занимает мыс береговой террасы высотой 2,5—4 м над уровнем воды. Поврежден двумя небольшими карьерами. В 20 м к северо-востоку, на краю той же террасы, располагается почти полностью уничтоженное распашкой селище Шуйгино (площадь около 1200 кв. м) с круговой керамикой XII—XIII вв., а в 100 м к югу — селище Шуйгино II (площадь около 2500 кв. м).

Рис. 16. Шуйгино. Общий вид могильника с юга

с лепной и гончарной керамикой XII в. В 1985 г. автор вскрыл площадь 400 кв. м и полностью исследовал памятник (табл. I, 1)²².

Погребение 1. Расчищено на глубине 0,35 м от современной поверхности в могильной яме (225×65 см). В заполнении ямы — два железных гвоздя и остатки дерева от гроба. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 8° к югу. Руки вытянуты, кисти — на бедренных костях. Костяк принадлежал мужчине 25—30 лет. У верхнего края ямы найдено перстнеобразное височное кольцо, у колена справа — топор (табл. IX, 15), в ногах справа — два наконечника стрел (табл. XXVII, 22, 23) и железный нож (табл. XXVII, 14).

Погребение 2. Скопление разрозненных костей, потревоженных распашкой, залегающее на глубине 25 см от современной поверхности. In situ лежал лишь череп. Кости принадлежали ребенку 7—11 лет.

Погребение 3. Расчищено на глубине 20 см от современной поверхности в яме (205×75 см), где прослежены остатки гроба. Задето распаш-

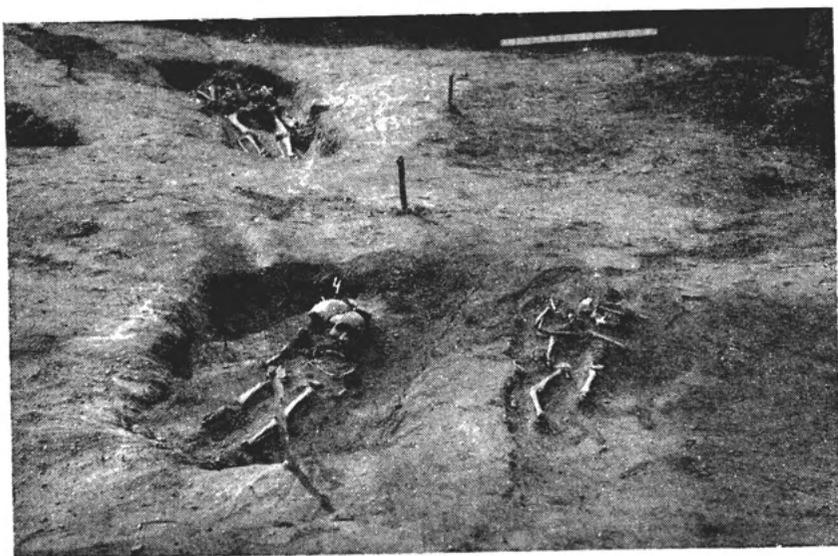

Рис. 17. Шуйгино. Погребения 4—6 на площадке могильника

кой. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Руки согнуты, одна из них лежала на груди, другая — на животе. Костяк принадлежал мужчине 45—55 лет. У таза справа — железный нож (табл. XXVII, 24).

Погребение 4. Расчищено на глубине 15 см от поверхности в яме (145×75 см). Сильно поврежденный распашкой костяк лежал на спине, черепом на запад с отклонением 15° к северу (рис. 17). Он принадлежал ребенку в возрасте 5 лет ± 16 месяцев. В области шеи — бронзовая лунница (табл. XXVIII, 7), в области груди — шесть стеклянных бус.

Погребение 5. Расчищено на глубине 25—30 см от поверхности, повреждено распашкой. Костяк лежал в вытянутом положении, черепом на запад с отклонением 9° к северу. Вещей нет.

Погребение 6. Расчищено на глубине 35 см от современной поверхности в яме (235×65 см). Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка западная с отклонением 20° к югу. Руки согнуты, кисти подняты к плечам. Костяк принадлежал мужчине 30—40 лет. Вещей нет.

Погребение 7. Расчищено на глубине 45 см от поверхности в могильной яме (ширина 80 см). У западного края ямы — четыре гвоздя от гроба. Восточная часть уничтожена карьером. In situ сохранились кости ног и таза. Судя по их положению, погребенный лежал на спине вытянуто, головой на восток. Кости грудной клетки и рук в беспорядке. Костяк принадлежал женщине старше 25 лет. В ногах справа — железный нож (табл. XXVII, 15), среди перемешанных костей — фрагмент костяного гребня (табл. XXVII, 16), серебряная пуговица (табл. XXVII, 21), четыре проволочных височных кольца (одно — с надетой на него

стеклянной бусиной; табл. XXVII, 17—20) и 28 стеклянных бус (табл. XXVII, 25).

Погребение 8. Расчищено на глубине 50 см от поверхности в яме (200×80 см). В западной части ямы найден гвоздь. Костяк лежал на спине вытянуто, ориентировка восточная с отклонением 25° к югу. Руки согнуты и положены на живот. Скелет принадлежал женщине старше 50 лет. На краю ямы у юго-восточного угла лежало три перстнеобразных височных кольца, четвертое кольцо найдено под черепом (табл. XXVIII, 1—4). В области таза слева — шиферное пряслице (табл. XXVIII, 5).

Погребение 9. Овальная в плане яма (150×65 см), ориентированная по линии запад—восток. Костяка нет — очевидно, кости полностью истлели.

Погребение 10. Расчищено на глубине 25 см от поверхности, сильно потревожено распашкой. Ориентировка восточная. Плохо сохранившиеся кости принадлежали ребенку четырех — шести лет. Среди черепных костей — перстнеобразное височное кольцо (табл. XXVIII, 6).

Погребение 11. Расчищено на глубине 25 см от поверхности, потревожено распашкой, кости в беспорядке. Ориентировка, очевидно, восточная. Кости принадлежали ребенку одного года — двух лет.

Погребение 12. Скопление разрозненных костей, залегавших в пахотном слое и в выбросе из карьера. Кости принадлежали женщине 35—40 лет. Среди костей — железный нож (табл. XXVII, 26).

Погребение 13. Зафиксировано на глубине 30 см от поверхности, частично потревожено распашкой. В анатомическом порядке — кости ног таза. Судя по их положению, скелет лежал вытянуто, черепом на запад. Кости принадлежали ребенку в возрасте до 12 лет. Вещей нет.

Погребение 14. Овальная в плане яма (150×60 см, глубина до 25 см), ориентированная в направлении запад—восток. Очевидно, она содержала костяк ребенка, полностью истлевший.

Погребение 15. Полуистлевший череп и несколько ребер в пахотном слое на глубине 35 см от поверхности. Кости принадлежали ребенку в возрасте 2 года ± 8 месяцев. Вещей нет.

Погребение 16. Расчищено на глубине 30 см от поверхности, сильно потревожено распашкой. В анатомическом порядке сохранились кости рук, лежавших на животе, и кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Кости принадлежали ребенку 6—10 лет. Вещей нет.

Погребение 17. Зафиксировано на глубине 40 см от поверхности в яме (200×70 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 4° к северу. Правая рука вытянута, левая согнута, кисть — на тазовой кости. Костяк принадлежал женщине 30—40 лет. Под черепом — 13 проволочных височных колец: пять — справа и восемь — слева (табл. XXVIII, 9—21).

Погребение 18. Расчищено на глубине 50 см от современной поверхности в яме (225×70 см). В западной части ямы — следы дерева от гроба. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, черепом на восток

с отклонением 27° к югу. Руки согнуты, кисти — в области таза. Костяк принадлежал женщине 40—45 лет. Вещей нет.

Погребение 19. Расчищено на глубине 20 см от поверхности, повреждено распашкой. В анатомическом порядке — нижняя часть скелета. Судя по ее положению, костяк лежал на спине с немного подогнутыми ногами, ориентировка западная. Кости принадлежали ребенку в возрасте до года. Вещей нет.

Погребение 20. Расчищено на глубине 25 см от поверхности, сильно повреждено распашкой. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная с отклонением 14° к югу. Ноги немного подогнуты влево. Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. Руки согнуты, кисти — на тазе. На одной из фаланг — бронзовый перстень (табл. XXVIII, 32), рядом с левой ногой — нож (табл. XXVIII, 31) и железное кольцо.

Погребение 21. Расчищено на глубине 20 см от поверхности в пахотном слое, задето распашкой. Очевидно, костяк лежал в вытянутом положении, черепом на восток. Кости принадлежали ребенку в возрасте от года до шести лет. Справа от черепа — две стеклянные бусины, слева — височное кольцо (табл. XXVIII, 29), западнее — стеклянная бусина, бронзовый бубенчик (табл. XXVIII, 28) и колоколовидная привеска (табл. XXVIII, 27).

Погребение 22. Полуплестлевиный череп ребенка на глубине 30 см от поверхности, на контакте пахотного слоя и материка. Возраст погребенного от года до шести. Ориентировка, очевидно, восточная. Вещей нет.

Погребение 23. Находилось на глубине 15—18 см от современной поверхности в могильной яме (120×37 см). Костяк, задетый распашкой, лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка восточная. Руки согнуты, локтевые кости — на животе. Костяк принадлежал ребенку трех—пяти лет. В области таза — бронзовая крестовидная подвеска (табл. XXVIII, 8), в области шеи — стеклянная бусина. На плечевой кости левой руки — окись меди.

Погребение 24. Зафиксировано на глубине 25 см в яме (170×50 см). Полуистлевший костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом на восток. Он принадлежал ребенку трех—пяти лет. В области груди — стеклянная бусина, у черепа — два перстнеобразных височных кольца (табл. XXVIII, 22, 23), у челюсти — лунница (табл. XXVIII, 24). В области груди — две подвески: плоский двуголовый конек (табл. XXVIII, 26) и полая уточка (табл. XXVIII, 25). Между коленями — стеклянная бусина.

Погребение 25. Расчищено на глубине 50—60 см от поверхности в яме (195×60 см). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная. Руки согнуты под прямым углом, кисти — на животе. Костяк принадлежал женщине 50—60 лет. У таза справа — железный нож, на одной из фаланг правой руки — бронзовый перстень (табл. XXVIII, 30), в области таза — железная пряжка, в области головы, живота и груди — восемь стеклянных бусин.

Погребения 26 и 27. Скопление разрозненных костей в пахотном слое у края карьера. Кости принадлежали женщине 50—60 лет (?) и мужчине (?).

Кроме того, на площадке могильника расчищено пять ям круглой или овальной формы (от 130×125 до 55×55 см, глубина ям от 10 до 40 см), заполнение — серая гумусированная супесь с углями. В ямах 1 и 3 встречены пережженные очажные камни. В яме 4 найден железный гвоздь, в яме 5 — бронзовая бляшка.

Могильник Благовещение

Находится на западной окраине д. Благовещение, на высоком участке правого берега р. Порозовица, в местности «Могильцы». В 1920-х годах при земляных работах здесь были обнаружены погребения и найден железный топор. В 1939 г. местность была обследована П. А. Суховым, констатировавшим, что памятник почти полностью уничтожен карьером²³. В 1982 г. в 250 м к востоку от могильника, на правом берегу Порозовицы, автором обнаружено селище Кудрино с культурным слоем XIII в. (площадь 6 тыс. кв. м), а на левом берегу — сильно разрушенное селище Сопигино с гончарной керамикой XII—XIII вв.²⁴

Могильник Минино

Располагается на левом берегу р. Большой Юг, в центральной части д. Минино. В 1932 г. краевед Семеновский раскопал здесь три погребения, которые были потревожены при рытье картофельных ям. Сохранились сведения, что один из костяков имел южную ориентировку. При нем найдены четыре проволочных височных кольца, 48 стеклянных бус, ложноплетеная фибула с привесками и бубенчиками и нож, поступившие в Череповецкий музей. Сообщение о существовании здесь курганов не подтвердилось последними обследованиями²⁵.

Могильник Торово

Находится на северном берегу Рыбинского водохранилища, на окраине пос. Торово. До создания водохранилища местность представляла собой участок высокого левого берега р. Суда, недалеко от впадения ее в Шексну. Могильник обнаружен в 1950-х годах краеведом А. А. Алексеевой. В 1959 г. небольшие раскопки здесь провела Н. В. Тухтина²⁶.

Погребение 1. Находилось на небольшой глубине, частично разрушено. Сохранились лишь бедренные кости. Судя по их положению, костяк лежал на спине вытянуто, черепом на юго-запад. Рядом с костями найдены железные гвозди.

Погребение 2. Находилось на небольшой глубине. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка южная с отклонением 25° к западу. Руки согнуты, кисти их покоились в области таза. В ногах найдено три гвоздя от гроба.

Погребение 3. Находилось на небольшой глубине. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом на юго-запад. Руки согнуты, кисти покоились на животе. В ногах найден гвоздь от гроба.

Погребение 4. Расчищено на небольшой глубине. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка южная с отклонением 20° к западу. Руки согнуты, кисть правой находилась в области таза, левой — на груди. Под черепом слева найдено височное кольцо, на пальце левой руки — перстень.

Погребение 5. Расчищено на небольшой глубине, верхняя часть костяка отсутствует. Судя по положению костей ног, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на юг с отклонением 13° к западу. В ногах найден гвоздь от гроба.

Погребение 6. Находилось на небольшой глубине. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентировка западная с отклонением 15° к югу. Руки согнуты, кисти — в области живота. Рядом с костяком найдено шесть гвоздей от гроба.

Кроме того, в разрушенных погребениях А. А. Алексеевой найдены три ножа, пять пуговиц, 28 проволочных височных колец, бубенчик, пригвоздка и несколько стеклянных бусин.

- ¹ Овсянников О. В. Археологические разведки на территории Архангельской обл. в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8484. Л. 17–27; Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные о культуре средневекового «чуждского» населения в бассейне оз. Лача // СА. 1986. № 2. С. 210–216.
- ² Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской и Архангельской областях в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. № 9705. Л. 21–44; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 10604. Л. 85, 86.
- ³ Ошибкина С. В., Макаров Н. А. Отчет о работе Вятской и Северной экспедиций в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 7451. Л. 32, 33; Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. Л. 89–91.
- ⁴ Сергеевский Г. П. Экскурсия на р. Кинему // Север. 1927. № 2 (6). С. 181–184.
- ⁵ Ошибкина С. В. Отчет о работе Вятской и Северной экспедиций в 1978 г. // Архив ИА. Р-1. № 8615. Л. 29–35; Ошибкина С. В., Макаров Н. А. Отчет о работе Вятской и Северной экспедиций в 1979 г. Л. 32, 33; Макаров Н. А. Средневековый могильник Попово на Каргополье // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 80–86.
- ⁶ Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА. Р-1. № 10762. Л. 3–5.
- ⁷ Брюсов А. Я. Отчет о работах Вологодской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив ИА. Р-1. № 2066. Л. 14–16; Он же. Финское погребение X–XI вв. в д. Погостице Кирилловского р-на Вологодской обл. // КСИА. М., 1969. Вып. 120. С. 81–83; Тухтина Н. В. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1960 г. // Архив ИА. Р-1. № 2180. Л. 3–6; Она же. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сб. М., 1966 (Тр. ГИМ. Вып. 40). С. 134, 135.
- ⁸ Ошибкина С. В. Отчет о работе Вятской и Северной экспедиций в 1978 г. Л. 55–58; Макаров Н. А. Раскопки средневекового могильника Погостице в Вологодской обл. // СА. 1983. № 3. С. 215–219.
- ⁹ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 41.
- ¹⁰ Арсакова М. Е. О раскопках курганов Кемской группы, расположенной на левом берегу р. Кемы около д. Волтипской, летом 1927 г. // Архив ЛОИА. Ф. 2. № 117/1927; Голубева Л. А. Кемские курганы // СА. 1969. № 3. С. 261, 262.
- ¹¹ Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской обл. в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8153. Л. 28–42; Он же. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской и Архангельской областях в 1982 г. Л. 47–67; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1984 г. // Архив ИА. Р-1. № 10451. Л. 26–104; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г. Л. 31–45.
- ¹² Голубева Л. А. Могильник X – середины XI в. на Белом озере // СА. 1961. № 1. С. 201–215; Тухтина Н. В. Об этническом составе... С. 134. Из-за ошибки в коллекционных описях ЧКМ два топора и нож (кол. Р-283), происходящие из раскопок М. Е. Арсаковой 1927 г. на Кеме, были изданы Л. А. Голубевой как материалы из погребения 1 в Киснеме. Коллекция была переприписана А. Н. Башенькиным. Исправляя ошибку, я сохраняю нумерацию погребений Киснемского могильника, данную Л. А. Голубевой.

- ¹³ Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Архангельской и Вологодской областях в 1982 г. Л. 3; Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в с. Троицкое (Киснема) Вашкинского р-на Вологодской обл. в 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 9727. Л. 8–13.
- ¹⁴ Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 74–77.
- ¹⁵ Ошибкина С. В. Могильник Пески в Вологодской обл. // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 65–69; Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. Л. 22–34.
- ¹⁶ Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. Л. 22–34.
- ¹⁷ Макаров Н. А. Отчет о разведках в Архангельской и Вологодской областях в 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 7956. Л. 11, 12.
- ¹⁸ Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской обл. в 1981 г. Л. 19.
- ¹⁹ Сухов П. А. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском р-не в 1939 г. // Архив ЛОИА. Ф. 35. № 41/1939. Л. 7, 8.
- ²⁰ Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. Л. 34–51.
- ²¹ Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г. Л. 61–73.
- ²² Там же. Л. 46–60.
- ²³ Сухов П. А. Отчет о полевых археологических работах... Л. 6, 7.
- ²⁴ Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской и Архангельской областях в 1982 г. Л. 9, 10; Он же. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. Л. 16–21.
- ²⁵ Архив ЧКМ: Археологические паспорта. Ф. 12. № 57; Голубева Л. А. Могильник X – середины XI в. ... С. 213; Башенькин А. Н. Отчет археологической экспедиции ЧКМ о работе в Вологодской обл. в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8715. Л. 17; ЧКМ, кол. № 1089.
- ²⁶ Тухтина Н. В. Отчет о работе Белозерской экспедиции ГИМ в Вологодской обл. в июле-августе 1959 г. // Архив ИА. Р-1. № 1933. Л. 4, 5; Она же. Об этническом составе... С. 135; ЧКМ, кол. № 2488, 2946, 3154, 3480, 3275.

ТАБЛИЦЫ

Таблица I. Планы могильников

1 – Шуйгино I, план раскопа; 2 – Шуйгино I, план местности; 3 – Крохинские Пески, план раскопа; 4 – Горка I, план раскопа; а – ненарушенные погребения; б – нарушенные погребения; в – отдельные кости; г – очажки и жертвенные ямы; д – перекопы

Таблица II. Планы могильников

1 – Нефедьево IA, IB, план местности; 2 – Нефедьево IA, план раскопа; 3 – Попово, план раскопа; 4 – Попадьино, план раскопа; 5 – Нефедьево IB, план раскопа; а – ненарушенные погребения; б – нарушенные погребения; в – отдельные кости; г – вещи, найденные вне комплексов; д – перекопы

Таблица III. Могильники восточного Прионежья. Планы погребений

I – V – Нефедьево IA: I – погребение 16 (I – топор; 2, 4 – ножи; 3 – развал сосуда), II – погребение 17 (I–6 – височные кольца; 7–76 – бусы; 77 – нож; 78–85 – поясные подвески, бубенчики, спиральная пронизка, фрагмент ключа (?); 86, 87 – перстни; 88 – развал сосуда; 89 – фибула), III – погребение 18 (I – топор; 2 – наконечник стрелы; 3 – бусина; 4 – горшок; 5 – нож; 6 – игла), IV – погребение 9 (I – перстень; 2–10 – бусы; 11 – сосуд), V – погребение 6 (I–15 – височные кольца; 16 – подвеска-образок; 17–41, 45–48 – бусы; 42 – цепочка; 43 – перстень; 44 – нож); VI – Шуйгино I, погребение 1 (I – височное кольцо; 2 – топор; 3, 4 – наконечники стрел; 5 – нож); VII – Нефедьево IB, погребение 6 (I–5 – височные кольца; 6–10 – подвеска-образок, крестик, лунница, копоушка; 11–75 – бусы; 76 – браслет; 77, 84 – перстни; 78–83 – поясные подвески; 85 – нож; 86 – чьяслище; 87 – браслет; 88 – цепочка; 89 – пронизка; 90 – горшок; 91–148 – бусы) и погребение 7 (I – пуговица; 2, 3 – наконечники стрел; 4 – нож; 5 – гребень; 6 – кресало; 7 – крестик)

Таблица IV. Никольское III. План могильника

а – ненарушенные погребения; б – нарушенные погребения; в – ровики и ямы с гумусированным заполнением; г – курганы, раскопанные в 1981–1985 гг.; д – курганы со следами старых раскопок и ям, не подвергавшиеся раскопкам в 1981–1985 гг.

Таблица V. Никольское III. Планы и профили курганов

1 – курган 8; 2 – курган 14; 3 – курган 16; 4 – курган 32; 5 – курган 35; а – светло-желтая супесь; б – гумусированная светло-серая супесь; в – перекопы; г – материк; д – дневная поверхность; е – погребенный дерн

Таблица VI. Никольское III. Планы погребений

I – курган 10, погребение 1 (I – нож; 2 – серебряная пронизка; 3 – браслет; 4, 5, 18–21 – перстни; 6 – глиняная чашечка; 7 – височное кольцо; 8 – расческа; 9 – подвеска-ключ; 10 – фибула; 11 – бронзовое кольцо; 12 – крест; 13 – лунница; 14 – острое с кольцом; 15–17, 25–76 – бусы; 22–24 – монеты); II – курган 16, погребение 2 (I–24 – монеты; 25 – железный предмет (нож?); 26 – нож; 27 – топор); III – бескурганый могильник, погребение 5 (I – бусина; 2 – пряжка; 3, 4 – ножи; 5 – горшок); IV – курган 43, погребение 1 (I – нож; 2 – топор; 3 – височное кольцо; 4 – расческа); V – курган 2, погребение 2 (I, 5 – монеты; 2 – бусина; 3 – гребень; 4 – топор; 6 – горшок); VI – курган 1, погребение 1 (I – перстень; 2 – меч; 3 – нож; 4 – горшок); VII – курган 22, погребение 1 (I–36 –

бусы; 37 – монета; 38 – височное кольцо; 39 – перстень; 40 – нож; 41 – монета с ушком); VIII – бескурганый могильник, погребение 3 (I, 3–5 – монеты; 2 – браслет; 6 – нож; 7 – бронзовый топорик; 8 – горшок); IX – бескурганый могильник, погребение 4 (I, 4 – монеты; 2 – нож; 3 – гребень; 5 – топор); X – курган 29, погребение 1 (I – монета; 2 – нож; 3 – бусина; 4 – железное кольцо)

Таблица VII. Оружие из могильников восточного Прионежья

1 – Никольское III, курган 1, погребение 1; 2 – Никольское III, курган 35, погребение 1; 3 – Нефедьево IA, погребение 16

Таблица VIII. Никольское III. Топоры из погребений

1 – курган 11, погребение 1; 2 – курган 38, погребение 1; 3 – бескурганый могильник, погребение 4; 4 – курган 6, погребение 1; 5 – курган 43, погребение 1; 6 – курган 6, погребение 2; 7 – курган А-2, погребение 1; 8 – курган 26, погребение 2; 9, 11 – курган А-3 или А-4; 10 – курган 16, погребение 2; 12 – курган 28, погребение 2; 13 – курган 9, погребение 2; 14 – курган 2, погребение 2; 15 – курган 4, погребение 1; 16 – бескурганый могильник, погребение 17; 17 – курган 18, погребение 1

Таблица IX. Могильники восточного Прионежья. Топоры из погребений

1–5 – Погостице: 1, 2, 5 – раскопки 1978 г., погребение 2, 3 – раскопки 1978 г., погребение 1, 4 – раскопки 1960 г., погребение 2, 6, 8–11 – Нефедьево IA: 6 – погребение 18, 8 – погребение 5, 9 – погребение 12, 10 – площадка могильника, 11 – погребение 4; 7 – Попово, погребение 13; 12–14, 16 – Нефедьево IB: 12 – погребение 1, 13 – погребение 13, 14 – погребение 3, 16 – погребение 1; 15 – Шуйгино, погребение 1

Таблица X. Могильники восточного Прионежья. Керамика

1–18, 32, 33 – Никольское III: 1 – грунтовой могильник, погребение 6, 2 – грунтовой могильник, погребение 18, 3 – курган 6, погребение 2, 4 – курган 42, погребение 1, 5 – курган 33, погребение 2, 6 – курган 11, погребение 1, 7 – курган 2, погребение 2, 8 – грунтовой могильник, погребение 5, 9 – курган 1, погребение 1, 10 – курган 4, погребение 2, 11 – курган 8, погребение 2, 12–13 – грунтовой могильник, погребение 3, 14 – курган А-4, погребение 1, 15 – курган 18, погребение 1, 16 – курган 6, погребение 1, 17 – курган 37, погребение 3, 18 – грунтовой могильник, погребение 10, 32 – курган 18, погребение 1, 33 – курган 37, погребение 3; 19–22, 24, 27, 29 – Нефедьево IA: 19 – погребение 18, 20 – погребение 12, 21 – погребение 17, 22 – погребение 19, 24 – погребение 4, 27 – погребение 21, 29 – погребение 5; 23 – Попово, погребение 13; 25, 26, 28 – Нефедьево IB: 25 – погребение 4, 26 – погребение 6, 28 – разрушенное погребение; 30 – Киснема, раскопки 1947 г., погребение 2; 31 – Киснема, раскопки 1959 г., погребение 1

Таблица XI. Могильник Горка I. Вещи из погребений

1, 2, 5–7 – погребение 31; 3, 4, 8, 9 – погребение 16; 10, 13–15, 21–23 – погребение 17; 11, 16 – погребение 23; 12, 17, 18 – погребение 22; 19 – погребение 18; 20 – погребение 1; 1–14, 17, 18, 20–23 – бронза; 15 – серебро; 16 – стекло; 19 – свинцово-оловянистый сплав

Таблица XII. Могильник Горка I. Вещи из погребений и жертвенного комплекса

1–4 – разрушенные погребения; 5 – погребение 7; 6–12 – жертвенный комплекс; 1, 4, 7–9, 12 – бронза; 2, 3, 5, 6, 10, 11 – железо

Таблица XIII. Могильник Попово. Вещи из погребений

1, 13 – погребение 6; 2, 4, 9, 14, 17, 20, 23, 27 – погребение 1; 3, 12, 25 – погребение 4; 5, 6, 15, 18, 19, 22, 28 – разрушенные погребения; 7, 11 – погребение 2; 8, 10, 16, 21, 24, 26 – погребения 10–12; 27 – погребение 3; 1–22, 25 – бронза и серебро; 23, 24, 27, 29 – кость; 26, 28 – железо. Масштаб 1:1,5

Таблица XIV. Могильник Погостице, раскопки 1978 г. План погребения 1 и вещи из него

1–3 – фибулы; 4, 5 – браслеты; 6 – перстень; 7 – нож; 8 – гривна; 9 – височное кольцо; 10 – бубенчик; 11 – топор; 12 – пронизки-спирали. Масштаб 1:1,5

Таблица XV. Никольское III. Вещи из погребений

1-5 - курган 4, погребение 2; 6-10 - курган 6, погребение 1; 11 - курган 4, погребение 1; 12-14, 20-28, 33 - грунтовой могильник: 12, 13 - погребение 23, 14 - погребение 16, 20 - погребение 2, 21-25 - погребение 1, 26-28 - погребение 6, 33 - погребение 4; 15-17 - курган 7, погребение 2; 18, 19 - курган 43, погребение 1; 29, 32 - курган 11, погребение 1; 30, 31 - курган 38, погребение 1; 1-4, 6, 10, 12-16, 21-28, 31 - бронза; 5, 11, 18, 30, 32, 33 - кость; 7, 9, 17 - железо; 8, 19, 20 - серебро; 29 - кость и железо

Таблица XVI. Никольское III. Вещи из погребения 2 в кургане 8

1-15, 25-28 - бронза; 16-22, 31 - кость; 23 - бронза и ткань; 24 - стекло; 29, 30 - глина; 32 - стекло и камень

Таблица XVII. Никольское III. Вещи из погребений

1-6, 11 - курган 9, погребение 1; 7-10 - курган 9, погребение 3; 12 - курган 9, погребение 2; 13-18 - курган 13, погребение 2; 19-25 - курган 16, погребение 1; 1-8, 10, 13, 14, 16-24 - бронза; 9, 15 - стекло; 11, 25 - стекло и камень; 12 - железо

Таблица XVIII. Никольское III. Вещи из погребений

1-14 - курган 10, погребение 1; 15-18 - курган 42, погребение 1; 19 - грунтовой могильник, погребение 17; 1-6, 10-13, 15-17 - бронза; 7-9 - стекло; 14 - глина; 18 - железо; 19 - железо и камень

Таблица XIX. Никольское III. Вещи из погребений

1-3, 7, 10, 13-23 - грунтовой могильник: 1-3 - погребение 11, 7 - погребение 9, 8, 9, 14-19, 21-23 - погребение 13, 10 - погребение 5, 13, 20 - погребение 3; 4, 11 - курган 41, погребение 1; 5, 6 - курган 28, погребение 2; 12 - курган 30, погребение 1; 24-27, 30-32 - курган 33, погребение 2; 28, 29 - курган 37, погребение 3; 1, 3-24, 29-31 - бронза; 2, 32 - стекло; 25-27 - серебро; 28 - глина

Таблица XX. Никольское III. Монеты из курганов

1 - курган 13, погребение 2. Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059-1071 гг.; 2 - курган 16, погребение 2. Евер, граф Герман, 1059-1086 гг. или герцог Ордульф (Отто), 1059-1071 гг.; 3 - курган 16, погребение 2. Евер, граф Герман, 1059-1086 гг. или герцог Ордульф (Отто), 1059-1071 гг.; 4 - курган 8, погребение 2. Англия, король Кнут, 1016-1035 гг., денарий 1017-1923 гг.; 5 - курган 16, погребение 2. Англия, король Кнут, 1016-1035 гг., денарий 1017-1023 гг.; 6 - курган 29, погребение 1. Графство Хамеланд, Эммерих (?), граф Вигмант III, 976-1014 гг.; 7 - курган 16, погребение 1. Регенсбург, герцог Генрих V, 1017-1026 гг.; 8 - курган 16, погребение 1. Майнц, архиепископ Лупольд, 1051-1059 гг.; 9 - курган 16, погребение 2. Саксония, денарий XI в.; 10 - курган 16, погребение 2. Фризия, неизвестный монетный двор, граф Бруно III, 1038-1057 гг.; 11 - курган 41, погребение 1. Фризия, Леуварден, граф Бруно III, 1038-1057 гг.; 12 - грунтовой могильник, погребение 3. Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059-1071 гг.; 13 - курган, 8, погребение 2. Фризия, Доккюм, граф Эгберт II, 1068-1090 гг.; 14 - курган 37, погребение 3. Фризия, Винсум, граф Эгберт II, 1068-1090 гг.; 15 - курган 16, погребение 2. Эмден, граф Герман фон Кальвелаге, около 1020-1051 гг.; 16 - курган 22, погребение 1. Магдебург, анонимный чекан, первая половина XI в.; 17 - грунтовой могильник, погребение 9. Германия, неизвестный монетный двор, денарий; 18 - курган 16, погребение 2. Германия, неизвестный монетный двор, король Генрих IV, 1056-1085 гг.

Таблица XXI. Могильник Крохинские Пески. Раскопки 1983 г. Вещи из погребений

1-28 - погребение 6; 29-34 - погребение 3; 35, 39 - погребение 1; 36-38 - погребение 2; 1-11, 14, 15, 17, 19, 24-38 - бронза; 12, 13, 21 - кожа и орех; 16, 18, 20 - орехи и косточки плодов; 22, 23 - кость; 39 - железо

Таблица XXII. Могильник Нефедьево IA. Вещи из погребений

1-10 - погребение 6; 11, 14-16, 25 - погребение 14; 12 - разрушенное погребение; 13, 17, 18 - погребение 13; 19-24 - погребение 2; 1-8, 11, 13-19, 21, 22, 25 - бронза; 9, 10, 20 - стекло; 12 - камень; 23, 24 - железо

Таблица XXIII. Могильник Нефедьево IA. Вещи из погребений

1-6 - погребение 19; 7 - погребение 9; 8 - погребение 11; 9 - погребение 7; 10 - погребение 16; 11-26 - погребение 17; 1-9, 11, 13-24 - бронза; 10, 12 - железо; 25, 26 - стекло

Таблица XXIV. Могильник Нефедьево IA. Вещи из погребений

1-10 - погребение 20; 11-21 - погребение 21; 1-3, 5-12, 15-20 - бронза; 4, 14 - стекло; 13 - кость; 21 - железо и кость

Таблица XXV. Могильник Нефедьево IB. Вещи из погребений

1-5 - погребение 2; 6, 7 - погребение 1; 8-24 - погребение 4; 25 - погребение 3; 1-6, 9-14, 16-19, 21, 23, 24 - бронза; 7, 20 - кость; 8 - стекло; 15, 25 - железо; 22 - свинец

Таблица XXVI. Могильник Нефедьево IB. Вещи из погребений

1-21 - погребение 6; 22, 23, 26, 27 - погребение 7; 24 - погребение 13; 25 - погребение 7; 1-6, 8-14, 16, 18-22 - бронза; 7, 17 - стекло; 15 - камень; 23 - кость; 24-27 - железо

Таблица XXVII. Могильники Нефедьево IB и Шуйгино I. Вещи из погребений

1-13 - Нефедьево IB: 1, 8 - погребение 9, 2-7, 10, 11, 13 - погребение 5, 9, 12 - погребение 8; 14-26 - Шуйгино I: 14, 22, 23 - погребение 1, 15-21, 24 - погребение 3, 25 - погребение 7, 26 - погребение 12; 1, 9, 16 - кость; 2-8, 10-13, 17-21 - бронза; 14, 15, 22-24, 26 - железо; 25 - стекло

Таблица XXVIII. Могильник Шуйгино I. Вещи из погребений

1-5 - погребение 8; 6 - погребение 10; 7 - погребение 4; 8 - погребение 23; 9-21 - погребение 17; 22-26 - погребение 24; 27-29 - погребение 21; 30 - погребение 25; 31, 32 - погребение 20; 1-4, 6-30, 32 - бронза; 5 - камень; 31 - железо

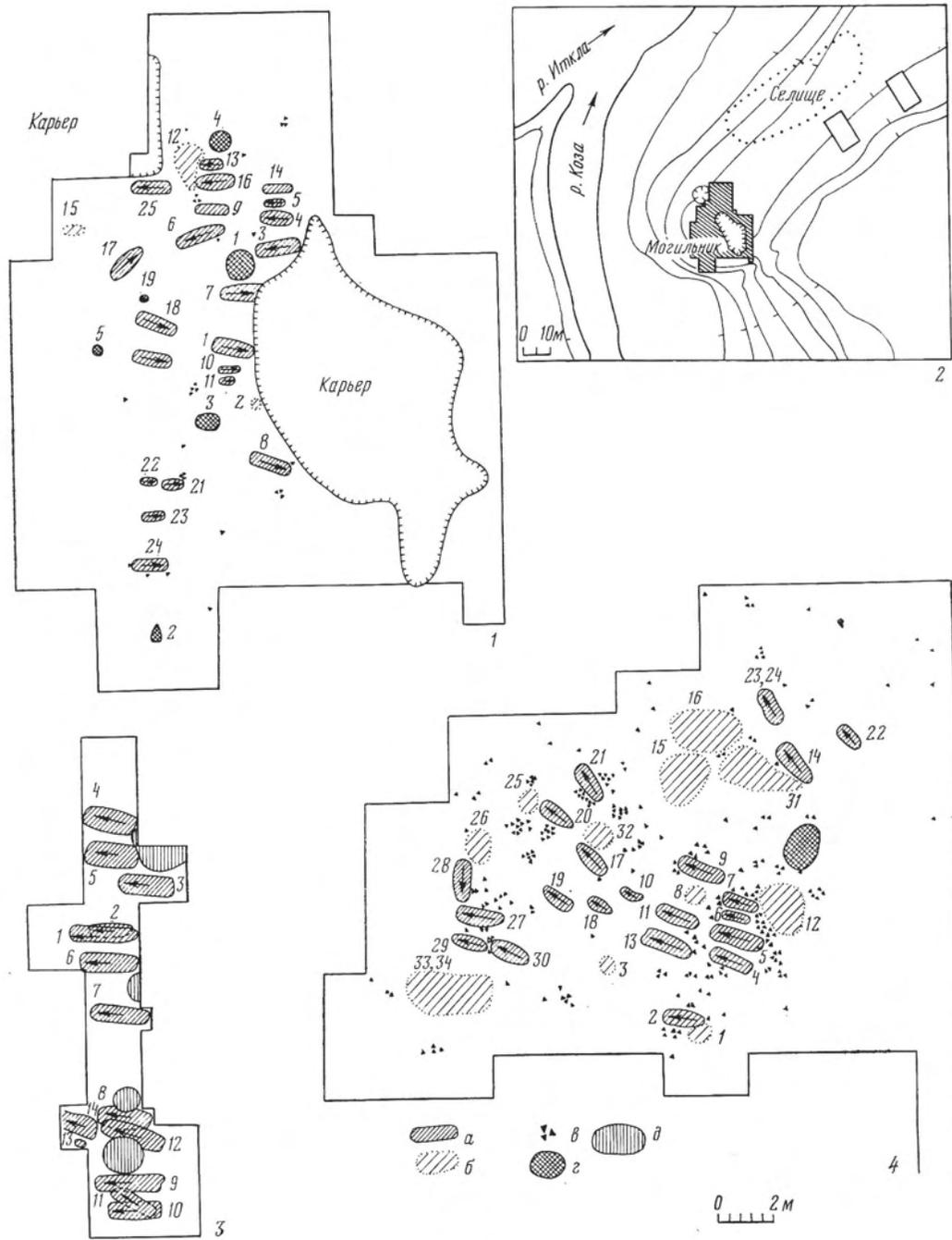

Таблица I

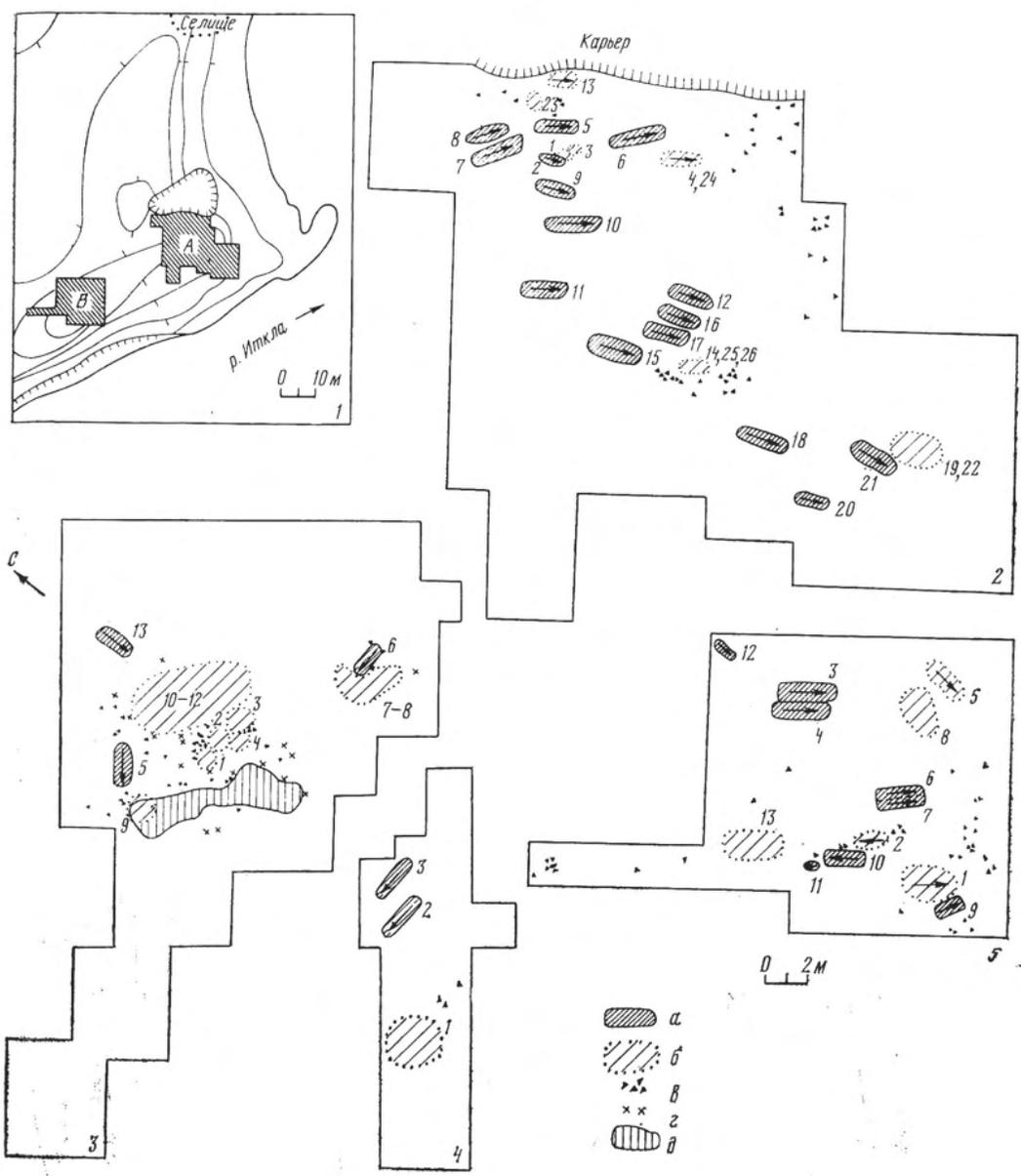

Таблица II

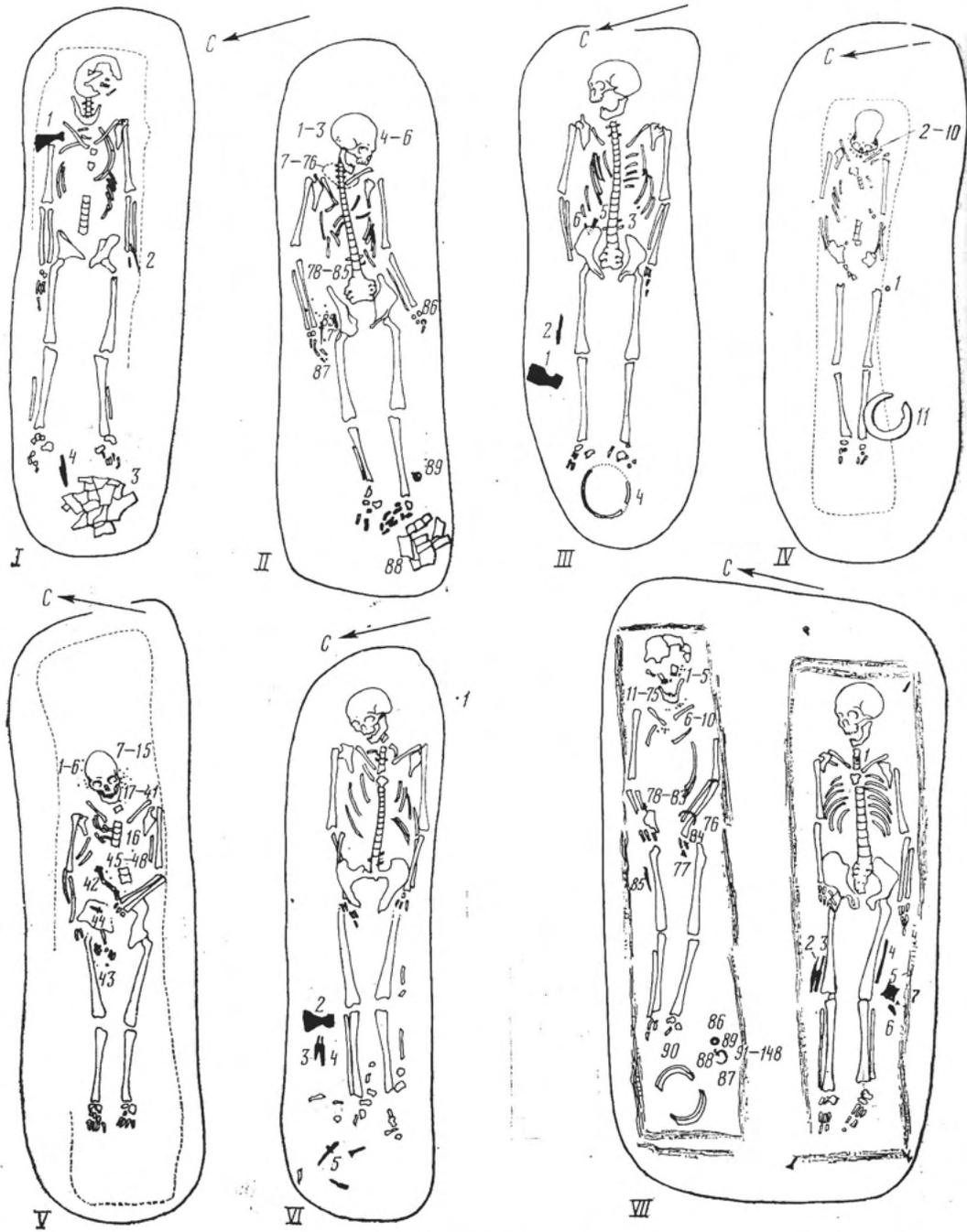

Таблица III

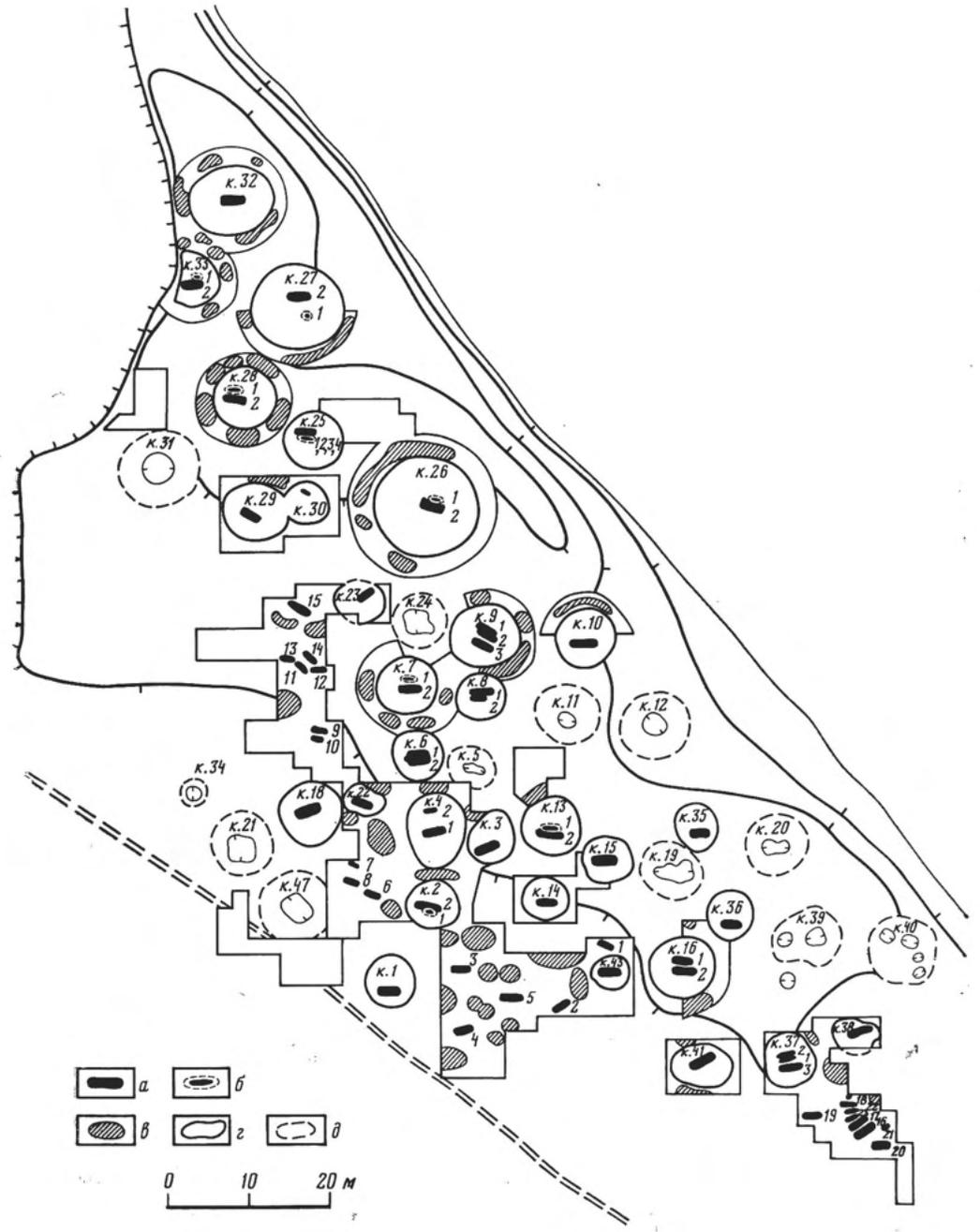

Таблица IV

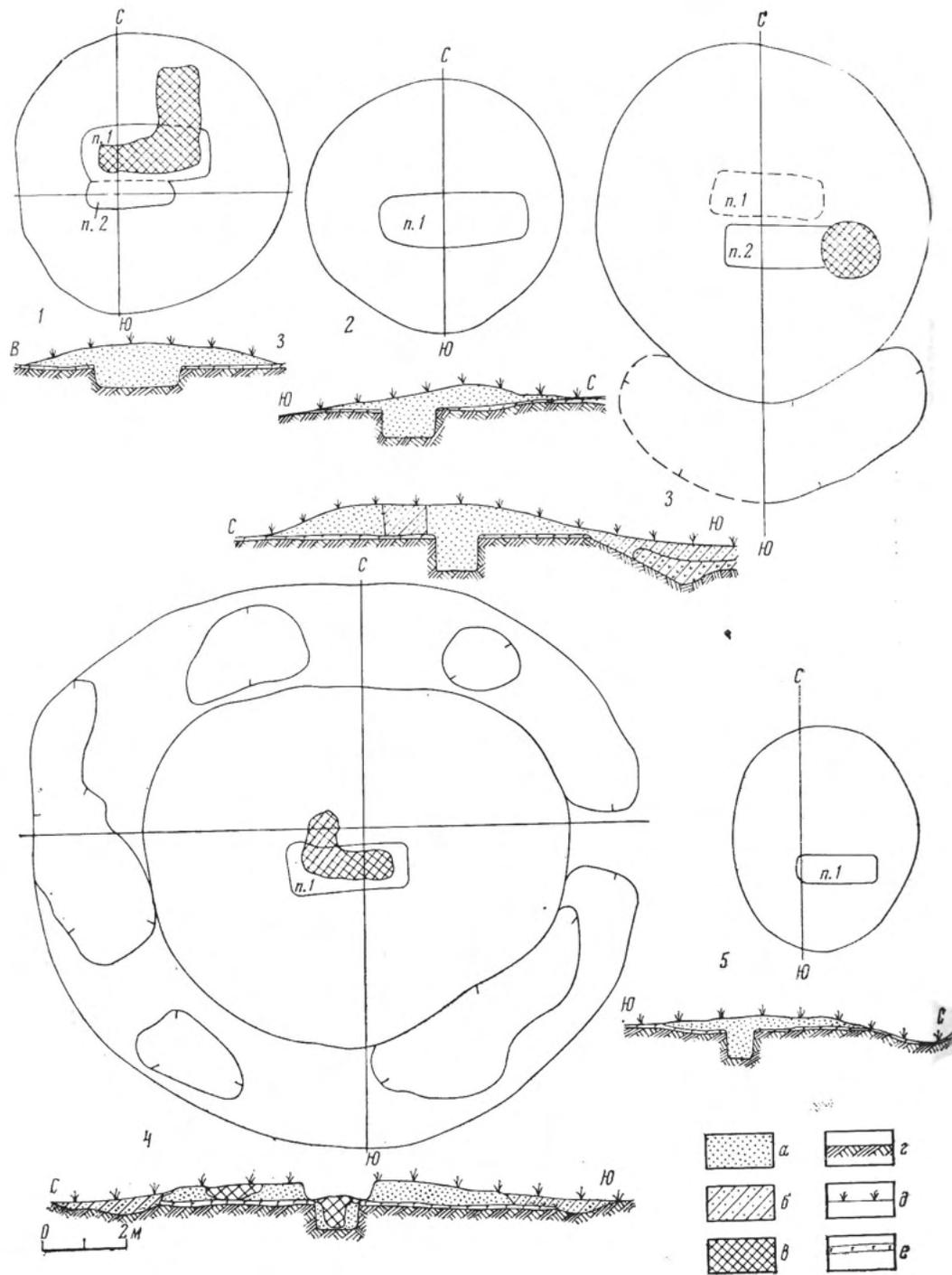

Таблица V

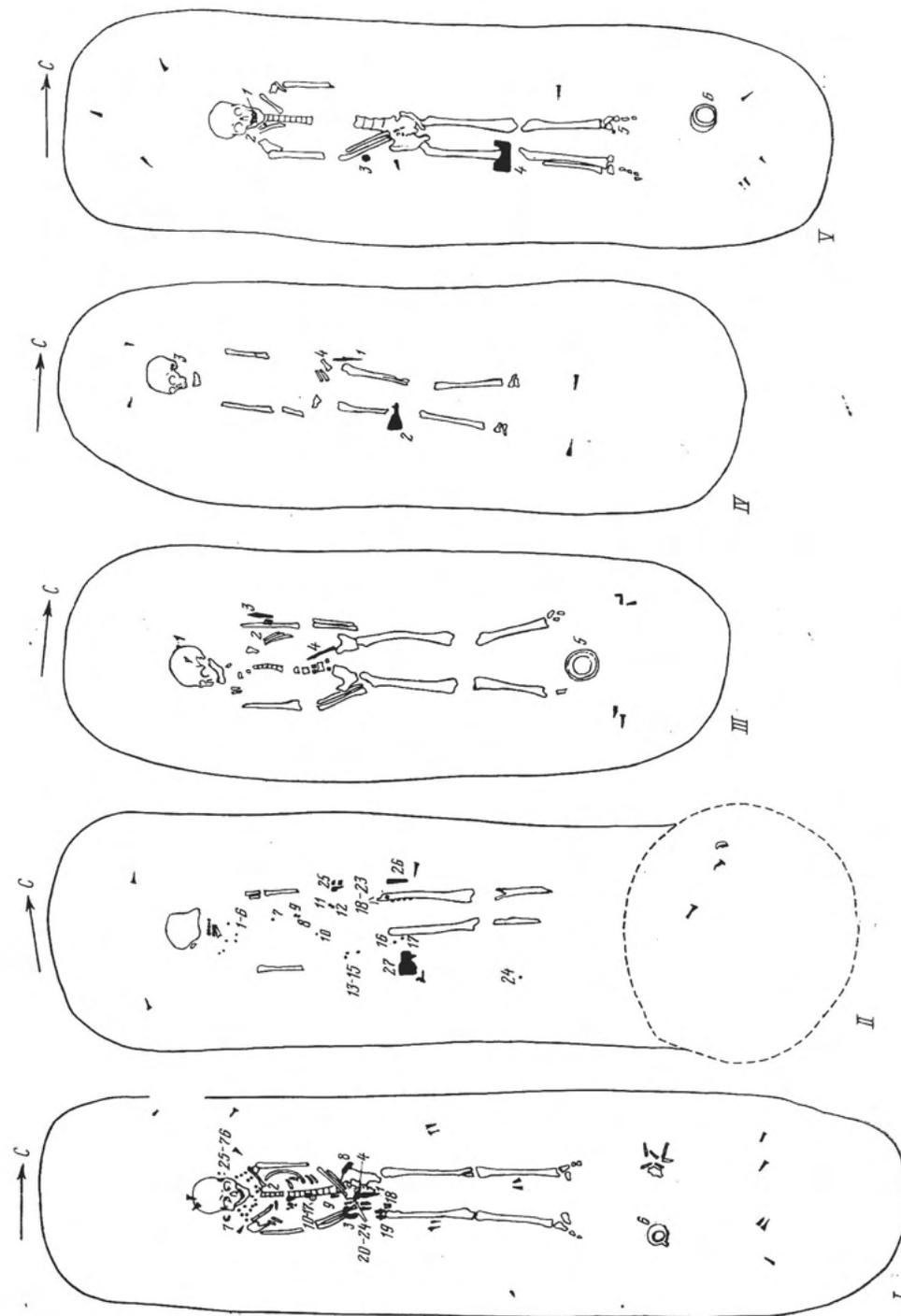

Таблица VI

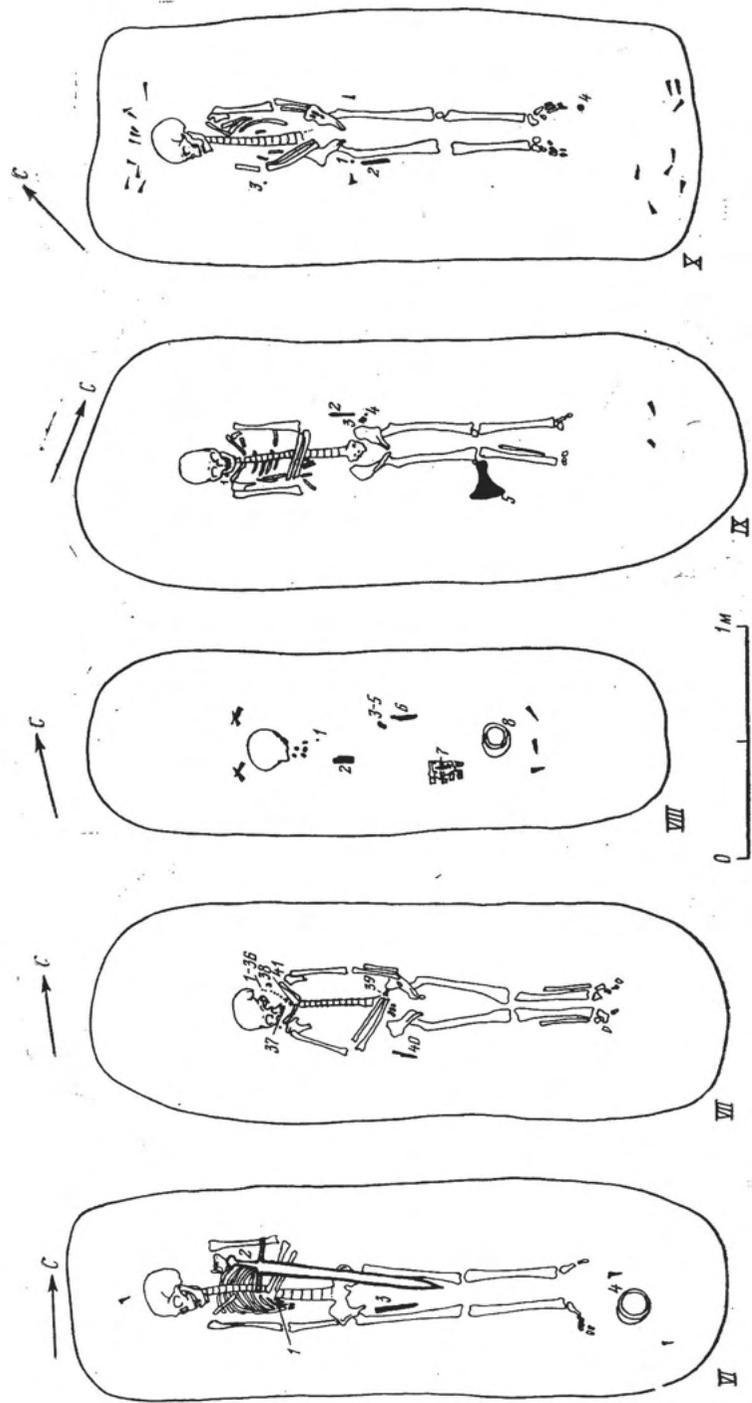

Таблица VI (окончание)

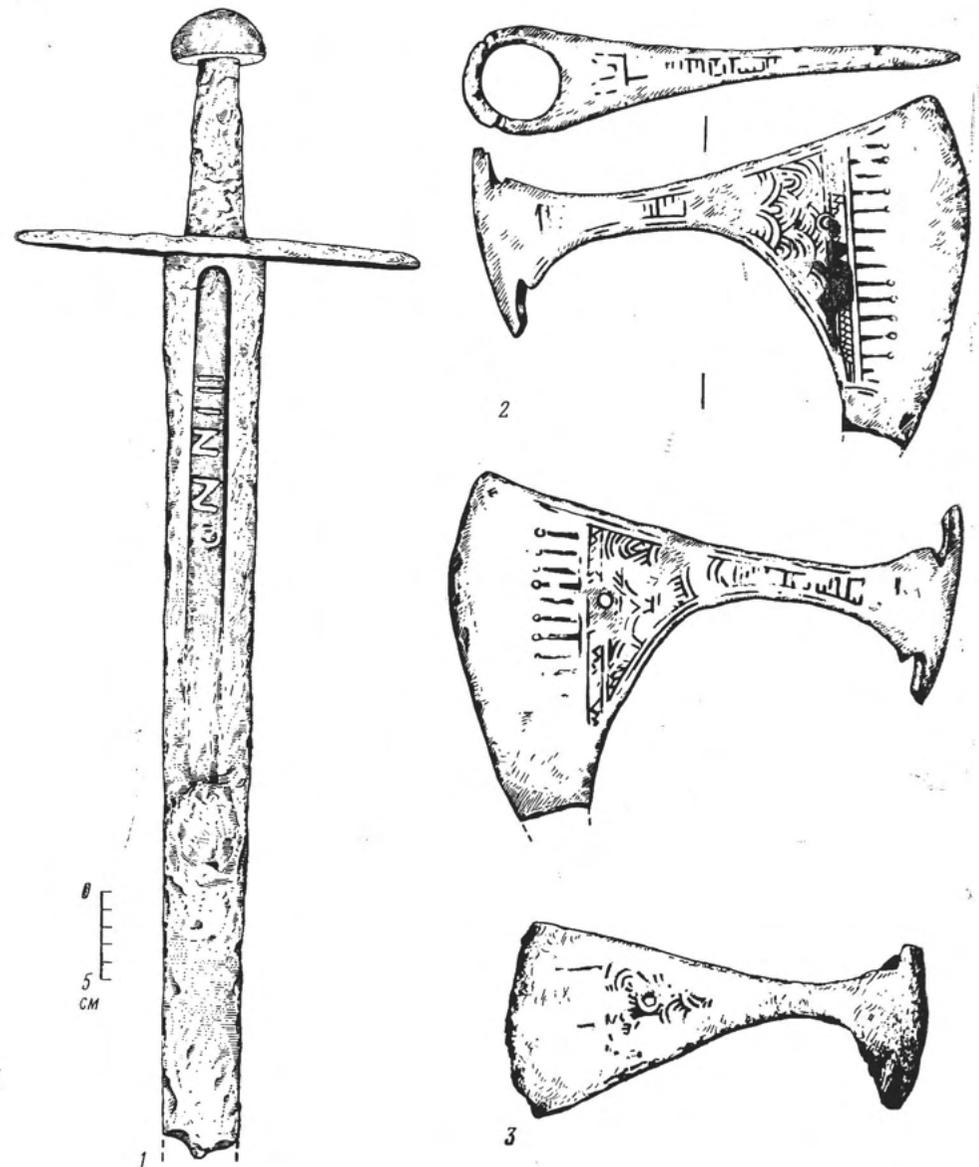

Таблица VII

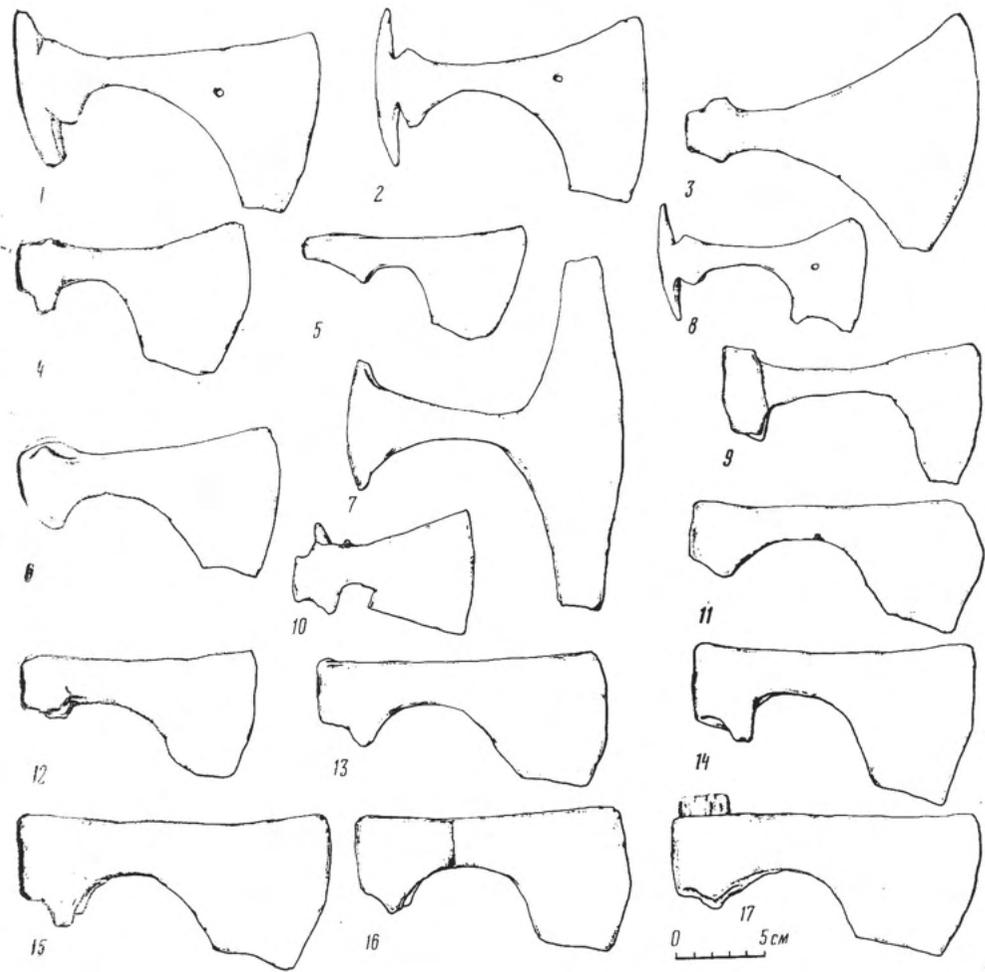

Таблица VIII

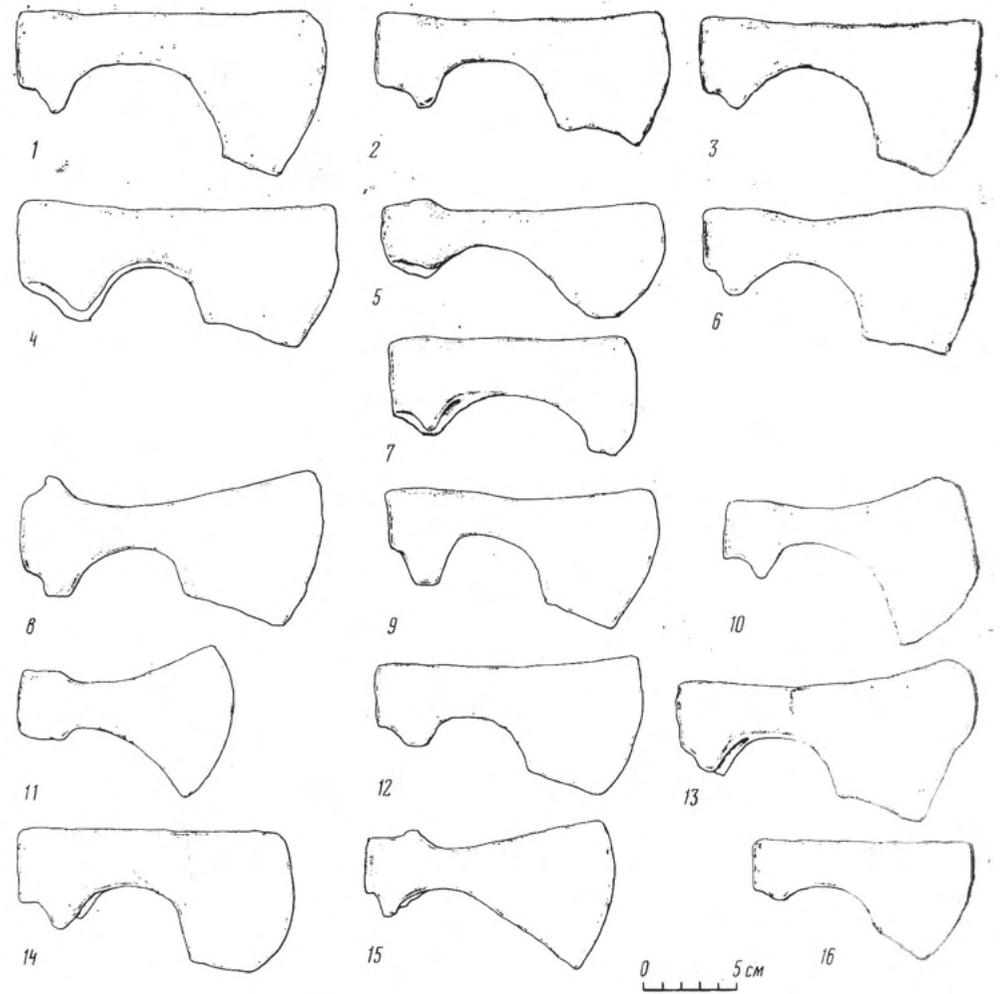

Таблица IX

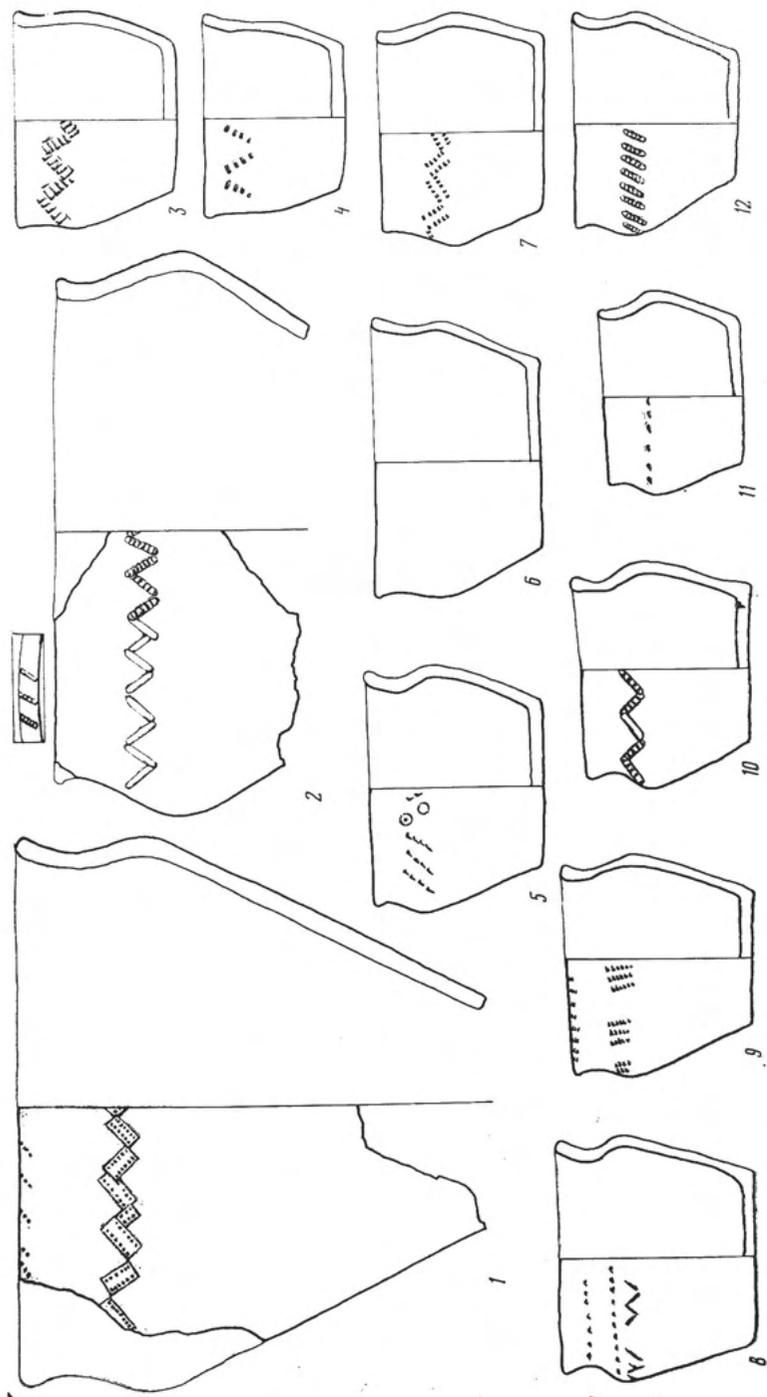
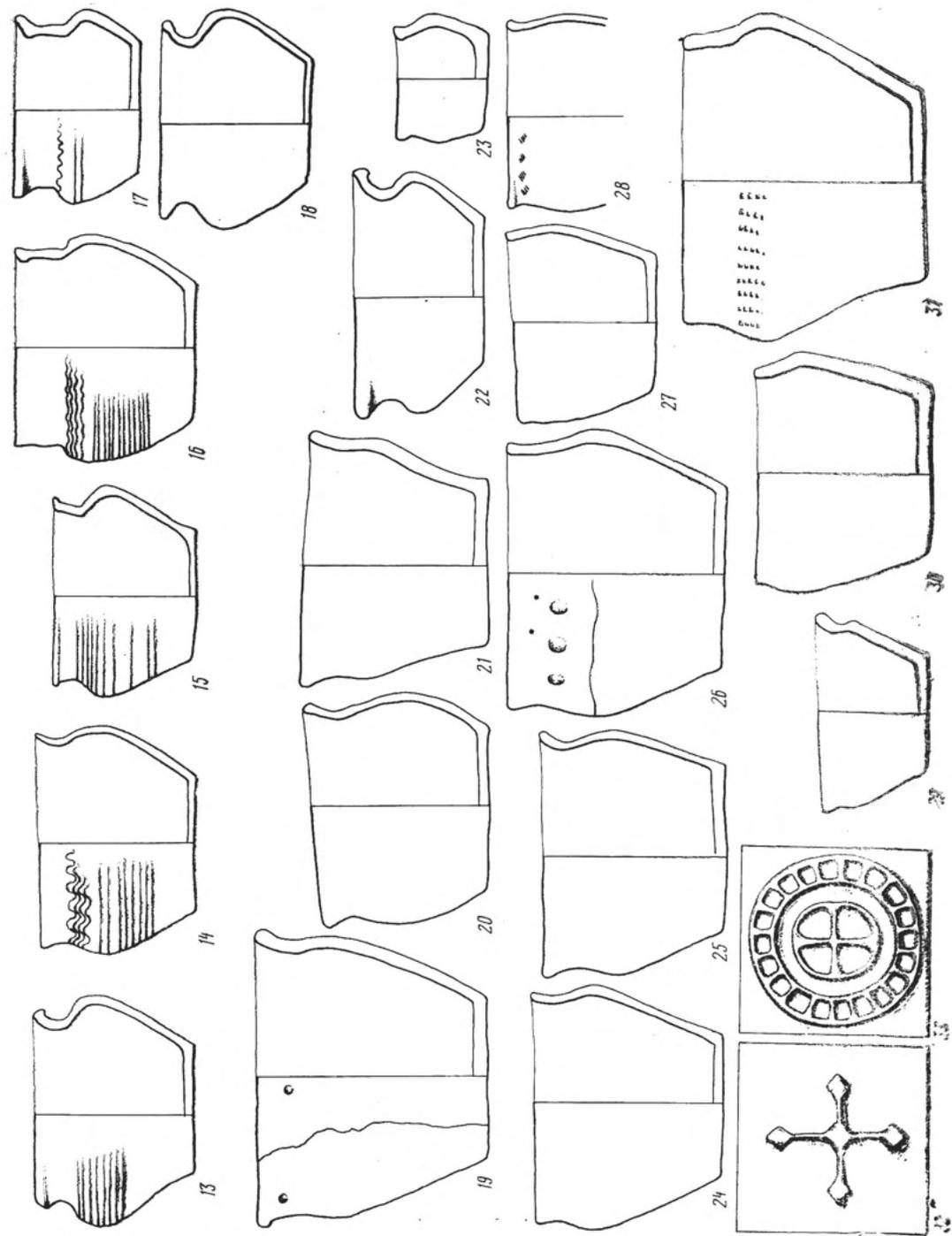

Таблица X

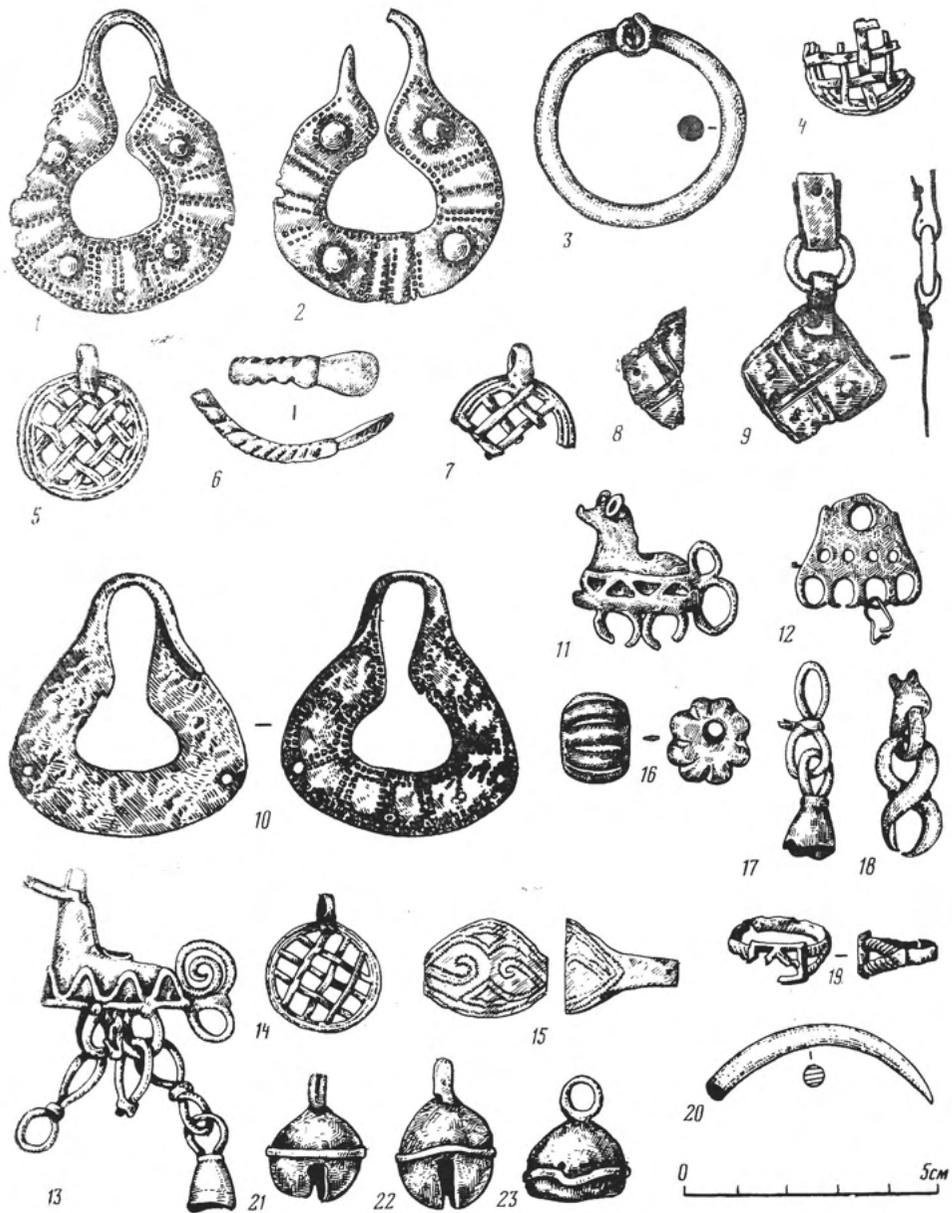

Таблица XI

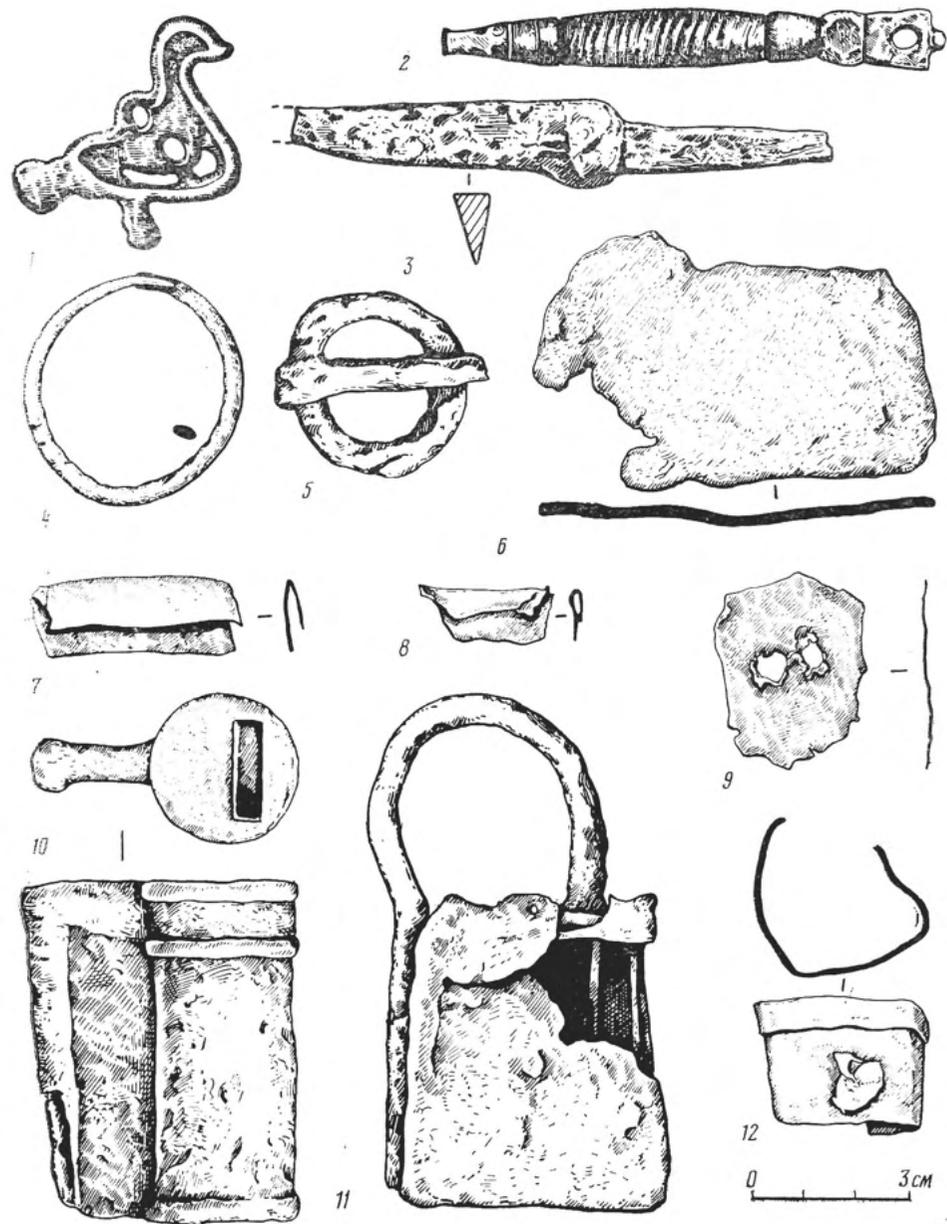

Таблица XII

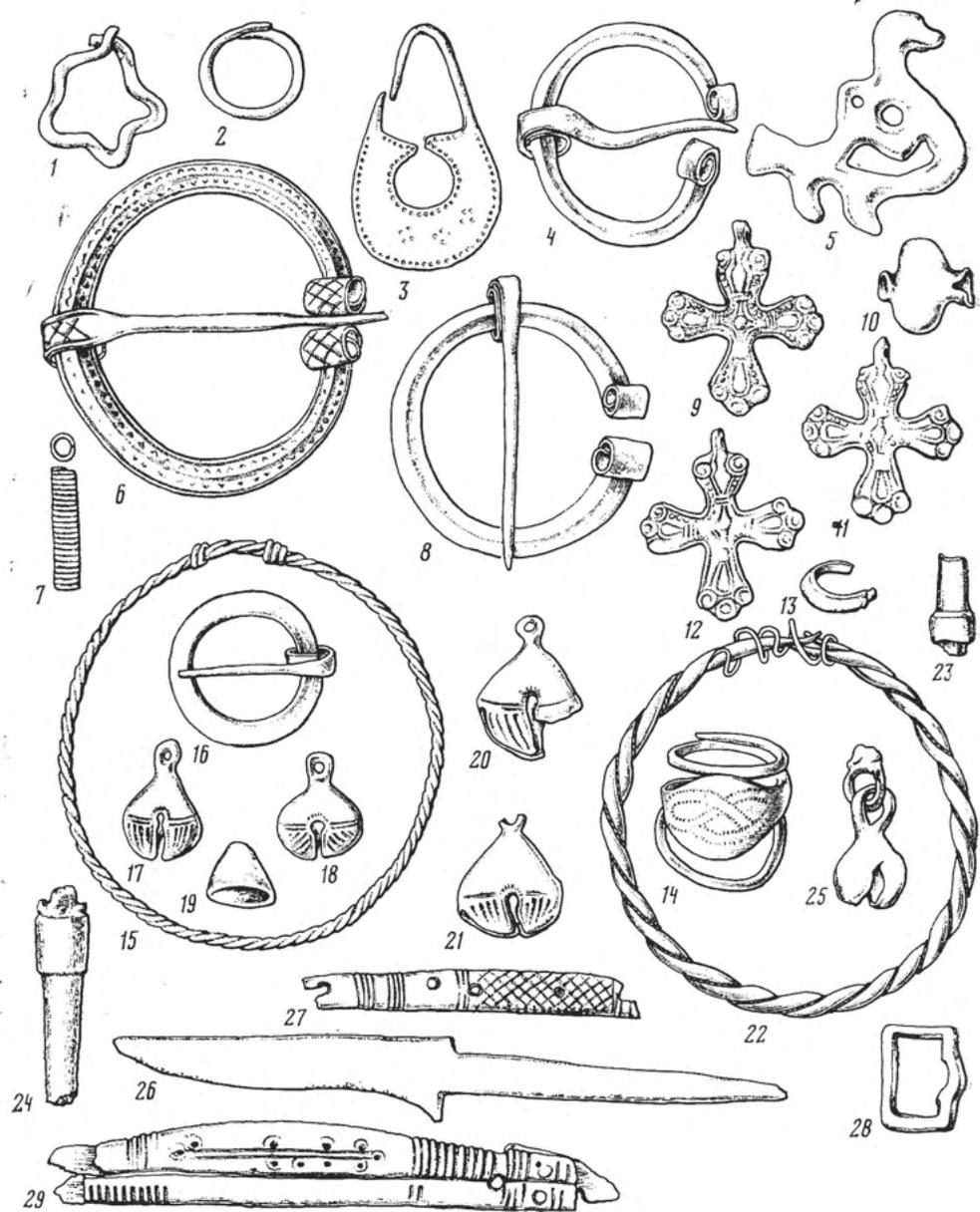

Таблица XIII

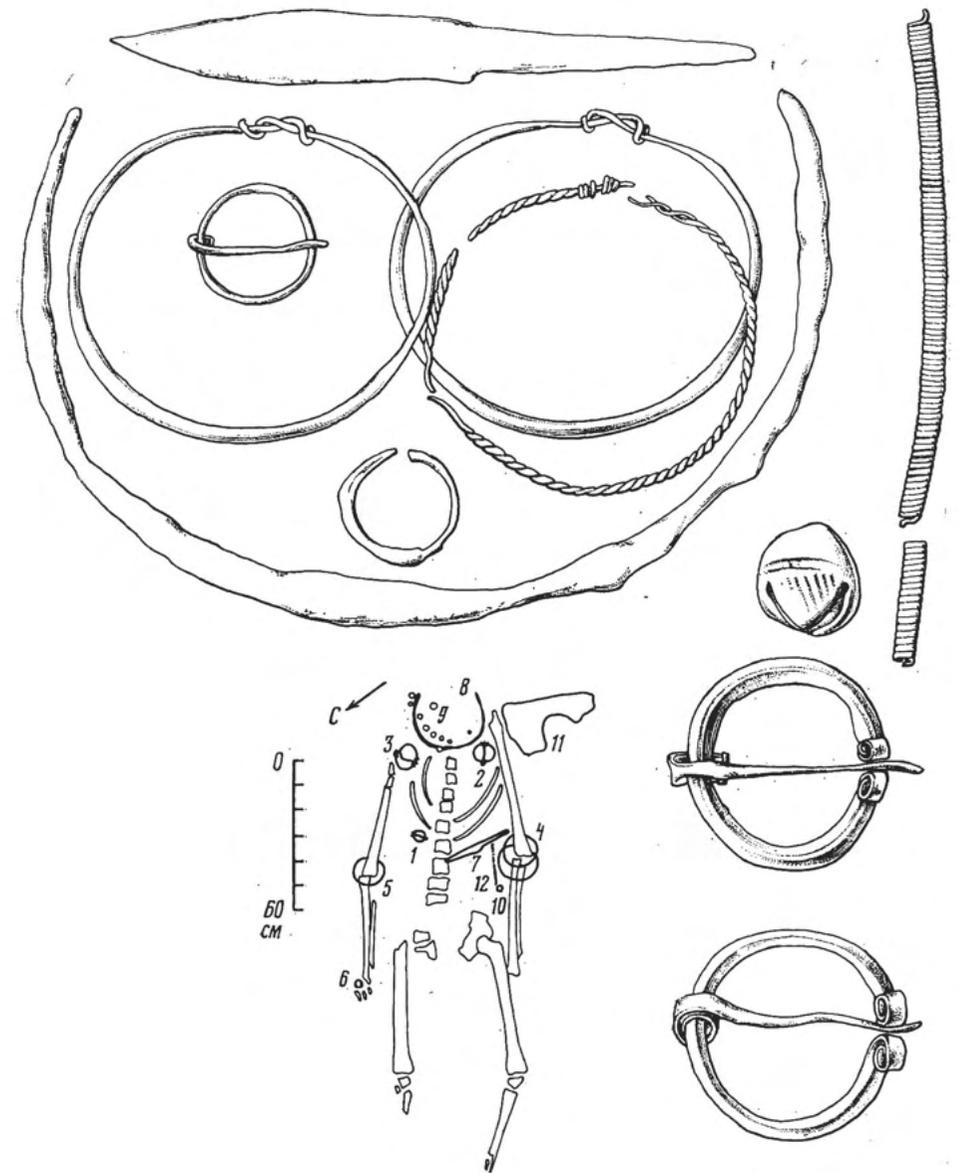

Таблица XIV

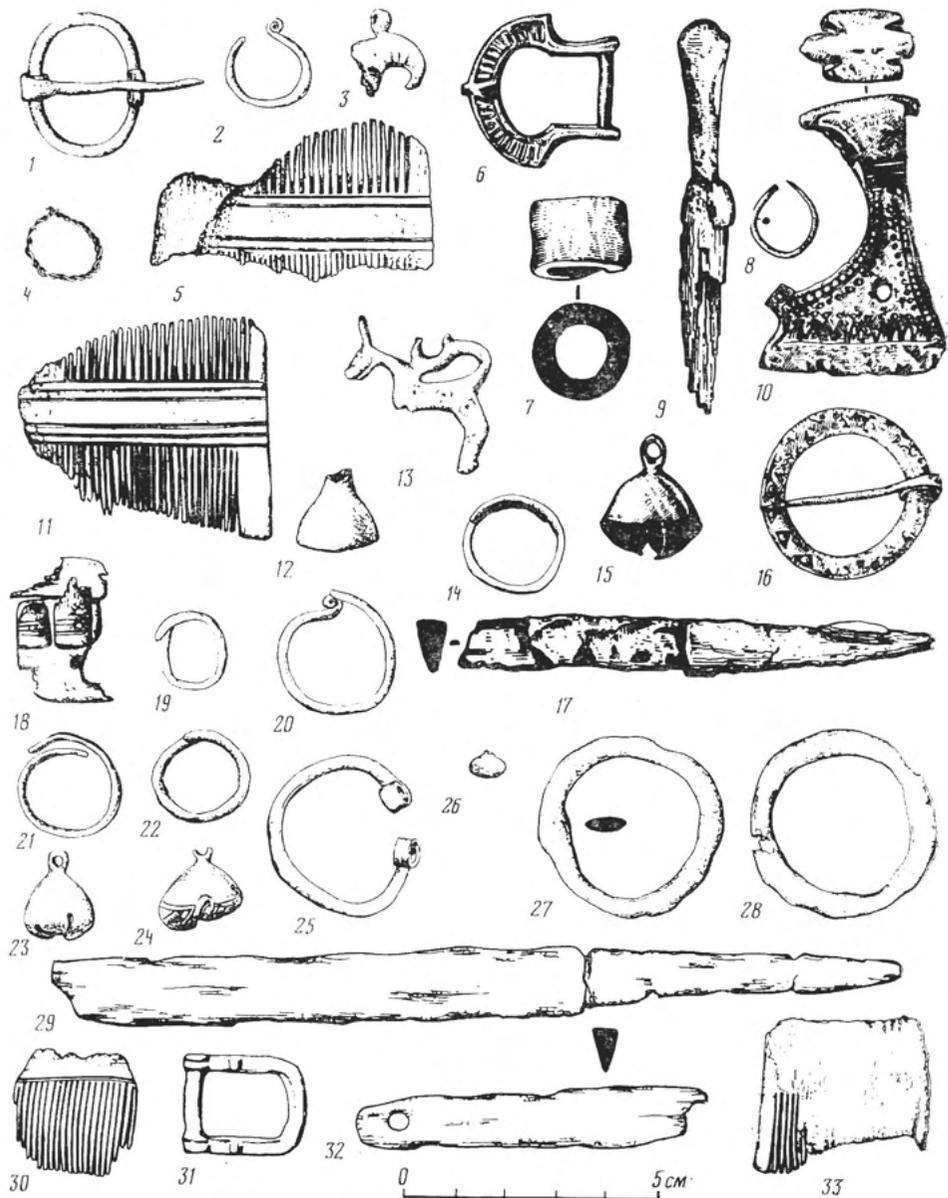

Таблица XV

Таблица XVI

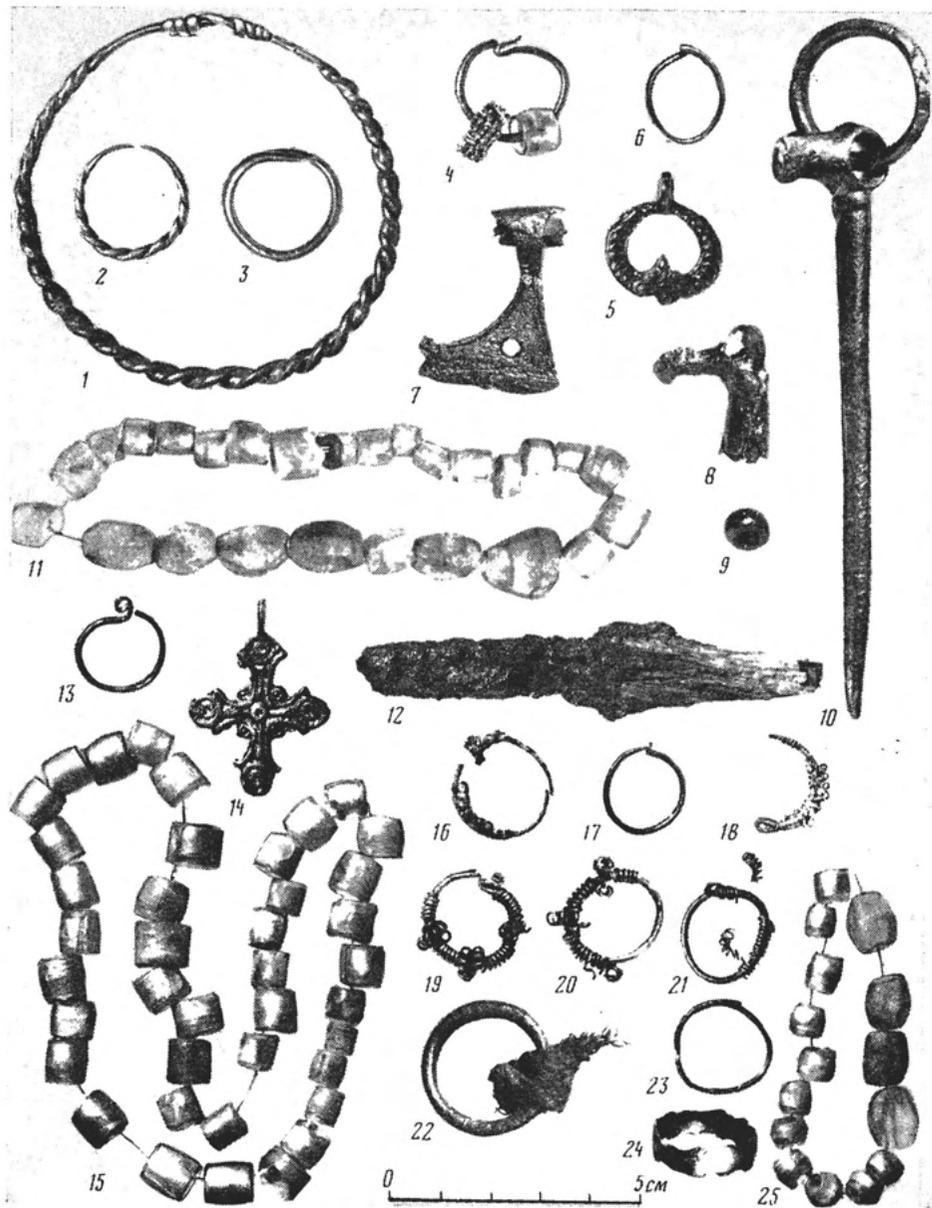

Таблица XVII

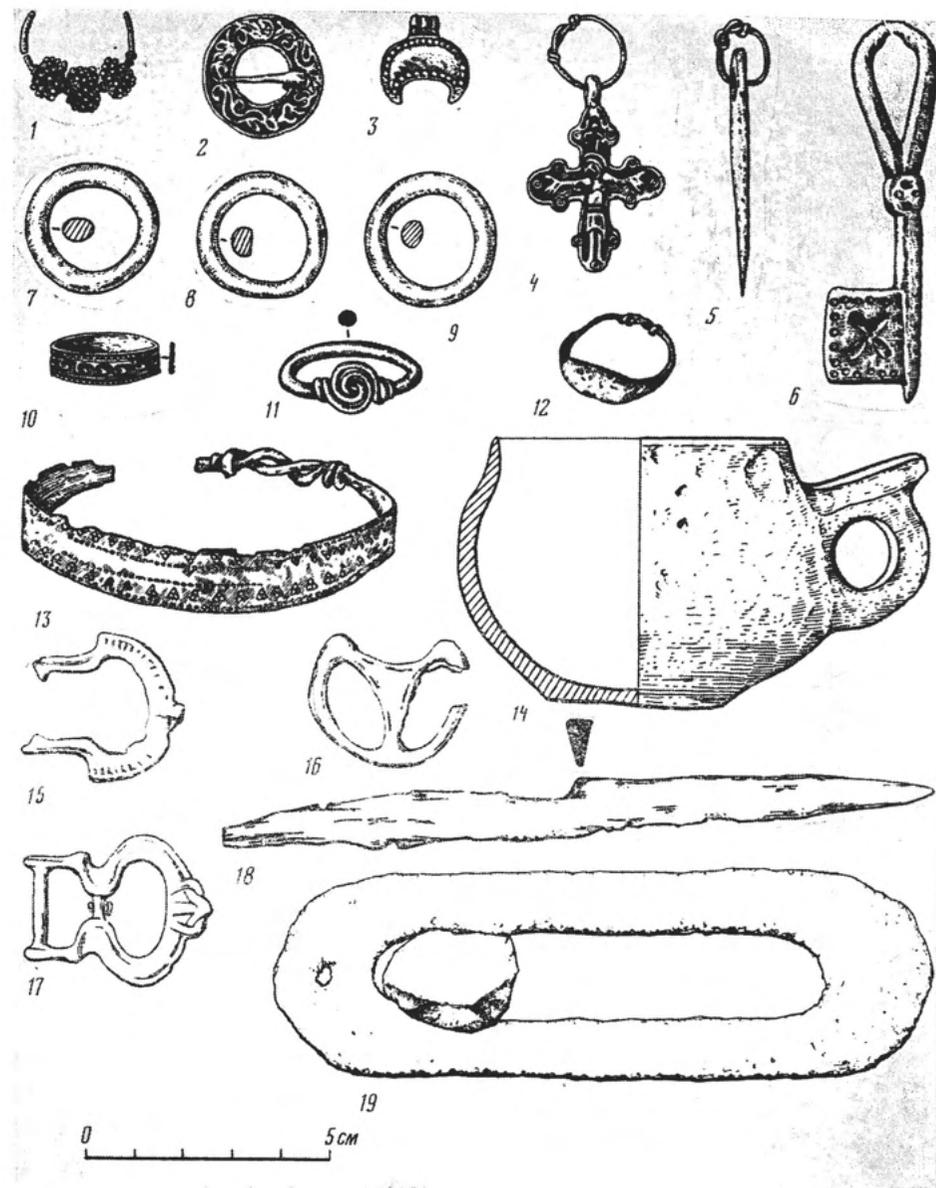

Таблица XVIII

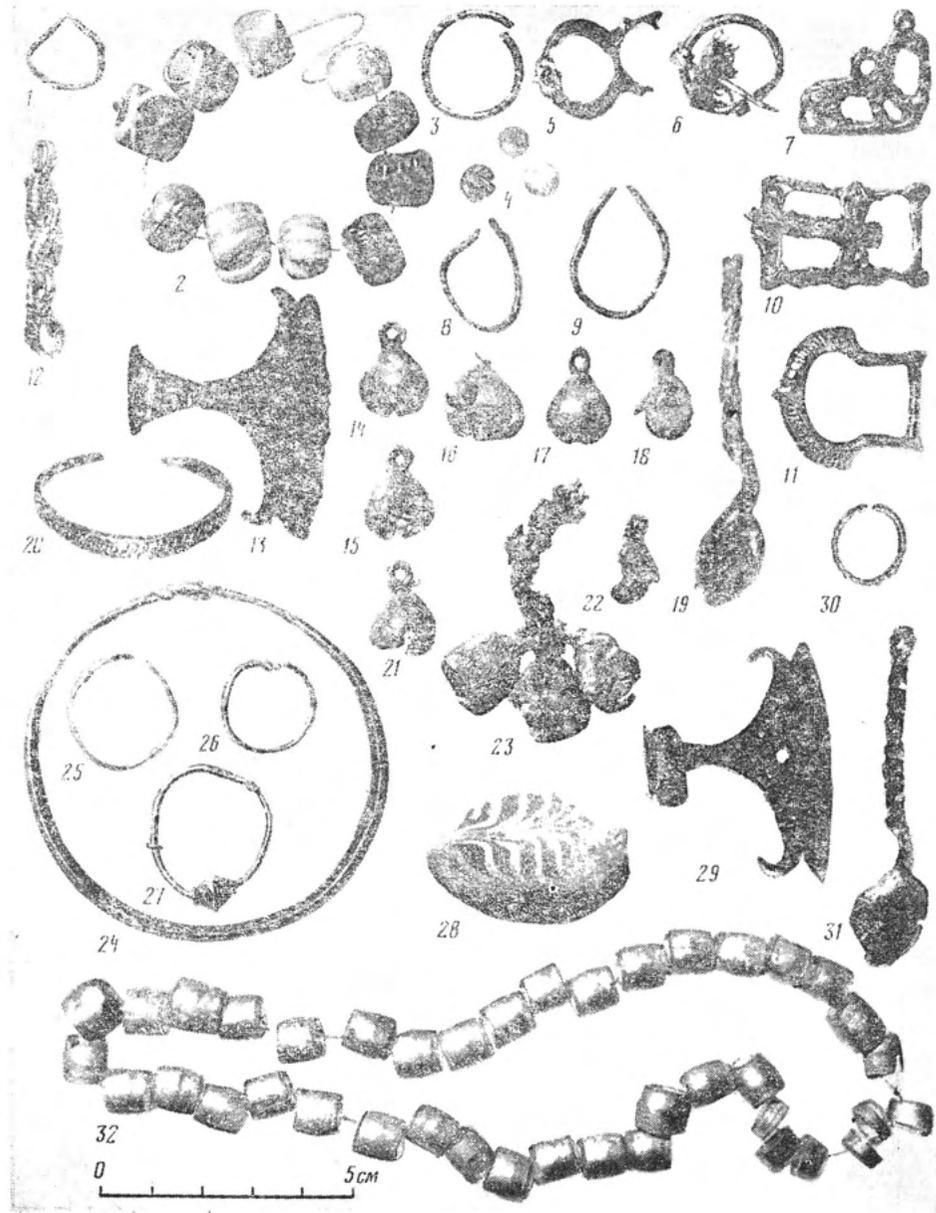

Таблица XIX

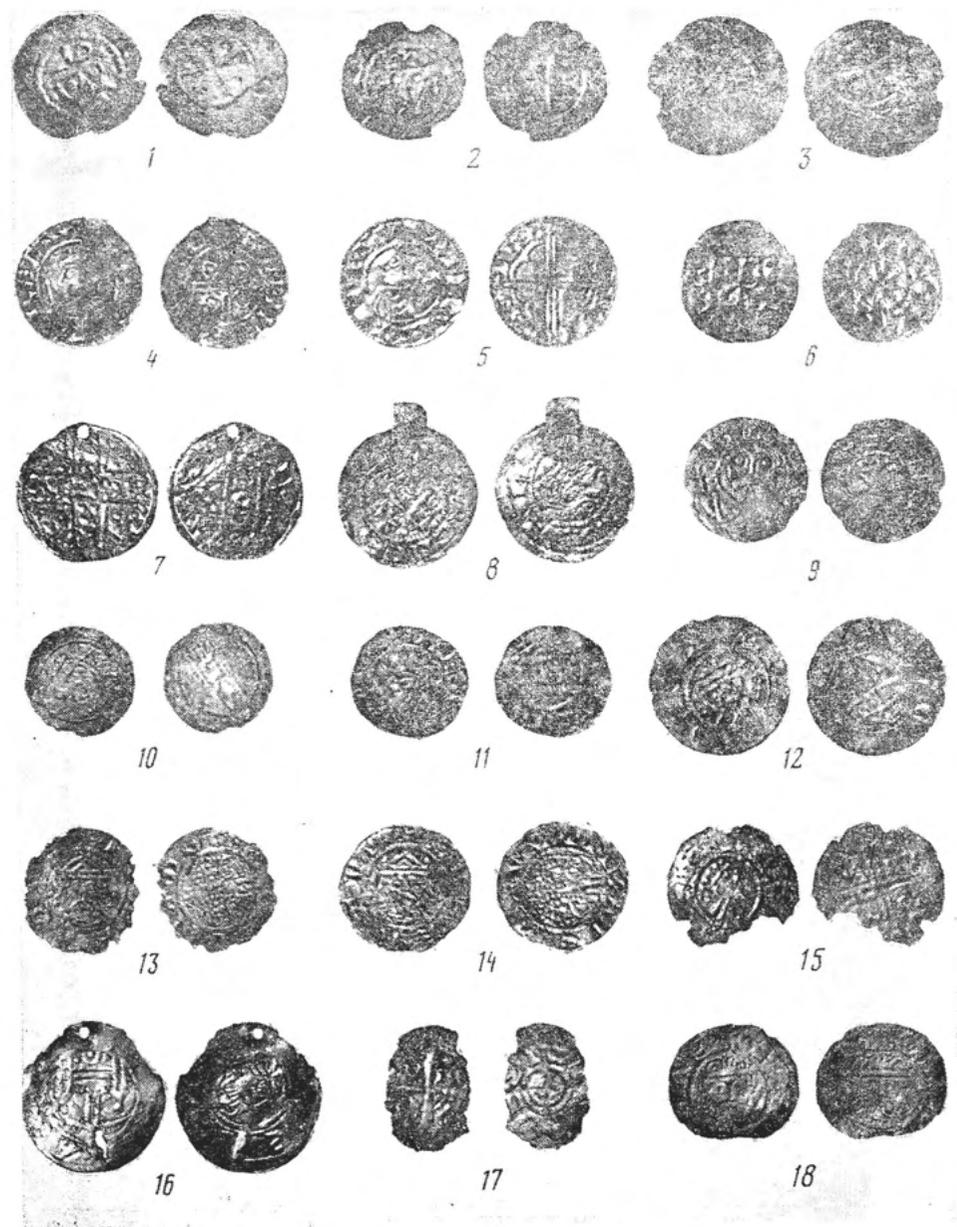

Таблица XX

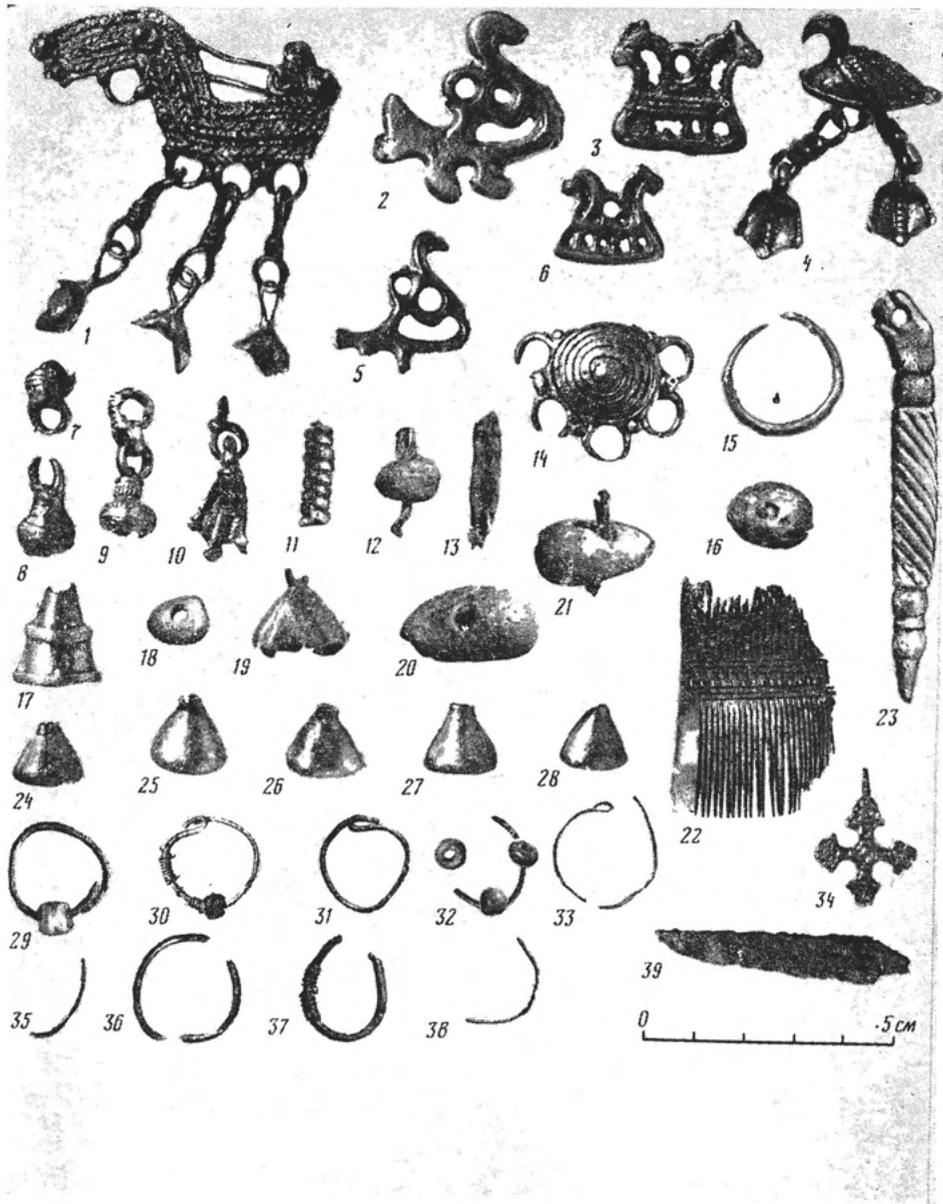

Таблица XXI

Таблица XXII

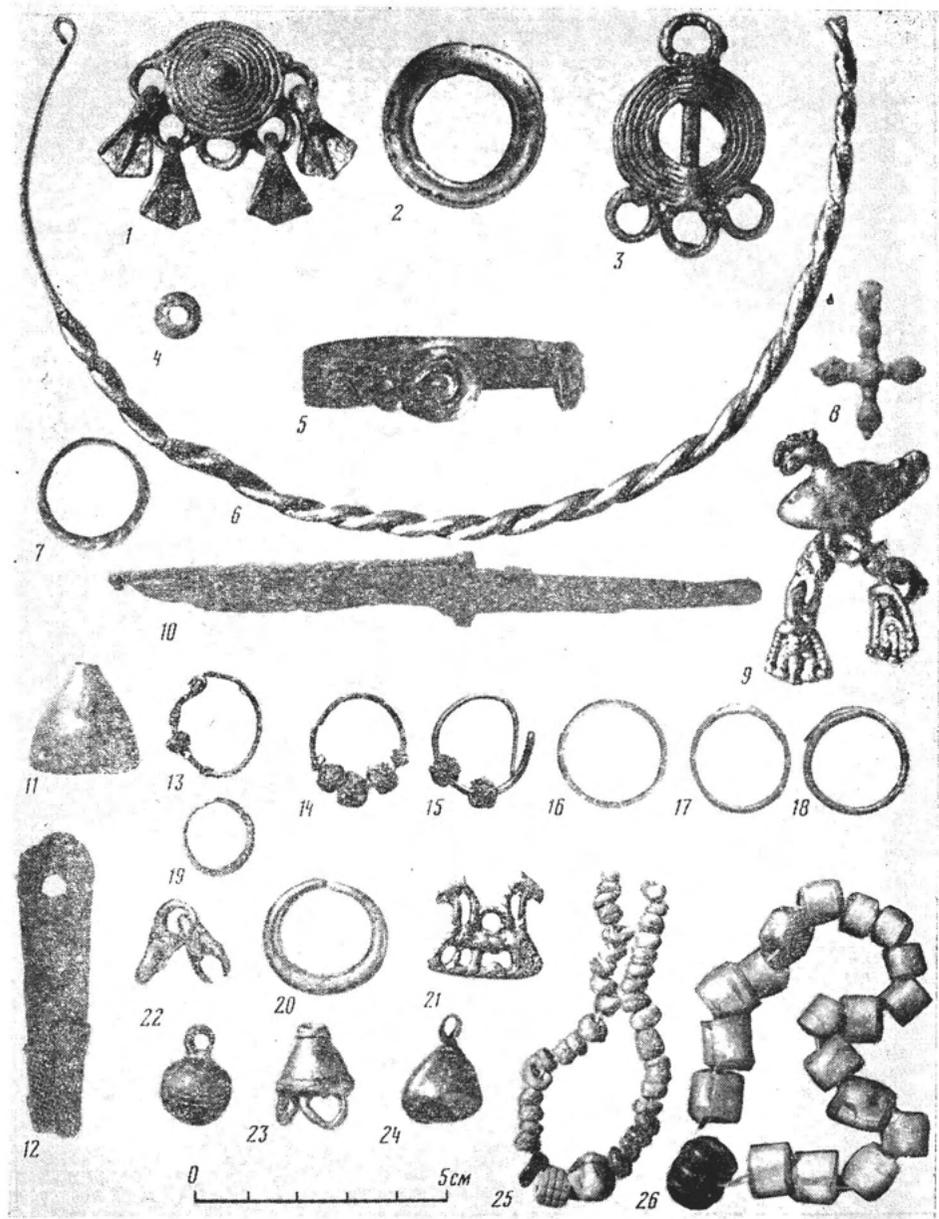

Таблица XXIII

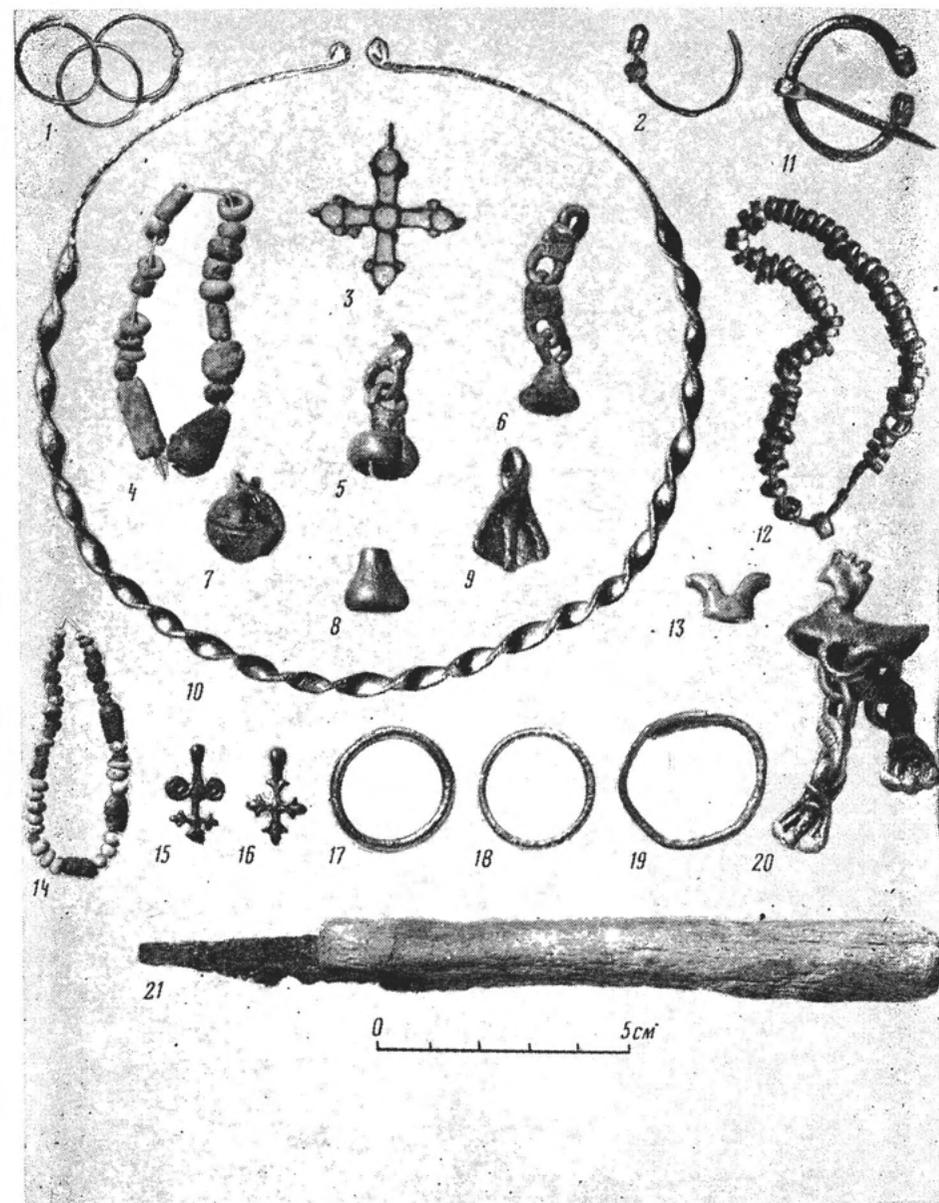

Таблица XXIV

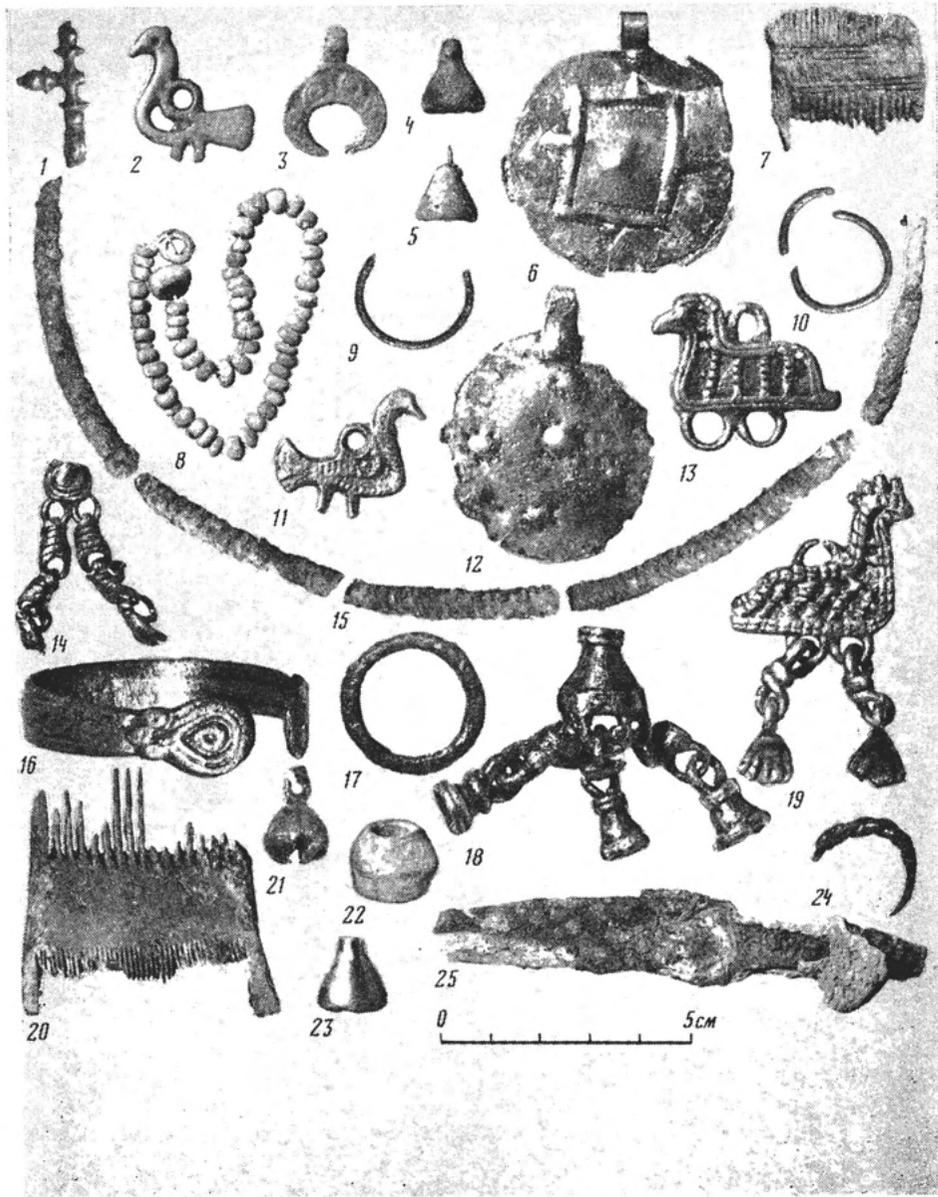

Таблица XXV

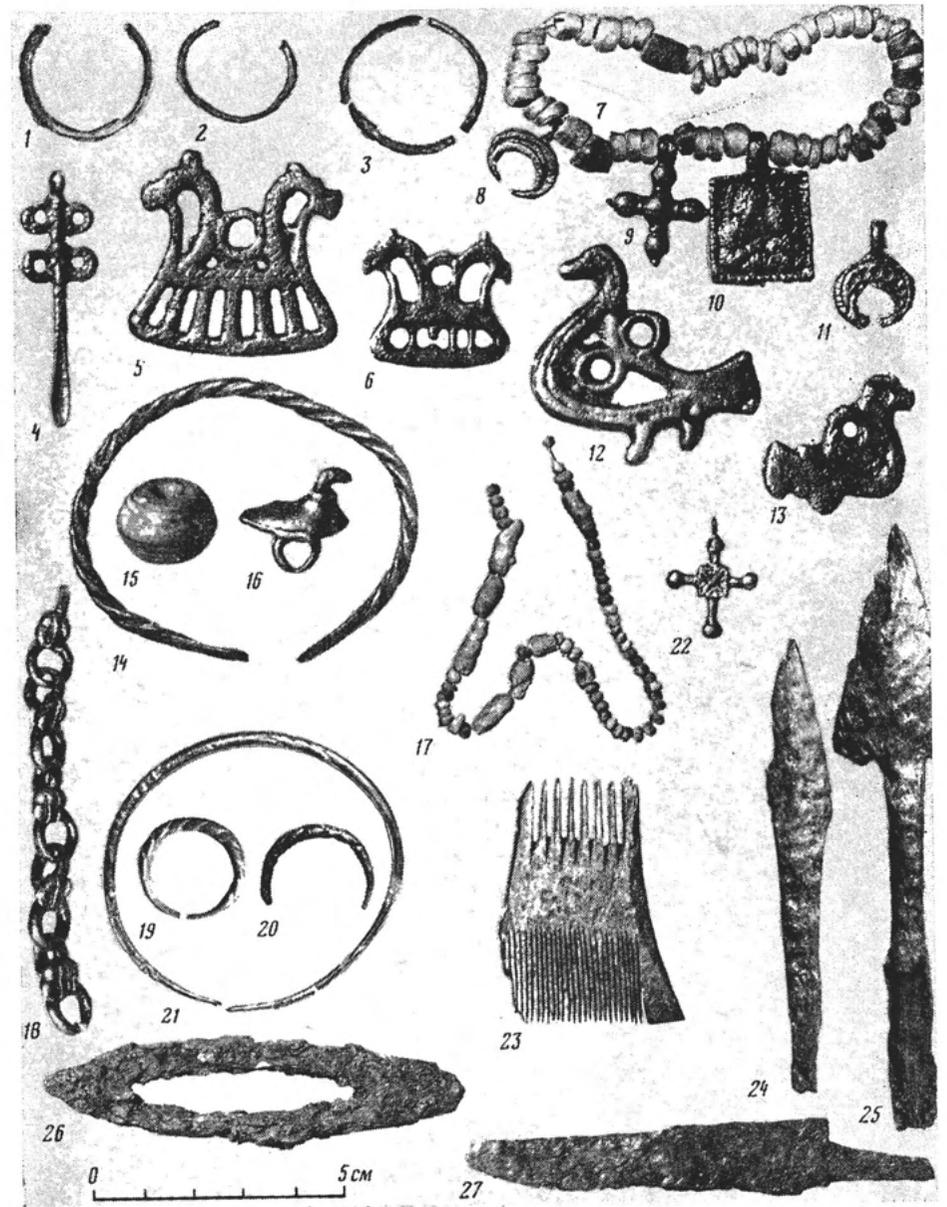

Таблица XXVI

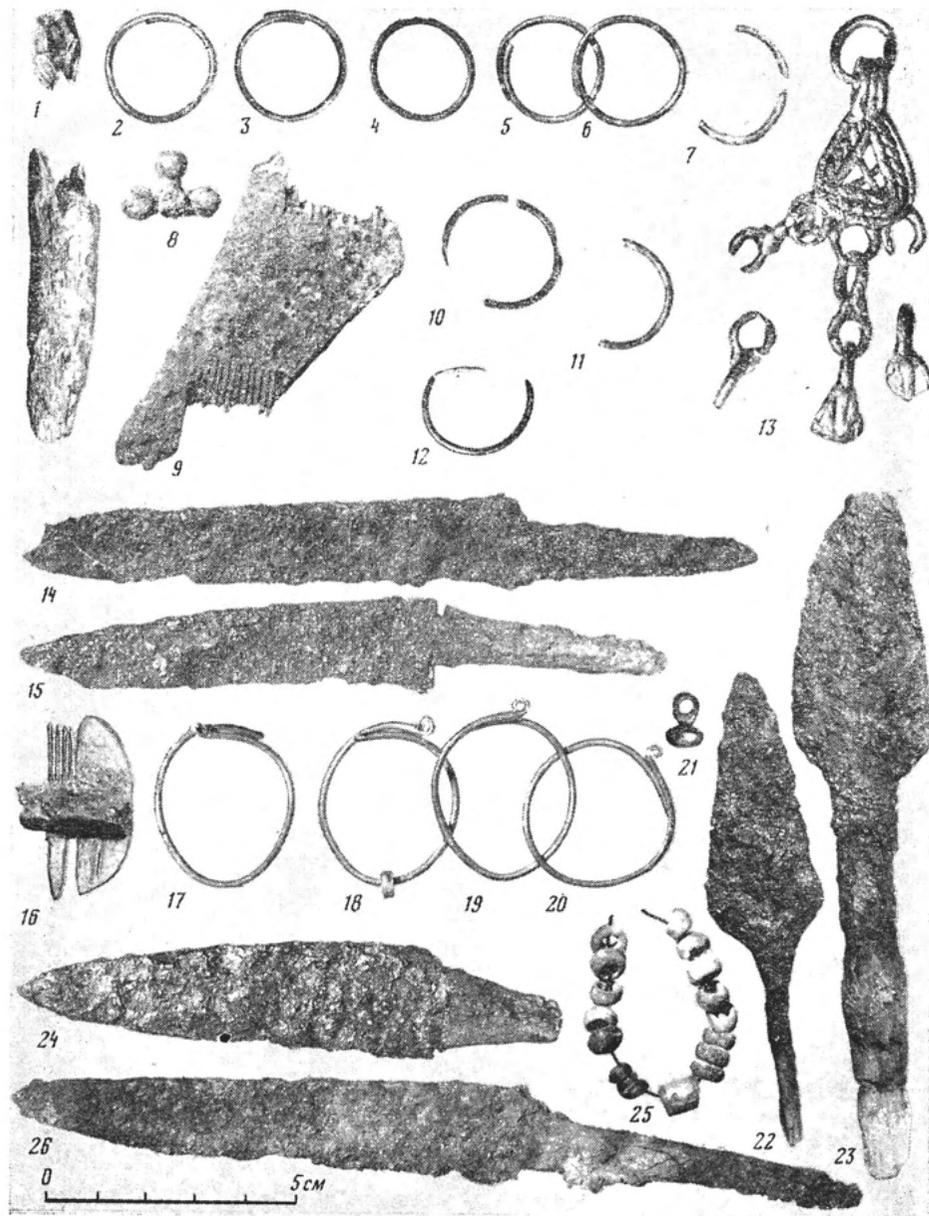

Таблица XXVII

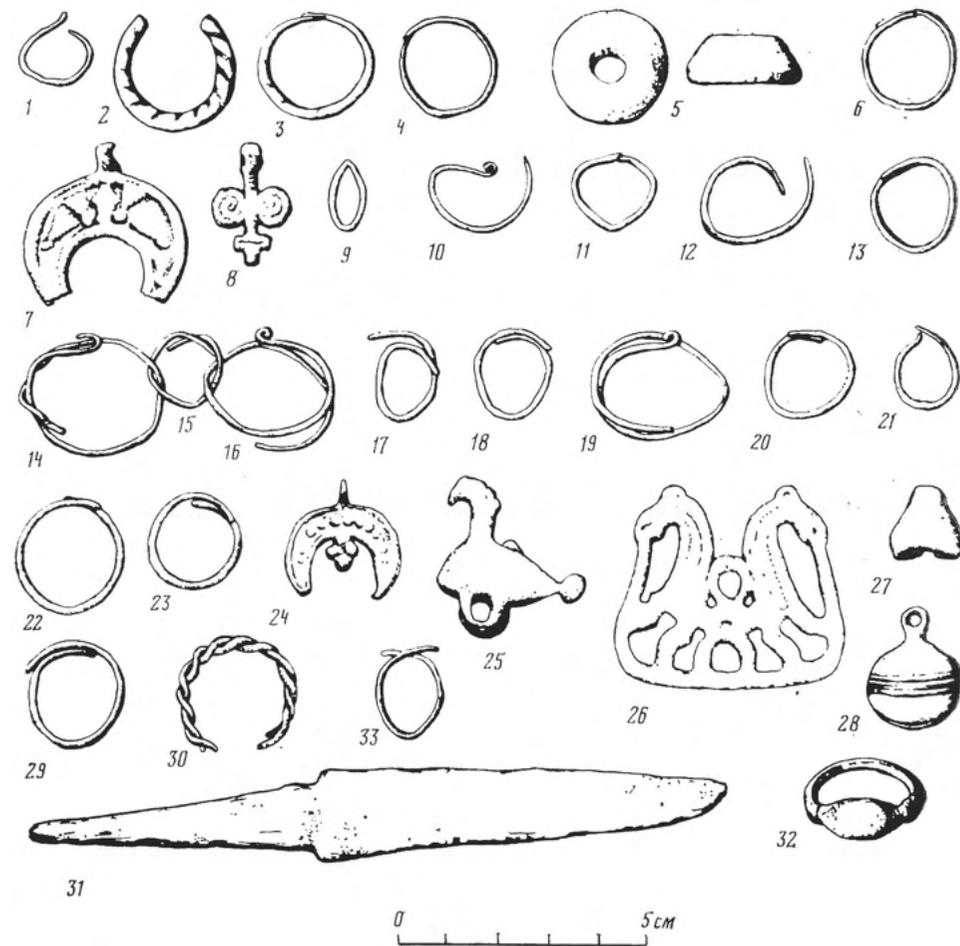

Таблица XXVIII

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
АОКМ – Архангельский областной краеведческий музей
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВКМ – Вельский краеведческий музей
ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей
ВУКМ – Великоустюгский краеведческий музей
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИА – Институт археологии Академии наук СССР
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ – Исторические записки
ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИЯЛИ КФ АН СССР – Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАНВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО – Материалы по изучению Смоленской обл.
МОИП – Московское общество испытателей природы
НИС – Новгородский исторический сборник
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости

ОИПК – Отдел истории первобытной культуры
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТИЭ – Труды Института этнографии Академии наук СССР
ЧКМ – Череповецкий краеведческий музей
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЯКМ – Ярославский краеведческий музей
АА – Acta Archaeologica
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua
FM – Finskt Museum
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Археологические памятники XI—XIII вв. в восточном Прионежье и их изучение	6
Археологические исследования до 1970-х годов	7
Археологические исследования 1970—1980-х годов	9
Информативные возможности материала и проблематика работы	12
Глава вторая	
Погребальный обряд	17
Погребальный обряд грунтовых могильников	17
Происхождение бескурганного обряда восточного Прионежья	29
Курганный обряд	32
Глава третья	
Предметы вооружения и хозяйственно-бытовой инвентарь . .	47
Предметы вооружения и орудия труда	47
Бытовой инвентарь	53
Керамика	57
Глава четвертая	
Украшения и металлические детали одежды. Женский убор .	66
Украшения и металлические детали одежды	66
Женский убор восточного Прионежья	83
Глава пятая	
Хронология могильников	95
Глава шестая	
Колонизация восточного Прионежья в XI—XIII вв.	111
Система расселения и экономическая основа колонизации . .	111
Кемский некрополь и проблема государственного контроля над водно-волоковыми путями Севера	119
Этнокультурные процессы в восточном Прионежье	125
Приложение. Описание погребений	138
Таблицы	180
Список сокращений	214